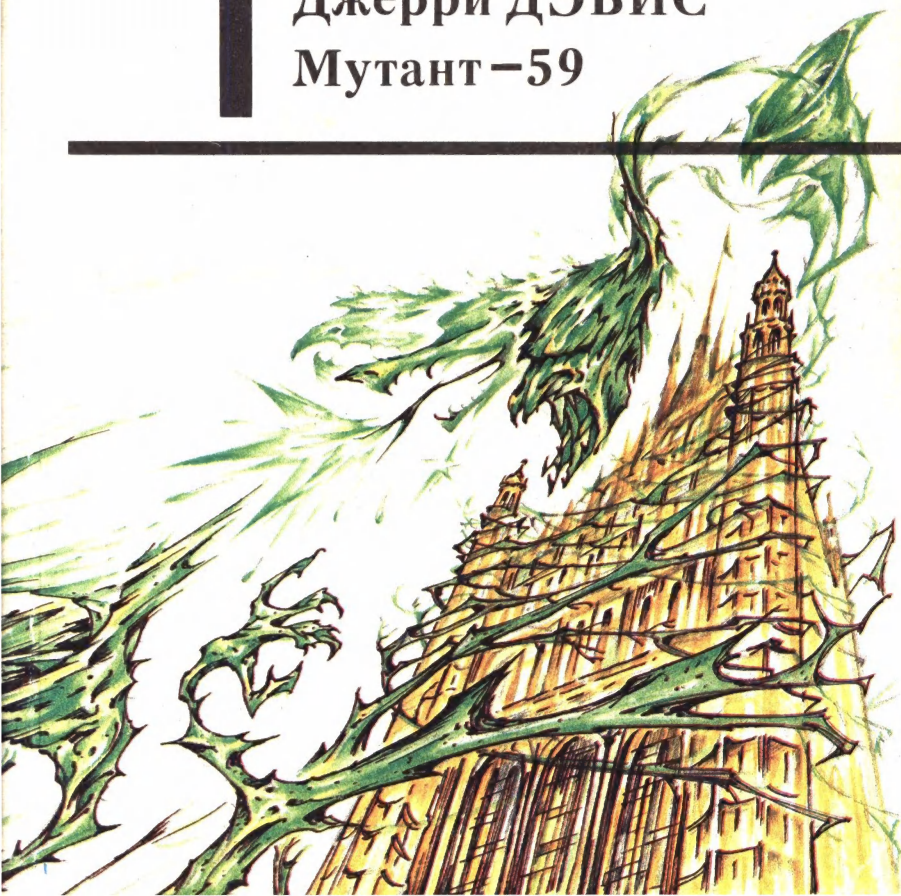

Мир приключений

Джон УИНДЕМ
День триффидов

Кит ПЕДЛЕР
Джерри ДЭВИС
Мутант — 59

Мир приключений

Джон УИНДЕМ
День триффидов

Кит ПЕДЛЕР
Джерри ДЭВИС

Мутант-59

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ

МОСКВА · ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1991

84. 4 Вл
У 37

Перевод с английского

Послесловие

В. Ревича

Иллюстрации

В. Роганова

У $\frac{4703000000-2275}{080(02)-91} 2275-91$

ISBN 5-253-00189-1

© Издательство «Правда», 1991.
Составление. Послесловие.
Иллюстрации.

Джон УИНДЕМ
День триффидов

Английский писатель
и журналист
XX века

1. Начало конца

Если день начинается воскресной тишиной, а вы точно знаете, что сегодня среда, значит, что-то неладно.

Я ощутил это, едва проснувшись. Правда, когда мысль моя заработала более четко, я засомневался. В конце концов не исключалось, что неладное происходит со мной, а не с остальным миром, хотя я не понимал, что же именно. Я недоверчиво выжидал. Вскоре я получил первое объективное свидетельство: далекие часы пробили, как мне показалось, восемь. Я продолжал вслушиваться напряженно и с подозрением. Громко и решительно ударили другие часы. Теперь уже сомнений не было, они размеренно отбили восемь ударов. Тогда я понял, что дело плохо.

Я прозевал конец света, того самого света, который я так хорошо знал на протяжении тридцати лет; прозевал по чистой случайности, как и другие уцелевшие, если на то пошло. Так уж повелось, что в больницах всегда полно людей, и закон вероятности сделал меня одним из них примерно неделю назад. Легко могло получиться, что я попал бы в больницу и две недели назад; тогда я не писал бы этих строк — меня вообще не было бы в живых. Но игрою случая я не только оказался в больнице именно в те дни, но притом еще мои глаза, да и вся голова, были плотно забинтованы, и кто бы там ни управлял этими «вероятностями», мне остается лишь благодарить его.

Впрочем, в то утро я испытывал только раздражение, пытаюсь понять, что за чертовщина происходит в мире, потому что за время своего пребывания в этой больнице я успел усвоить, что после сестры-хозяйки часы здесь пользуются самым большим авторитетом.

Без часов больница бы просто развалилась. Каждую секунду по часам справлялись, кто когда родился, кто ког-

да ум^{ер}, кому принимать лекарства, кому принимать еду, когда зажигать свет, когда разговаривать, когда работать, спать, отдыхать, принимать посетителей, одеваться, умываться — в частности, часы предписывали, чтобы меня начинали умывать и приводить в порядок точно в три минуты восьмого. Это было одной из главных причин, по которым я предпочел отдельную палату. В общих палатах эта канитель начиналась зачем-то на целый час раньше. Но вот сегодня часы разных степеней точности уже отбивали по всей больнице восемь, и тем не менее ко мне никто не шел.

Я терпеть не могу обтирания губкой; процедура эта представлялась мне совершенно бессмысленной, поскольку проще было бы водить меня в ванную, однако теперь, когда губка так запаздывала, мне стало не по себе. Помимо всего прочего, губка обыкновенно предшествовала завтраку, а я чувствовал голод.

Вероятно, такое положение огорчило бы меня в любое утро, но сегодня, в эту среду восьмого мая, должно было произойти особенно важное для меня событие, и я вдвойне жаждал поскорее разделаться со всеми процедурами: в этот день с моих глаз собирались снять бинты. Я не без труда нащупал кнопку звонка и задал им трезвону на целых пять секунд, просто так, чтобы дать им понять, что я о них думаю.

В ожидании возмездия, которое неминуемо должна была повлечь за собой такая выходка, я продолжал прислушиваться.

И тогда я осознал, что тишина за стенами моей палаты гораздо более странная, нежели мне казалось вначале. Это была более глубокая тишина, чем даже по воскресеньям, и мне снова и снова пришлось убеждать себя в том, что сегодня именно среда, что бы там ни случилось.

Я никогда не был в состоянии объяснить себе, почему учредители госпиталя Св. Меррина решили воздвигнуть это заведение на перекрестке больших улиц в деловом квартале и тем самым обрекли пациентов на вечные терзания. Правда, для тех счастливцев, чьи недуги не усугублялись ревом и громом уличного движения, это обстоятельство имело те преимущества, что они, даже оставаясь в постелях, не утрачивали, так сказать, связи с потоком жизни. Вот громыхают на запад автобусы, торопясь проскочить под зеленый свет; вот пороссячий визг тормозов и залповая

пальба глушителей удостоверяют, что многим проскочить не удалось. Затем стадо машин, дожидавшихся на перекрестке, с ревом и рыканьем устремляется вверх по улице. Время от времени имеет место интерлюдия: раздается громкий скрежещущий удар, вслед за которым на улице образуется пробка — ситуация, в высшей степени радующая человека в моем положении, когда он способен судить о масштабах происшествия исключительно по обилию вызванной этим происшествием ругани. Разумеется, ни днем, ни ночью у пациента Св. Меррина не было никаких шансов вообразить себе, будто обычная жизнь прекратила течение свое потому только, что он, пациент, временно выбыл из игры.

Но этим утром все изменилось. Необъяснимо и потому тревожно изменилось. Не громыхали колеса, не ревели автобусы, не слышно было ни одного автомобиля. Ни тормозов, ни сигналов, ни даже стука подков — на улицах еще время от времени очень редко появлялись лошади. И не было слышно множественного топота людей, обычно спешащих в это время на работу.

Чем дольше я вслушивался, тем более странным все представлялось и тем меньше мне нравилось. Мне кажется, я слушал минут десять. За это время до меня пять раз донеслись неверные шаркающие шаги, трижды я услышал вдали нечленораздельные вопли и один раз истерический женский плач. Не ворковали голуби, не чирикали воробьи. Ничего, только гудел в проводах ветер...

У меня появилось скверное ощущение пустоты. Это было то самое чувство, которое охватывало меня в детстве, если я начинал фантазировать, будто по темным углам спальни прячутся призраки; тогда я не смел выставить ногу из страха, что кто-то протянется из-под кровати и ухватит меня за лодыжку; не смел даже протянуть руку к выключателю, чтобы кто-то не прыгнул на меня, едва я пошевелюсь. Теперь мне снова пришлось бороться с этим ощущением, как я боролся с ним когда-то ребенком в темной спальне. Просто поразительно, какие мы еще дети, когда дело доходит до испытаний такого рода. Оказывается, древние страхи все время шагали рядом со мной, выжидая удобного момента, и вот этот момент наступил — и все потому только, что мои глаза закрыты бинтами и прекратилось уличное движение...

Я взял себя в руки и попробовал рассуждать логически. Почему прекращается уличное движение? Обычно потому,

что улицу перекрывают для ремонтных работ. Все очень просто. В любой момент на сцене могут появиться пневматические молотки, которые внесут разнообразие в слуховые впечатления многострадальных пациентов.

Но у логики есть один недостаток: она не останавливается на полпути. Она немедленно подсказала мне, что шума уличного движения нет даже вдали, что не слышно ни гудков электричек, ни сирен буксиров. Не слышно было решительно ничего, пока часы не начали отбивать четверть девятого.

Искушение посмотреть — бросить всего-навсего один взгляд краешком глаза, не больше, просто составить какое-то представление о том, что же, черт побери, происходит, — было огромно. Но я обуздал его. Во-первых, легко сказать: бросить один взгляд. Для этого мне пришлось бы не просто приподнять повязку, а размотать множество прокладок и бинтов. Но, что самое важное, я боялся. После недели полной слепоты не вдруг наберешься храбрости шутить шутки со своим зрением. Правда, снять с меня бинты было решено именно сегодня, но это собирались сделать при специальном сумеречном свете, причем мне разрешили бы остаться без бинтов лишь в том случае, если бы обследование показало, что с глазами у меня все в порядке. Я не знал, в порядке ли мои глаза. Могло оказаться, что мое зрение испорчено. Или что я вообще ослеп. Я ничего не знал...

Я выругался и снова нажал на кнопку звонка. Это доставило мне некоторое облегчение.

Никто, по-видимому, звонками не интересовался. Во мне поднималось раздражение, такое же сильное, как тревога. Унизительно, конечно, пребывать от кого-то в зависимости, но куда более скверно, когда зависеть не от кого. Терпение мое истощилось. Необходимо что-то предпринять, решил я.

Если я заору в коридор и вообще начну скандалить, то кто-нибудь обязательно явится — хотя бы для того, чтобы обругать меня. Я отбросил простыню и вылез из кровати. Я ни разу не видел своей палаты, и хотя на слух я довольно точно представлял себе, где находится дверь, найти ее оказалось вовсе не просто. Несколько непонятных и ненужных препятствий встретились мне на пути, я ушиб палец на ноге и ободрал голень, но мне удалось пройти через палату. Я высунул голову в коридор.

— Эй! — закричал я. — Дайте мне завтрак! В палату сорок восемь!

Секунду стояла тишина. Затем послышался рев голосов, вопивших одновременно. Казалось, их были сотни, и нельзя было различить ни единого слова. Как будто я включил запись шума толпы, причем толпы, настроенной очень воинственно. У меня мелькнула дикая мысль, что, может быть, меня, пока я спал, переправили в дом умалишенных, что здесь не госпиталь Св. Меррина. Эти голоса просто не могли принадлежать нормальным людям. Я торопливо захлопнул дверь, чтобы оградить себя от этого столпотворения, и ошупью вернулся на кровать. В тот момент кровать представлялась мне единственным безопасным и спокойным местом во всем жутком мире. И словно в подтверждение этого, в палату ворвался новый звук, и я замер с простыней в руках. С улицы донесся вопль, дикий и отчаянный, от которого кровь застыла у меня в жилах. Он повторился трижды, и когда он затих, мне все еще казалось, что он звенит в воздухе.

Я содрогнулся. Я чувствовал, как щекочут мой лоб под бинтами струйки пота. Теперь я знал, что происходит нечто страшное. И я не в силах был больше выносить одиночество и беспомощность. Я должен был знать, что вокруг меня происходит. Я поднял руки к бинтам — мои пальцы коснулись булавок, и тут я остановился...

Что, если лечение было неудачным? Что, если я сниму бинты и окажется, что я слепой? Тогда будет еще хуже, во сто крат хуже...

Я уронил руки и лег на спину. Я злился на себя и на больницу, и я произнес несколько глупых беспомощных ругательств.

Вероятно, прошло некоторое время, прежде чем я вновь обрел способность рассуждать последовательно. Я вдруг осознал, что снова ищу возможные объяснения происходящему. Объяснений я не нашел. Зато я окончательно убедился, что сегодня среда, какая бы там чертовщина ни происходила. Ибо вчерашний день был весьма примечателен, а я мог поклясться, что после него прошла всего одна ночь.

В хрониках вы прочтете, что во вторник седьмого мая Земля в своем движении по орбите прошла через облако кометных осколков. Вы можете даже поверить в это, если вам угодно, ведь поверили же миллионы людей. Возможно, так оно и было в самом деле. Я не могу привести доказательства ни за, ни против. Я не был в состоянии

увидеть, что происходило; но у меня есть на этот счет кое-какие мысли. По-настоящему я знаю только то, что я провел вечер в кровати, выслушивая свидетельства очевидцев о небесном явлении, которое было провозглашено самым поразительным в истории человечества.

Между прочим, пока оно не началось, никто ни слова не слышал о предполагаемой комете или об ее осколках...

Не знаю, для чего понадобился радиорепортаж об этом, когда и так все, кто мог ходить, ковылять на костылях и передвигаться на носилках, были под открытым небом или возле окон, наслаждаясь зрелищем самого грандиозного из даровых фейерверков. Тем не менее радиокomentатор болтал, не умолкая, и это с особенной силой заставило меня прочувствовать, как это тяжело — быть слепым. Я решил, что, если лечение окажется неудачным, я лучше покончу с собой.

Днем в выпусках новостей сообщалось, что предшествующей ночью в небе над Калифорнией наблюдались какие-то яркие зеленые вспышки. В Калифорнии обычно происходит столько всякой всячины, что вряд ли кто-нибудь принял это сообщение всерьез, однако сообщения продолжали поступать, возникла версия о кометных осколках, и эта версия восторжествовала.

Из всех районов Тихого океана приходили описания ночи, озаренной блеском зеленых метеоров. В описаниях говорилось:

*«Метеоры падают такими обильными потоками,
что кажется, будто само небо
крутится вокруг нас».*

Да так оно и должно было быть, наверное.

По мере того как линия ночи передвигалась к западу, яркость зрелища отнюдь не ослабевала. Отдельные зеленые вспышки стали видны еще до наступления темноты. Диктор, комментировавший это явление в шестичасовом выпуске вечерних новостей, заметил, что оно создает помехи радиоприему на коротких волнах, но что на средние волны, на которых ведется настоящая передача, и на телевидение оно влияния не оказывает. Он назвал это явление потрясающей картиной и настоятельно советовал не упустить случая полюбоваться ею. Он мог бы не затруднять себя советами. По тому, как взбудоражены были все в больнице, я мог судить, что случая полюбоваться потрясающей картиной не упустит никто, кроме меня.

И словно мне мало было болтовни диктора, просвещать меня сочла своим долгом также и нянечка, которая принесла мне ужин.

— Небо просто кишит падучими звездами,— сказала она.— Все они зеленые и яркие. От них лица такие страшные, как у мертвецов. Все на улицах, там сейчас светло, как днем, только что цвет другой. Иногда падают такие большие звезды, что глазам больно. Волшебное зрелище. Говорят, раньше никогда такого не было. А жалко, что вам нельзя этого видеть, правда?

— Правда,— сказал я несколько резко.

— Мы во всех палатах подняли шторы, все больные смотрят,— продолжала она.— Если бы не эти бинты, вы все увидели бы прямо отсюда.

— О,— сказал я.

— А на улице видно еще лучше. В парках и в Хите, говорят, собрались тысячи людей, стоят и глядят. И на всех плоских крышах тоже люди, все смотрят вверх...

— Не слышали, сколько это будет продолжаться? — терпеливо спросил я.

— Нет, не слышала. Говорят, правда, что сейчас они уже не такие яркие, как в других местах. Только знаете что? Даже если бы вам сегодня сняли эти бинты, смотреть все равно не разрешили бы. Глаза сначала надо будет беречь, а некоторые звезды такие яркие. Они... У-ух!

— Что — ух? — спросил я.

— Какая сейчас была яркая, вся палата сделалась зеленой. Право, так жалко, что вам нельзя этого видеть.

— Действительно,— согласился я.— А теперь, милочка, ступайте отсюда.

Я попробовал слушать радио, но оно издавало все те же «ухи» и «ахи» попеременно с пошлыми благоглупостями о «величественном зрелище» и «уникальном явлении», и так было, пока у меня не появилось ощущение, будто для всего мира дается бал, на который не пригласили только меня одного.

Выбора у меня не было, так как в больнице радио передавало только одну программу: хочешь — слушай, хочешь — нет. Через некоторое время я стал догадываться, что спектакль пошел на убыль. Диктор посоветовал всем, кто еще не видел, немедленно пойти и увидеть, чтобы не жалеть потом всю жизнь.

Основная идея состояла, видимо, в том, чтобы убедить меня, что я упустил ту самую возможность, ради которой

родился на свет. В конце концов мне это надоело, и я выключил радио. Последнее, что я слышал, было сообщение о том, что зрелище быстро идет к концу и что мы, вероятно, через час-другой выйдем из зоны обломков.

Все это происходило вчера вечером, в этом не было никакого сомнения. Прежде всего, случись это раньше, я был бы куда более голоден, чем сейчас. Ладно, но что же тогда все это значит? Неужели вся больница, весь город праздновали эту ночь так, что до сих пор не могут очухаться?

Тут рассуждения мои были прерваны хором часов, близких и далеких, которые начали отбивать девять.

В третий раз я принялся терзать звонок. И пока я лежал в ожидании, мне послышалось, будто за дверью кто-то возится. Это было что-то вроде всхлипываний, шуршаний и шарканий, время от времени заглушаемых отдаленными криками.

Но в палату ко мне никто не вошел.

К этому времени мне было уже совсем плохо. Жуткие детские фантазии вновь овладели мною. Я напряженно ждал, что вот-вот откроется невидимая дверь и чудовищные призраки обступят меня. Я не был даже уверен, что кто-то или что-то не находится уже здесь, рядом, и не крадется неслышным шагом через палату...

Не могу сказать, что я вообще подвержен подобным штукам. Во всем были виноваты проклятые бинты у меня на глазах и страшные крики в коридоре, отозвавшиеся на мой зов. Но мною овладели призраки, а когда призраки овладевают человеком, сладить с ними уже трудно. Их уже не прогонишь веселым свистом или мурлыканьем песенки себе под нос.

Передо мной, наконец, в упор встал вопрос: что для меня страшнее — рискнуть зрением и снять бинты или оставаться во мраке со своими призраками?

Не знаю, что бы я сделал, случись это двумя днями раньше, — возможно, то же самое, — но в этот день я по крайней мере мог сказать себе:

— Ладно, провались оно все, обратимся к здравому смыслу. Ведь бинты все равно должны были снять сегодня. Рискну.

Одно обстоятельство делает мне честь. Я не настолько ополоумел от страха, чтобы сорвать с себя бинты немедленно. У меня достало здравого смысла и присутствия ду-

ха сначала встать с постели и опустить шторы. И только после этого я взялся за булавки.

Когда я снял повязки и обнаружил, что вижу в полутьме, я ощутил такое облегчение, какого не знал никогда раньше. Затем, убедившись, что ни злоумышленников, ни привидений нет ни под кроватью, ни вообще в палате, я первым делом подтащил к двери кресло и подпер им дверную ручку. После этого я почувствовал себя более уверенно. Я заставил себя привыкать к дневному свету постепенно, и на это у меня ушел целый час. К исходу этого часа я точно знал, что благодаря своевременной первой помощи и умелому лечению глаза мои видят так же хорошо, как прежде. Но никто ко мне не приходил.

На нижней полке тумбочки я обнаружил темные очки, заботливо приготовленные для меня. Из осторожности я надел их и только тогда подошел к окну. Нижняя часть его не открывалась, так что поле зрения было ограничено. Засматривая вниз и по сторонам, я увидел на улице двух-трех человек, которые брели вдалеке странной, неуверенной походкой, словно не зная, куда направиться. Но больше всего — и сразу же — меня поразила резкая и отчетливая видимость; даже отдаленные здания за крышами напротив вырисовывались необыкновенно ясно и четко. И тогда я заметил, что в городе не дымит ни одна труба...

Мой костюм был аккуратно повешен в шкафу. Когда я оделся, то почувствовал себя совсем хорошо. В портсигаре оказалось несколько сигарет. Я закурил и понемногу начал видеть мир совсем в ином свете: все казалось мне по-прежнему очень странным, но я уже сам не понимал, как это я поддался панике.

В наши дни не так-то просто вернуться к прежнему взгляду на вещи. Теперь каждый должен уметь рассчитывать во всем на себя. А тогда все было так регламентированно, так переплетено... Каждый столь неукоснительно играл свою маленькую роль, что нетрудно было принять привычку и обычай за закон природы, и когда установленный порядок как-нибудь нарушался, это влекло за собой серьезные последствия.

Если вы прожили половину жизни с определенными представлениями, то изменить их за пять минут невозможно. Оглядываясь назад, на тогдашний мир, я удивляюсь и даже как-то злюсь из-за того, что мы так мало знали и не хотели знать о своей повседневной жизни. Я практически ничего не знал, например, как поступают ко мне про-

дукты питания, откуда берется чистая вода, как ткut и шьют мою одежду, каким образом канализация содержит города в чистоте, и о других обыкновенных вещах. Наша жизнь представляла собой сложное взаимодействие специалистов, которые справлялись со своими обязанностями более или менее эффективно и требовали того же от остальных. Вот почему мне не верилось, что больница дезорганизована полностью. Я был уверен в том, что кто-то где-то продолжает держать ее в руках — только, к сожалению, этот кто-то совершенно забыл о палате сорок восемь.

Тем не менее, когда я все-таки снова подошел к двери и выглянул в коридор, мне пришлось признать, что дезорганизация коснулась не только единственного обитателя сорок восьмой палаты.

В коридоре не было ни души, хотя я слышал в отдалении приглушенный шум голосов. Слышались шаркающие шаги, время от времени в пустоте коридоров отдавалось эхо громкого выкрика, но не было ничего похожего на сумасшедший рев, который так напугал меня. На этот раз кричать я не стал. Я осторожно переступил через порог — почему осторожно? Не знаю. Просто было вокруг что-то настораживающее.

В гулком здании трудно определить, откуда доносятся звуки, но с одной стороны коридор кончался французским окном с матовыми стеклами, на которых лежала тень балконных перил, и я направился в другую сторону. За поворотом секция отдельных палат кончалась, и я очутился в более широком коридоре.

Сначала мне показалось, что в этом коридоре тоже нет никого, а затем, сделав несколько шагов, я заметил человеческую фигуру, выступившую из тени. Это был мужчина в белом халате, наброшенном поверх черной куртки и полосатых брюк. Я решил, что он один из штатных врачей больницы, только непонятно было, почему он так жметя к стене и пробирается словно на ощупь.

— Эй, послушайте, — сказал я

Он мгновенно остановился. Его лицо, обращенное ко мне, было серым и испуганным.

— Вы кто? — спросил он неуверенно.

— Меня зовут Мэйсен, — ответил я. — Уильям Мэйсен. Я здешний пациент — сорок восьмая палата. Я вышел, чтобы узнать, почему...

— Вы зрячий? — быстро прервал он меня

— Разумеется! Я снова превосходно вижу. Вылечили

меня просто чудесно. Только ко мне все не приходили снять бинты, и я сделал это сам. Мне кажется, ничего худого в этом нет. Я взял...

Но он снова прервал меня:

— Пожалуйста, отведите меня в мой кабинет. Мне непременно нужно позвонить.

Я все еще не мог понять, в чем дело. Но этим утром меня сбивало с толку буквально все.

— Где это? — спросил я.

— Пятый этаж, западное крыло. На двери табличка

«Доктор Сомс».

— Ладно, — сказал я с некоторым удивлением. — А где мы находимся сейчас?

Он помотал головой, его лицо напряглось и выразило крайнее раздражение.

— Да откуда мне знать, будь оно все проклято? — резко произнес он. — Глядите глазами, черт подери, вы же зрячий! Вы что, не видите, что я ослеп?

Нет, этого не было заметно. Его глаза были широко раскрыты и смотрели, как мне казалось, прямо на меня.

— Подождите минуту, — сказал я. Я отошел и огляделся. На стене напротив лифта я обнаружил большую цифру «5». Я вернулся и сказал ему об этом.

— Хорошо, — проговорил он. — Возьмите меня за руку. Когда выходишь из лифта, нужно свернуть направо. Затем первый коридор налево, третья дверь.

Я последовал его указаниям. Мы не встретили никого на своем пути. В кабинете я подвел его к столу и вложил ему в руку телефонную трубку. Несколько секунд он слушал. Затем он ощупью поискал на столе, нашел телефон и нетерпеливо постучал по рычагу. Выражение его лица медленно менялось. Раздражение и тревога исчезли. Он выглядел теперь просто усталым, очень усталым. Он положил трубку на стол. Несколько секунд он стоял молча и словно бы глядел прямо перед собой на противоположную стену. Затем он повернулся ко мне.

— Бесполезно, — сказал он. — Не работает. Вы еще здесь?

— Да, — ответил я.

Его пальцы ощупали край стола.

— Куда я обращен лицом? Где это проклятое окно? — спросил он вновь раздраженно.

— Прямо у вас за спиной.

Он повернулся и шагнул к окну, расставив руки. Он осторожно ощупал подоконник и край рамы, затем отступил назад. Прежде чем я понял, что он собирается делать, он с размаху всем телом ударился в стекло и выбросился наружу...

Я не стал смотреть. Все-таки это был пятый этаж.

Придя в себя, я тяжело повалился в кресло. Я взял из пачки на столе сигарету и закурил. Руки у меня тряслись. Так я просидел несколько минут, стараясь подавить дурноту. Вскоре она прошла. Я вышел из кабинета и вернулся туда, где встретился с ним. Когда я добрался до этого места, я все еще чувствовал себя не совсем хорошо.

В дальнем конце коридора я заметил дверь в палату. Стеклопакеты были матовые, только на уровне глаз темнели прозрачные овалы. Я подумал, что в палате должна быть дежурная, которой можно сообщить о самоубийстве врача.

Я отворил дверь. В палате было темно. Вероятно, шторы спустили вчера вечером, когда окончился небесный спектакль, да так и не подняли.

— Нянечка! — позвал я.

— Нету ее здесь, — сказал мужской голос. — Ее здесь давно нету, уже несколько часов... Слушай, приятель, подними ты эти проклятые шторы, что мы здесь в темноте валяемся? Ума не приложу, что это нынче стряслось с этой проклятушкой больницей...

Я поднял шторы на ближайшем окне, и в палату ворвался столб яркого солнечного света. Это была хирургическая палата, в ней находилось около двадцати лежащих больных. Большинство были с повреждениями ног, некоторые, кажется, с ампутированными конечностями.

— Ну что ты там возишься, приятель? — произнес тот же голос. — Поднимай же их.

Я повернулся и взглянул на говорившего. Это был смуглый дородный мужчина с обветренным лицом. Он сидел на постели лицом ко мне и к солнечному свету. Глаза его смотрели прямо на меня, и глаза его соседа, и глаза остальных...

Несколько секунд я молча глядел на них. Мне нужно было справиться с собой. Затем я сказал:

— Я... они... там что-то заело. Пойду поищу кого-нибудь, чтобы исправили.

С этими словами я вылетел из палаты.

Меня трясло, и мне хотелось глотнуть чего-нибудь крепкого. Я начинал понимать. Но поверить, что все, все до одного в этой палате ослепли, как тот врач, было невозможно. И тем не менее...

Лифт не работал, и я стал спускаться по лестнице. Этажом ниже я взял себя в руки и, набравшись смелости, заглянул в другую палату. Постели там были разбросаны. Сперва мне показалось, что палата пуста, но это было не так... не совсем так. На полу лежали двое в ночном белье. Один был весь в крови, у другого был такой вид, словно его хватил удар. Оба были мертвы. Остальные ушли.

Вернувшись на лестницу, я понял, что большая часть отдаленных голосов, которые я слышал все время, доносилась снизу; теперь они стали ближе и громче. Мгновение я колебался, но ничего другого мне не оставалось, как продолжать спускаться.

На следующем повороте я едва не упал, споткнувшись о тело, лежавшее поперек дороги. Ниже, на лестничной площадке, лежал еще один человек, который, видимо, тоже споткнулся, но не удержался на ногах и раскроил себе череп о каменные ступени.

В конце концов я добрался до последнего поворота, откуда мне открылся вестибюль. Вероятно, все, кто был способен передвигаться, инстинктивно бросились сюда — либо в надежде найти помощь, либо чтобы выбраться на улицу. Возможно, некоторые сумели выйти. Одна из парадных дверей была распахнута настежь, но большинство больных не могло найти ее. Это была плотная толпа мужчин и женщин, почти все в больничном ночном белье, медленно и беспомощно кружившаяся на месте. Тех, кто был на краю толпы, это движение безжалостно прижимало к мраморным углам и лепным украшениям. То один, то другой человек спотыкался, и если толпа позволяла ему упасть, то шансов подняться у него уже не было.

Все это было похоже... Вы видели картины Доре, изображающие грешников в аду? Но Доре не мог изобразить звуков: рыдания, стоны, вопли отчаяния.

Больше минуты или двух я выдержать не мог. Я бросился назад, вверх по лестнице.

Мне казалось, что я должен чем-нибудь помочь им. Может быть, вывести их на улицу. Во всяком случае, прекратить это чудовищное медленное движение по кругу. Но довольно было одного взгляда, чтобы понять, что мне не

удалось бы пробраться к выходу и тем более повести их за собой. А если бы и удалось, что дальше?

Я сел на ступеньку и некоторое время сидел, сжимая голову руками, и ужасные крики и стоны все стояли у меня в ушах. Тогда я отправился на поиски и нашел другой путь. Это была узкая служебная лестница, которая вывела меня во двор через черный ход.

Возможно, эта часть рассказа не совсем удалась мне. Все было так неожиданно и так потрясло меня, что какое-то время я сознательно старался не вспоминать подробности. А тогда у меня было такое чувство, будто это кошмар, от которого я отчаянно, но тщетно пытаюсь пробудиться. Выходя во двор, я все еще не решался поверить в то, что видел.

Но в одном-то я был уверен совершенно. Реальность или кошмар, а мне хотелось выпить, как никогда в жизни.

В переулке за воротами не было ни души, однако почти напротив оказался кабачок. Я и сейчас помню, как он назывался: «Герой Аламейна». На железных крючьях над приоткрытой дверью висела вывеска с очень похожим изображением виконта Монтгомери.

Я ринулся прямо туда.

Когда я вошел в общий бар, меня на миг охватило покойное ощущение обыденности. Бар был прозаичен и знаком, как все бары.

Но хотя в этом помещении не было никого, что-то, несомненно, происходило в задней комнате. Я услышал тяжелое дыхание. Хлопнула пробка. Пауза. Затем голос произнес:

— Джин, будь он неладен! К черту!

Зазвенело разбитое стекло. Послышался сдавленный смешок.

— Зеркало, кажись. На что теперь зеркала?

Хлопнула другая пробка.

— Опять проклятый джин, — обиженно сказал голос. — К черту джин!

На этот раз бутылка угодила во что-то мягкое, стукнулась об пол и покатилась, с бульканьем разливая содержимое.

— Эй! — позвал я. — Я бы хотел выпить.

Наступила тишина. Затем голос осторожно осведомился:

— Это кто там?

— Я из больницы. Я хотел бы выпить.

— Что-то не припоминаю вашего голоса. Вы зрячий?

— Да,— ответил я.

— Тогда лезьте через бар, доктор, ради бога, и найдите мне бутылку виски.

— В таких делах я доктор, это верно,— сказал я.

Я перелез через бар и вошел в заднюю комнату. Там стоял пузатый краснолицый человек с седыми моржовыми усами, одетый в брюки и сорочку без воротничка. Он был изрядно пьян. Кажется, он раздумывал, открывать ли бутылку, которую он держал в руке, или запустить ею мне в голову.

— А ежели вы не доктор, то кто вы? — спросил он подозрительно.

— Я был пациентом... но выпить я хочу, как любой доктор,— ответил я и добавил: — У вас опять джин.

— Опять! Вот сволочь,— сказал он и отшвырнул бутылку. Она с веселым звоном вылетела в окно.

— Дайте-ка мне штопор,— сказал я.

Я взял с полки бутылку виски, откупорил ее и вручил ему вместе со стаканом. Себе я налил порцию крепкого бренди, долив немного содовой, затем еще одну порцию. После этого дрожь в моих руках несколько унялась.

Я взглянул на своего собутыльника. Он пил виски, не разбавляя, прямо из горлышка.

— Вы напьетесь,— сказал я.

Он остановился и повернул ко мне голову. Я мог бы поклясться, что его глаза видят меня.

— Напьюсь, сказали тоже! — произнес он презрительно. — Да я уже пьян, черт подери!

Он был настолько прав, что я не стал спорить. Секунду подумав, он объявил:

— Я должен стать еще пьянее. Гораздо пьянее. — Он придвинулся ко мне. — Знаете что? Я ослеп. Слепой, понимаете? Как летучая мышь. И все слепые, как летучие мыши. Кроме вас. Почему вы не слепой, как летучая мышь?

— Не знаю,— сказал я.

— Это все проклятая комета, разрази ее... Это она все наделала. Зеленые падающие звезды... и все теперь слепые, как мыши. Вы видели зеленые звезды?

— Нет,— признался я.

— В том-то и дело. Вы их не видели и потому не ослепли. Все другие их видели,— он выразительно помотал рукой,— и все ослепли, как мыши. Сволочная комета, вот что я скажу.

Я налил себе третью порцию бренди. Мне стало казаться, что в его словах что-то есть.

— Все ослепли? — повторил я.

— Ну да! Все. Наверное, все в мире. Кроме вас, — добавил он, подумав.

— Почему вы знаете?

— Да очень просто. Вы вот прислушайтесь, — предложил он.

Мы стояли рядом, опершись на бар в темном кабаке, и слушали. Ничего не было слышно — ничего, кроме шороха грязной газеты, которую ветер гнал по пустой улице. И эта тишина включала в себя все, что было здесь забыто тысячу лет назад, а то и больше.

— Поняли? — сказал он. — Это само собой ясно.

— Да, — сказал я медленно. — Да. Теперь я понимаю.

Я решил, что пора идти. Я не знал, куда. Но мне нужно было узнать как можно больше о том, что происходит.

— Вы здесь хозяин? — спросил я.

— Ну и что из этого? — сказал он, словно оправдываясь.

— Да ничего, просто я должен уплатить за три двойных бренди.

— А... плюньте вы.

— Но послушайте...

— Плюньте, вам говорят. И знаете почему? Потому что на кой дьявол мертвецу деньги? А я ведь мертвец... все равно что мертвец. Вот только выпью немного еще.

Для своих лет он выглядел весьма крепким мужчиной, и я сказал ему об этом.

— Зачем жить, если ты слепой, как мышь? — злобно отозвался он. — Моя жена так мне и сказала. И она была права... только она храбрее, чем я. Когда она узнала, что детишки тоже ослепли, она что сделала? Легла с ними в постель и открыла газ. Понятно? Только у меня духу не хватило с ними остаться. Жена у меня была храбрая, не то что я. Ничего, я тоже стану смелее. Я скоро вернусь к ним — вот только напьюсь как следует.

Что я мог ему сказать? Все, что я говорил, только злило его. В конце концов он ощупью нашел лестницу и скрылся наверху с бутылкой в руке. Я не пытался ни остановить его, ни следовать за ним. Я стоял и смотрел, как он уходит. Я вышел на безмолвную улицу.

2. Появление триффидов

Это рассказ о событиях моей личной жизни. В нем упоминается огромное количество вещей, исчезнувших навсегда, и я не могу вести его иначе, чем употребляя слова, которыми мы имели обыкновение обозначать эти исчезнувшие вещи, так что они должны остаться в рассказе. А чтобы была понята общая обстановка, мне придется вернуться к более давним временам, чем день, с которого я начал.

Когда я был ребенком, наша семья — отец, мать и я — жила в южном пригороде Лондона. У нас был маленький дом, который отец содержал ежедневным добросовестным высиживанием за конторкой в департаменте государственных сборов, и маленький сад, в котором отец работал еще более добросовестно каждое лето. Мало что отличало нас от десяти или двенадцати миллионов других людей, населявших тогда Лондон и его окрестности.

Отец был одним из тех виртуозов, которые способны в один миг получить сумму целой колонки чисел — даже в тогдашних нелепых денежных единицах, — и потому, вполне естественно, по его мнению, меня ждала карьера бухгалтера. В результате моя неспособность дважды получить одинаковую сумму одних и тех же слагаемых представлялась отцу явлением загадочным и досадным. И мои преподаватели, пытавшиеся доказать мне, что ответы в математике получаются логически, а не путем некоего мистического вдохновения, один за другим отступались от меня в уверенности, что я не способен к вычислениям. Отец, читая мои школьные табеля, мрачнел, хотя во всех других отношениях, кроме математики, табеля выглядели вполне прилично. Думаю, его мысль следовала таким путем: нет способности к числам — нет понятия о финансах — нет денег.

— Право, не знаю, что с тобой будет. Что бы ты сам хотел делать? — спрашивал он.

И лет до тринадцати или четырнадцати я, сознавая полную свою никчемность, уныло качал головой и признавался, что не знаю.

Тогда отец тоже качал головой.

Для него мир резко делился на людей за конторками, занимавшихся умственной работой, и людей без конторок,

умственной работой не занимавшихся и потому неумытых. Как он ухитрился сохранить такие воззрения, которые успели устареть за целый век до него, я не знаю, но они насквозь пропитали годы моего детства, и я только много позже осознал, что неумение обращаться с числами совсем не обязательно обрекает меня на жизнь дворника или судомойки. Мне в голову не приходило, что карьеру мне может обеспечить предмет, который интересовал меня больше всего, а отец тоже либо не замечал, либо не обращал внимания на то, что мои отметки по биологии всегда были хорошими.

По-настоящему эта проблема была решена для нас появлением триффидов. Но триффиды сделали для меня гораздо больше. Они обеспечили меня профессией и дали возможность жить в достатке. Правда, несколько раз они едва не отняли у меня жизнь. С другой стороны, надо признаться, что они и сохранили ее, ибо именно ожог триффидом уложил меня на больничную койку, где я провел трагический «вечер кометных осколков».

В книгах содержится множество досужих рассуждений относительно внезапного появления триффидов. Большинство этих рассуждений — сплошной бред. Разумеется, триффиды не возникли самопроизвольно, как полагают некоторые простые души. Вряд ли справедлива и гипотеза, рассматривающая появление триффидов как некую разновидность пришествия — этакое знамение, предупреждающее о том, что грядет нечто худшее, если буйный мир не исправится и не станет вести себя прилично. И не из космоса попали к нам их семена в качестве образцов ужасающих форм жизни, населяющей иные, менее благополучные планеты. Я, во всяком случае, отлично знаю, что это не так.

Я узнал о них больше, чем кто бы то ни было, потому что триффиды стали моей специальностью, и фирма, в которой я служил, была тесно, хотя и не совсем честно, связана с их появлением в нашем мире. Тем не менее их истинное происхождение остается неясным. Мое собственное мнение, чего бы оно ни стоило, состоит в том, что триффиды появились в результате серии биологических экспериментов и, по всей вероятности, совершенно случайно. Те, кто знал их истинную генеалогию, не опубликовали ни одного авторитетного документа. Причиной этому было, несомненно, странное политическое положение в ту эпоху.

Мир, в котором мы тогда жили, был просторен, и большая его часть была открыта для любого из нас. Его опутывали шоссе, железные дороги и океанские линии, готовые перенести нас за тысячи миль в целости и сохранности. Если нам хотелось путешествовать быстрее и мы могли себе это позволить, мы путешествовали на самолетах. В те дни ни у кого не было нужды таскать с собой оружие и вообще принимать какие-либо меры предосторожности. Вы могли просто встать и отправиться куда вам угодно, и ничто не могло помешать вам, если не считать множества всяких анкет и правил. Сейчас этот одомашненный мир представляется утопией. Тем не менее таким он был.

Молодым людям, которые не знают его, трудно, должно быть, вообразить все это. Наверное, то время представляется им золотым веком, хотя оно далеко не было таковым. Иные могут решить, что подобный благоустроенный мир был скучен, и это тоже не так. Наша планета была довольно занятым местом — по крайней мере для биолога. С каждым годом мы понемногу отодвигали границу произрастания пищевых растений все дальше на север. Там, где всегда были тундры и пустоши, появлялись и давали обильные урожаи новые поля. Возвращались к жизни и покрывались зеленью древние пустыни. Дело в том, что пища была тогда самой нашей насущной проблемой и процесс восстановления посевных площадей и движение границ произрастания культурных растений вызывал у нас не меньше волнений, нежели движение военных фронтов у предыдущего поколения.

Это смещение интереса с мечей на орала было, вне сомнения, социальным прогрессом, но в то же время ошибались оптимисты, когда утверждали, что оно свидетельствует об изменении человеческой природы. Человеческая натура оставалась прежней — девяносто пять процентов людей жаждали жить в мире, а остальные пять процентов только ждали случая заварить какую-нибудь кашу. Затишье продолжалось лишь потому, что такого случая не представлялось.

Одним из факторов, которые удерживали милитаристские пять процентов от безобразных выходов, были искусственные спутники. Интенсивные исследования в области ракетной техники дали, наконец, результаты. Были запущены первые исследовательские спутники. Прошло какое-то время, и на орбитах появились боевые спутники, спутники-бомбы. Было очень неприятно сознавать, что над вашей

головой крутятся в неизвестных количествах ужасные средства истребления, крутятся и крутятся себе спокойно, пока кто-то не нажмет кнопку. Еще неприятнее было сознавать, что сделать здесь ничего нельзя. Тем не менее жизнь должна была идти своим чередом, волей-неволей приходилось свыкаться с этой идеей, а новизна, как известно, живет очень недолго. Время от времени появлялись сообщения о том, что, кроме спутников с ядерными боеголовками, над нашими головами носятся спутники, начиненные гербицидами, эпизоотиками, радиоактивной пылью, инфекционными болезнями — новенькими, с иголки, только что из лабораторий. Трудно сказать, действительно ли существовало это ненадежное и по сути своей предназначенное для истребления без разбора оружие. Но надо иметь в виду, что границы человеческой глупости — особенно глупости, вызванной давящим страхом, — определить трудно. И не исключено поэтому, что в каких-нибудь генеральных штабах набор вирусов, очень неустойчивых и делающихся безвредными уже через несколько дней, мог считаться стратегическим оружием. В конце концов страны заключили между собой молчаливое соглашение ничего не отрицать и не подтверждать относительно боевых спутников, и постепенно общественное мнение переключалось на не менее важную, но менее острую проблему нехватки продовольствия.

Именно в это время на исторической арене появился Умберто Кристофоро Палангес. Впрочем, его появление прошло совершенно незамеченным, и вряд ли те, кто не знал его лично, когда-либо догадывались о его существовании. Я, например, узнал о нем лишь годы спустя, когда уже работал в компании.

Умберто был латиноамериканцем. Его роль в мировом производстве продуктов питания началась с того момента, когда он вошел в контору «Арктической и Европейской Компании Рыбных Жиров» и показал там бутылку с бледно-розовым маслом.

В «Арктической и Европейской» не проявили никакого энтузиазма. Дела ее шли не совсем хорошо. Тем не менее со временем они все же удосужились подвергнуть оставленный образец анализу.

Прежде всего обнаружилось, что масло это не является рыбьим жиром: это было растительное масло неизвестного происхождения. Вторым откровением явилось то обстоятельство, что в сравнении с этим маслом лучшие рыбы

жиры казались дрянной машинной смазкой. Встревожившись, сотрудники «Арктической и Европейской» отправили остаток образца на более тщательное исследование и одновременно разослали торопливые запросы с целью выяснить, не появлялся ли мистер Палангец где-либо еще.

Когда Умберто пришел опять, директор-управляющий принял его с очень лестной обходительностью.

— Какое замечательное масло принесли вы нам, мистер Палангец, — сказал он.

Умберто наклонил черную лоснящуюся голову. Он и сам прекрасно знал это.

— Ничего подобного я в жизни не видел, — признался директор.

Умберто снова наклонил голову.

— Да, вы не видели, — вежливо сказал он. Затем, как бы после раздумья, он добавил: — Но это ничего, сеньор, я думаю, вы еще увидите. И в очень больших количествах. — Он опять подумал. — Оно появится на рынке, я думаю, лет через семь-восемь. — Он улыбнулся.

Директору это показалось невозможным. Он честно сказал:

— Оно лучше, чем наши рыбьи жиры.

— Мне так и говорили, сеньор, — согласился Умберто.

— Вы собираетесь торговать им сами, мистер Палангец?

Умберто снова улыбнулся.

— Разве тогда я показал бы его вам?

— Мы могли бы улучшить один из наших жиров синтетически, — заметил директор задумчиво.

— При помощи некоторых витаминов... но синтез витаминов обойдется слишком дорого, даже если бы вы умели это, — тихо сказал Умберто. — Кроме того, — добавил он, — мне говорили, что это масло все равно с легкостью вытеснит ваши лучшие жиры.

— Гм, — сказал директор. — Ну хорошо, мистер Палангец. Полагаю, вы пришли к нам с предложением. Может быть, мы перейдем прямо к нему?

Умберто объяснил:

— Избавиться от этого затруднения можно двояко. Обычный путь — это предотвратить его или по крайней мере оттянуть до тех пор, пока не оправдает себя капитал, вложенный в существующее оборудование. Это, разумеется, наиболее приемлемый путь.

Директор кивнул. Он-то знал о таких вещах.

— Однако на этот раз я должен вам посочувствовать, потому что, видите ли, это невозможно.

Директор усомнился. Ему хотелось сказать: «Вы так думаете?» Но он подавил это желание и ограничился уклончивым: «О?»

— Другой путь,— продолжал Умберто,— это производить товар самому, пока не стряслось несчастье.

— А! — сказал директор.

— Я полагаю,— сказал Умберто,— мне кажется, я смог бы доставить вам семена этого растения, скажем, через шесть месяцев. Если бы вам пришлось выращивать это растение, вы смогли бы начать производство масла через пять лет или, возможно, полный урожай получился бы через шесть.

— Действительно, как раз вовремя,— заметил директор.

Умберто кивнул.

— Первый путь значительно проще,— сказал директор.

— Если бы он был осуществим,— согласился Умберто.— Но, к сожалению, ваш конкурент для вас недоступен или, скажем, он несокрушим.

Он произнес это утверждение с такой уверенностью, что директор в течение нескольких секунд внимательно глядел на него.

— Понятно,— сказал он наконец.— Хотелось бы знать... э-э... Вы не из Советского Союза, мистер Палангец?

— Нет,— сказал Умберто.— Как правило, я жил в странах западного мира. Но у меня есть различные связи...

Здесь уместно вспомнить, что русские прославились гигантскими работами по обводнению пустынь и степей и по созданию плодородных районов в своей северной тундре. Значительных успехов добилась и их биология, причем в этой области они, конечно, как и все другие государства, имели свои секреты.

— Подсолнечники,— сказал директор рассеянно, как бы размышляя вслух.— Мне случайно известно, что они там сумели увеличить выход подсолнечного масла. Но ведь это совсем не то.

— Да,— согласился Умберто.— Это совсем не то.

Директор посвистел.

— Семена, вы говорите. Вы хотите сказать, что это

какой-то новый вид? Потому что, если это какой-то улучшенный известный сорт, который легко...

— Мне объяснили, что это новый вид — нечто совершенно новое.

— Значит, своими глазами вы его не видели? Может быть, это действительно какая-нибудь модифицированная разновидность подсолнечника?

— Я видел фотографию, сеньор. Я не говорю, что там нет ничего от подсолнечника. Я не говорю, что там нет ничего от турнепса. Я не говорю, что там нет ничего от крапивы или даже от орхидей. Но я утверждаю вот что. Если все они приходят к этому растению папашами, то эти папаша не узнали бы своего ребенка. И уж, во всяком случае, они не стали бы им гордиться.

— Понятно. А теперь скажите, какую сумму вы рассчитываете получить от нас за семена этой штуки?

Умберто назвал сумму, которая сразу заставила директора перестать посвистывать. Она заставила директора снять очки и пристально уставиться на собеседника. Умберто это не смутило.

— Судите сами, сеньор, — сказал он, постукивая пальцами о пальцы. — Это трудно. И это опасно, очень опасно. Я не трус, но опасности не доставляют мне удовольствия. Есть еще один человек. Я должен буду увезти его с собой, и ему нужно хорошо заплатить. Там будут и другие, которым тоже нужно заплатить. Кроме того, мне придется купить самолет — реактивный самолет, очень быстрый. Все это стоит дорого. И я говорю вам: это не просто. Вам нужны хорошие семена. Большая часть семян этого растения невсхожа. Чтобы действовать наверняка, я должен буду доставить вам отсортированные семена, очень ценные... Да, это будет не просто.

— Я верю вам. Но все-таки...

— Неужели я прошу так уж много, сеньор? А что вы запоете через несколько лет, когда это масло появится на мировом рынке и ваша фирма разорится?

— Все это надо тщательно продумать, мистер Палангс.

— Ну, разумеется, сеньор! — согласился Умберто с улыбкой. — Я могу подождать немного. Но боюсь, что уменьшить сумму я не смогу.

Сумму он не уменьшил.

Открыватель и изобретатель — это бич для бизнеса. Палки в колеса по сравнению с ними — ничто, вы просто

меняете сломанные спицы и катите дальше. Но появление нового процесса, нового вещества, когда ваше производство отлично налажено и работает как часовой механизм, — это сам дьявол во плоти. Иногда даже хуже, чем дьявол. Тогда уже хороши все средства. Слишком многое поставлено на карту. И если вы не в состоянии действовать легально, вам приходится искать другие пути.

Ведь Умберто еще недооценил опасность. Дело было не только в том, что конкуренция нового дешевого масла вытеснила бы с рынка «Арктическую и Европейскую» и ее коллег. Эта реакция пошла бы вширь. Жестокий, хотя, возможно, и не смертельный, удар получило бы производство арахисового масла, оливкового масла и китового жира. Более того, это самым разрушительным образом отразилось бы на зависимых отраслях, производящих маргарин, мыло и сотни других товаров, начиная с косметических кремов и кончая масляными красками. И когда наиболее влиятельные из заинтересованных лиц осознали серьезность угрозы, условия Умберто стали казаться едва ли не скромными.

С ним заключили соглашение: очень уж убедительно выглядел образец масла, хотя все остальное и представлялось несколько туманным.

Фактически все обошлось «Арктической и Европейской» гораздо дешевле, чем она соглашалась заплатить, потому что Умберто исчез со своим самолетом, и больше его никогда не видели.

Никто никогда не узнает, что случилось с самим Умберто. Я думаю, что где-то в стратосфере над Тихим океаном его атаковали самолеты, пустившиеся за ним в погоню. Вероятно, он узнал об этом только тогда, когда снаряды с русских истребителей стали рваться у него в кабине.

И я думаю также, что один из этих снарядов вдребезги разбил некий фанерный ящик — тот самый ящик, в котором были упакованы семена.

Может быть, самолет Умберто взорвался, может быть, он просто развалился на куски. Как бы то ни было, я уверен, что когда обломки начали свое долгое-долгое падение в океан, на их месте осталось в небе легкое облачко, похожее на клуб белого пара.

Но это был не пар. Это были семена, такие бесконечно легкие, что они плавали даже в разреженном воздухе. Миллионы опутанных шелковистой паутиной семян триф-

фидов, отданных на волю всех ветров, чтобы лететь туда, куда понесут их эти ветры...

Прошли, наверное, недели, а может быть, и месяцы, прежде чем они, наконец, коснулись земли, многие за тысячи миль от того места, где они начали свой полет.

Повторяю, все это только предположения. Но я не вижу более вероятной причины неожиданного появления этого таинственного растения почти во всех частях света.

* * *

Мое знакомство с триффидами состоялось в детстве. Случилось так, что один из первых триффидов в округе вырос в нашем собственном саду. Он уже изрядно развился, когда мы обратили на него внимание, потому что вместе с множеством других сорняков он пустил корни в укромном месте — в мусорной яме за оградой.

Там он никому не мешал, и ему никто не мешал. Мы просто время от времени смотрели, как он растет, и не трогали его.

Но триффид, конечно, своеобразное растение, и он не мог в конце концов не вызвать у нас некоторого любопытства. Возможно, наше любопытство не было слишком активным, поскольку всегда можно найти нескольких незнакомцев, которым удастся поселиться в заброшенных уголках сада; тем не менее мы нередко говорили друг другу, что этот незнакомец выглядит как-то очень уж странно.

В нынешнее время, когда каждый слишком хорошо знает, как выглядит триффид, трудно восстановить в памяти, какими необычными и в известном смысле иноземными представлялись нам первые триффиды. Насколько я знаю, ни дурных предчувствий, ни тревоги они ни у кого не вызывали. Я полагаю, что большинство людей относилось к ним — если только вообще как-нибудь относилось — примерно так же, как мой отец.

В памяти моей запечатлена картина, как он озадаченно рассматривает наш экземпляр. Триффиду, вероятно, не больше года. Почти во всех деталях это уменьшенная вдвое копия взрослой особи, только он еще не имел названия и никто еще не видел взрослую особь. Отец нагибается, глядя на него через очки в роговой оправе, ощупывает стебель и тихонько пыхтит в желтоватые усы, что делает всегда, погружаясь в задумчивость. Он исследует прямой

ствол и деревянистое основание. Он уделяет особое внимание трем маленьким черенкам, торчащим из основания рядом со стволом, и в этом внимании нет прозрения, одно лишь любопытство. Он разглаживает короткие пучки зеленых кожистых листьев, пропуская их между большим и указательным пальцами, словно осязание может что-то подсказать ему. Затем он заглядывает в диковинное воронкообразное образование на верхушке стебля и по-прежнему пыхтит сквозь усы в нерешительной задумчивости. Я помню, как он в первый раз поднимает меня на руки, чтобы я тоже посмотрел в эту коническую чашечку. На дне ее я вижу туго скрученную, похожую на молодой, свернутый в улитку листок папоротника спираль, которая дюйма на два выступает из липкой массы. Я не притрагиваюсь к ней, но я знаю, что вещество это липкое, потому что в нем медленно барахтаются мухи и другие мелкие насекомые.

Отец не раз однообразно удивлялся, какое это странное растение, и обещал непременно пойти куда-то на днях и узнать, наконец, что оно такое. По-моему, он так никуда и не ходил, а если бы и пошел, то вряд ли узнал бы что-нибудь в то время.

Триффид был тогда высотой более метра. Должно быть, их было много в округе, и они росли себе спокойно и незаметно, и никто не обращал на них особенного внимания — так по крайней мере казалось, потому что если даже биологи и ботаники интересовались ими, публика об этом не знала. И триффид в нашем саду продолжал мирно расти, как и тысячи его собратьев в запущенных уголках по всему белому свету.

Но прошло немного времени, и вот первый триффид вытянул из земли ноги и зашагал.

Такие невероятные способности триффидов, насколько я знаю, впервые обнаружили в Индокитае. Это, между прочим, доказывает, что люди все еще не обращали на триффидов практически никакого внимания. Индокитай был одной из тех областей нашей планеты, где вечно возникали всякого рода неправдоподобные и странные слухи. Эти слухи приобретали популярность, когда в делах наступало затишье, и издателям, чтобы несколько оживить газеты, приходилось прибегать к «духу таинственного Востока». Как бы там ни было, индокитайский случай недолго оставался уникальным. Через несколько недель сообщения о ходячих растениях посыпались с Борнео и Суматры,

из Конго, Колумбии, Бразилии и других стран, расположенных вблизи экватора.

На этот раз они все-таки попали в печать. Однако никто еще не осознавал, что эти созревшие особи имеют что-то общее с почтенной мирной травой на нашей мусорной куче. Осознанию мешало то обстоятельство, что сведения поступали из третьих рук и публиковались с оттенком игривости, которой газеты прикрываются, если речь идет о морских змеях, о редчайших явлениях природы, о телепатии и тому подобном. И только когда появились фотографии, мы сообразили, что наша трава отличается от ходячих экземпляров только размерами.

Кинохроника совершила промах. Возможно, операторы, которые отправились в заморские страны, сумели в награду за беспокойство получить хорошие и интересные кадры, но у продюсеров бытовала теория, будто любая тема продолжительностью более десяти секунд, если это не репортаж о боксерском матче, неминуемо повергает зрителя в скуку. Поэтому то, что впоследствии сыграло такую громадную роль в моей жизни и в жизни множества других людей, я впервые увидел на считанных кадрах, втиснутых между первенством по хулу на Гавайских островах и спуском со стапелей нового линкора. (Это не анахронизм. Линкоры все еще строились; ведь кормиться нужно было и адмиралам.) Мне дали увидеть, как через экран бредут, раскачиваясь, триффиды под аккомпанемент изречений, предположительно соответствующих умственному уровню великого современного кинозрителя.

— А теперь, друзья, получайте, что нашел для вас наш оператор в Эквадоре. Зелень на прогулке! Вам небось такие штуки мерещатся разве что после хорошей попойки, а там, в солнечном Эквадоре, их можно видеть в любое время и безо всякого похмелья! Растения-чудовища на походе! Кстати, у меня идея! Давайте научим нашу картошку бегать прямо к нам в кастрюли. Как тебе это понравится, мамочка?

Короткое время, пока длилась эта сцена, я просидел как замороженный. Вот оно, наше таинственное растение из мусорной ямы, только высотой более двух метров. Я не мог ошибиться... И оно «ходило»!

Основание, которое я увидел тогда целиком впервые, было косматым от множества маленьких волосовидных корешков. Оно было сферической формы, только в нижней его части имелись три тупых, сужающихся к концам выступа.

Опираясь на них, основание возвышалось над уровнем почвы на целый фут.

«Шагая», триффид передвигался примерно так, как человек на костылях. Две тупые «ноги» скользили вперед, задняя «нога» подтягивалась к ним, растение наклонялось, и передние «ноги» снова скользили вперед. При каждом шаге длинный стебель отчаянно мотался — это производило тошнотворное впечатление. Такой способ передвижения выглядел одновременно энергичным и неуклюжим, триффиды в движении смутно напоминали резвящихся молодых слонов. Было такое чувство, что у них вот-вот обдерутся листья или даже сломается стебель. Но при всей своей неказистости они могли «ходить» со скоростью нормального человеческого шага.

Вот примерно все, что я увидел, пока не начался спуск на воду линкора. Немного, но вполне достаточно, чтобы возбудить в мальчишке исследовательский дух. Если эта штукавина может показывать такой фокус в Эквадоре, то почему бы ей не показать такой же у нас в саду? Правда, наша гораздо меньше, но ведь на вид она совершенно такая же...

Через десять минут после возвращения домой я уже окапывал нашего триффиды, осторожно убирая вокруг него землю, чтобы поощрить его к прогулке.

К несчастью, открытие самодвижущихся растений имело один аспект, который операторы не испытали на себе или по каким-то причинам решили скрыть от публики. Во всяком случае, об опасности я не подозревал. Я сидел на корточках, сосредоточив все свое внимание на том, чтобы не повредить корни, когда на меня обрушился чудовищный удар, и я потерял сознание..

Очнулся я в постели; мать, отец и доктор сидели рядом и с тревогой глядели на меня. Голова моя раскалывалась, все тело ныло, и, как я узнал потом, лицо мое украшал пухлый кроваво-красный рубец. Меня настойчиво, но напрасно расспрашивали, как случилось, что я валялся в саду без памяти: я не имел ни малейшего представления о том, чем меня ударило. Лишь позже я выяснил, что я, вероятно, был первым в Англии человеком, которого ужалил триффид. Триффид был, разумеется, незрелый. Но еще прежде чем я полностью оправился, отец узнал, как все произошло, и к тому времени, когда я снова вышел в сад, он уже совершил над триффидом правосудие и сжег обрубки на костре.

Как только ходячие растения стали установленным фактом, пресса оставила прежнюю сдержанность и устроила им настоящую рекламу. Теперь необходимо было подобрать им название. Ботаники уже привычно барахтались в многосложных латинских и греческих словах, создавая производные от *ambulans* и *pseudopodia*, но газеты и публика желали чего-нибудь более простого для произношения и не слишком тяжеловесного для заголовка. Если раскрыть газеты того времени, то можно встретить в них такие названия, как

тришоты	триниты
трикаспы	трипедалы
тригенаты	трипеды
тригоны	трикеты
трилоги	триподы
тридентаты	триппеты,

а также массу других таинственных слов, которые даже не начинаются обычным «три», хотя почти все они так или иначе включают в себя указание на три «ноги» растения.

Шли споры — публичные и частные, в барах и клубах — о терминах, но постепенно в этой филологической мешанине стал брать верх один термин. В своей первичной форме он оказался не совсем приемлемым, но повседневное употребление сократило его долгое «и», а привычка вскоре добавила для уверенности второе «ф». Так возник общепринятый стандартный термин. Короткое запоминающееся название, зародившееся в редакции какой-то газетки как подходящий ярлык для диковинки — ему суждено было впоследствии сделаться словом, неразрывно связанным с представлением о боли, страхе, несчастье: триффид...¹

Первая волна всеобщего интереса скоро спала. Да, действительно, триффиды были немного жутковаты, но в конечном счете именно потому, что они были новинкой. Совершенно так же публика относилась к новинкам прошлых лет — к черным лебедям, гигантским ящерицам, кенгуру. И если на то пошло, разве триффиды более удивительны, чем двоякодышащие рыбы, устрицы, головастики и сотни других живых существ? Летучая мышь, скажем,

¹ От английского «three feet» (три ноги).

это зверек, научившийся летать; отлично, теперь у нас есть растение, научившееся ходить,— и что из этого?

Однако имелись в вопросе о триффидях аспекты, отмахнуться от которых было труднее. Их внезапное появление и тем более их повсеместное распространение представлялись весьма загадочными. Дело в том, что хотя созревали они быстрее всего в тропиках, но сообщения о них поступали отовсюду, кроме полярных районов и пустынь.

Публика была удивлена и несколько шокирована, узнав, что триффиды — плотоядные растения, что мухи и другие насекомые, попавшие в чашечку, самым настоящим образом перевариваются содержащимся в ней липким веществом. В нашем умеренном поясе мы, конечно, тоже знали о существовании крупных насекомоядных растений, но мы не привыкли, чтобы они находились вне специальных парников, и склонны были усматривать в них что-то неприличное или по крайней мере неправильное. Но настоящую тревогу вызвало открытие, что скрученный жгут, увенчивающий стебель триффиды, представляет собой тонкое трехметровое жало, способное с силой выбрасываться наружу и содержащее достаточно яда, чтобы убить человека, если оно ударяет в незащищенную кожу.

Как только эта опасность была оценена по достоинству, последовало торопливое истребление триффидов; их рубили в куски повсюду, пока кого-то не осенило, что для полного обезвреживания триффиды достаточно удалить у него жало. Только тогда это несколько истерическое избиение пошло на убыль, но ряды триффидов к тому времени уже изрядно поредели. Несколько позже появилась мода иметь одного-двух обезвреженных триффидов у себя в саду. Выяснилось, что отрезанное жало восстанавливается только через два года, и ежегодное урезание вполне гарантирует нашим детям безопасную и забавную игрушку.

В умеренном поясе, где человеку удалось ограничить большинство форм жизни (кроме себя самого) более или менее строгими рамками, статус триффидов был, таким образом, определен вполне четко. Но в тропиках, особенно в джунглях, они быстро сделались бичом божьим.

Путнику нелегко обнаружить засаду в кустах и зарослях, и едва он вступал в зону поражения, ему навстречу выхлестывалось ядовитое жало. Даже туземец не всегда мог разглядеть неподвижного триффиды, коварно затаившегося возле лесной тропинки. Они были сверхъестествен-

но чувствительны ко всякому движению по близости от себя, и застать их врасплох было трудно.

Борьба с ними превратилась в тропиках в серьезную проблему. Наилучший способ состоял в том, чтобы отстреливать верхушку стебля вместе с жалом. Туземцы взяли на вооружение длинный легкий шест с кривым ножом на конце; они пользовались им довольно ловко, если успевали нанести удар первыми, но ничего не получалось, когда триффид вдруг наклонялся вперед и неожиданно увеличивал таким образом радиус поражения на метр-полтора. Вскоре, однако, эти копьеобразные приспособления были вытеснены пружинными ружьями разных типов. Как правило, они стреляли вертящимися дисками, вертящимися крестами и маленькими бумерангами из тонкой стали. Точный бой у них не превышал двенадцати метров, однако при попадании они напрочь срезали стебель и с двадцати пяти метров. Изобретение этого оружия вызвало тихую радость как у властей, которым очень не нравилось, что огнестрельное оружие носит кто попало, так и у населения: острые как бритва метательные снаряды были значительно дешевле и легче, нежели патроны, и восхитительно подходили для бесшумной партизанской войны.

Повсюду продолжались интенсивные исследования триффидов, его природы, образа жизни и внутреннего строения. Были проведены серьезные эксперименты с целью установить в интересах науки, как далеко и как долго способен он ходить; есть у него передняя и задняя части или он с одинаковой неуклюжестью может двигаться любой стороной вперед; какую долю времени он проводит, зарывшись корнями в землю; как он реагирует на присутствие в почве различных химических веществ, а также масса всяких иных экспериментов, полезных и бесполезных.

Самый крупный экземпляр, найденный в тропиках, достигал в высоту почти трех метров. Европейские экземпляры не превышали двух метров сорока сантиметров, в среднем же они были двух метров десяти сантиметров. Они, по-видимому, легко приспосабливались в самом широком диапазоне климатов и почв. Естественных врагов у них, видимо, не было, если не считать человека.

Но они обладали еще большим числом довольно очевидных особенностей, которые вначале не были замечены наблюдателями. Прошло, например, много времени, прежде чем обратили внимание на то, что триффиды бьют жалом с невероятной точностью и почти всегда целятся в голову.

Не сразу заметили и то, что они имеют обыкновение оставаться подле своих жертв. Причина стала ясной, когда узнали, что они питаются не только насекомыми, но и мясом. Жалящий жгут не обладал мускульной мощностью, чтобы разрывать плоть, но в нем было достаточно силы, чтобы отделять лоскутья от разложившегося тела и отправлять их в чашечку на стебле.

Не сразу заинтересовались и тремя небольшими голыми черенками у основания стебля. Существовало неясное представление, будто они как-то связаны с системой размножения — той самой системой, куда ботаники обыкновенно зачисляют на первый случай все сомнительные органы, пока они не будут как следует изучены и поняты. Поэтому стали считать, что свойство этих черенков вдруг приходить в движение и выстукивать барабанную дробь о главный стебель является своеобразным проявлением триффидных любовных устремлений.

Я был ужален в детстве, в самом начале эры триффидов. Этот несчастный случай, возможно, стимулировал мой к ним интерес, ибо, кажется, с той поры у меня с ними установилось что-то вроде связи. Я провел — или, с точки зрения моего отца, «потратил» — много времени, зачарованно наблюдая за ними.

Нельзя упрекать отца за то, что он считал это пустым времяпрепровождением. И тем не менее позже оказалось, что время было проведено далеко не худшим образом, потому что как раз перед тем, как я закончил школу, «Арктическая и Европейская Компания Рыбьих Жиров» реорганизовалась, утратив в процессе реорганизации из своего названия слово «рыбьих». Публика узнала, что «Арктическая и Европейская», а также другие подобные фирмы за границей собираются выращивать триффидов в больших масштабах на предмет получения ценных масел и соков и производства питательных кормовых жмыхов. Таким образом, триффиды в одну ночь вошли в царство большого бизнеса.

Я тут же определил свое будущее. Я обратился в «Арктическую и Европейскую», где мои данные позволили мне получить работу в сфере производства. Неудовольствие отца было несколько смягчено размерами зарплаты, весьма хорошей для моего возраста. Но когда я с энтузиазмом заговорил о будущем, он только с сомнением запыхтел в усы.

Он верил лишь в такую работу, которая имела давно установившиеся традиции; впрочем, он мне не препятствовал. «В конце концов,— снисходительно заметил он,—если эта штука кончится пшиком, ты будешь еще достаточно молод, чтобы приняться за что-либо более солидное».

Приниматься за что-либо более солидное мне не пришлось. Пятью годами позже отец и мать погибли при крушении прогулочного аэробуса, но им еще довелось увидеть, как новые фирмы вытеснили с рынков все конкурирующие масла, и те из нас, кто вступил в дело с самого начала, могли, очевидно, считать себя обеспеченными на всю жизнь.

Одним из вступивших с самого начала был Уолтер Лакнор.

Вначале фирма колебалась, брать ли Уолтера. Он мало понимал в агрономии, еще меньше в делах и не имел никакой квалификации для лабораторных работ. С другой стороны, он очень много понимал в триффидях, у него была врожденная сноровка обращаться с ними.

Я не знаю — могу только догадываться, — что случилось с Уолтером в роковой майский день через несколько лет. Очень печально, что он не выжил. Сейчас он был бы незаменим у нас. Я не думаю, что кто-нибудь действительно понимает триффидов или когда-нибудь научится понимать их, но Уолтер был к этому ближе всех. Или вернее будет сказать, что ему была дана способность воспринимать их интуитивно.

Впервые он поразил меня год или два спустя после того, как начался триффидный бизнес.

Солнце садилось. Мы закончили работу и с чувством удовлетворения взирали на три новых поля, засаженных почти созревшими триффидами. В те дни мы еще не содержали их в корралях, как позже. Они были высажены на полях приблизительно прямыми рядами — во всяком случае, прямыми рядами располагались стальные шесты, к которым они были прикреплены цепями, потому что сами растения оставаться в строю не желали. Мы считали, что примерно через месяц можно будет начать надрезать их для получения сока. Вечер был тихий, и только триффиды время от времени нарушали эту тишину, барабани черенками по стеблям. Уолтер смотрел на них, склонив голову. Затем он вынул изо рта трубку.

— Сегодня вечером они что-то разговорчивы, — сказал он.

Я воспринял это, естественно, как метафору.

— Возможно, погода виновата, — предположил я. — Мне кажется, они делают это больше, когда сухо.

Он искоса взглянул на меня, улыбаясь.

— Вы тоже более разговорчивы, когда сухо?

— С какой стати?.. — начал я и остановился. — Не думаете же вы, что они действительно разговаривают, — сказал я, пораженный выражением его лица.

— Почему бы и нет?

— Но это же абсурд. Говорящие растения!

— Большой абсурд, нежели ходячие растения? — спросил он.

Я уставился на них, затем снова на него.

— Мне в голову не приходило... — начал я с сомнением.

— Подумайте об этом немного и понаблюдайте за ними. Мне интересно, к какому вы выводу придете.

Как это ни странно, но за все время, что я имел дело с триффидами, такая возможность никогда не приходила мне в голову. Я думаю, меня гипнотизировала теория любовного призыва. Но когда он подал эту идею, я принял ее сразу и целиком. Я не мог больше отделаться от ощущения, что они, возможно, действительно отстукивают друг другу какие-то тайные послания.

До того вечера я воображал, что наблюдаю триффидов достаточно внимательно, но когда о них заговорил Уолтер, я почувствовал, что не видел практически ничего. А Уолтер, если он был в настроении, мог говорить о них часами, выдвигая теории, которые звучали иногда дико, но никогда не казались невозможными. К тому времени публика уже не смотрела на триффидов, как на каприз природы. Они были забавными уродцами, только и всего; особого интереса они не представляли. Компания же ими интересовалась. Она считала, что их существование является благом для всего человечества и особенно для нее самой. Уолтер не разделял ни мнения публики, ни мнения Компании. Слушая его, я начинал временами мучиться скверными предчувствиями.

Теперь он был совершенно убежден, что они «разговаривают».

— А отсюда следует, — утверждал он, — что где-то в них прячется интеллект. Он не может находиться в мозгу, потому что, как показывают вскрытия, никакого мозга у них нет. Но это не значит, что у них нет какой-то систе-

мы или органа, которые выполняли бы функции мозга. А что-то вроде интеллекта у них, несомненно, имеется. Вы заметили, что когда они нападают, они всегда целят в незащищенную часть тела? Почти всегда в голову, иногда в руки. Или вот еще: если взять статистику жертв, то обращает на себя внимание процент поражения глаз и ослепление. Это весьма примечательно и важно.

— Чем же? — спросил я.

— Тем, что им известно, как вернее всего вывести человека из строя. Другими словами, они знают, что делают. Давайте посмотрим на это вот с какой точки зрения. Положим, что они действительно обладают интеллектом. Тогда у нас перед ними только одно важное преимущество — зрение. Мы видим, они — нет. Отнимите у нас зрение, и наше превосходство исчезнет. Мало того, наше положение станет хуже, чем у них, потому что они приспособлены к слепому существованию, а мы нет.

— Даже если бы это было так, они не могут создавать вещи. Они не могут пользоваться вещами. У них в этом жгущем жгуте очень мало силы, — заметил я.

— Правильно. Но на что нам способность пользоваться вещами, если мы не видим, что нужно делать? И кроме того, они не нуждаются в вещах, как мы. Они могут получать пищу прямо из почвы, могут питаться насекомыми и кусочками сырого мяса. Им ни к чему самый сложный процесс выращивания, распределения и добавок еще обработки продуктов питания. Короче, если бы мне предложили пари: у кого больше шансов выжить — у триффидов или у слепого человека, я бы знал, на кого поставить свои деньги.

— Вы предполагаете равные интеллекты, — сказал я.

— Ничего подобного. Я готов признать, что триффиды обладают интеллектом совершенно иного типа, хотя бы потому, что их потребности гораздо проще. Смотрите, какие сложные процессы мы используем, чтобы получить съедобный продукт из триффидов. А теперь поменяйте нас местами. Что нужно сделать триффиду? Ужалить, подождать несколько дней и приступить к еде, только и всего. Просто и естественно.

В таком духе он мог продолжать часами; слушая его, я постепенно терял представление об истинном соотношении между вещами и обнаруживал вдруг, что думаю о триффидовых, как о своего рода соперниках человечества. Сам Уолтер никогда не притворялся, будто думает иначе.

Он упомянул как-то, что намеревался, собрав необходимый материал, написать об этом книгу, но потом раздумал.

— Раздумали? — спросил я. — Что же помешало вам?

— Вот это все, — он махнул рукой в сторону плантаций. — Теперь это верный источник доходов. Не стоит зря внушать людям беспокойство. Все-таки триффиды у нас под контролем, так что вопрос это чисто академический. Вряд ли имеет смысл поднимать его.

— С вами я никогда ни в чем не уверен, — сказал я. — Я никогда не знаю, насколько вы серьезны и как далеко от фактов уводит вас ваше воображение. Вы серьезно полагаете, что они представляют опасность?

Прежде чем ответить, он пососал трубку.

— Если говорить честно, — признался он, — то я... понимаете, я сам ни в чем не уверен. Но я твердо знаю одно: они могли бы представлять опасность. Я ответил бы вам гораздо более определенно, если бы мне удалось нащупать, о чем они там барабанят. Мне это как-то очень не нравится. Вон они, торчат себе на грядках, и никто не думает о них больше, чем об огурцах, но ведь они половину времени занимаются тем, что трещат и барабанят друг другу. Почему? О чем? Много бы я дал, чтобы узнать это.

Я думаю, что Уолтер редко упоминал о своих идеях кому-либо еще, и я тоже держал их в тайне отчасти потому, что считал себя человеком легковверным, а отчасти потому, что незачем нам было приобретать в фирме репутацию умалишенных.

Примерно год мы работали рука об руку. Но в связи с открытием новых питомников и с необходимостью изучать заграничный опыт я стал много времени проводить в поездках. Уолтер оставил работу в поле и перешел в исследовательскую группу. Его устраивало, что наряду с исследованиями для Компании он мог вести там исследования для себя. Время от времени я заходил повидать его. Он непрерывно экспериментировал с триффидами, но вопреки его надеждам результаты не подтверждали однозначно его главные идеи. Ему удалось доказать — по крайней мере самому себе — наличие у триффидов довольно хорошо развитого интеллекта; впрочем, даже я вынужден был признать, что этот результат показал нечто большее, нежели инстинкт. Он все еще был уверен, что барабанная дробь черенков является формой передачи информации. Для публичного же употребления он указал, что черенки представляют собой какие-то важные органы и что без них

триффид медленно вырождается. Он установил также, что невсхожие семена у триффридов составляют девяносто пять процентов от общего числа.

— И слава богу,— заметил он.— Если бы они прорастали все, на земле скоро не осталось бы места ни для кого, кроме триффридов.

С этим я тоже согласился. В посевной сезон у триффридов было на что посмотреть. Темно-зеленый стручок под чашечкой блестел и надувался до размеров крупного яблока. Когда он взрывался, хлопок был слышен на расстоянии до двадцати метров. Белые семена, словно струя пара, взвивались в воздух, и самый легкий ветерок начинал уносить их прочь. С высоты триффидное поле поздним августом напоминало панораму какой-то беспорядочной бомбардировки.

Уолтеру принадлежало открытие, что качество соков повышается, если у растений не удалять жалающие жгуты. В результате практика урезания жгутов повсеместно прекратилась, и с тех пор при полевых работах нам приходилось носить защитные приспособления.

В день, когда случай уложил меня в госпиталь, я работал вместе с Уолтером. Мы исследовали некоторые экземпляры, у которых обнаружили необычные отклонения от нормы. Оба мы были в сетчатых масках. Я не видел точно, что произошло. Знаю только, что когда я наклонился, жало яростно хлестнуло мне в лицо и шлепнулось о проволоку маски. В девяноста девяти случаях из ста это ничего не значит: маски для того и предназначены. Но на этот раз удар был так силен, что часть крошечных пузырьков с ядом лопнула, и несколько капель брызнуло мне в глаза.

Уолтер отнес меня в свою лабораторию и уже через несколько секунд применил противоядие. Только благодаря этому у врачей оказалась возможность спасти мне зрение. Но и то это означало для меня больше недели на больничной койке в полном мраке.

Пока я лежал в больнице, я твердо решил, что когда — и если — мне вернут зрение, я попрошу перевода на другую работу. Если мою просьбу отклонят, я уйду из фирмы совсем.

У меня выработался значительный иммунитет к триффидному яду еще после первого случая у нас в саду. Я был способен перенести и перенес без особого для себя вреда

удары жалом, которые уложили бы любого неподготовленного человека хладным трупом. Но меня не оставляла мысль о кувшине, который повадился ходить по воде. Я получил последнее предупреждение.

Помнится, я провел во мраке много часов, раздумывая, на какую работу я могу рассчитывать, если мне откажут в переводе.

Принимая во внимание то, что уже ждало нас всех за углом, я едва ли мог найти более праздную тему для размышлений.

3. Ослепший город

Дверь кабака еще раскачивалась позади меня, когда я направился по переулку на угол проспекта. Там я остановился в нерешительности.

Налево, за милями пригородных улиц, лежали поля и луга; направо был лондонский Уэст-энд и за ним Сити. Я уже несколько оправился, но ощущал себя теперь странно обособленным и как-то без руля и без ветрил. У меня не было никакого плана действий, и перед лицом событий, которые я начал, наконец, постигать как гигантскую и всеобъемлющую катастрофу, мне было все еще слишком не по себе, чтобы что-нибудь придумать. Какой план мог бы соответствовать таким событиям? Я чувствовал себя одиноким, заброшенным и вместе с тем временами не совсем настоящим, не совсем самим собою.

Проспект был пуст, единственным признаком жизни были фигуры немногочисленных людей, осторожно нащупывавших путь вдоль витрин магазинов.

Для начала лета день был превосходный. В синем небе, испещренном белыми ватными облачками, сияло солнце. Все небо было чистым и свежим, только на севере грязным пятном вставал из-за крыш столб жирного дыма.

Я простоял в нерешительности несколько минут. Затем я повернул на восток, к центру Лондона.

До сих пор не знаю почему. Может быть, то была инстинктивная тяга к знакомым местам, а возможно — подспудное чувство, что если еще сохранились где-нибудь порядок и организация, так это в том направлении.

После бренди я был голоден, как никогда в жизни, но разрешить проблему питания оказалось не так-то

легко. Казалось бы, вот они, магазины и лавки, без хозяев, без охраны, с витринами, забитыми едой; и вот он я, голодный и с деньгами в кармане; и если бы мне не захотелось платить, можно было бы разбить витрину и взять что угодно бесплатно.

Но убедить себя пойти на это было трудно. Прожив тридцать лет в уважении к праву и в повиновении закону, я еще не был готов признать, что условия изменились совершенно. Кроме того, у меня было такое ощущение, будто, пока я веду себя нормально, мир еще может каким-то непостижимым образом вернуться к нормальному состоянию. Абсурд, разумеется, но у меня было сильнее чувство, что стоит мне швырнуть камень в витрину, как я навсегда окажусь вне прежнего мироустройства: я сделаюсь грабителем, вором, грязным шакалом, терзающим мертвое тело вскормившего меня порядка. Какая дурацкая щепетильность на обломках разгромленной вселенной! И все же мне до сих пор приятно вспомнить, что я не сразу утратил цивилизованный облик, что хоть некоторое время я бродил, глотая слюну среди выставленных яств, и уже устаревшие условия не позволяли мне утолить голод.

Примерно через полмили проблема разрешилась чисто софистическим путем. Поперек тротуара стояло какое-то такси, зарывшись радиатором в витрину кондитерского магазина. Это было уже нечто совсем иное, чем если бы взлом совершил я сам. Я пролез мимо такси и набрал всякой вкусной еды. Но даже тогда во мне говорило что-то от прежних нравственных стандартов: я оставил на прилавке щедрую плату за все, что взял.

Наискосок через улицу был садик. Такие садики разбивают на месте кладбищ при исчезнувших церквях. Старые надмогильные камни сняли и прислонили к кирпичной ограде, на расчищенном пространстве посеяли траву и положили гравийные дорожки. Под свежей листвой деревьев поставили уютные скамейки, и на одной из них я устроился со своим завтраком.

Здесь было пустынно и тихо. Никто сюда больше не входил, только иногда мимо решетчатой калитки пробредала, волоча ноги, одинокая фигура. Я бросил крошки немногим воробьям, первым птицам, которых я увидел в этот день, и почувствовал себя лучше, наблюдая их дерзкое безразличие к катастрофе.

Покончив с едой, я закурил сигарету. Пока я сидел так, раздумывая, что делать дальше, тишина нарушилась

звуками пианино. Играли где-то неподалеку, и девичий голос запел балладу Байрона. Я слушал, запрокинув голову и глядя на узор, образованный нежными молодыми листьями в свежем синем небе. Песня смолкла. Замерли звуки пианино. Затем послышались рыдания. Без страсти: тихие, беспомощные, горькие. Не знаю, кто оплакивал свои надежды, певица или другая женщина. Но у меня больше не было сил слушать. Я встал и тихонько вышел обратно, на улицу, и некоторое время я видел все словно в тумане.

Даже Гайд-парк-Корнер, когда я добрался туда, был почти пустынен. Несколько покинутых легковых и грузовых машин стояли на улицах. Видимо, очень немногие из них потеряли управление на ходу. Один автобус прошел поперек улицы и остановился в Грин-парке; белая лошадь с обломками оглоблей лежала у памятника артиллеристам, о который она раскроила себе череп. Двигались только люди, немного мужчин и еще меньше женщин. Они осторожно нащупывали путь руками и ногами там, где были поручни и ограды, и медленно брели, выставив перед собой руки, по открытым местам. Кроме того, неожиданно для себя я заметил двух-трех котов, видимо вполне зрячих, воспринимавших новые обстоятельства с самообладанием, которое столь свойственно всем котам вообще. Блуждание в этой сверхъестественной тишине приносило им мало пользы: воробьев было мало, а голубей не было совсем.

Меня все еще магнетически влекло к прежнему центру моего мира, и я пошел по направлению к Пикадилли. Там я вдруг услышал неподалеку от себя новый отчетливый звук — равномерное приближающееся постукивание. Я взглянул вдоль Парк-лэйн и понял, в чем дело. Человек, одетый более аккуратно, чем все другие, кого я видел этим утром, торопливо шел в мою сторону, постукивая по стене рядом с собой белой тростью. Услышав мои шаги, он настороженно остановился.

— Все в порядке, — сказал я. — Идите, не бойтесь.

Я почувствовал облегчение при виде его. Это был, так сказать, обыкновенный слепой. Его черные очки не так смущали меня, как широко раскрытые, но бесполезные глаза остальных.

— Тогда стойте на месте, — сказал он. — Бог знает, сколько дураков уже столкнулись со мной сегодня. Что,

черт побери, случилось? Почему так тихо? Я знаю, сейчас не ночь — я чувствую солнце. Что стряслось?

Я рассказал ему все, что знал.

Когда я закончил, он молчал не менее минуты, затем у него вырвался горький смешок.

— Есть в этом одна штука, — сказал он. — Теперь все их проклятое попечительство понадобится им самим.

И он несколько вызывающе расправил плечи.

— Спасибо. Счастливо оставаться, — сказал он и зашагал своей дорогой, держась с преувеличенной независимостью.

Быстрый и отчетливый стук его трости постепенно замер вдали за моей спиной, когда я направлялся вверх по Пикадилли.

Людей здесь было больше, и я пошел по мостовой среди стоявших в беспорядке машин. На мостовой я гораздо меньше смущал людей, нащупывавших дорогу вдоль стен зданий, потому что, заслышав поблизости от себя шаги, они каждый раз останавливались в готовности к возможному столкновению. Такие столкновения происходили на тротуарах непрерывно, и одно из них показалось мне многозначительным. Молодой человек в хорошо сидящем костюме, при галстуке, выбранном явно на ощупь, и молодая женщина с хныкающим ребенком на руках ощупью двигались навстречу друг другу вдоль витрины магазина. Они столкнулись, молодой человек стал осторожно обходить женщину и вдруг остановился.

— Погодите минутку, — сказал он. — Ваш ребенок зрячий?

— Да, — сказала она. — А я вот ослепла.

Молодой человек повернулся. Он упер палец в стекло витрины и сказал:

— А ну, сынок, посмотри, что там такое?

— Я не сынок, — возразил ребенок.

— Ну же, Мэри, скажи джентльмену, — сказала мать укоризненно.

— Там красивые тети, — сказала девочка.

Молодой человек взял женщину за руку и повел ее на ощупь к следующей витрине.

— А здесь что? — спросил он.

— Всякие яблоки, — ответила девочка.

— Отлично! — сказал молодой человек.

Он стащил с ноги туфлю и ударил в стекло каблуком. Он был неопытен, и первый удар не увенчался успехом.

Зато после второго звон разбитого стекла эхом прокатился по улице. Молодой человек снова натянул туфлю, осторожно всунул руку в разбитую витрину и принялся шарить там, пока не нашел пару апельсинов. Один он дал женщине, другой протянул девочке. Затем он опять пошарил, нашел апельсин для себя и принялся его чистить. Женщина стояла в нерешительности.

— Но...— начала она.

— В чем дело? — спросил он. — Вы не любите апельсины?

— Это же неправильно, — сказала она. — Нам не следовало брать их. Не так надо было.

— А как? — спросил он. — Как вы собираетесь добывать еду?

— Я думаю... Ну, я не знаю, — призналась она неохотно.

— Очень хорошо. Вот вам и ответ. Ешьте, а потом мы пойдем и поищем чего-нибудь более сытного.

Она все держала плод в руке, склонив голову, как бы глядя на него.

— Все равно это неправильно, — снова сказала она, но теперь в голосе ее было меньше уверенности.

Потом она опустила ребенка на тротуар и принялась чистить апельсин...

Пикадилли-Сиркус был самым многолюдным местом, какое мне пришлось до сих пор видеть. После пустынных улиц мне показалось, будто он заполнен толпой, хотя там было, наверное, всего не более сотни человек. Большей частью они были в нелепых, самых неподходящих одеждах и беспокойно бродили по кругу, словно еще не совсем пришли в себя. Изредка какое-нибудь столкновение вызывало взрыв ругани и бессильной ярости; слушать это было жутко, потому что эти взрывы порождаются страхом и детской раздражительностью. Но вообще, за единственным исключением, разговоров и шума было немного, словно слепота заперла людей в самих себе.

Разговаривал и шумел только высокий и тощий пожилой человек с копной жестких седых волос, обосновавшийся на одном из «островков безопасности» на проезжей части. Он вдохновенно разглагольствовал о раскаянии, о гневe грядущем, о неприятностях, которые ожидают грешников. Никто не обращал на него внимания: для большинства день гнева уже наступил.

Затем вдалеке слышались звуки, привлёкшие всеобщее внимание,— хор голосов, который становился все громче:

Когда подохну я,
Меня не хороните.
Возьмите мое тело
И в спирте утопите.

Унылый и нестройный, он гудел в пустынных улицах, отдаваясь гнетущим эхом. Люди в Сиркусе поворачивали головы то вправо, то влево, пытаясь определить его направление. Пророк судного дня повысил голос, дабы перекричать соперников. А разноголосый вой приближался:

В ногах и в головах
Поставьте мне бочонок,
Тогда червям могильным
Не жрать моих печенок.

И как аккомпанемент к нему слышалось шарканье многих шагов, старающихся ступить в ногу.

С того места, где я стоял, было видно, как они цепочкой один за другим выползли из бокового переулка на Шафтсбери-авеню и повернули к Сиркусу. Второй в цепочке держался за плечи ведущего, третий — за плечи второго и так далее, человек двадцать пять или тридцать. Песня закончилась, и тогда кто-то затянул «Пиво, пиво, вот славное пиво!» таким высоким голосом, что сейчас же устыдился и смолк.

Они устало и упорно тащились вперед, пока не оказались в центре Сиркуса, и тут ведущий скомандовал:

— Рота-а-а... стой!

У него был уверенный командирский голос. Все в Сиркусе стояли неподвижно, все лица были обращены к нему, каждый старался понять, что происходит. Ведущий снова заговорил, пародируя манеру профессионального гида:

— Итак, джентльмены, мы здесь. Пикавматьего-дили Сиркус. Центр мира. Пуп вселенной. Здесь знатные особы развлекались вином, девками и музыкой.

Он был не слепым, отнюдь. Его глаза смотрели зорко, схватывая все, что происходило вокруг. Должно быть, зрение у него сохранилось так же случайно, как у меня, но он был изрядно пьян, и пьяны были люди, которых он привел.

— Мы тоже будем развлекаться,—прибавил он.— Следующая остановка в знаменитом Кафе Рояль, выпивка за счет заведения.

— Ага... А как насчет девок? — спросил голос, и раздался смех.

— О, девки... Тебе нужны девки? — сказал ведущий.

Он шагнул вперед и поймал за руку какую-то женщину. Она завизжала, но он, не обращая на это внимания, подтащил ее к говорившему.

— Держи, парень. И не говори потом, что я о тебе не забочусь. Это персик, цыпочка... если тебе не все равно.

— Эй, а мне? — сказал другой.

— Тебе? Так, посмотрим. Тебе блондинку или черную?

Позже я понял, что вел себя как дурак. Моя голова все еще была набита условностями и нравственными стандартами, которые утратили смысл. Мне даже в голову не пришло, что у женщины, принятой в эту банду, гораздо больше шансов выжить, чем у предоставленной самой себе. Воспламененный школьной героикой и благородными сантиментами, я ринулся в бой. Он заметил меня, когда я был уже совсем рядом, и я изо всех сил ударил его в челюсть. К несчастью, он чуть-чуть опередил меня...

Когда я вновь обрел способность интересоваться окружающим, оказалось, что я лежу на мостовой. Топот и шарканье банды затихли вдали, и пророк судного дня, восстановив свое красноречие, посылал ей вслед громовые угрозы вечного проклятия, адского пламени и геенны огненной.

Обретя таким путем некоторую долю здравого смысла, я почувствовал облегчение, что так дешево отделался. Если бы на мостовую лег он, мне неминуемо пришлось бы взять на себя ответственность за людей, которые шли за ним. Можно что угодно думать о его методах, но он был глазами этой группы, и к нему они будут обращаться не только за выпивкой, но и за едой. И женщины тоже пойдут к ним добровольно, когда достаточно наголодаются. Я огляделся и подумал, что уже теперь вряд ли какая-нибудь женщина стала бы серьезно возражать против этого. В общем, так или иначе, мне, кажется, удалось счастливо избежать возведения в ранг вожака банды.

Припомнив, что они направились в Кафе Рояль, я решил прийти в себя и освежить голову в отеле Риджент-Палас. Похоже было на то, что кто-то подумал об этом

раньше меня, но нетронутых бутылок там осталось еще достаточно.

Я думаю, именно тогда, удобно расположившись со стаканчиком бренди и сигаретой, я начал, наконец, признавать, что все, что я видел, было реальным и окончательным. Что возврата к прежнему не будет, не будет никогда. Что это конец всему, что я знал...

Возможно, чтобы убедить меня, понадобился тот удар кулаком. Теперь я был лицом к лицу с фактом, что мое существование больше не имело цели. Мой образ жизни, мои планы, стремления, мои надежды — все это сметено вместе с условиями, которые их формировали. Я полагаю, что, если бы я имел родных и близких и у меня было бы кого оплакивать, я чувствовал бы себя в тот момент покинутым. Но то, что еще вчера создавало в моей жизни некоторую пустоту, обернулось теперь для меня удачей. Мать и отец давно умерли, единственная моя попытка жениться кончилась несколько лет назад неблагоприятно, никто во всем мире от меня не зависел. И как это ни странно, я вдруг обнаружил, что испытываю — отчетливо сознавая, что так не должно быть, — чувство облегчения.

Не только под действием бренди возникло это чувство, ибо оно осталось во мне навсегда. Я думаю, оно возникло из ощущения, что мне предстоит нечто совершенно небывалое и новое. Все прежние избитые проблемы, личные и общие, были решены одним могучим потрясением. Только небо тогда знало, какие могут встать новые проблемы, а по всему было видно, что их будет немало, но они будут новыми. Я стал сам себе хозяином и не был больше винтиком в чужой машине. Да, возможно, мир будет полон ужасов и опасностей, которым мне придется противостоять, но я буду действовать по своему разумению, я не буду больше игрушкой сил и интересов, которых я не понимал и не желал понимать.

Нет, это было не только бренди, ибо даже сейчас, годы спустя, я все еще испытываю нечто подобное, хотя не исключено, что бренди несколько упростило тогда для меня положение вещей.

Затем был еще маленький вопрос: что делать дальше, как и где начинать эту новую жизнь? Я, однако, решил пока не слишком беспокоиться об этом. Я допил бренди и вышел из отеля посмотреть, что может предложить мне этот странный мир.

4. Тени прошлого

Чтобы избежать новой встречи с бандой из Кафе Рояль, я направился по боковой улице, ведущей в Сохо, рассчитывая вернуться на Риджент-стрит немного дальше.

Видимо, голод гнал народ из домов. Поэтому или по иной причине кварталы, куда я теперь углубился, были более многолюдны, нежели остальные места, где мне пришлось до сих пор проходить. На тротуарах и в узких переулках происходили непрерывные столкновения, и сумятица усугублялась толкучкой перед разбитыми витринами. Никто из толпившихся, очевидно, не знал, какой перед ним магазин. Одни оставались снаружи и пытались выяснить это, отыскивая на ощупь распознаваемые предметы; другие, рискуя распороть животы о торчащие осколки стекла, предприимчиво лезли внутрь.

Я чувствовал, что надо бы показать этим людям, где найти пищу. Но действительно ли я должен это сделать? Если бы я подвел их к нетронутой продовольственной лавке, началась бы давка, и все было бы кончено в течение пяти минут, и слабейшие были бы раздавлены насмерть. Пройдет какое-то время, продовольствие кончится, и что тогда делать с тысячами, требующими еды? Можно было бы отобрать небольшую группу и неопределенно долго кормить ее — но кого отбирать и от кого отказаться? Как я ни старался, безусловно правильной линии поведения мне придумать не удавалось.

Происходило нечто жестокое и страшное, где не было места рыцарству, где все хватало и никто не давал. Человек, столкнувшись с другим человеком и почувствовав, что тот несет какой-то сверток, вырывал этот сверток в расчете на съестное и отскакивал в сторону, а ограбленный в бешенстве хватал руками воздух или бил кулаками во все стороны. Раз меня едва не сбил с ног пожилой человек, внезапно шарахнувшийся, не разбирая дороги, с тротуара на мостовую; выражение его лица было необычайно хитрое и торжествующее, и он алчно прижимал к груди две банки масляной краски. На углу мне преградила путь толпа, сгрудившаяся вокруг смущенного ребенка. Люди едва не плакали от отчаяния: ребенок был зрячий, но он был слишком мал, чтобы понять, чего от него хотят.

Я начал ощущать беспокойство. С моим цивилизованным порывом помочь всем этим людям сражался инстинкт,

который приказывал держаться в стороне. Люди на глазах теряли обычные сдерживающие начала. Я испытывал также иррациональное чувство вины за то, что был зрячим, тогда как все остальные были слепыми. Это вызывало странное ощущение, будто я скрываюсь от них, разгуливая между ними. Позже я понял, что прав был инстинкт.

Возле Голден-сквера я подумал о том, что пора пробираться обратно на Риджент-стрит, где мостовая шире и идти свободнее. Я уже сворачивал в переулок, который вел туда, когда меня остановил внезапный пронзительный крик. Люди вокруг тоже остановились. Они стояли как вкопанные по всей длине улицы, поворачивая головы так и эдак, полные смятения, пытаюсь догадаться, что происходит. Страх усилил горе и нервное напряжение, и многие женщины расплакались; нервы мужчин были не в лучшем состоянии: их испуг выразился в коротких проклятиях. Несомненно, они все время подсознательно ожидали чего-нибудь зловещего в этом роде. Теперь они ждали, что крик повторится.

Он повторился, болезненный и задыхающийся. Но теперь он не внушал такого страха, потому что к нему были готовы. На этот раз я понял, где кричат. В несколько шагов я был у входа в аллею. Когда я сворачивал за угол, задыхающийся крик раздался снова.

В глубине аллеи, метрах в десяти от входа, корчилась на земле какая-то девушка, а дородный мужчина избивал ее тонким медным прутом. Платье ее было разорвано, на голой спине виднелись красные рубцы. Вблизи я увидел, почему она не убегает: руки у нее были связаны за спиной, и конец веревки был обмотан вокруг левого запястья мужчины.

Я подбежал в тот момент, когда мужчина размахнулся для следующего удара. Было нетрудно выхватить у него прут и с известной силой обрушить этот прут ему на плечи. Он проворно лягнул в мою сторону ногой в тяжелом ботинке, но я быстро увернулся. Радиус его действий был ограничен веревкой, обмотанной вокруг запястья. Пока я искал по карманам нож, он еще раз лягнул воздух. Никуда не попав, он для ровного счета пнул девушку. Затем он выругал ее и потянул за веревку, чтобы поднять ее на ноги. Я торопливо нагнулся и перерезал веревку. Легкий толчок в грудь заставил его попятиться и сделать пол оборота, так что он потерял ориентировку. Освободившейся левой рукой он выдал великолепный косой свинг. По

мне он промахнулся, но угодил кулаком в кирпичную стену. После этого он потерял интерес ко всему, кроме боли в разбитых костяшках. Я помог девушке встать, распутал ее руки и повел по аллее прочь, а он все осквернял руганью воздух позади нас.

Когда мы свернули на улицу, она начала приходить в себя. Она повернула ко мне замурзанное, в потеках слез лицо и взглянула на меня.

— Да вы же зрячий! — сказала она недоверчиво.

— Конечно, — сказал я.

— О, слава богу! Слава богу! Я думала, что я одна осталась такая, — проговорила она и расплакалась.

Я огляделся. В нескольких шагах был кабачок, там гремел граммофон, вдребезги бились стаканы и вообще шла добрая старая жизнь. Несколькими метрами дальше был еще один кабачок, поменьше и еще не тронутый. Хороший удар плечом распахнул перед нами дверь в бар. Я чуть не на руках внес туда девушку и усадил ее в кресло. Затем я сломал другое кресло и заложил дверь, чтобы какие-нибудь непрошенные гости не помешали нам.

Можно было не спешить. Она всхлипывала и пила маленькими глотками. Я предоставил ей время, чтобы взять себя в руки, и вертел ножку бокала, слушая, как граммофон в соседнем кабачке выбулькивает популярную тогда, хотя и мрачноватую, песенку о сердце в холодильнике. В то же время я украдкой разглядывал девушку. Ее платье, вернее то, что от платья осталось, было хорошего качества. Хорош был и голос, приобретенный явно не на сцене и не в киностудии. Она была блондинка, однако далеко не платиновая. Похоже было, что лицо у нее миловидное, если отмыть его от грязи. Она была дюйма на три-четыре ниже меня, телосложения изящного, но не хрупкого. На вид она была сильной, хотя эта сила наверняка употреблялась до сих пор разве что на игры в мяч, на танцы и в лучшем случае на верховую езду. У нее были гладкие, прекрасной формы руки, а длина ногтей, тех, что еще были целы, представлялась скорее декоративной, нежели практичной.

Спиртное постепенно делало свое дело. После первой порции она уже оправилась настолько, что в ней заговорили обычные рефлексy.

— Господи, — сказала она. — Выгляжу я, наверное, ужасно.

Я был единственным человеком, который мог это заметить, но я промолчал.

Она встала и подошла к зеркалу.

— Ужасно,— признала она.— Где здесь?..

— Попробуйте пройти туда,— предложил я.

Она вернулась минут через двадцать. Учтывая, что возможности в ее распоряжении были, вероятно, очень ограничены, поработала она успешно: моральное состояние было восстановлено. Сейчас она больше походила на жертву дурного обращения в представлении кинорежиссера, чем на настоящую жертву.

— Сигарету? — спросил я, протягивая ей через стол вторую укрепляющую порцию.

Пока завершался процесс восстановления сил, мы обменялись рассказами о себе. Сначала рассказал я, чтобы дать ей время собраться с мыслями. После этого она сказала:

— Мне чертовски стыдно за себя. Я ведь вовсе не такая уж размазня, честное слово. На самом деле я могу за себя постоять, хотя вы, может быть, думаете иначе. Но все это оказалось для меня слишком огромным. То, что случилось, уже само по себе скверно, но тут мне пришла в голову одна ужасная мысль, и я ударилась в панику. Понимаете, мне представилось, будто я осталась единственной зрячей во всем мире. Это меня подкосило, я испугалась и потеряла голову, я сломалась, я ревела, как девчонка из викторианской мелодрамы. Никогда, никогда бы не поверила, что могу так раскиснуть.

— Пусть вас это не беспокоит,— сказал я.— Мы наверняка очень скоро узнаем о себе множество удивительных вещей.

— А меня это все-таки беспокоит. Если я потеряла голову в самом начале...— Она замолчала.

— Я в больнице тоже чуть не сошел с ума от страха,— сказал я.— Мы же люди, а не счетные машины.

Ее звали Джозелла Плейтон. Имя показалось мне знакомым, хотя я не мог вспомнить, где оно мне встречалось. Она жила на Дин-род, Сент Джонс-вуд. Это подтверждало мои предположения относительно ее социальной принадлежности. Уединенные комфортабельные дома, большей частью некрасивые и все дорогие. Ее спасение от общей участи было столь же случайным, как и мое, даже, пожалуй, еще более случайным. В понедельник вечером она была на пирушке, и пирушка была, по-видимому, изрядная.

— Я думаю, какой-то болван вообразил, будто будет очень весело, если намешать в спиртное какой-нибудь гадо-сти,— сказала она.— Выпила я очень немного, но никогда не чувствовала себя более скверно.

Вторник запомнился ей как день черных страданий и рекордного похмелья. Около четырех часов дня она решила, что с нее достаточно. Она позвонила горничной и приказала, чтобы никто не смел ее беспокоить, пусть там будет комета, землетрясение или даже страшный суд. Заявив этот ультиматум, она приняла сильнейшую дозу снотворного, которое на пустой желудок подействовало на нее, как нокаут.

После этого она ничего не знала, пока сегодня утром ее не разбудил отец, ввалившийся к ней в комнату.

— Джозелла,— проговорил он,— ради бога, вызови доктора Мэйла. Скажи ему, что я ослеп, начисто ослеп.

Ее поразило, что было уже около девяти. Она торопливо встала и оделась. Слуги не отзывались ни на звонок отца, ни на звонок из ее комнаты. Она пошла разбудить их и, к своему ужасу, обнаружила, что они тоже ослепли.

Телефон не работал, и ей показалось, что самым правильным будет съездить за доктором на машине. Тишина и отсутствие уличного движения сразу бросились ей в глаза, но она проехала почти милю, прежде чем сообразила, что произошло. Когда она осознала это, то в панике чуть не повернула обратно, но возвратиться ни с чем было бы глупо. Возможно, доктору, как и ей самой, удалось избежать этого непонятного бедствия. И поэтому в отчаянной, но уже тающей надежде она продолжала мчаться вперед.

На середине Риджент-стрит мотор стал давать перебой и фыркать; в конце концов он заглох совсем. В спешке она не поглядела на счетчик: бак был пуст.

Мгновение она сидела в нерешительности. Все лица на улице были обращены в ее сторону, но к тому времени она уже знала, что никто из этих людей не видит ее и не в состоянии ей помочь. Она вышла из машины, рассчитывая отыскать где-нибудь поблизости гараж или, если гаража не окажется, пройти оставшуюся часть пути пешком. Когда она захлопнула дверцу, ее позвали:

— Эй, приятель, а ну погоди минутку!

Она обернулась и увидела человека, ощупью направлявшегося к ней.

— Что вам? — спросила она. Вид его ей не понравился. Услышав ее голос, он изменил тон.

— Я заблудился,— сказал он.— Не знаю, где нахожусь.

— Это Риджент-стрит. Сразу позади вас кинотеатр «Нью Гэлери»,— сказала она и повернулась, чтобы уйти.

— Только покажите мне, где здесь обочина, мисс, будьте так добры,— сказал он.

Она заколебалась, и в это время он подошел вплотную. Его протянутая рука пошарила и коснулась ее рукава. Он прыгнул вперед и крепко и больно сжал ее руки в своей ладони.

— Так ты зрячая,— сказал он.— Какого же ты черта зрячая, когда все слепые?

Прежде чем она сообразила, что происходит, он повернул ее, подставил ногу, и она уже лежала на мостовой лицом вниз, а он упирался коленом ей в спину. Сжимая ее кисти одной рукой, он принялся связывать их шнурком, который достал из кармана. Затем он поднялся и снова поставил ее на ноги.

— Все в порядке,— сказал он.— Теперь ты будешь моими глазами. Я голоден. Веди меня, где есть хорошая жратва. Давай пошевеливайся.

Джозелла рванулась от него.

— Не пойду. Немедленно развяжите меня. Я...

Он ударил ее по лицу.

— Хватит болтовни!

И она пошла.

Она пошла и все время искала случая бежать. Он был настороже. Раз ей почти удалось это, но он оказался проворнее. Едва она вывернулась из его рук, как он подставил ногу, и, прежде чем она смогла подняться, он снова держал ее. После этого он нашел прочный шнур и привязал ее к своему запястью.

Сначала она повела его в кафе и поставила перед холодильником. Холодильник не работал, но продукты в нем были еще свежими. Затем они отправились в бар, где он потребовал ирландского виски. Ирландское виски оказалось на верхней полке, куда она не могла дотянуться.

— Развяжите мне руки,— предложила она.

— Ну да, а ты треснешь меня по голове бутылкой. Я уже давно из пеленок, милочка. Нет уж, я лучше выпью шотландского. Где здесь оно?

Он брал в руки бутылку за бутылкой, и она говорила ему, что в них содержится.

— Мне думается, я была просто не в себе,— объяснила она.— Сейчас я вижу полдюжины способов, как можно было перехитрить его. Только разве можно сразу перемениться и стать зверем? Я, во всяком случае, не могу. Вдобавок вначале я все воспринимала неправильно. Мне представлялось, что в наше время такие вещи невозможны и что вот-вот кто-нибудь появится и все поставит на место.

Прежде чем они ушли, в баре разразился скандал. В открытую дверь ввалилась еще одна компания мужчин и женщин. Гангстер неосторожно велел Джозелле сказать им, что содержится в найденной ими бутылке. Они сразу замолчали и обратили в ее сторону незрячие глаза. Послышался шепот, затем двое мужчин осторожно выступили вперед. По их лицам было ясно видно, что они собираются делать. Она рванула веревку и крикнула:

— Берегитесь!

Без малейшего промедления гангстер выбросил вперед ногу в ботинке. Пинок попал в цель. Один из мужчин, вскрикнув от боли, согнулся пополам. Другой бросился вперед, но она отступила в сторону, и он с треском врезался в прилавок.

— Прочь руки от нее! — заревел гангстер. Он угрожающе поводил головой по сторонам.— Она моя, провалиться вам совсем. Ее нашел я!

Было ясно, однако, что те не собираются отступить так просто. Даже если бы они видели опасность в выражении лица гангстера, это вряд ли остановило бы их. Джозелла начала понимать, что дар зрения, хотя бы из вторых рук, был теперь дороже всяких богатств и что с ним не расстанутся без жестокой борьбы. Новоприбывшие стали надвигаться на них, вытянув перед собой руки. Тогда она подцепила носком ножку кресла и опрокинула его у них на пути.

— Пошли! — крикнула она, оттаскивая гангстера назад.

Двое мужчин споткнулись о перевернутое кресло и упали, на них повалилась женщина. Все смешалось, люди барахтались, пытаясь подняться, спотыкались и падали снова. Она потащила гангстера за собой, и они ускользнули на улицу.

Она не знала, почему она так поступила. Возможно, перспектива стать рабой и глазами этой компании показалась ей еще более мрачной, чем положение пленницы

у гангстера. Впрочем, он не стал благодарить ее. Он просто приказал ей найти другой кабачок, пустой.

— Я думаю,— сказала она рассудительно,— что он был не такой уж плохой человек, хотя по его внешности этого не скажешь. Притом он был испуган. В глубине души он трусил гораздо больше, чем я. Он дал мне поесть и немного выпить. А избивать он меня стал потому, что был пьян и я не хотела идти с ним к нему домой. Не знаю, что бы со мной было, если бы не вы. Наверное, рано или поздно я бы убила его.— Она помолчала и добавила: — Но мне ужасно стыдно за себя. Вот до чего может дойти современная молодая женщина, не правда ли? Визжит и разваливается на куски... Черт возьми!

Теперь она выглядела и, наверное, чувствовала себя лучше, хотя и сморщилась от боли, потянувшись к бокалу.

— Что до меня,— сказал я,— то я во всем этом деле вел себя редкостным дураком. Мне просто повезло. Я должен был сделать выводы, когда увидел ту женщину с ребенком на Пикадилли. Только случайно я не влип в такую же историю, что и вы.

— У всех обладателей сокровищами всегда была жизнь, полная опасностей,— задумчиво сказала она.

— Отныне буду иметь это в виду,— сказал я.

— А у меня это отпечаталось в памяти уже навсегда,— заметила она.

Некоторое время мы прислушивались к гаму в соседнем кабачке.

— Что же мы будем делать дальше? — сказал я наконец.

— Я должна вернуться домой. Там мой отец. Очевидно, теперь нет смысла пытаться найти доктора, даже если он остался зрячим.

Она хотела добавить еще что-то, но в нерешительности замолчала.

— Вы не будете возражать, если я пойду с вами? — спросил я.— Мне кажется, что в такое время людям вроде нас с вами не следует бродить в одиночку.

Она с благодарностью взглянула на меня.

— Спасибо вам. Я чуть не попросила вас об этом сама, но подумала, что у вас, может быть, и без меня есть о ком заботиться.

— Никого,— сказал я.— Во всяком случае, в Лондоне.

— Я очень рада. Дело даже не в том, что я боюсь, как бы меня снова не схватили.. теперь я буду очень осторожна.

на. Но, честно говоря, я боюсь одиночества. Я начинаю чувствовать себя такой... такой отрезанной от всех, такой покинутой.

Я стал видеть все в новом свете. Чувство облегчения постепенно вытеснялось растущим осознанием мрака, ожидавшего нас впереди. Сначала было невозможно не испытывать некоторого превосходства над остальными и, как следствие, уверенности. Наши шансы выжить в этой катастрофе были в миллион раз больше, чем у них. Там, где им нужно было шарить, нащупывать и догадываться, нам оставалось просто идти и брать. Но, кроме этого, должно было быть и другое...

Я сказал:

— Интересно, сколько людей сохранили зрение? Я натолкнулся на одного взрослого мужчину, на ребенка и грудного младенца. Вы не встретили ни одного. Мне кажется, нам предстоит убедиться, что зрение сделалось настоящей редкостью. И некоторые ослепшие уже начали понимать, что их единственный шанс на спасение состоит в том, чтобы завладеть зрячим. Когда это поймут все, нам предстоит много неприятного.

Джозелла поднялась с места.

— Мне пора идти,— сказала она.— Бедный отец. Уже пятый час.

На Риджент-стрит меня вдруг осенило.

— Перейдем на ту сторону,— сказал я.— Кажется, где-то там должен быть магазин...

Магазин там был. Мы обзавелись парой ножей в ножнах и ремнями.

— Совсем как пираты,— сказала Джозелла, застегивая на себе ремень.

— По-моему, лучше быть пиратами, чем пиратской добычей,— возразил я.

Пройдя несколько сотен метров, мы наткнулись на огромный сияющий автомобиль. Таким роскошным машинам положено едва слышно мурлыкать, но когда я включил двигатель, нам показалось, будто она взревела громче, чем все уличное движение в каком-нибудь деловом квартале. Мы двинулись на север, выписывая зигзаги возле брошенных машин и бредущих людей, застывавших посреди улицы при нашем приближении. На всем пути лица с надеждой обращались нам навстречу; когда мы проезжали мимо, они разочарованно вытягивались. Мы проехали дом, охваченный пламенем, и где-то в районе Оксфорд-стрит подни-

мались клубы дыма от другого пожара. На Оксфорд-Сиркусе народу было больше, но мы аккуратно пробрались через толпу, миновали здание Би-би-си и выехали на транспортную дорогу в Риджент-парке.

Нам стало легче, когда улицы остались позади и мы оказались на просторе, где не было несчастных людей, бредущих на ощупь неизвестно куда. На полях, заросших травой, мы заметили только две или три небольшие группы триффидов, ковыляющих в южном направлении. Каким-то образом они ухитрились вытянуть из земли колья, к которым были прикованы, и волокли их на цепях за собой. Я вспомнил, что несколько десятков экземпляров содержались в загоне при зоопарке, некоторые на привязи, а большинство просто в двойной ограде, и удивился, как им удалось оттуда выбраться. Джозелла тоже заметила их.

— Для них это, наверное, безразлично, — сказала она.

Остаток пути мы проехали без задержки. Через несколько минут я затормозил возле ее дома. Мы вышли из машины, и я распахнул ворота. Короткая подъездная дорога вела вокруг лужайки с кустарником, скрывавшим фасад дома со стороны шоссе. Едва мы обогнули ее, как Джозелла вскрикнула и побежала вперед. На гравии ничком неподвижно лежал человек. Лицо его было обращено к нам, и в глаза мне сразу же бросилась яркая красная черта на его щеке.

— Стойте! — заорал я.

Вероятно, тревога в моем голосе заставила ее замереть на месте.

Теперь я заметил триффиду. Он затаился в кустарнике поблизости от распростертого тела.

— Назад! Живо! — сказал я.

Она колебалась, не спуская глаз с лежащего.

— Но должна же я... — начала она, оборачиваясь ко мне. Затем она остановилась. Глаза ее расширились, и она завизжала.

Я круто повернулся и увидел перед собой другого триффиду, громозднее всего в нескольких шагах за моей спиной.

Одним машинальным движением я закрыл лицо руками. Я услышал, как свистнуло жало, нацеленное в меня, но не было беспамятства, не было и мучительной жгучей боли. В подобные моменты мысль работает с молниеносной быстротой; тем не менее инстинкт, а не разум бросил меня на триффиду, прежде чем тот ударил вторично. Я столкнулся

с ним, опрокинул и, падая вместе с ним, вцепился обеими руками в верхнюю часть стебля, крутя и выворачивая чашечку с жалом. Стебель триффиды не ломается, зато его можно как следует измочалить. И прежде чем я поднялся на ноги, стебель у этого триффиды был измочален на совесть.

Джозелла стояла на том же месте как пригвожденная.

— Идите сюда,— сказал я.— В кустах позади вас есть еще один.

Она со страхом оглянулась через плечо и подошла.

— Он же ударил вас,— сказала она.— А вы даже не...

— Сам не понимаю, в чем дело,— сказал я.

Я поглядел на поверженного триффиды. Затем я вспомнил про оружие, которым мы запаслись, имея в виду совсем других врагов, вынул нож и отрезал жало у основания.

— Вот оно что,— сказал я, показывая ей пузырьки с ядом.— Глядите, какие они пустые, все сморщились. Если бы они были полны хотя бы наполовину...— Я опустил книзу большой палец.

Это обстоятельство, а также мой благоприобретенный иммунитет к яду спасли меня. Все же на тыльной стороне ладоней появилась поперечная розовая полоса, а шея чесалась дьявольски. Я все время тер ее, пока стоял и рассматривал жало.

— Странно...— пробормотал я скорее себе под нос, чем для нее, но она услышала.

— Что странно?

— Мне никогда не приходилось видеть, чтобы пузырьки с ядом были совершенно пустые, как эти. Он, должно быть, здорово поработал жалом сегодня.

Сомневаюсь, чтобы она слушала меня. Ее внимание было вновь поглощено человеком на подъездной дороге, и она разглядывала триффиды, стоявшего подле него.

— Как бы нам взять его оттуда? — спросила она.

— Ничего не получится, пока там торчит эта штука,— ответил я.— И кроме того... Видите ли, боюсь, ему уже ничем нельзя помочь.

— Вы хотите сказать, что он мертв?

Я кивнул.

— Да. Несомненно. Я видел людей, пораженных жалом. Кто это?

— Старый Пирсон. Он был у нас садовником. И шофером у отца. Такой славный старик... Я всю жизнь знала его.

— Мне, право, очень жаль...— начал я, не зная, какие слова сказать в утешение, но она прервала меня.

— Глядите!.. Глядите, вон там! — Она показывала на тропинку, ведущую за угол дома. Из-за угла была видна нога в черном чулке и женской туфле.

Мы тщательно осмотрелись и затем перешли на другое место, откуда было лучше видно. Девушка в черном платье лежала в цветочной клумбе, вытянув ноги на тропинку. Ее милое, свежее личико было обезображено яркой красной линией. У Джозеллы перехватило дыхание. На глазах выступили слезы.

— О!.. О, это же Анна! Бедная маленькая Анна, — проговорила она.

Я попытался утешить ее.

— Они ничего не почувствовали — ни он, ни она, — сказал я. — Если жало убивает, оно убивает мгновенно.

Триффидов в засаде здесь, видимо, больше не было. Может быть, обоих убил один и тот же. Держась рядом, мы пересекли тропинку и вступили в дом через боковую дверь. Джозелла позвала. Никто не отозвался. Она позвала снова. Мы стояли и вслушивались в мертвую тишину, царившую в доме. Она повернулась и взглянула на меня. Не было сказано ни слова. Она медленно повела меня по коридору к двери, обитой байкой. И едва она приоткрыла дверь, как что-то просвистело в воздухе и шлепнулось о створку и притолоку дюймом выше ее головы. Она торопливо захлопнула дверь и поглядела на меня расширившимися глазами.

— Один там, в зале, — сказала она.

Она произнесла это испуганным полупшепотом, как будто триффид мог подслушать ее.

Мы вернулись к боковой двери и снова вышли в сад. Ступая по траве, чтобы не производить шума, мы направились в обход дома и остановились перед входом в холл. Стеклопанельная дверь была раскрыта настежь, одна из стеклянных панелей была расколота. След из ошметков грязи тянулся через ступеньки и по паркету. Там, где след кончился, посередине комнаты стоял триффид. Верхушка его стебля почти касалась потолка, и он тихонько покачивался на месте. Возле его сырого косматого основания лежал пожилой человек в ярком шелковом халате. Я крепко взял Джозеллу за руку. Я боялся, что она может рвануться в холл.

— Это... ваш отец? — спросил я, хотя и так знал, кто это.

— Да, — сказала она и закрыла лицо руками. Она вся дрожала.

Я стоял неподвижно, не спуская глаз с триффидов на случай, если он двинется в нашу сторону. Затем я подумал о носовом платке и подал ей свой. Сделать ничего было нельзя. Через некоторое время она взяла себя в руки. Вспомнив про ослепших людей, которых мы видели сегодня, я сказал:

— Вы знаете, я бы предпочел, чтобы со мной случилось это, нежели стать, как остальные...

— Да,— отозвалась она после паузы.

Она взглянула на небо. Там была мягкая бездонная синева и плыли облачка, легкие, как перья.

— О да,— повторила она уже более уверенно.— Бедный папа. Он бы не перенес слепоты. Он слишком любил все это...— Она снова заглянула в холл.— Что же нам делать? Я не могу оставить...

В этот момент я уловил в уцелевшей стеклянной панели отражение какого-то движения. Я быстро обернулся и увидел триффидов, который выдрался из кустов и ковылял напрямик через лужайку к нам. Было слышно, как при размахах стебля шуршат его кожистые листья.

Времени терять было нельзя. Я ведь понятия не имел, сколько их могло быть поблизости. Я снова схватил Джозеллу за руку и бегом потащил за собой назад той же дорогой, по которой мы пришли. Когда мы благополучно забрались в автомобиль, она, наконец, разрыдалась по-настоящему.

Ей будет легче, когда она выплачется. Я закурил сигарету и стал обдумывать наш следующий ход. Ей, конечно, не захочется бросить так тело отца. Она пожелает достойно похоронить его, и это означает, что нам придется рыть могилу и сделать все, что полагается в таких случаях. А прежде чем хотя бы попытаться все это сделать, нужно будет найти способ избавиться от триффидов, которые уже там, и отогнать других, которые могут появиться. Короче говоря, я бы с радостью отказался от всего этого, но в конце концов и то сказать: там, в холле, лежал не мой отец...

Чем больше я обдумывал эту новую проблему, тем меньше она мне нравилась. Я понятия не имел, сколько триффидов может быть в Лондоне. По несколько штук содержал каждый парк. Обычно им урезали жала и пускали бродить, где им вздумается; но было много триффидов с нетронутыми жалами, их держали либо на привязи, либо за проволоочной сеткой. Я вспомнил о тех, что ковыляли на юг по Риджент-парку. Интересно, сколько их держали в за-

гоне при зоопарке и сколько вырвалось на свободу? Затем много триффидов было также в частных садах; правда, следовало ожидать, что хозяева урезают их, но кто скажет, как далеко может зайти дурацкая беспечность? И было еще несколько триффидных питомников и еще несколько экспериментальных станций в окрестностях Лондона...

Я сидел и размышлял, и меня не покидало ощущение какого-то смутного движения в глубине памяти, какие-то ассоциации идей, которые никак не могли соединиться. Затем меня осенило. Я словно наяву услышал голос Уолтера:

— Уверю вас, в борьбе за существование триффид оказался бы в гораздо лучшем положении, чем слепой человек.

Конечно, он имел в виду человека, ослепленного триффидным жалом. Но все равно меня так и подбросило. Более того, это меня испугало.

Я стал вспоминать. Нет, это были всего лишь общие соображения, и тем не менее теперь это представлялось чуть ли не сверхъестественным...

— Отнимите у нас зрение,— говорил он,— и наше превосходство исчезнет.

Да, совпадения случались во все времена, только далеко не всегда они бросаются в глаза...

Хруст гравия вернул меня к настоящему. По подъездной дороге к воротам ковылял, раскачиваясь, триффид. Я перегнулся через сиденье и поднял стекло в окне.

— Поезжайте! Поезжайте! — истерически закричала Джозелла.

— Здесь мы в безопасности,— сказал я.— Мне хочется посмотреть, что он станет делать.

В то же время меня осенило, что одна из моих проблем решена. Я настолько привык к триффидам, что совершенно забыл, как большинство людей смотрит на триффидов с неурезанным жалом. Я вдруг понял, что Джозелла больше не заикнется о возвращении в этот дом. Ее взгляд на это чудовище выражался одной простой идеей: держаться от него как можно дальше.

В воротах триффид приостановился. Можно было поклясться, что он прислушивается. Мы сидели тихо и неподвижно. Джозелла смотрела на него с ужасом. Я ожидал, что он хлестнет жалом в автомобиль. Но этого не случилось. Вероятно, наши голоса звучали в закрытой кабине приглушенно, и он решил, что мы находимся вне пределов досягаемости.

Голые черенки коротко простучали по стеблю. Он качнулся, неуклюже перевалился вправо и скрылся на другой подъездной дороге.

Джозелла с облегчением вздохнула.

— О, давайте уедем, пока он не вернулся,— умоляюще проговорила она.

Я включил двигатель, развернул машину, и мы поехали обратно в Лондон.

5. Огонь в ночи

К Джозелле вернулось самообладание. С явным и нарочитым намерением отвлечься от того, что осталось позади, она спросила:

— Куда мы сейчас едем?

— Сначала в Клеркенвел,— ответил я.— Затем мы поищем для вас одежду. За одеждой, если хотите, поедем на Бонд-стрит, но сначала отправимся в Клеркенвел.

— Но почему в Клеркенвел?.. О господи!

Действительно, «о господи!». Мы повернули за угол и оказались на улице, забитой людьми. Они с плачем и криками бежали нам навстречу, вытянув перед собой руки и спотыкаясь. В тот момент, когда мы увидели их, женщина, бежавшая впереди, оступилась и упала; сейчас же о нее споткнулись и повалились бежавшие следом, и она исчезла под грудой барахтающихся тел. А позади толпы мы увидели причину этого панического бегства: над головами охваченных ужасом людей раскачивались три ствола в темных листьях. Я дал газ и круто свернул в боковой переулок.

Джозелла обратила ко мне испуганное лицо.

— Вы... вы видели? Они их погоняли!

— Да,— сказал я.— Поэтому мы и едем в Клеркенвел. Там находится мастерская, которая производит лучшие в мире триффидные ружья и маски.

Проехав несколько кварталов, мы вновь помчались намеченным маршрутом, но вскоре оказалось, что путь далеко не так свободен, как я рассчитывал. На улицах вблизи от Кингз-Кросс-стэйшн народу было гораздо больше. Продвигаться вперед становилось все труднее, хотя я непрерывно сигналил. Наконец перед самой станцией пришлось остановиться. Не знаю, почему там была такая толпа. Можно было подумать, будто все население района со-

шлось туда. Мы не могли пробиться через плотную стену людей, и, оглянувшись, я убедился, что так же безнадежно было бы пытаться проложить путь назад. Толпа уже сомкнулась позади нас.

— Выходите, быстро, — сказал я. — Мне кажется, они хотят взять нас.

— Но... — начала Джозелла.

— Живо! — приказал я.

Я в последний раз дал сигнал и выскользнул из машины вслед за Джозеллой. И как раз вовремя. Какой-то мужчина нащупал ручку задней дверцы. Он распахнул ее и стал шарить внутри. Другие, спешившие к машине, едва не сбили нас с ног. Послышался сердитый крик, когда кто-то отворил переднюю дверцу и обнаружил, что место водителя тоже опустело. К этому времени мы уже благополучно смешались с толпой. Кто-то схватил мужчину, открывшего заднюю дверцу, приняв его за водителя. Началась свалка. Я крепко взял Джозеллу за руку, и мы стали выбираться из толпы, стараясь не привлекать к себе внимания.

Выбравшись, мы некоторое время шли пешком, ища подходящую машину. Примерно через милю мы нашли то, что было нужно: автофургон, показавшийся мне более всего пригодным для плана, который начал смутно формироваться в моем сознании.

Клеркенвел уже два или три века специализировался на производстве точных инструментов. Маленькая мастерская, с которой я время от времени имел дело по долгу службы, приспособила старинное умение к новым нуждам. Я нашел ее без труда; нетрудно оказалось и пробраться внутрь. Когда мы покинули ее, нами владело приятное чувство защищенности: в кузов машины мы уложили несколько штук превосходных триффидных ружей, несколько тысяч маленьких стальных бумерангов к ним и несколько шлемов с масками из проволоочной сетки.

— А что теперь — одежда? — спросила Джозелла, когда мы тронулись.

— Обсуждается предварительный план, открытый для критики и поправок, — объявил я. — Прежде всего предлагается найти какое-нибудь *ried-à-terre*: местечко, где можно привести себя в порядок и обсудить положение.

— Только не кабак, — запротестовала она. — Довольно с меня кабаков на сегодня.

— С меня тоже, — согласился я. — Хотя мои друзья ни-почем не поверили бы мне, особенно если принять во вни-

мание, что все бесплатно. Собственно, я имел в виду какую-нибудь пустую квартиру. Найти такую, должно быть, не очень трудно. Там мы отдохнем и составим вчерне план действий. Кроме того, там было бы удобно устроиться на ночь... а если нынешние чрезвычайные обстоятельства, на наш взгляд, не отменили некоторых условностей, то что же, может быть, нам удастся найти и две квартиры.

— Я думаю, мне будет приятнее сознавать, что кто-то есть рядом со мной.

— И чудесно,— сказал я.— Далее, операция номер два. Обмундирование и снаряжение для леди и джентльменов. Тут нам, пожалуй, лучше разделиться, а разделившись, не забыть, на какой квартире мы остановились.

— Хорошо,— проговорила она с некоторым сомнением в голосе.

— Все будет в порядке,— заверил я ее.— Только возьмите за правило ни с кем не разговаривать, и никто не догадается, что вы зрячая. Вы тогда попали в переделку только потому, что были захвачены врасплох. В стране слепых и кривой — король.

— О да... Это, кажется, из Уэллса, не так ли?.. Только в его рассказе получилось иначе.

— Вся трудность в том, как понимать слово «страна» — в оригинале «*patria*», — заметил я.— «*Caesogum in patria luscus rex imperat omnis*». Первым это сказал некий джентльмен из римской классики, по имени Фуллоний, и больше о нем никто ничего не знает. Но здесь нет больше организованной *patria*, организованного государства. Есть только хаос. Воображаемый народец Уэллса приспособился к слепоте. Здесь же, по-моему, этого не произойдет. Я не вижу, как это могло бы произойти.

— А что же, по-вашему, произойдет?

— Я знаю не больше, чем вы. В свое время мы узнаем, и боюсь, что скоро. Но вернемся лучше к нашим баранам. На чем мы остановились?

— Одежда.

— А, да. Ну, это просто. Нужно забраться в магазин, взять то, что требуется, и выбраться обратно. В центре Лондона триффидов вы не встретите — по крайней мере пока.

— Как легко вы об этом говорите: забраться и взять.

— Чувствую я себя вовсе не легко,— признался я.— Но я не уверен, что это добродетель. Скорее уж привычка. С другой стороны, упрямое нежелание смотреть фактам

в лицо ничего не изменит и ничем нам не поможет. Я думаю, мы должны считать себя не ворами, а всего лишь... ну, скажем, наследниками поневоле.

— Да. Что-то в этом роде,— согласилась она с видом эксперта.

Некоторое время она молчала. Затем она вернулась к первоначальной проблеме.

— А что после одежды? — спросила она.

— Операция номер три,— сказал я,— это, несомненно, обед.

С квартирой, как я и ожидал, все обошлось как нельзя проще. Мы оставили машину на середине улицы в богатом квартале и забрались на третий этаж. Не знаю, почему именно на третий, разве что он представлялся нам как-то менее заметным. Процесс выбора был несложен. Мы звонили или стучали, и если кто-нибудь откликнулся, мы шли дальше. За четвертой дверью нам не ответили. Муфта замка вылетела от одного хорошего толчка плечом, и мы вошли.

Я никогда не принадлежал к людям, которым нравится жить в квартире за две тысячи фунтов в год, однако я обнаружил, что в ее пользу можно сказать очень многое. Интерьер здесь обставляли, как мне кажется, элегантные молодые люди с тем остроумным даром сочетать вкус с передовой модой, который обходится так дорого. Там и тут находились настоящие *derniers cris*, из них некоторым, если бы мир остался прежним, несомненно, предстояло бы стать увлечением завтрашнего дня; другие, по-моему, с самого начала были обречены на забвение. Общий же эффект был такой же, как на выставке-распродаже с ее нетерпимостью к человеческим слабостям: книга, сдвинутая с места на несколько дюймов, книга в переплете неподходящего цвета, безалаберный гость в неподходящем костюме, усевшийся в неподходящее кресло, сразу же нарушили бы здесь тщательно продуманное равновесие и тон. Я повернулся к Джовелле, взирающей на все это широко раскрытыми глазами.

— Ну как, подойдет нам эта хижина или пойдем дальше? — спросил я.

— О, я думаю, нам и здесь будет неплохо,— ответила она. Рука об руку мы ступили на нежно-желтый паркет и начали осмотр.

Я не рассчитывал на это, но трудно было бы найти более удачный способ отвлечь ее мысли от событий дня. Наш

обход сопровождался потоками восклицаний, выражавших восхищение, зависть, удовольствие и, надо признаться, злость. На пороге комнаты, переполненной атрибутами женского снаряжения, Джозелла остановилась.

— Я буду спать здесь,— объявила она.

— Господи! — воскликнул я. Затем я сказал: — Ну что же, о вкусах не спорят.

— Не надо ехидничать. Ведь мне больше никогда, вероятно, не представится случай поблаженствовать. И кроме того, разве вам не известно, что в каждой девушке есть капелька пошлейшей кинозвезды? Вот и пусть это проявится в последний раз.

— Пусть,— сказал я.— Но я все же надеюсь, что здесь где-нибудь найдется местечко поскромнее. Избави меня бог спать в постели под зеркалом на потолке.

— Над ванной тоже есть зеркало,— сообщила она, заглядывая в соседнее помещение.

— Это было бы уже верхом разложения,— заметил я.— Впрочем, вам не придется ею пользоваться. Нет горячей воды.

— Правда, а я и забыла. Вот жалость-то! — разочарованно воскликнула она.

Остальные помещения оказались не такими сенсационными. Когда обход был закончен, Джозелла отправилась добывать одежду. Я еще раз осмотрел квартиру, чтобы выяснить, какими ресурсами мы здесь располагаем и чего у нас нет, а затем тоже двинулся в поход.

Едва я шагнул наружу, как дальше по коридору открылась другая дверь. Я замер на месте. Вышел молодой человек, ведя за руку белокурую девушку. Когда она переступила через порог, он отпустил ее.

— Подожди здесь минутку, родная,— сказал он.

Он сделал несколько шагов по мягкому ковру, скрадывавшему звуки. Его протянутые руки нашли окно в конце коридора. Его пальцы нащупали и отодвинули шпингалет. За окном снаружи я заметил пожарную лестницу.

— Что ты делаешь, Джимми? — спросила девушка.

Он быстро вернулся к ней и снова взял ее за руку.

— Я просто проверил дорогу,— сказал он.— Пойдем, родная.

Она отпрянула.

— Джимми, мне не хочется уходить. У себя дома мы хоть знаем, где находимся. Как мы найдем еду? Как мы будем жить?

— Дома, родная, еду мы и вовсе не найдем... и потому не проживем долго. Пойдем, моя радость. Не бойся.

— Но я боюсь, Джимми. Я боюсь!

Она прижалась к нему, и он обнял ее.

— Все будет хорошо, родная. Пойдем.

— погоди, Джимми, мы идем не туда...

— Ты перепутала, дружок. Мы идем правильно.

— Джимми, мне страшно... Пойдем назад!

— Слишком поздно, родная.

Перед окном он остановился. Одной рукой он очень тщательно ощупал подоконник. Затем он обнял ее и прижал к себе.

— Это было слишком прекрасно и не могло продолжаться долго,— тихо сказал он.— Я люблю тебя, родная моя. Я очень, очень люблю тебя.

Она подняла к нему лицо, и он поцеловал ее в губы.

Повернувшись, он поднял ее на руки и шагнул из окна.

— Ты должен отрастить толстую шкуру,— сказал я себе.— Должен. Иначе останется только пить до бесчувствия. Такие вещи должны происходить сейчас повсюду. Они происходят повсюду. Здесь ничем не поможешь. Положим, ты достал бы им еды, чтобы они продержались еще несколько дней. А дальше? Ты должен научиться смотреть на это и мириться с этим. Ничего другого не остается. Или употребить себя в алкоголе.

Если не драться за свою жизнь, несмотря ни на что, выжить будет невозможно... Уцелеют лишь те, кто сумеет подчинить чувства разуму...

Поиски всего необходимого заняли больше времени, чем я ожидал. Мне удалось вернуться часа через два. Протискиваясь в дверь, я уронил несколько пакетов. Джозелла довольно нервно окликнула меня из своей сверхженственной спальни.

— Это только я,— успокоил я ее, пробираясь по коридору со своим грузом.

Свалив все на кухне, я отправился подобрать упавшие пакеты. Перед ее дверью я остановился.

— Не входите! — предупредила она.

— Да я и не собирался,— возразил я.— Мне только хотелось узнать, умеете ли вы готовить.

— Я умею варить яйца, — отозвался ее приглушенный голос.

— Этого я и опасался. Многому же нам предстоит учиться...

Я вернулся на кухню. Водрузив керосинку на бесполезную электрическую плиту, я принялся за дело.

Когда я закончил накрывать столик в гостиной, результат показался мне вполне удовлетворительным. Чтобы довершить убранство, я поставил наготове подсвечники со свечами. Джозелла все не появлялась, но несколько минут спустя из ванной донесся плеск бегущей воды. Я окликнул ее.

— Сейчас иду, — отозвалась она.

Я подошел к окну и стал смотреть на город. Совершенно сознательно я начал прощаться со всем, что было. Солнце стояло низко. Башни, шпили, фасады из портового камня казались белыми и розовыми на фоне темнеющего неба. Там и тут горели пожары. Облака дыма поднимались черными грязными пятнами, кое-где у их основания мелькали языки пламени. Очень возможно, сказал я себе, что после завтрашнего дня мне не видеть больше ни одного из этих знакомых зданий. Может быть, наступит время, когда кто-нибудь вновь вернется сюда, но все здесь будет совсем по-другому. Над городом порабатуют пожары и непогода, он будет мертв и заброшен. Но сейчас, на расстоянии, он еще может маскироваться под живой город.

Отец как-то рассказывал мне, что перед самой войной с Гитлером он имел обыкновение бродить по Лондону с широко раскрытыми глазами, поражаясь красоте зданий, которую он раньше никогда не замечал... и прощаясь с ними. Сейчас мною владело такое же чувство. Но тут было нечто худшее. В той войне выжило все-таки больше людей, чем кто-нибудь смел надеяться. А теперь был враг, которого люди не могли одолеть. На этот раз человеку угрожали не варварские погромы и злоумышленные поджоги: впереди был просто долгий, медленный, неодолимый процесс разложения и разрушения.

Я стоял и смотрел, и сердце мое все еще отвергало то, что говорил мне разум. Даже тогда я все еще был под властью ощущения, будто все это слишком велико, слишком неестественно, чтобы происходить в действительности. И тем не менее я знал, что такое происходит в истории далеко не впервые. Трупы других великих городов похоронены в пустынях и стерты с лица земли азиатскими джунг-

лями. Некоторые пали так давно, что от них не осталось даже названий. Но для тех, кто там обитал, разрушение представлялось не более вероятным и возможным, нежели представляется мне умирание исполинского современного города...

Должно быть, думал я, это было одним из наиболее упорных и удобных заблуждений человечества: считать, что «у нас это случиться не может», что никаким катаклизмам не подвержено лично мое крошечное время и местечко в мире. Но вот это случилось у нас. Если не произойдет никакого чуда, то я взирал сейчас на начало конца Лондона. Вероятно, были и другие, такие же как я, взиравшие на начало конца Нью-Йорка, Парижа, Сан-Франциско, Буэнос-Айреса, Бомбея и прочих городов, которым отныне предопределено пойти путем тех прежних, что заросли джунглями.

Я все смотрел в окно, когда позади послышался шорох. Я оглянулся и увидел Джозеллу. На ней было длинное красивое платье из бледно-голубого жоржета и белый меховой палантин. На простой цепочке блестели голубоватобелые брильянты; камни, мерцавшие в серьгах, были поменьше, но такой же чистой воды. Ее волосы были так убраны, а лицо сияло такой свежестью, словно она только что вышла из салона красоты. Она шла через комнату, легко ступая ногами в серебряных туфельках и блестящих чулках-паутинках. Я молча таращил на нее глаза, и под моим взглядом исчезала легкая улыбка на ее губах.

— Вам не нравится? — спросила она по-детски обиженно.

— Это чудесно... Вы очаровательны, — отозвался я. — Мне... Ну, я просто не ожидал ничего подобного.

Требовалось что-то еще. Я ведь понимал, что ко мне этот наряд не имеет никакого отношения. Я добавил:

— Вы прощаетесь?

— Значит, вы поняли. Я так надеялась, что вы поймете.

— Думаю, что понял. Я рад, что вы так сделали. Это будет очень приятно вспоминать.

Я протянул ей руку и подвел к окну.

— Я тоже прощался... со всем этим.

Не знаю, о чем она думала, пока мы стояли там плечом к плечу: это ее тайна. Мои же мысли неслись беспорядочно, калейдоскопом картин жизни, которая кончилась навсегда,

или это больше походило на перелистывание огромного фотоальбома с одним всепонимающим «а ты помнишь?».

Мы долго стояли у окна, погруженные в раздумье. Затем она вздохнула. Она оглядела себя, приглаживая пальцами тонкий шелк.

— Это глупо?.. Когда горит Рим...— проговорила она с горестной усмешкой.

— Нет... это славно,— сказал я.— Спасибо вам. Это жест... и напоминание о том, что при всех гадостях в нашем мире было так много красоты. Вы не могли бы сделать... и выглядеть... прекраснее.

Улыбка ее просветлела.

— Спасибо, Билл.— Она помолчала.— Ведь я еще не говорила вам «спасибо»? Нет, не говорила. Если бы вы не выручили меня...

— Если бы не вы,— прервал я ее,— я бы скорее всего валялся сейчас в каком-нибудь кабаке в пьяных слезах и соплях. Я благодарен вам не меньше. Сейчас не такое время, чтобы быть одному.— Затем, чтобы переменить разговор, я добавил: — Кстати, о пьянстве. Вот здесь у нас имеется отличное амонтильядо и кое-что приятное на закуску. Квартира нам попалась на диво удачная.

Я разлил шерри, и мы подняли бокалы.

— За здоровье, силу... и удачу,— сказал я.

Она кивнула. Мы выпили.

Когда мы принялись за превосходный паштет, Джозелла спросила:

— Что, если бы сейчас вдруг вернулся владелец всего этого?

— Мы объяснили бы ему... и он был бы только благодарен за то, что кто-то может сказать ему, где какая бутылка и так далее... Но вряд ли это случится.

— Пожалуй,— согласилась она, подумав.— Да, пожалуй. Боюсь, что это вряд ли случится. А интересно...— Она оглядела комнату. Ее взгляд остановился на белом цоколе с рифленой облицовкой.— Вы не включали радио?.. Ведь это радио, не правда ли?

— Это и радио и телевизор,— ответил я.— Но он не работает. Нет тока.

— Ну конечно, я забыла. Наверное, мы долго еще будем забывать такие вещи.

— Но я включал другой приемник, когда выходил. На батарейках. И ничего. В эфире тишина, как в могиле.

— И это значит, что везде как у нас?

— Боюсь, что да. Пищит кто-то морзянкой на сорока двух метрах, и больше ничего. Нет даже несущей частоты. Хотел бы я знать, кто он и где находится, этот бедняга.

— Будет... будет очень тяжело, да, Билл?

— Будет... Нет, я не желаю омрачать этот обед,— сказал я.— Делу время, потехе час... а в будущем нас совершенно определенно ждет дело. Давайте поговорим о чем-нибудь более интересном. Например, сколько раз вы были влюблены и почему вы до сих пор не замужем... или вы замужем? Сами видите, как мало я знаю. Вашу биографию, будьте так любезны.

— Ну что же,— сказала она.— Я родилась в трех милях отсюда, и моя мать была этим очень недовольна.

Я поднял брови.

— Видите ли, она твердо решила, что я буду американкой. Но когда за нею приехали, чтобы отвезти на аэродром, было уже поздно. Очень она была импульсивная... Я думаю, это передалось и мне.

Она продолжала болтать. Ничего примечательного не случилось в ее ранние годы, но, по-моему, ей нравилось вспоминать о них и на время отвлекаясь от нашего положения. А мне нравилось слушать ее, как она болтает о знакомых и забавных вещах, которые уже исчезли из этого мира. Мы с легкостью прошли через ее детство, через школьные годы и «выход в свет», если это выражение еще что-нибудь значило.

— Когда мне исполнилось девятнадцать, я едва не вышла замуж,— призналась она.— И как же я рада сейчас, что из этого ничего не получилось! Тогда я, конечно, думала по-другому. У меня была ужасная ссора с папой, который все это расстроил. Он-то ведь сразу понял, что Лайонель просто слигад и...

— Кто? — прервал я ее.

— Слигад. Вроде как помесь слизняка и гада, этаким светский тунейдец. Так вот, я порвала с семьей и ушла жить к одной своей подруге, у которой была квартира. Тогда семья перестала давать мне деньги. Это было очень глупо, так как могло привести совсем не к тем результатам, на которые они рассчитывали. Не случилось же этого просто потому, что образ жизни всех моих знакомых девушек, вступивших на такую стезю, показался мне очень уж утомительным. Слишком мало радостей, ужасное количество скандалов из ревности, которые приходится улаживать... и слишком много расчета. Вы не поверите, сколько им при-

ходило-рассчитывать, чтобы удерживать при себе одного-двух запасных партнеров...— Она задумалась.

— Это неважно,— заметил я.— Общую мысль я уловил. Вы просто не хотели никаких партнеров.

— Вы не лишены интуиции. В общем я все равно не могла оставаться нахлебницей у подруги, где я жила. Мне нужно было зарабатывать, и тогда я написала книгу.

Мне показалось, что я ослышался.

— То есть вы сделали компиляцию?

— Я написала книгу.— Она взглянула на меня и улыбнулась.— Должно быть, я страшно тупая на вид — так на меня глядели все, когда я говорила, что пишу книгу. Заметьте, книга получилась не такая уж хорошая... Я хочу сказать, не такая, как у Олдоса, или Чарльза, или других людей в этом роде. Но свое дело она сделала.

Я не стал осведомляться, какого из всех мыслимых Чарльзов она имеет в виду. Я просто спросил:

— Вы хотите сказать, что она была издана?

— О да. И она принесла мне много денег. Право на экранизацию...

— Что же это за книга? — спросил я с любопытством.

— Она называется «Мои похождения в мире секса».

Я вытаращил глаза, затем хлопнул себя по лбу.

— Джозелла Плэйтон, ну конечно! Я никак не мог вспомнить, где я слышал ваше имя. Так это вы написали ту штуку? — добавил я недоверчиво.

Не знаю, почему я не вспомнил раньше. Ее фотографии были всюду (не очень хорошие фотографии, как я теперь убедился), и всюду была эта книга. Две крупные библиотеки наложили на нее запрет, скорее всего просто из-за названия. После этого успех ей был обеспечен, и книга стала продаваться сотнями тысяч экземпляров. Джозелла хихикнула. Я был рад, что ей смешно.

— О боже,— сказала она.— Вы на меня глядите совершенно как все мои родственники.

— Не могу им ставить этого в вину,— заметил я.

— А вы ее читали?

Я покачал головой. Она вздохнула.

— Смешной народ. Вам известны только название и реклама, и вы уже шокированы. А в действительности это такая безобидная маленькая книжечка. Смесь незрелой искушенности и розовой романтики с пятнышками девичьего румянца. Но с названием мне повезло.

— Тоже мне везенье,— сказал я.— Да еще имя поставили свое настоящее.

— Это было ошибкой,— согласилась она.— Издатели убедили меня, что так будет лучше для рекламы. Со своей точки зрения они были правы. Я приобрела скандальную известность. Меня прямо распирало от смеха, когда люди в ресторанах и прочих таких местах осторожно разглядывали меня — как видно, им было трудно связать воедино то, что они видели, и то, что они думали. Ко мне на квартиру стали регулярно наведываться всякие личности, которые мне совсем не нравились, и, чтобы избавиться от них, я снова вернулась домой: я ведь уже доказала, что могу прожить самостоятельно. Впрочем, книга все-таки подпортила мою репутацию. Оказалось, люди склонны воспринимать ее название буквально. По всей видимости, я была навек обречена отбиваться от людей, которых терпеть не могла... а те, которых я была готова терпеть, были либо напуганы, либо шокированы. Больше всего меня раздражало, что книга даже не была безнравственной. Она была просто глупой, и разумным людям следовало бы понимать это.

Она помолчала. Мне пришло в голову, что разумные люди сочли просто глупой и самого автора, но я не стал говорить этого вслух. Все мы в молодости творили безрассудства, о которых потом неприятно вспоминать, но поступки, имеющие следствием финансовый успех, люди почему-то не склонны рассматривать как безрассудства молодости.

— Из-за этого все как-то пошло прахом,— пожаловалась она.— Я принялась за новую книгу, чтобы выправить положение. Но я рада, что так и не закончила ее. Она получилась резковатой.

— И название такое же волнующее? — спросил я.

Она покачала головой.

— Я собиралась назвать ее «Здесь покинутая».

— Гм... Да, в нем, конечно, уже нет той изюминки,— сказал я.— Цитата?

— Да,— кивнула она.— Из мистера Конгрива: «Здесь покинутая дева отдыхает от любви».

— Э... А...— сказал я и на несколько минут погрузился в размышления.

— А теперь,— предложил я,— настало, мне думается, время составить вчерне план наших действий. Если разрешите, я хотел бы выставить несколько общих соображений.

Мы развалились в чрезвычайно комфортабельных креслах. На низком столике между нами стояла кофеварка. Перед Джозеллой была крошечная рюмка с куантро. Пузатый плутократический бокал с лужицей бесценного бренди был передо мной. Джозелла выпустила струйку дыма и пригубила из рюмки. Смакуя, она проговорила:

— Интересно, доведется ли нам когда-нибудь еще раз ощутить вкус свежих апельсинов? Ладно, валяйте.

— Так вот,— сказал я.— Положение не блестящее. Нам нужно поскорее убираться отсюда. Если не завтра, то послезавтра. Уже сейчас можно представить себе, что здесь произойдет. Пока еще есть вода в резервуарах. Скоро она кончится. Весь город будет вонять, как гигантская сточная канава. На улицах уже появились трупы, с каждым днем их будет все больше.— Я увидел, как она содрогнулась. Я совсем забыл, что кое-какие из моих общих соображений могут жестоко задеть ее. Я поспешно продолжал: — Это может вызвать холеру, тиф и бог знает что еще. Важно уехать отсюда раньше, чем начнется что-нибудь в этом роде.

Она согласно кивнула.

— Тогда следующий вопрос, по-видимому, таков: куда мы едем? У вас есть какие-нибудь предложения? — спросил я.

— Ну... Мне кажется, надо найти место, где мы, грубо говоря, не будем путаться под ногами. С надежным водоснабжением, например, с колодцем. И еще хорошо бы, чтобы это было где-нибудь на возвышенности... где всегда бы дули свежие, чистые ветры.

— Правильно,— сказал я.— О свежих, чистых ветрах я не подумал, но вы правы. Вершина холма с надежным водоснабжением — такое местечко найти не так-то просто.— Я подумал секунду.— Лэйк-дистрикт? Нет, слишком далеко. Может быть, Уэльс? Или, возможно, Эксмур, или Дартмур, или уж сразу Корнуолл? Где-нибудь на Лэндс-Энде у нас будет по преимуществу юго-западный ветер прямо с Атлантики, ничем не зараженный. Но это тоже очень далеко. Нам ведь придется зависеть от городов, когда снова можно будет посещать их без опаски.

— Как насчет Суссекского Даунса? — предложила Джозелла.— Я знаю там, на северной стороне, славный старый фермерский дом, прямо напротив Пулборо. Он, правда, не на вершине холма, но довольно высоко на склоне. Там есть ветряной насос для воды, и я думаю, они там

вырабатывают собственное электричество. Они все там перделали и модернизировали.

— Действительно, идея заманчивая. Но это слишком близко к населенным местам. Вы не думаете, что нам следовало бы убраться еще дальше?

— У меня на этот счет есть сомнения. Сколько пройдет времени, прежде чем можно будет снова вернуться в города?

— Не имею никакого представления, — признался я. — Думаю, что-нибудь около года... Такой срок наверняка достаточно велик, как по-вашему?

— Понятно. Но вы же сами говорили: если мы заедем слишком далеко, нам будет очень не просто получать из городов снабжение.

— Это, конечно, мысль, — согласился я.

Мы временно оставили вопрос о будущей резиденции и перешли к разработке деталей переезда. Мы решили, что утром прежде всего раздобудем грузовик — вместительный грузовик, и стали составлять список материальных благ, которые в него погрузим. Если мы успеем погрузиться, то выедем завтра же вечером, а если нет — этот вариант представлялся более вероятным, потому что список все увеличивался, — то мы рискуем остаться в Лондоне еще на одну ночь и отправимся послезавтра утром.

Было уже около полуночи, когда мы кончили добавлять к списку необходимого свои личные пожелания. В результате получилось нечто вроде каталога универсального магазина. Но даже если это занятие послужило лишь для того, чтобы отвлечь на время наши мысли от самих себя, оно стоило затраченного времени.

Джозелла зевнула и поднялась.

— Спать хочется, — сказала она. — И меня ждут шелковые простыни этого ложа любви.

Казалось, она плыла над толстым ковром. Положив ладонь на дверную ручку, она остановилась и с важным видом оглядела себя в большом зеркале.

— Было очень славно, — сказала она и послала своему отражению воздушный поцелуй.

— Спокойной ночи, сладкое суетное видение, — пробормотал я.

Она обернулась с легкой улыбкой и затем исчезла за дверью, как облако тумана.

Я плеснул в бокал последнюю каплю бренди, согрел в ладонях и выпил.

«Никогда, никогда в жизни ты не увидишь больше такого зрелища,— сказал я себе.— Sic transit...»

И, не дожидаясь, пока тяжкое отчаяние овладеет мной, я отправился в свою скромную постель.

Я уже покоился в блаженном полузабытье, когда раздался стук в дверь.

— Билл,— позвал голос Джозеллы.— Скорее идите сюда. Свет!

— Какой свет? — осведомился я, выбираясь из постели.

— В городе. Идите и посмотрите.

Она стояла в коридоре, закутавшись в халат, который мог принадлежать только владелице той замечательной спальни.

— Боже милосердный! — нервно проговорил я.

— Не валяйте дурака,— раздраженно сказала она.— Идите и посмотрите на этот свет.

Свет действительно был. Выглянув из окна на северо-восток, я увидел яркий неподвижный луч, скорее всего прожекторный, направленный прямо в зенит.

— Это означает, должно быть, что там кто-то зрячий,— сказала она.

— Должно быть,— согласился я.

Я попробовал определить, где находится прожектор, но не смог из-за темноты. Не слишком далеко, я был уверен, и основание луча как бы висело в воздухе — это, вероятно, означало, что прожектор установлен на высоком здании. Я заколебался. Мысль попытаться отыскать туда путь по улицам, погруженным в крошечный мрак, представлялась мне далеко не привлекательной. Кроме того, возможно было — весьма мало вероятно, но все-таки возможно, — что это западня. Даже слепой человек, достаточно умный и отчаянный, мог оказаться в состоянии смонтировать такую штуку на ощупь.

— Лучше оставим это до завтра,— решил я.

Я нашел пилку для ногтей и опустился перед окном на корточки так, чтобы мои глаза были на уровне подоконника. Кончиком пилки я старательно провел по краске прямую линию, обозначив точное направление на луч. Затем я вернулся в свою комнату.

Час или больше я лежал, не смыкая глаз. Ночь усилила тишину над городом и прибавила тоски нарушающим ее звукам. Время от времени с улицы поднимался гомон голосов, раздраженных и ломающихся от истерии. Однажды послышался леденящий душу визг, который, казалось, упи-

вался освобождением от оков разума. Неподалеку кто-то тихо рыдал, бесконечно и безнадежно. Дважды я слышал отчетливый треск одиночных пистолетных выстрелов... И я от всего сердца вознес благодарность случаю, который свел меня с Джозеллой и избавил от одиночества.

Полное одиночество было самым страшным состоянием, какое я мог тогда себе представить. Один был ничем. Содружество означало цель, а цель помогала держать на привязи мрачные ужасы.

Я старался заглушить ночные крики мыслями обо всем, что нужно будет сделать завтра и послезавтра, и еще через день, и во все последующие дни; догадками о том, что может означать прожекторный луч и какое влияние он окажет на нас. Но рыдания продолжались, они не давали забыть о том, что я видел сегодня и что я увижу завтра...

Отворилась дверь, и я сел в постели, охваченный внезапной тревогой. Это была Джозелла с горящей свечой. Глаза у нее были огромные и темные, и она плакала.

— Я не могу заснуть, — сказала она. — Я боюсь... ужасно боюсь. Вы их слышите... всех этих несчастных? Я не вынесу этого...

Она пришла, ища утешения, как ребенок. Не думаю все же, чтобы она нуждалась в утешении больше, чем я сам.

Она заснула раньше меня, положив голову мне на плечо.

Воспоминания о прошедшем дне все еще не давали мне покоя. Но рано или поздно человек засыпает. Последнее, что я вспомнил, был нежный девичий голос, певший балладу Байрона.

6. Встреча

Проснувшись, я услышал, что Джозелла уже возится на кухне. Мои часы показывали около семи. К тому времени, когда я побрился с холодной водой и оделся, по всей квартире уже пахло поджаренным хлебом и кофе. Когда я вышел на кухню, Джозелла держала сковородку над керосинкой. Она была преисполнена самообладания, которое совсем не ассоциировалось с испуганной фигуркой минувшей ночи. И движения ее были весьма деловиты.

— Боюсь, молоко у нас будет консервированное, — сказала она. — Холодильник не работает. Впрочем, все остальное в порядке.

На мгновение мне было трудно поверить, что эта скромно и практично одетая девушка и есть вчерашнее видение из великосветского бала. На ней были темно-синий лыжный костюм, грубые носки с белым верхом и крепкие башмаки. На черном кожаном ремне вместо посредственного ножа, которым я ее вооружил вчера, висел отличный охотничий кинжал.

Не знаю, в какой одежде я ожидал ее увидеть и думал ли я об этом раньше вообще, но ее вид произвел на меня большое впечатление.

— Подходяще, как вы думаете? — спросила она.

— Замечательно, — уверил я ее. Затем я оглядел себя. — Мне бы тоже следовало подумать об этом. Этот джентльменский наряд, — добавил я, — не совсем пригоден в нынешних обстоятельствах.

— Да, вы могли бы одеться лучше, — честно согласилась она, взглянув на мой измятый костюм. — Этот свет прошлой ночью, — продолжала она, — шел с Университетской Башни. Я, во всяком случае, в этом уверена. Больше в том направлении нет ничего заметного. И расстояние тоже подходит.

Я отправился в ее комнату и посмотрел вдоль царапины, которую провел на подоконнике. Она действительно указывала прямо на башню. И я увидел кое-что еще. На башне развевались два флага. Будь там один флаг, это могло оказаться простой случайностью, но два явно означали сигнал: дневной эквивалент прожекторного луча. За завтраком мы решили отложить выполнение нашей программы и прежде всего обследовать башню.

Мы вышли из квартиры примерно через полчаса. Как я и надеялся, наш автофургон, стоявший на середине улицы, избег внимания мародеров. Не откладывая дела в долгий ящик, мы бросили чемоданы, добытые Джозеллой, в кузов рядом с противотрифидным снаряжением и тронулись в путь.

Людей было мало. Вероятно, усталость и похолодание воздуха подсказали им вчера, что наступила ночь, и пока лишь некоторые вышли из своих ночных убежищ. Теперь они старались держаться ближе к водосточным канавам, а не к стенам, как вчера. Многие из них имели трости или обломки дерева, которыми они простукивали путь вдоль обочины тротуаров. Ходить так было гораздо легче, нежели вдоль стен с их дверями и выступами, а стук уменьшал опасность столкновения.

Мы продвигались без особых трудностей и вскоре свернули на пустынную Стор-стрит, в конце которой перед нашими глазами выросла Университетская Башня. Джозелла сразу сказала:

— Осторожно. По-моему, у ворот что-то творится.

Она была права. Подъехав ближе, мы обнаружили перед Университетом довольно изрядную толпу. Вчерашний день наделил нас неприязнью к толпам. Я резко свернул в Гауэр-стрит, проехал метров пятьдесят и остановил машину.

— Как вы думаете, что там происходит? Попробуем узнать или уберемся подобру-поздорову? — спросил я.

— Я за то, чтобы узнать, — быстро ответила Джозелла.

— Отлично. Я тоже.

— Я помню этот район, — добавила Джозелла. — За этими домами есть садик. Если забраться туда, можно наверняка все увидеть, ни во что не вмешиваясь.

Мы вышли из машины и принялись разглядывать нижние этажи ближайших зданий. В третьем доме обнаружилась открытая дверь. Проход вел прямо в садик. Это место выглядело странно, потому что большая его часть располагалась на уровне подвалов, то есть ниже уровня соседних улиц, но дальний его участок, ближайший к Университету, поднимался и образовывал своего рода террасу, отделенную от дороги высокими железными воротами и низенькой оградой. Из-за ограды доносился шум толпы. Мы пересекли лужайку, поднялись по гравиевой дорожке и устроились наблюдать, укрывшись за кустами.

Толпа на дороге перед воротами Университета стояла, должно быть, из нескольких сотен мужчин и женщин. Она была больше, чем можно было судить по ее шуму, и я впервые осознал, насколько толпа слепых молчаливее и пассивнее такой же толпы зрячих. Это, разумеется, естественно, ибо чтобы ориентироваться в происходящем, им приходится полагаться почти исключительно на слух, так что все заинтересованы в молчании каждого; но понял я это только теперь.

События развертывались прямо перед нами. Нам удалось найти небольшое возвышение, с которого мы могли видеть университетские ворота поверх голов толпы. Человек в кепке что-то многословно доказывал другому человеку, стоявшему по ту сторону решетчатых ворот. По всей вероятности, его доказательства успеха не имели, так как собеседник в ответ только отрицательно качал головой.

— Что там такое? — шепотом спросила Джозелла.

Я помог ей устроиться рядом с собой. Говоривший повернулся, и мы увидели его профиль. Ему было, насколько я мог судить, лет тридцать, у него были прямой узкий нос и впалые щеки; волосы, выбивавшиеся из-под кепки, были темные. Но внимание привлекала не столько его наружность, сколько напряженность, которая ощущалась в каждом его движении.

По мере того как переговоры продолжались, не давая никаких результатов, его голос становился все громче и выразительнее. Впрочем, на собеседника это не производило впечатления. Было очевидно, что человек по ту сторону ворот был зрячим: он настороженно поглядывал сквозь очки в роговой оправе. В нескольких шагах позади него стояли еще трое, тоже, несомненно, зрячие. Они тоже глядели на толпу и ее предводителя с тем же настороженным вниманием. Человек в кепке начал горячиться. Голос его возвысился, как если бы он говорил теперь, обращаясь не только к людям за ограждением, но и к толпе.

— Да послушайте же меня! — сердито вскричал он. — Эти вот люди имеют столько же права жить, как и вы. Разве не так, черт подери? Они не виноваты, что ослепли. Разве не так? Никто здесь не виноват. Но если они погибнут от голода, виноваты будете вы, и вам это прекрасно известно.

Я показывал им, где взять еду. Я делал для них все, что мог, но, господи Иисусе, я ведь один, а их тысячи! Вы бы тоже могли показывать им, где еда, но разве вы это делаете? Черта с два! Вам на них наплевать! Вы заботитесь только о своих шкурах. Я видел таких, как вы. У вас один символ веры: «Провалитесь все к чертям, лишь бы мне было хорошо».

Он презрительно сплюнул и ораторским жестом простер руку.

— Там, — сказал он, — там, в Лондоне, тысячи несчастных людей. Им нужно только, чтобы кто-нибудь показал, как взять еду, которая лежит у них под носом. Вы могли бы делать это. Единственное, что от вас требуется, это просто показать им. А вы? Что вы делаете, подонки? Вы помогаете им? Нет, вы заперлись здесь, и пусть все они подыхают с голоду, а между тем каждый из вас мог бы спасти сотни людей, и для этого нужно всего-навсего выйти и показать беднякам, где взять жратву. Боже всемогущий, да есть ли в вас что-либо человеческое?

Он говорил яростно. Он знал, в чем обвинять, и обвинял он страстно. Я почувствовал, как пальцы Джозеллы бессознательно впились в мой локоть, и я положил ладонь на ее руку. Человек по ту сторону ворот сказал что-то, чего мы не расслышали.

— На сколько времени? — закричал человек в кепке. — Да откуда мне знать, черт вас подери совсем, на сколько времени хватит еды? Я знаю только, что если недоноски вроде вас не возьмутся за дело и не начнут помогать, мало кто останется в живых к тому времени, когда сюда придут, чтобы привести в порядок все это проклятое безобразие. — Секунду он стоял, свирепо глядя на собеседника. — Факт тот, что вы боитесь. Вы боитесь показать им, где еда. А почему? Потому что чем больше эти бедняги съедят, тем меньше останется для вашей шайки. В этом все дело. Что, не так? Вот она, правда, только у вас нет смелости признать это.

Мы снова не расслышали ответа собеседника; впрочем, очевидно было, что оратору этот ответ не понравился. В течение секунды он мрачно смотрел сквозь решетку. Затем он сказал:

— Ладно. Вы сами хотели этого.

С молниеносной быстротой он вцепился в руку собеседника, вытянул ее между прутьями решетки на свою сторону и вывернул. Он схватил за руку стоявшего рядом слепого мужчину и зажал ее на запястье собеседника.

— Держи крепче, парень, — сказал он и прыгнул к замку на воротах.

Человек в очках оправился от неожиданности. Он изо всех сил ударил свободной рукой через прутья позади себя. Этот удар наудачу пришелся слепому в лицо. Тот вскрикнул и сжал руку еще крепче. Предводитель толпы рвал и ломал замок. В этот момент треснул винтовочный выстрел. Пуля щелкнула в решетку и с жужжанием рикошетировала. Предводитель в нерешительности остановился. За его спиной раздались проклятия, женский визг. Толпа качнулась назад и вперед, словно не зная, бежать прочь или ринуться на штурм ворот. Решение за нее приняли те трое во дворе за ограждением. Я увидел, как молодой человек что-то выдернул из-под руки, и я упал ничком, опрокинув рядом Джозеллу, когда застучала автоматная очередь.

Было очевидно, что стрелявший нарочно взял слишком высокий прицел; тем не менее грохот выстрелов и визг

пуль произвели впечатление. Одной короткой очереди оказалось достаточно, чтобы все кончилось. Когда мы подняли головы, толпа уже потеряла монолитность. Слепые люди поспешно разбредались, торопясь уйти подальше от ворот. Предводитель задержался, чтобы крикнуть что-то неразборчивое, затем повернулся и тоже пошел прочь. Он направился на север по Мэлит-стрит, стараясь снова собрать и построить за собой своих последователей.

Я сел и взглянул на Джозеллу. Она задумчиво посмотрела на меня, затем опустила глаза и уставилась в землю. Прошло несколько минут, прежде чем мы заговорили.

— Ну? — сказал я наконец.

Она подняла голову и посмотрела на дорогу, на последних отставших от толпы, убредающих в переулки.

— Он был прав, — сказала она. — И вы знаете, что он был прав. Ведь верно?

Я кивнул.

— Да, он был прав... И все-таки он был и совершенно не прав. Понимаете, никто никогда не придет, «чтобы привести в порядок все это безобразие». Теперь я в этом совершенно уверен. Порядка больше не будет. Мы могли бы поступить, как он требует. Мы могли бы пойти и показывать некоторым — правда, только немногим — из этих людей, где еда. Мы могли бы делать это несколько дней, ну, может быть, недель. А потом? Что потом?

— Это так страшно, так жестоко...

— Если глядеть фактам в лицо, альтернатива очень простая, — сказал я. — Или уехать отсюда, чтобы спасти все, что можно спасти от гибели, в том числе и самих себя: или посвятить себя тому, чтобы еще хоть ненадолго продлить жизнь этих людей. Это самый объективный взгляд на вещи, который мне доступен. Но я знаю также, что, очевидно, гуманный путь является также скорее всего и дорогой к самоубийству. Должны ли мы тратить время на продолжение страданий, если мы уверены, что в конечном счете шансов спасти этих людей нет никаких? Лучший ли это способ применить свои силы?

Она медленно кивнула.

— Да, пожалуй, выходит, что выбирать не из чего. И даже если бы мы могли спасти некоторых, то кого для этого выбрать? И кто мы такие, чтобы выбирать? И вообще как долго мы смогли бы это делать?

— Все здесь страшно сложно, — сказал я. — Я не знаю, сколько слепых сможет содержать один зрячий, когда кон-

чатся готовые припасы, но не думаю, чтобы уж очень много.

— Вы уже все решили,— сказала она, взглянув на меня. Мне почудилось, будто в ее голосе прозвучала нотка неодобрения.

— Милая девушка,— сказал я.— Все это нравится мне не больше, чем вам. Я прямо изложил вам альтернативу. Что мы выберем? Поможем строить новую жизнь тем, кто избежал катастрофы? Или сделаем моральный жест, который вряд ли станет чем-либо большим, нежели жестом. Люди на той стороне дороги, очевидно, решили выжить.

Она погрузила пальцы в песок, затем высыпала песок из ладони.

— Я думаю, вы правы,— сказала она.— Но вы правы и в том, что мне это не нравится.

— Наши «нравится» и «не нравится» больше не имеют никакого значения,— отозвался я.

— Может быть, и так, но во всяком деле, которое начинается со стрельбы, есть, по-моему, что-то скверное.

— Он ведь стрелял в воздух,— заметил я.— И очень возможно, что он предотвратил свалку.

Из толпы уже никого ни осталось. Я перелез через ограду и помог перебраться Джозелле. Человек у ворот приоткрыл створку, чтобы впустить нас.

— Сколько вас? — спросил он.

— Всего-навсего двое,— ответил я.— Мы видели ночью ваш сигнал.

— О'кэй. Пошли к Полковнику,— сказал он и повел нас через двор.

Тот, кого он назвал Полковником, располагался в небольшой комнатухе неподалеку от входа, вероятно, бывшей швейцарской. Это был круглолицый человек лет пятидесяти или около того. Волосы у него были густые, но седые и аккуратно подстриженные. Такими же седыми и аккуратными были его усы, и казалось, ни один волосок в них не посмел бы нарушить строй. Лицо его было розовым, здоровым и свежим, в пору молодому человеку; как я узнал позже, в пору молодому человеку была и его голова. Он сидел за столом с большим количеством бумаг, уложенных в абсолютно ровные пачки; перед ним лежал чистый розовый лист промокательной бумаги.

Когда мы вошли, он устремил сначала на меня, затем на Джозеллу внимательный твердый взгляд и смотрел на нас

несколько дольше, чем необходимо. Я сразу раскусил эту технику. Она призвана внушить вам, что вы стоите перед опытным судьей, привыкшим оценивать людей с первого взгляда; вы должны почувствовать, что стоите перед надежным человеком, безо всяких там глупостей — или, при иных обстоятельствах, что вас видят насквозь и знают все ваши слабости. Правильной реакцией является такой же взгляд в ответ, тогда в вас признают «дельного парня». Так я и сделал. Полковник взял перо.

— Ваши фамилии?

Мы назвали себя.

— Адреса?

— Боюсь, что в нынешних обстоятельствах они вряд ли понадобятся, — сказал я. — Но если вы считаете, что должны их знать...

Мы дали свои адреса.

Он пробормотал что-то о системе, организации и родственниках и записал. Затем последовали вопросы о возрасте, профессии и так далее. Он снова обратил на нас испытующий взгляд, нацарапал на каждой анкете еще несколько слов и сложил анкеты в пачку.

— Нужны дельные люди. Дело дрянь. Работы здесь много. Очень много. Мистер Бидли скажет вам, что надо.

Мы вернулись в вестибюль. Джозелла усмехнулась.

— Он забыл спросить у нас рекомендации в трех экземплярах, — сказала она, — но на работу мы, кажется, приняты.

Микаэль Бидли, когда мы нашли его, оказался совсем не похожим на Полковника. Он был высокий, худой, широкоплечий и немного сутулый; было в нем что-то от атлета, занявшегося интеллектуальным трудом. Во время отдыха его лицо с большими черными глазами принимало меланхолическое выражение, но редко кому случалось видеть его на отдыхе. Судить о его возрасте по седым прядям в шевелюре было невозможно. Ему могло быть сколько угодно от тридцати пяти до пятидесяти. В то время он был сильно измотан, и из-за этого определить его возраст было еще труднее, по-видимому, он был на ногах всю ночь; тем не менее он поздоровался с нами весело и представил нам молодую женщину, снова записавшую наши имена, когда мы назвали себя.

— Сандра Тельмонт, — объяснил он. — Сандра является нашим профессиональным запоминателем — она работа-

ла в кино монтажницей, и в том, что она с нами, мы видим заботливую руку судьбы.

Молодая женщина кивнула мне и посмотрела на Джозеллу более пристально.

— Мы с вами встречались,— сказала она задумчиво. Она взглянула на блокнот, который держала на колене. Затем на ее милой, но очень обыкновенной физиономии появилась слабая улыбка.

— О да, конечно,— проговорила она.

— Вот видите? — сказала Джозелла, обращаясь ко мне.— Мне теперь от этого не отделаться, как от липучки для мух.

— В чем дело? — спросил Микаэль Бидли.

Я объяснил. Он посмотрел на Джозеллу более внимательно. Она вздохнула.

— Пожалуйста, забудем об этом,— попросила она.— Я уже немного устала переживать это.

Ее слова вызвали у него добродушное удивление.

— Ладно,— сказал он и кивнул. Затем он повернулся к столу.— Теперь о деле. Вы видели Джэйкса?

— Это Полковник, который играет в Гражданские Власти? — спросил я.— Видели.

Он ухмыльнулся.

— Должен знать, что мы и как. Ни шагу, пока не знаешь, как с пайком,— произнес он, имитируя манеру Полковника.— Впрочем, это совершенно верно,— продолжал он.— Давайте я коротко опишу вам, что мы и как. Нас здесь сейчас тридцать пять человек. Люди разные. Зрячих из них двадцать восемь. Остальные слепые — жены и мужья и двое или трое детишек. В настоящий момент главная идея состоит в том, что завтра мы отсюда уезжаем, если успеем подготовиться... Чтобы уйти, как говорится, от греха подальше.

Я кивнул.

— Мы тоже решили убраться этим вечером и по той же причине.

— Какой у вас транспорт?

Я рассказал о нашем фургоне.

— Сегодня мы собирались погрузиться,— добавил я.— Пока у нас нет практически ничего, кроме целого арсенала противотрифидного снаряжения.

Он поднял брови. Сандра тоже с любопытством взглянула на меня.

— Странные вещи вы берете как предметы первой необходимости,— заметил он.

Я объяснил ему причину. Объяснил, видимо, скверно, потому что это не произвело на них впечатления. Он рассеянно кивнул и продолжал:

— Итак, поскольку вы соединились с нами, я предлагаю вот что. Приведите сюда свою машину, разгрузитесь, затем поезжайте и смените ее на хороший большой грузовик. Затем... Да! Кто-нибудь из вас разбирается в медицине?

Мы покачали головами. Он нахмурился.

— Жаль. У нас до сих пор нет ни одного человека, причастного к медицине. Между тем я буду очень удивлен, если нам скоро не понадобится доктор — например, всем нам нужно сделать прививки... Значит, посылать вас в набег на аптекарские склады не стоит. Как насчет продуктов и ширпотреба? Подойдет вам?

Он порылся в бумагах, скрепленных скрепкой, вытянул листок и протянул мне. На листке под номером 15 был напечатан на машинке список консервированных продуктов, кастрюль, сковородок и постельных принадлежностей.

— Наименования даны ориентировочно,— сказал он,— но все-таки старайтесь по возможности держаться их, тогда мы избежим ненужного дублирования. Берите все лучшего качества. Когда будете брать продукты, обращайтесь внимание на объем; скажем, о кукурузных хлопьях забудьте, даже если они самое любимое ваше блюдо. Держитесь оптовых складов и крупных магазинов.— Он отобрал у меня лист и нацарапал на нем несколько адресов.— Из продовольствия за вами консервы и фасованные товары. Например, не дайте себе увлечься мешками с мукой — этим занимается другая группа.— Он задумчиво поглядел на Джозеллу.— Боюсь, это будет тяжелая работа. Но это самое полезное дело, какое мы можем вам сейчас предложить. Постарайтесь как можно больше сделать до темноты. Сегодня вечером в девять тридцать будет общее собрание и дискуссия.

Мы повернулись, чтобы идти. Он остановил нас.

— У вас есть пистолет?

— Об этом я не подумал,— признался я.

— Лучше иметь на всякий случай. Достаточно стрелять просто в воздух,— сказал он. Он достал из ящика стола два пистолета и протянул нам.— Все-таки не так противно, как это,— добавил он, поглядев на кинжал у Джозеллы на поясе.— Счастливого грабежа.

К тому времени, когда мы разгрузили фургон и выехали, мы обнаружили, что людей на улицах еще меньше, чем вчера. При звуках двигателя они теперь не пытались остановить нас, а торопливо отходили на тротуары.

Первый приглянувшийся нам грузовик оказался бесполезен, потому что был нагружен деревянными контейнерами, снять которые было бы нам не под силу. Следующая находка была более счастливой — пятитонка, почти новая и пустая. Мы пересели в нее и поехали, бросив фургон на произвол судьбы.

Железные шторы пакгауза по первому адресу в моем списке были опущены, но без особых трудностей поддались нажиму ломика из соседней лавочки и закатились вверх. Внутри мы обнаружили находку. У платформы стояли три грузовика. Один из них был загружен ящиками с мясными консервами.

— Вы смогли бы вести такую машину? — спросил я Джозеллу.

Она поглядела.

— Почему бы нет? Общий принцип тот же, верно? И уличное движение мешать не будет.

Мы решили вернуться за грузовиком позже и поехали на пустой машине к другому складу, где погрузили свертки одеял и пледов, затем поехали дальше, чтобы забрать звонкую грудку кастрюль, сковородок, котелков и чайников. Управившись с этим, мы почувствовали, что поработали здорово и что работа оказалась тяжелее, чем мы предполагали. Разыгравшийся аппетит мы утолили в маленьком кабачке, до сих пор не тронутым.

Атмосфера в деловых и коммерческих кварталах была мрачной, хотя мрачной скорее в стиле обычного воскресного или праздничного дня, чем бедствия. Людей здесь почти не было. Если бы катастрофа разразилась днем, а не ночью, когда все служащие уже разошлись по домам, картина здесь была бы чудовищной.

Подкрепившись, мы забрали из пакгауза грузовик с консервами и медленно, без всяких приключений повели оба грузовика к Университету. Мы оставили их во дворе и снова отправились на добычу. Около половины седьмого мы снова вернулись со второй парой грузовиков и с приятным чувством выполненного долга.

Микаэль Бидли вышел, чтобы обследовать наш взнос. Он одобрил все, кроме дюжины ящиков, которые я поставил в кузов своего второго грузовика.

— Что в них? — спросил он.

— Триффидные ружья и припасы к ним, — ответил я. Он недоуменно поглядел на меня.

— Ах, да! Вы же явились с целым арсеналом.

— Они нам наверняка понадобятся, — сказал я.

Он подумал. Было ясно, что он считает меня слегка помешанным на триффидях. Наверно, он относил это за счет профессионального предубеждения, усиленного фобией, которая возникла в результате недавнего несчастного случая. Теперь он, конечно, подозревал меня и других, менее безобидных маниах.

— Послушайте, — сказал я, — мы с Джозеллой привели четыре полных грузовика. Мне нужно в одном из них место для этих ящиков. Если вы полагаете, что не можете уделить мне такое место, я пойду и найду трейлер или другой грузовик.

— Нет, оставьте их там, где положили, — решил он. — Места они занимают немного.

Мы отправились в здание и попили чаю в импровизированной столовой, которую с большим знанием дела оборудовала миловидная женщина средних лет.

— Он думает, — сказал я Джозелле, — что я свихнулся на триффидях.

— Боюсь, что горький опыт научит его, — ответила она. — Странно, что никто, кроме нас, не встречался с ними.

— Эти люди находились в центральных районах, так что это не удивительно. Мы ведь тоже сегодня не видели ни одного.

— Они могут добраться по улицам сюда, как вы считаете?

— Трудно сказать. Может быть, отдельные заблудившиеся...

— Как они вырвались на волю?

— Так случается рано или поздно, когда они мечутся на привязи достаточно беспокойно и достаточно долго. А на наших фермах они прорывались так: наваливались всей кучей на какой-нибудь участок ограды и опрокидывали его.

— Неужели вы не могли сделать ограды прочнее?

— Могли, конечно, но мы же не держали их на фермах постоянно. Притом это случалось не так уж часто, а когда случалось, то обычно они просто вырывались из одного огороженного поля на другое. Мы загоняли их обратно

и восстанавливали ограду. Я не думаю, что триффиды направятся сюда намеренно. Триффидам город должен представляться пустыней, и мне думается, что они двинутся на ружу, в открытые поля. Вы когда-нибудь стреляли из противотриффидных ружей? — добавил я.

Она покачала головой.

— Я переоденусь во что-нибудь более подходящее, и мы попрактикуемся, если хотите, — предложил я.

Примерно через час я вышел к ней, чувствуя себя гораздо более удобно в костюме, представляющем некую модификацию ее идеи о лыжных брюках и прочных башмаках, и увидел на ней весенне-зеленое платье, которое было ей очень к лицу. Мы взяли пару триффидных ружей и отправились в садик на Рассел-сквер. Мы провели около получаса, отстреливая верхушки у подходящих кустарников, когда к нам по траве широким шагом приблизилась молодая женщина в кирпично-красной куртке и элегантных зеленых брюках. Остановившись в нескольких шагах, она направила на нас крошечный фотоаппарат.

— Вы кто? — спросила Джозелла. — Пресса?

— Почти, — ответила молодая женщина. — Я официальный летописец. Зовут меня Элспет Кэри.

— Так быстро? — заметил я. — Видна твердая рука нашего Полковника.

— Вы совершенно правы, — согласилась она. Затем она взглянула на Джозеллу. — А вы мисс Плэйтон. Я часто думала...

— Послушайте, — прервала ее Джозелла. — Почему даже в этом гибнущем мире меня судят по одной моей случайной ошибке? Нельзя ли забыть об этом?

— Хм, — сказала мисс Кэри задумчиво. — Угу. — Она переменяла разговор: — Так что у вас здесь насчет триффидов?

Мы рассказали ей.

— Они думают, — сказала Джозелла, — что Билл свихнулся.

Мисс Кэри обратила на меня прямой взгляд. Лицо ее было скорее оригинальным, нежели миловидным, оно загорело под более жарким солнцем, чем наше северное. Карие глаза смотрели твердо и зорко.

— Но это не так? — сказала она.

— Видите ли, я полагаю, что они могут натворить много бед, когда вырвутся на волю, и их следует принимать всерьез.

Она кивнула.

— Правильно. Я бывала в странах, где они на воле. Это очень скверно. Но в Англии... здесь я просто не могу себе этого представить.

— Остановить их сейчас некому, — сказал я.

Гул мотора в небе прервал наш разговор. Мы взглянули вверх и увидели над крышей Британского Музея снижающийся вертолет.

— Это Айвен, — сказала мисс Кэри. — Он все-таки нашел машину. Мне надо пойти и заснять посадку. Увидимся позже. — И она зашпешила через лужайку.

Джозелла легла на траву, заложив руки за голову, и стала смотреть в глубокое небо. Как только смолк мотор вертолета, наступила полная тишина.

— Не могу этому поверить, — сказала Джозелла. — Стараюсь изо всех сил, но не могу верить по-настоящему. Так не может быть навсегда... навсегда... навсегда... Это что-то вроде сна. Завтра этот сад наполнится шумом. Помчатся мимо с ревом красные автобусы, зашпешат по тротуарам прохожие, засверкают светофоры... Конец света не наступает вот так... не может... это невозможно...

Я ощущал примерно то же самое. Дома, деревья, нелепо-громоздкие отели на другой стороне Рассел-сквер — все было слишком привычным, слишком готовым при одном мановении вернуться к жизни.

— И все-таки мне кажется, — проговорил я, — что если бы динозавры были способны рассуждать, они в свое время подумали бы то же самое. Такие вещи случались уже не раз, наверное.

— Но почему именно с нами? Это словно в газетах, когда читаешь об удивительных событиях, которые произошли с какими-то другими народами... непременно с другими! Ведь мы такие обыкновенные.

— Разве не всегда люди спрашивали: «Почему именно со мной?» Был ли то солдат, оставшийся невредимым, когда все его товарищи погибли, или человек, которого посадили за подделку чеков. Просто слепой случай, я бы сказал.

— Случай, что это произошло вообще? Или что это произошло именно сейчас?

— Именно сейчас. Когда-нибудь это так или иначе должно было произойти. Это же противоестественно — считать, что один вид живых существ будет доминировать вечно.

— Не понимаю почему.

— Почему? — в этом весь вопрос. Но жизнь должна быть динамичной, а не статичной, такой вывод неизбежен. Так или иначе она должна меняться. Заметьте, я вовсе не считаю, что с нами теперь покончено навсегда, но попытка была очень основательная.

— Значит, вы не считаете, что это действительно конец... конец человечества?

— Может быть, и конец. Но... нет, этого я не считаю. Еще не сейчас.

Это могло быть концом. Тут я не сомневался. Но ведь должны были сохраниться и другие группы вроде нашей. Я видел пустой мир, по лику которого рассыпаны крошечные общины, стремящиеся снова с боем овладеть этим миром. Я должен был верить, что по крайней мере некоторым удастся добиться цели.

— Нет,— повторил я.— Это не обязательно конец. Мы все еще умеем приспосабливаться, и у нас огромные преимущества по сравнению с нашими предками. И пока остаются в мире здоровые телом и духом, у нас всегда есть шансы... и очень неплохие шансы.

Джозелла не ответила. Она лежала, обратив лицо к небу, с отрешенным выражением в глазах. Я подумал, что мог бы догадаться о том, что проходит перед ее мысленным взором, но промолчал. Через некоторое время она сказала:

— Вы знаете, едва ли не самое страшное — это то, с какой легкостью мы утратили мир, казавшийся таким устойчивым.

Она была совершенно права. Именно простота представлялась ядром этого ужаса. Мы забываем о силах, которые держат мир в равновесии, потому что хорошо знаем их, и безопасность является для нас нормой. Но это не так. Мне никогда раньше не приходило в голову, что преимущество человека определяется вовсе не наличием мозга, как это утверждают книги. Это преимущество следует из способности мозга усваивать информацию, которую несет узкий диапазон видимого света. Вся цивилизация человека, все, чего он достиг или мог достигнуть, висит как на ниточке на его восприимчивости к полоске вибраций от красной до фиолетовой. Без этого он погиб. На мгновение я осознал истинную призрачность его власти, все чудо свершенного им при помощи столь хрупкого инструмента.

Джозелла продолжала развивать свою мысль.

— Это будет очень странный мир... то, что от него осталось,— сказала она задумчиво.— Я не думаю, что мы очень полюбим его.

Такая точка зрения показалась мне странной — как если бы кто-нибудь объявил, что он не любит умирать или что ему не нравится рождаться. Я предпочитал совсем иной подход: сначала выяснить, как это все будет, а затем всеми силами бороться против того, что мешает. Но спорить я не стал.

Время от времени мы слышали, как во двор Университета въезжают грузовики. Очевидно, большинство снабженческих групп уже вернулось. Я взглянул на часы и потянулся за ружьями, лежавшими в траве подле меня.

— Если мы хотим поужинать, а потом послушать, что обо всем этом думают другие люди,— сказал я,— то самое время возвращаться.

7. Конференция

Я думаю, все мы ожидали, что на собрании нам просто коротко обрисуют положение и дадут точные инструкции на завтра. Время отправления, маршрут, задача дня и прочее. И я решительно не ожидал, что мы получим столько пиццы для размышлений.

Собрание состоялось в небольшом лектории, освещенном для такого случая автомобильными фарами. Когда мы вошли, за кафедрой совещались несколько мужчин и женщин, которые, по-видимому, утвердили себя в качестве некоего комитета. К своему изумлению, мы обнаружили, что в зале собралось около сотни человек. В большинстве это были молодые женщины — примерно по четыре на каждого мужчину. Джозелла обратила мое внимание на то, что из женщин только немногие были зрячие.

В группе совещающихся выделялся своим ростом Микаэль Бидли. Рядом с ним я узнал Полковника. Остальные были мне незнакомы за исключением Элспет Кэри, сменившей в интересах наших потомков фотоаппарат на блокнот. Интерес комитета был сосредоточен на пожилом человеке с некрасивым, но добродушным лицом, в золотых очках, с длинными седыми волосами.

Была еще одна женщина в этой группе, совсем молоденькая, лет двадцати двух или трех. Видимо, она испытывала неловкость оттого, что не находилась вместе со всеми в зале. Время от времени она нервно и неуверенно поглядывала на аудиторию.

Вошла Сандра Тельмонт с огромным листом бумаги. Секунду она проглядывала этот лист, затем живо разогнала комитет по креслам. Взмахом руки она направила Микаэля на кафедру, и собрание началось.

Он постоял в ожидании, пока стихнут разговоры, слегка ссутулившись, глядя в зал темными глазами. Потом он заговорил. У него были приятный тренированный голос и совершенно домашние манеры.

— Должно быть, многие из нас,— начал он,— все еще не оправились от впечатления, вызванного этой катастрофой. Мир, который мы знали, кончился в мгновение ока. Некоторые из нас, возможно, испытывают чувство, будто это конец всему. Это не так. Но я сразу скажу вам, что это может оказаться концом всему, если мы это допустим.

Как ни чудовищна эта катастрофа, мы все еще в состоянии пережить ее. Стоит, наверное, именно сейчас вспомнить, что в истории человечества не нам одним приходится быть свидетелями исполинских бедствий. О них дошли до нас только мифы, но не приходится сомневаться, что где-то в глубинах истории имел место Великий Потоп. Те, кто пережил его, были свидетелями катастрофы таких же масштабов, как наша, и в некоторых отношениях более ужасной. Но они не впали в отчаяние: они, должно быть, все начали сначала, как можем начать и мы.

Из жалости к себе и из патетики не построить ничего. Поэтому лучше будет, если мы сразу отрешимся от этих чувств, ибо мы должны стать именно строителями.

А чтобы выбить почву из-под ног любителей драматизировать, я позволю себе напомнить вот о чем. Нынешняя катастрофа даже сейчас не кажется мне самым худшим, что могло бы случиться. Я, а также, вероятно, и многие из вас большую часть жизни прожили в ожидании событий, гораздо более страшных. И я все еще верю, что если бы не эта катастрофа, с нами случилось бы нечто худшее.

После шестого августа 1945 года шансы человечества поразительно уменьшились. Только позавчера они были меньше, чем в эту минуту. Если уж вам хочется драмати-

зировать, возьмите лучше в качестве материала все годы после 1945-го, когда дорога безопасности сузилась до ширины натянутого каната, по которому мы переступали, намеренно закрывая глаза на пропасть, разверзшуюся под нами.

Рано или поздно мы могли оступиться. Совершенно неважно, как это могло произойти: по злему умыслу, по небрежности или простой случайности. Равновесие было бы потеряно, и началось бы уничтожение.

Мы не знаем, как это было бы страшно. Как это могло быть страшно... возможно, в живых не осталось бы ни одного человека; возможно, не уцелела бы и сама планета...

А теперь сравните наше положение. Планета не затронута, не покрыта шрамами. Она по-прежнему плодородна. Она может давать пищу и сырье. Мы располагаем хранилищами знаний, которые научат нас делать все, что делалось до сих пор... хотя о некоторых вещах лучше забыть навсегда. И у нас есть средства, здоровье, сила начать строить заново.

Речь его не была длинной, но она произвела впечатление. Должно быть, она заставила многих слушателей почувствовать, что они находятся не столько в конце одного пути, сколько в начале другого. И хотя его выступление состояло главным образом из общих мест, в зале, когда он сел, ощущалось больше бодрости.

Полковник, выступивший следом за ним, был практичен и держался фактов. Он напомнил, что в видах гигиены нам следует по возможности скорее удалиться из населенных районов, каковое мероприятие намечается примерно на полдень следующего дня. Практически все предметы первой необходимости и кое-что сверх того в количестве, достаточном для обеспечения разумного уровня удобств, уже имеются в наличии. В рассуждении запасов нашей целью должна быть максимальная независимость от внешних источников хотя бы на один год. Этот период мы проведем фактически на положении осажденных. Несомненно, помимо того, что запечатлено в списках, есть еще много других предметов, которые для всех нас было бы желательно взять с собой, но с ними придется подождать, пока медицинский надзор (тут девушка в комитете покраснела) позволит группам выйти из изоляции и отправиться за ними. Что же касается места изоляции, то комитет тщательно обдумал этот вопрос и, приняв во внима-

ние требования компактности, независимости и отчуждения от остального мира, пришел к заключению, что лучше всего для наших целей подойдет провинциальная школа-интернат или, на худой конец, какая-нибудь крупная помещичья усадьба.

Не знаю, то ли комитет тогда действительно еще не принял решения относительно места нашей будущей резиденции, то ли Полковник был одержим идеей о необходимости скрывать это решение как военную тайну, но то обстоятельство, что он не назвал ни место, ни хотя бы предполагаемый район, было, по моему глубокому убеждению, серьезнейшей ошибкой, допущенной в тот вечер. Впрочем, его деловой подход вселил в слушателей новый заряд уверенности.

Когда он сел, снова поднялся Микаэль. Он шепнул девушке несколько ободряющих слов и затем представил ее. Всех очень беспокоило, сказал он, что среди нас не было ни одного человека с медицинскими знаниями, и поэтому он с величайшим удовлетворением приветствует здесь сейчас мисс Берр. Правда, у нее нет медицинских степеней и внушительных рекомендаций, но зато она является медицинской сестрой высокой квалификации. Сам он полагает, что практические навыки, приобретенные за последнее время, могут стоять больше, нежели степени, полученные годы назад.

Девушка, снова покраснев, коротко сообщила, что полна решимости выполнить свой долг. Закончила она немного неожиданно, объявив, что сегодня же, не выходя из зала, сделает нам всем прививки от разных болезней.

Маленький человечек (имени его я не разобрал), похожий на воробья, втолковал нам, что здоровье каждого является делом общим, что о любых болезненных симптомах необходимо докладывать немедленно, поскольку распространение среди нас заразных заболеваний может принести для нас очень серьезный оборот.

Когда он закончил, поднялась Сандра и представила последнего выступающего: «Доктор Е. Х. Ворлесс, доктор наук, Эдинбург, профессор социологии Кингстонского университета».

К кафедре подошел седовласый мужчина. Он постоял несколько секунд, положив на нее кончики пальцев и склонив голову. Остальные члены комитета внимательно и с некоторым беспокойством смотрели на него. Полков-

ник, наклонившись к Микаэлю, что-то шепнул ему, и тот кивнул, не спуская глаз с профессора. Старик поглядел в зал. Он провел ладонью по волосам.

— Друзья мои,— сказал он.— Я полагаю, что могу претендовать на старшинство по возрасту. За мои семьдесят лет я узнал и должен был забыть много, хотя и не так много, как мне бы хотелось. Но если в процессе длительного изучения человеческих установлений что-либо поражаало меня более, нежели их устойчивость, так это их разнообразие.

Хорошо говорят французы: *autres temps, autres mœurs*. Давайте хорошенько поразмыслим, и тогда мы отчетливо увидим, что добродетели, почитаемые в одном обществе, оборачиваются преступлением в другом, что поступки, вызывающие возмущение здесь, поощряются где-нибудь в другом месте; что привычки, порицаемые в одном веке, охотно прощаются в другом. Мы увидим также, что в каждом обществе и в каждую эпоху распространена уверенность в моральной правоте обычаев данного общества и данной эпохи.

Отсюда явствует, что поскольку многие обычаи разных обществ и разных эпох противоречат друг другу, они не могут быть все «правильными» в абсолютном смысле. Самый строгий приговор, который можно им вынести,— если им вообще должно выносить приговоры,— состоит в утверждении, что в какое-то время они были «правильными» для общества, где они существовали. Может быть, они правильны и сейчас, но нередко оказывается, что это совсем не так, что общество, которое продолжает слепо поддерживать их, безотносительно к изменившимся обстоятельствам, делает это себе во вред — возможно, ведет себя к самоуничтожению.

Аудитория не понимала, куда он клонит. Слушатели беспокойно задвигались. Большинство из них привыкло немедленно выключать радио, когда передавались выступления такого рода. Теперь они чувствовали себя в ловушке. Оратор решил пояснить свою мысль.

— Таким образом,— продолжал он,— вряд ли вы можете рассчитывать найти одни и те же нормы поведения, обычаи и привычки в какой-либо умирающей от голода индийской деревушке и, скажем, в центре Лондона. Аналогично население теплых стран с благоприятными условиями для жизни очень отличается в смысле взгляда на

добродетели от занятого тяжким трудом населения суровых северных областей. Другими словами, различные обстоятельства порождают различные нормы морали.

Я напоминаю вам об этом потому, что мир, который мы знали, ушел. Он кончился.

Вместе с ним ушли и условия, определявшие и формировавшие наши нормы. У нас теперь другие нужды, и другими должны быть наши цели. Если нужен пример, я приведу вам такой: весь день мы с чистой совестью занимались тем, что еще два дня назад было бы грабежом и кражей. Старые нормы сломаны, и мы должны выяснить, какой образ жизни лучше всего соответствует новым. Мы не просто начинаем заново строить: мы должны начать заново думать, а это куда труднее и неприятнее.

В ближайшем будущем огромное большинство всех этих предрассудков должно исчезнуть или радикально измениться. Мы можем признать и сохранить лишь один первостепенный предрассудок, то, что гласит: человечество пребудет вовеки. Этому соображению должны быть подчинены, по крайней мере временно, все остальные. Что бы мы ни делали, мы должны задавать себе вопрос: «Поможет это или помешает человечеству в борьбе за существование?» Если поможет, то мы обязаны делать, даже если это вступает в конфликт с идеями, в которых мы были воспитаны. Если помешает, то мы должны устранить, даже если наше бездействие столкнется с нашими прежними идеями о долге и справедливости.

Это будет не легко: старые предрассудки умирают с трудом. Простак опирается на костыли афоризмов и заповедей; опирается на них и робкий и умственно ленивый... Мы тоже подчас опираемся на эти костыли — и гораздо чаще, чем нам кажется. Теперь же, когда старая организация мира рухнула, созданные для нее арифметические таблицы не дают больше правильных ответов. Нам придется найти в себе моральную смелость думать и планировать самим за себя.

Он помолчал, задумчиво разглядывая аудиторию. Затем он сказал:

— Прежде чем вы решите примкнуть к нашему сообществу, следует совершенно отчетливо разъяснить вам одну вещь. Мы все, кто взялся за эту задачу, обязаны будем играть определенные роли. Мужчины будут работать, женщины будут рожать. Если вы с этим не согласны, то в сообществе вам не место.

После паузы, заполненной мертвой тишиной, он добавил:

— Мы можем позволить себе содержать слепых женщин — у них будут зрячие дети. Мы не можем позволить себе содержать слепых мужчин. Видите ли, в нашем новом мире дети — самое важное.

Он закончил выступление. Некоторое время все молчало, затем аудитория зашевелилась и зашужжала.

Я повернулся к Джозелле. К моему удивлению, она улыбалась.

— Что здесь смешного? — спросил я несколько резко.

— Посмотрите на лица у публики, — ответила она.

Я посмотрел и был вынужден признать, что она имела причины улыбаться. Я взглянул на Микаэля. Обводя глазами зал, он старался определить общую реакцию.

— Микаэль как будто немного обеспокоен, — заметил я.

— Ну, а как же, — сказала Джозелла. — Другое дело, если бы Янгу удалось повернуть это еще в девятнадцатом веке.

— Какой вы иногда бываете грубой, — сказал я. — Вы что, знали обо всем этом заранее?

— Не то чтобы знала, но не такая уж я тулица. Кроме того, пока вы ходили переодеваться, кто-то пригнал полный автобус вот этих вот слепых девушек. Они из какого-то благотворительного учреждения. Я спросила себя: для чего было специально ездить за ними, если можно набрать тысячи на окрестных улицах? Ответ напрашивался сам собой. Во-первых, поскольку они слепые уже давно, у них должны быть известные рабочие навыки. Во-вторых, все они девицы. Такая дедукция не представляла особых трудностей.

— Гм, — сказал я. — Это зависит от точки зрения. Мне бы это в голову не пришло. А что вы?..

— Ш-ш-ш! — сказала она.

В зале наступила тишина.

Поднялась высокая женщина, смуглая и моложавая, с видом весьма целеустремленным.

— Следует ли нам сделать вывод, — спросила она голосом, в котором звучала углеродистая сталь, — следует ли нам сделать вывод, что последний оратор выступает в защиту свободной любви? — И она села с устрашающей решимостью.

Доктор Ворлесс рассматривал ее, приглаживая волосы.

— Я думаю, задавшая этот вопрос должна знать, что я ни слова не сказал о любви, ни о свободной, ни о продажной или взаимной. Не сообразовал ли она поставить вопрос яснее?

Женщина снова встала.

— Я думаю, оратор понял меня. Я спрашиваю, не предлагает ли он отменить закон о браке?

— Все законы, которые мы знали, отменены обстоятельствами. Создавать законы, соответствующие новым условиям, а также, если понадобится, навязывать их придется теперь нам самим.

— Есть еще закон божий и закон благопристойности.

— Мадам, у Соломона было три сотни — или пять сотен? — жен, но бог, видимо, не ставил ему это в вину. Мусульманин с тремя женами сохраняет полную респектабельность. Все зависит от местных обычаев. Позже мы сами решим, каковы будут наши законы касательно этого и всех прочих предметов, чтобы они были наиболее выгодными для нашего сообщества.

Наш комитет после дискуссии пришел к выводу, что если мы хотим построить новый порядок вещей и не хотим впасть в варварство — а такая опасность существует, — мы должны иметь определенные обязательства со стороны тех, кто выразит желание присоединиться к нам.

Никто из нас не собирается восстанавливать образ жизни, который нами утрачен. Что мы предлагаем? Трудовую жизнь в наилучших условиях, какие мы можем создать, и счастье, которое придет в борьбе с трудностями. Взамен мы просим сотрудничества и плодотворной деятельности. Никто никого не принуждает. Выбирайте сами. Те, кому наше предложение не по душе, свободны идти куда угодно и основать сообщество отдельно на принципах, которые они предпочитают.

Последовал бессвязный спор, то и дело опускающийся до частных и гипотетических предположений, на которые пока не могло быть ответа. Но никто не пытался прекратить его. Чем дольше он продолжался, тем привычней становилась сама идея.

Мы с Джозеллой отправились к столу, где сестра Берр расположилась со своими орудиями пыток. Нам было сделано несколько уколов, после чего мы снова сели слушать, как спорят.

— Как вы думаете,— спросил я Джозеллу,— сколько из них решат присоединиться?

Она огляделась.

— Да почти все к утру,— сказала она.

Я усомнился. Слишком много слышалось возражений и вопросов. Джозелла сказала:

— Знаете, если бы вы были женщиной и вам предстояло перед сном подумать час-другой, выбрать ли детей и организацию, которая будет о вас заботиться, или верность принципам, которые скорее всего не дадут вам ни детей, ни мужчину-защитника, вы бы не испытывали таких сомнений.

— Не ожидал от вас такого цинизма.

— Если вы всерьез считаете это цинизмом, значит, вы сентиментальный пошляк. Я говорю о реальных женщинах, а не о куклах из фильмов и дамских журналов.

— О,— сказал я.

Некоторое время она размышляла, затем нахмурилась. Наконец она сказала:

— Хотела бы я знать, сколько им от нас нужно. Я люблю детей, но должен быть какой-то предел.

Дебаты беспорядочно продолжались примерно час, после чего постепенно затихли. Микаэль попросил, чтобы списки тех, кто решит присоединиться к сообществу, были у него в кабинете к десяти часам утра. Полковник потребовал, чтобы все, кто может водить грузовики, явились к нему в семь ноль-ноль. На этом собрание закончилось.

Мы Джозеллой вышли из здания. Вечер был теплый. Прожекторный луч на башне вновь с надеждой пронизывал небеса. Луна только что поднялась над крышей Музея. Мы нашли низенькую ограду и уселись на нее, глядя в темноту сада и слушая слабый шорох ветра в листве. Мы молча выкурили по сигарете. Затем я отшвырнул окурки и глубоко вздохнул.

— Джозелла,— сказал я.

— М-м? — отозвалась она рассеянно.

— Джозелла,— снова сказал я.— Э... насчет детей. Я бы... э... я был бы чертовски горд и счастлив, если бы они были вашими и моими.

Секунду она сидела неподвижно, не говоря ни слова. Затем она повернула ко мне лицо. Лунный свет блестел на ее каштановых волосах, но глаза оставались в тени.

Я ждал, сердце мое билось сильно и немного болезненно. Она произнесла с удивительным спокойствием:

— Спасибо, милый Билл. Мне кажется, я тоже была бы горда и счастлива.

Я перевел дыхание. Сердце билось по-прежнему сильно, и, протянув руку к ее руке, я обнаружил, что пальцы у меня дрожат. У меня не было слов в эту минуту. Но у Джозеллы они были. Она сказала:

— Правда, теперь это не так просто.

Меня подбросило.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

Она раздумчиво проговорила:

— Мне кажется, я бы на месте этого комитета...— Она кивнула в сторону башни.— Я бы установила правило. Я бы разделила нас на группы. Я постановила бы, что каждый мужчина, который женится на зрячей девушке, обязан взять за себя еще и двух слепых девушек.

Я уставился в ее лицо, скрытое тенью.

— Вы шутите,— сказал я.

— Боюсь, что нет, Билл.

— Но послушайте...

— А вам не кажется, что примерно это они и имели в виду... когда выступали там, на собрании?

— Пожалуй,— согласился я.— Но одно дело, если такое правило установят они. И совсем другое...

Я проглотил слюну. Я сказал:

— Послушайте, вы с ума сошли. Это же противоестественно. То, что вы предлагаете...

Она подняла ладонь, чтобы остановить меня.

— Погодите, Билл, выслушайте меня. Я знаю, поначалу это звучит немного жутко, но никто с ума не сошел. Все это очень ясно... и очень не просто.

Все это,— она обвела рукой вокруг,— что-то изменило во мне. Словно я вдруг все увидела по-другому. И мне кажется, те из нас, кого минула чаша сия, будут гораздо ближе друг другу, гораздо больше зависеть друг от друга, будут больше... ну, больше походить на единое племя, чем когда-либо раньше.

Весь день, когда мы разъезжали по городу, я видела несчастных, обреченных людей. И все время я твердила себе: «Если бы не милость судьбы...» И затем я сказала себе: «Это чудо! Я не заслуживаю лучшей участи, нежели эти люди. Но произошло чудо. Я уцелела... и теперь я должна оправдать это»; я ощутила себя как-то ближе

к другим людям, чем прежде. Это ощущение заставило меня думать все время: чем я могу помочь хотя бы некоторым из них?

Понимаете, Билл, мы обязаны что-то сделать, чтобы оправдать это чудо. Я могла быть одной из этих слепых девушек; вы могли быть одним из этих несчастных слепых мужчин. Мы не способны сделать ничего большого. Но если мы возьмем на себя заботу хотя бы о немногих и дадим им хоть чуть-чуть счастья, мы расплатимся... уплатим крещенную долю своего долга. Вы понимаете меня, Билл, ведь правда?

Минуту или больше я обдумывал ее слова.

— По-моему, — сказал я, — это самый странный довод, какой я слышал сегодня... и вообще в жизни. И все же...

— И все же это так, правда, Билл? Я знаю, что это так. Я попыталась поставить себя на место одной из этих слепых девушек, и я знаю. В нашей воле дать настоящую, полную жизнь, насколько это возможно, некоторым из них. Так что же, дадим мы ее им как долю нашей благодарности... или мы откажем им из-за внушенных нам предрассудков?

Некоторое время я молчал. Я ни секунды не сомневался, что Джозелла уверена в каждом своем слове. Я подумал о судьбах решительных женщин с подрывными идеями, таких, как Флоренс Найтингейл и Елизавета Фрай. Ничего с ними нельзя поделать... И так часто в конечном счете они оказывались правы.

— Ну хорошо, — сказал я. — Пусть будет так, раз вы считаете это нужным.

Мы все сидели на ограде, держась за руки, и глядели на испятнанные тени деревьев, но почти ничего не видели. По крайней мере я не видел. Затем в здании у нас за спиной кто-то завел патефон. Над пустынным деором зазвучал вальс Штрауса, полный светлой тоски по родине. На мгновение перед нами возникло видение большого зала: вихрь красок и луна вместо хрустальной люстры.

Джозелла соскользнула со стены. Раскинув руки и изгибаясь, легкая как пушинка, она танцевала в огромном круге лунного света. Потом она остановилась передо мной. Глаза ее сияли, и она протянула ко мне руки.

И мы танцевали на пороге неведомого будущего под эхо исчезнувшего прошлого.

8. Крушение планов

Я брел по незнакомому пустынному городу, где мрачно бил колокол и гробовой бестелесный голос вопил в пространстве: «Зверь на свободе! Берегитесь! Зверь на свободе!» Тут я проснулся и обнаружил, что колокол бьет наяву. Он гремел медным звоном так резко и тревожно, что секунду я не мог сообразить, где я нахожусь. Затем, пока я все сидел, приходя в себя, слышались крики: «Пожар!» Я выскочил из постели и в чем был выбежал в коридор. Там пахло дымом, слышались топчущие шаги, хлопали двери. Больше всего шум доносился справа, где бил колокол и кричали испуганные голоса, и я побежал туда. Лунные блики падали через высокие окна в конце коридора и разрезали сумрак, позволяя держаться подальше от стен, вдоль которых на ощупь двигались люди.

Я добежал до лестницы. Колокол гремел внизу в вестибюле. Я стал поспешно спускаться сквозь дым, становившийся все гуще. На последних ступеньках я споткнулся и упал. Сумрак вдруг обратился в кромешную тьму, в этой тьме вспыхнула туча искр, и все кончилось...

Сначала была боль в голове. Затем, когда я открыл глаза, был яркий блеск. Он ослепил меня, словно прожектор, но когда я попробовал поднять веки снова, на этот раз осторожно, оказалось, что передо мной всего-навсего обыкновенное окно, да притом еще грязное. Я знал, что лежу на кровати, но я не стал подниматься: в голове стучал яростный поршень, предупреждавший малейшие попытки пошевелиться. Поэтому я продолжал тихо лежать и глядеть в потолок до тех пор, пока не обнаружил, что руки у меня связаны.

Это сразу вывело меня из летаргии, несмотря на грохот в голове. Я увидел, что связан со знанием дела. Не настолько крепко, чтобы было больно, однако вполне прочно. Несколько витков электрического шнура на запястьях и сложный узел внизу, так, чтобы нельзя было дотянуться зубами. Я выругался и стал осматриваться. Комната была невелика, и, кроме кровати, на которой я лежал, в ней ничего не было.

— Эй! — крикнул я. — Есть здесь кто-нибудь?

Через минуту снаружи слышались шаркающие шаги. Дверь приоткрылась, и в комнату просунулась маленькая голова в шерстяном колпаке. Под головой болтался гал-

стук, похожий на веревку. Лицо казалось темным от небритой щетины. Глаза были устремлены в мою сторону, но не на меня.

— Здорово, хрен,— сказала голова довольно дружелюбно.— Что, очухался? Потерпи немного, я сейчас принесу тебе хлебнуть горячего.— И голова скрылась.

Предложение потерпеть было совершенно лишним, но ждать пришлось недолго. Через несколько минут он вернулся, неся бидон с проволоочной ручкой.

— Ты где? — спросил он.

— Прямо перед тобой, на кровати,— ответил я.

Он осторожно двинулся вперед, вытянув левую руку, нащупал спинку кровати, затем обошел кровать и протянул мне бидон.

— Получай, приятель. Вкус у него не так чтобы очень, потому как старина Чарли плеснул туда немного рома, но я думаю, ты не будешь в обиде.

Я принял бидон, зажав его довольно неловко между связанными руками. В бидоне оказался чай, крепкий и сладкий, с изрядным количеством рома. Возможно, вкус у этого чая действительно был несколько странный, но он подействовал на меня, как эликсир жизни.

— Спасибо,— сказал я.— Ты прямо чудодей. Меня зовут Билл.

Его, как оказалось, звали Элф.

— Ну, выкладывай, Элф,— сказал я.— Что здесь происходит?

Он присел на край кровати и протянул мне пачку сигарет и спички. Я взял, прикурил для него, закурил сам и вернул ему коробок.

— Вот какое дело, друг,— сказал он.— Ты, поди, знаешь, что вчера утром возле Университета был небольшой шум. Может, ты был там?

Я сказал, что все видел.

— Ну так вот, после этого дела Коукер — это тот самый парень, который вел переговоры,— он вроде как бы обозлился. «Ладно,— говорит он этак злобно.— Эти гады у нас попляшут. Я все выложил им честно и благородно. А теперь они получают сполна». Да, а надо тебе сказать, что мы еще раньше встретили еще пару ребят и одну бабенку, которые тоже зрячие. Они все это и устроили. Он парень что надо, этот Коукер!

— Ты хочешь сказать... Он все это подстроил? Никакого пожара не было? — спросил я.

— Пожар! Да какой там пожар? Они вот что сделали: натянули проволоку, зажгли в зале кучу бумаги и щепок и принялись бить в колокол. Мы посчитали, что зрячие выскочат первыми, потому что немного света от луны все-таки было. Так оно и получилось. Коукер и еще один парень брали в работу тех, кто спотыкался на проволоку, и передавали нам, а уж мы относили на грузовик. Просто, как поцелуй ручку.

— М-м,— произнес я горестно.— Действительно, он парень не промах, этот ваш Коукер. И много нас дураков попало в эту ловушку?

— Да пару дюжин мы, наверное, взяли... правда, потом оказалось, что пять или шесть из них слепые. Когда в грузовике не осталось больше места, мы укатали и оставили остальных разбираться, что к чему.

Как бы ни относился к нам Коукер, было очевидно, что Элф враждебных чувств к нам не испытывал. Кажется, он смотрел на все это дело как на спорт. Я мысленно снял перед Элфом шляпу. Я-то отлично сознавал, что в его положении я не был бы способен смотреть на что бы то ни было как на спорт. Я допил чай и получил от него вторую сигарету.

— А что будет дальше? — спросил я.

— Коукер хочет разделить всех нас на команды и придать каждой команде одного из ваших. Вы будете смотреть, где что можно взять, вроде бы глазами будете для нас. Ваше дело будет помочь нам продержаться, пока кто-нибудь не придет и не управится с этой погибелью.

— Понятно,— сказал я.

Он настороженно повернул ко мне лицо. Нет, в чуткости отказать ему было нельзя. Он уловил в моем тоне больше, чем я хотел выразить.

— Ты думаешь, это надолго? — спросил он.

— Не знаю. Что говорит Коукер?

Коукер, по-видимому, не затруднялся частностями. Впрочем, у Элфа было свое мнение.

— Если ты спросишь меня, так, по-моему, никто нас спасти не придет. Если бы было кому, то давно бы уже пришли. Другое дело, будь мы в каком-нибудь маленьком городишке или в деревне. А тут Лондон! Ясно, что сюда пришли бы раньше, чем в какое другое место. Нет, на мой взгляд, они еще не пришли, и значит это, что они никогда не придут. Потому что, провалиться мне, кто же мог подумать, что случится такое?

Я ничего не сказал. Не такой был Элф человек, чтобы утешаться легковесными ободрениями.

— А ты, я смотрю, тоже так думаешь? — спросил он, помолчав.

— Да, дела обстоят неважно, — признался я. — Но есть еще шанс, видишь ли... люди откуда-нибудь из-за границы...

Он покачал головой.

— Они бы уже были здесь. Они бы уже разъезжали по улицам с громкоговорителями и объясняли нам, что нужно делать. Нет, приятель, мы влипли: никто никуда не придет. Это уж точно.

Некоторое время мы молчали, затем он сказал:

— А знаешь, неплохо мы все-таки прожили.

Мы немного поговорили о том, как пожил он. Он работал во многих местах и всюду, по-видимому, обделывал кое-какие тайные делишки. Он подвел итог:

— Так или иначе, мне жилось неплохо. А ты чем промышлял?

Я рассказал. Это не произвело на него впечатления.

— Триффиды, ха! Гнусные твари. Какие-то они, можно сказать, ненастоящие, что ли.

Больше о триффидях не было сказано ни слова.

Элф вышел, оставив меня с моими мыслями и с пачкой своих сигарет. Я продумал ситуацию, и она мне не понравилась. Мне хотелось знать, как ее восприняли другие. Особенно меня интересовало мнение Джозеллы.

Я встал с кровати и подошел к окну. Вид из окна был жалкий. Внутренний двор-колодец с гладкими стенами, выложенными белыми изразцами, подо мной четыре этажа и застекленный люк внизу. Сделать тут можно было немного. Элф повернул за собой ключ, но на всякий случай я попробовал дверь. Комната не вселяла в меня никаких надежд. Она выглядела как номер третьесортной гостиницы, только из нее было вынесено все, кроме кровати.

Я вернулся на кровать и предался размышлениям. Вероятно, я смог бы одолеть Элфа даже со связанными руками — при условии, что у него нет ножа. Но он скорее всего имел нож, и это было бы неприятно. Вряд ли слепой станет угрожать ножом; чтобы справиться со мной, он пустит нож в ход без предупреждения. Затем, как узнать, с кем я еще столкнусь, пока буду искать выход на улицу? Более того, я не желал причинять Элфу никакого вреда. Самым благоразумным представлялось ждать удоб-

ного случая: такой случай обязательно должен выпасть на долю зрячего среди слепых.

Часом позже Элф вернулся, неся тарелку с едой, ложку и опять бидон с чаем.

— Вроде бы и грубо с нашей стороны,— извинился он,— но вилки и ножа давать тебе не велено, так что обойдись так.

Энергично работая ложкой, я спросил Элфа о других пленниках. Он знал очень немного и совсем не знал имен, но я выяснил, что среди них есть женщины. Затем я остался один на несколько часов, в течение которых из всех сил старался заснуть и избавиться от головной боли.

Когда Элф появился снова с едой и неизбежным чаем, его сопровождал человек, которого он назвал Коукером. Коукер выглядел более усталым, чем вчера у ворот Университета. Под мышкой у него была кипа бумаг. Он окинул меня изучающим взглядом.

— Вам известно, чего от вас хотят? — спросил он.

— Более или менее. Элф рассказал мне.

— Тогда ладно.— Он бросил бумаги на кровать, взял одну сверху и развернул ее. Это оказался план Большого Лондона. Он указал на район, жирно обведенный синим карандашом, включающий часть Хэмпстеда и Суисс-коттедж.

— Вот ваше место,— сказал он.— Ваша команда работает внутри этого района и нигде больше. Нельзя допустить, чтобы все группы охотились за одной и той же добычей. Ваше дело искать продовольствие в этом районе и снабжать свою команду продовольствием и всем остальным, что понадобится. Дошло?

— А иначе? — спросил я, глядя на него.

— А иначе они останутся голодными. И если они будут голодны, вам придется плохо. Некоторые из парней — настоящее зверье, и никто из нас не занимается этим для развлечения. Поэтому будьте осторожны. Завтра утром мы отвезем туда вас и вашу группу на грузовиках, после чего вашим делом будет помочь им продержаться, пока не придет кто-нибудь, чтобы привести все в порядок.

— А если никто не придет? — спросил я.

— Кто-нибудь должен прийти,— сказал он угрюмо.— Одним словом, действуйте и смотрите не забирайтесь в чужие районы.

Он повернулся, чтобы идти, но я остановил его.

— Мисс Плэйтон находится у вас? — спросил я.

— Имен я не знаю, — сказал он.

— Блондинка, примерно метр шестьдесят пять — шестьдесят семь, серо-голубые глаза, — настаивал я.

— Девушка примерно такого роста есть, и она блондинка. Но я не заглядывал ей в глаза. У меня есть дела поважнее, — сказал он и вышел.

Я нагнулся над картой. Я не был в восторге от своего района. Конечно, это был пригород с чистым целебным воздухом, но в данных обстоятельствах я бы предпочел расположение каких-нибудь доков или пакгаузов. Сомнительно было, чтобы в назначенном мне районе нашлись более или менее крупные товарные склады. Однако «приз не может достаться всем сразу», как, несомненно, сказал бы Элф, и, кроме того, я не собирался оставаться там дольше, чем необходимо.

Когда Элф пришел снова, я спросил его, не передаст ли он Джозелле записку. Он покачал головой.

— Прости, друг. Не велено.

Я обещал ему, что ничего плохого в записке не будет, но он остался неколебим. Я не мог винить его за это. У него не было причин доверять мне, и он не мог прочесть записку, чтобы убедиться, так ли она безобидна, как я обещал. И вообще у меня не было ни бумаги, ни карандаша, и я оставил эту мысль. Все же мне удалось убедить его дать ей знать, что я нахожусь здесь, и выяснить, в какой район ее посылают. Ему ужасно не хотелось делать этого, но он был вынужден согласиться, что если порядок будет когда-либо восстановлен, мне будет легче найти ее, зная, откуда начинать поиски.

Затем я остался на некоторое время наедине со своими мыслями.

Беда была в том, что я с чудовищной ясностью видел правоту обеих сторон. Я знал, что здравый смысл и дальновидность на стороне Микаэля Бидли и его группы. Если бы они отправились в путь, мы с Джозеллой, несомненно, поехали бы с ними и работали бы с ними, и тем не менее я чувствовал, что сердце у меня было бы не на месте. Никто бы не смог убедить меня, что уже ничем нельзя помочь тонущему кораблю, не смог бы меня заверить, что я сделал выбор не по расчету. Если действительно не было возможности организованного спасения, тогда их предложение спасти то, что еще можно, было самым разумным. Но, к сожалению, человеческую натуру движет отнюдь не только разум. Я противопоставил себя проч-

ным, укоренившимся традициям и предрассудкам, о которых говорил старый профессор. И он был совершенно прав относительно того, как трудно принять новые принципы. Если бы, например, пришло откуда-нибудь чудесное спасение, каким мерзавцем я ощутил бы себя за то, что удрал; как бы я презирал себя и остальных за то, что мы не остались здесь, в Лондоне, помогать до конца, каковы бы ни были наши соображения...

Но с другой стороны, если бы помощь не пришла, как бы я обвинял себя за бессмысленную трату времени и усилий, когда другие люди, более крепкие духом, трудились над спасением всего, что еще можно было спасти?

Я знал, что должен решиться раз и навсегда. Но я не мог.

Не было никакой возможности узнать, что избрала Джозелла. Она ничего мне не передавала. Но вечером в комнату просунул голову Элф. Он был краток.

— Вестминстер, — сказал он. — Ну и ну! Да разве найдешь какую-нибудь жратву в Парламенте?

На следующее утро Элф разбудил меня рано. Его сопровождал громадный детина с бегающими глазками, назойливо выставлявший напоказ мясницкий нож. Элф подошел ко мне, бросил на кровать охапку одежды. Детина закрыл дверь и привалился к косяку, следя за мной хитрым взглядом и поигрывая ножом.

— Давай лапы, приятель, — сказал Элф.

Я протянул ему руки. Он ощупал проволоку у меня на запястьях и перекусил ее кусачками.

— А теперь, друг, напяливай на себя это барахло, — сказал он, отступая.

Я оделся. Детина с ножом следил за каждым моим движением, как ястреб. Когда я застегнул последнюю пуговицу, Элф достал наручники.

— Ничего страшного, — заметил он.

Я медлил. Детина отвалился от косяка и выставил нож перед собой. Для него, очевидно, наступил самый интересный момент. Я решил, что сейчас, пожалуй, не время предпринимать отчаянные попытки, и снова протянул руки. Элф ощупал их и замкнул наручники на запястьях. Затем он вышел и принес мне завтрак.

Еще через два часа снова явился детина, по-прежнему держа нож напоказ. Он махнул им в сторону двери.

— Давай,— сказал он. Это было единственное слово, которое он произнес.

Он шел за мной по пятам, и я всей спиной ощущал острие ножа. Мы спустились вниз на несколько этажей и пересекли вестибюль. На улице ждали два нагруженных грузовика. У заднего борта одного стоял Коукер с двумя своими людьми. Он поманил меня. Не говоря ни слова, он продел у меня между руками цепь. На концах цепи было по ремню. Один ремень был уже обмотан вокруг запястья дородного слепого мужчины; другой он прикрепил к запястью такого же угрюмого типа, так что я оказался между ними. Они ничем не желали рисковать.

— На вашем месте я бы не стал откалывать никаких номеров,— посоветовал мне Коукер.— Будьте с ними хороши, и они будут хороши с вами.

Мы втроем неловко вскарабкались через задний борт, и оба грузовика тронулись в путь.

Мы остановились где-то неподалеку от Суисс-коттеджа и выгрузились. Человек двадцать, бесцельно бродивших вдоль водосточных канав, при шуме моторов разом, словно части единого механизма, повернулись в нашу сторону с выражением недоверия на лицах, а затем начали медленно приближаться к нам, окликая нас на ходу. Шоферы заорали нам, чтобы мы посторонились. Грузовики дали задний ход, развернулись и с грохотом умчались. Люди, двигавшиеся к нам, остановились. Кто-то из них закричал вслед грузовикам, остальные безнадежно и молча повернулись и побрели прочь. Метрах в пятидесяти женщина забилась в истерику и стала колотиться головой о стену. Я почувствовал дурноту.

Я повернулся к своей команде.

— Ну,— сказал я,— что вам нужно прежде всего?

— Квартиру,— сказал один.— Нам нужно место, где спать.

Я подумал, что это самое меньшее, что я должен для них сделать. Я не мог вот так просто улизнуть и бросить их посередине улицы. Раз уж дело зашло так далеко, я должен был найти для них какой-то центр, что-то вроде штаба, и помочь им устроиться. Требовалось место, где можно было бы складывать добычу, питаться и держаться всем вместе. Я пересчитал их. В команде оказалось пятьдесят два человека, из них четырнадцать женщин. Лучше всего подошла бы гостиница. Это решило бы вопрос с кроватями и постельными принадлежностями.

Мы выбрали один из прославленных меблированных домов, викторианское здание с плоской крышей. Здесь было гораздо больше удобств, чем необходимо. Бог знает, что случилось с большинством жильцов, но в одном из холлов мы наткнулись на старика, пожилую женщину (она оказалась хозяйкой), средних лет мужчину и трех девушек. Они сгрудились там, дрожащие и перепуганные. У хозяйки достало присутствия духа протестовать против нашего вторжения. Она изрекла несколько очень громких угроз, но даже лед свирепых манер, свойственных хозяйкам меблированных домов, был до жалости тонок. Немного пошумел и старик, пытавшийся поддержать ее. Остальные сидели тихо, они только нервно прислушивались, обратив лица в нашу сторону.

Я объяснил, что мы въезжаем в дом. Если им это не нравится, они могут уйти. Если же они предпочитают остаться и делить все поровну, мы возражать не будем. Им это не понравилось. Было ясно, что где-то в доме спрятан запас провизии, который делить с нами они не желают. Только когда до них дошло, что мы намерены создать еще большие запасы, их отношение к нам смягчилось, и они приготовились извлечь из этого все выгоды.

Я решил, что останусь на день-другой, пока не устрою команду. Я догадывался, что Джозелла поступит со своей группой так же. Хитроумный человек этот Коукер: трюк назывался «подержите младенца». Просят минуточку подержать младенца и удирают. Когда все наладится, я улизну и найду ее.

Дня два мы работали систематически, обчищая самые крупные магазины — большей частью однотипные лавки какой-то одной фирмы, в общем не очень богатые. Почти повсюду до нас побывали другие. Витрины были в ужасном состоянии. Стекла были выбиты, на полу валялись вскрытые банки и разорванные пакеты, их содержимое липкой вонючей массой перемешалось с осколками стекла. Но повреждения, как правило, были невелики, и мы находили в лавках и на задних дворах нетронутые ящики.

Слепым было невероятно трудно поднимать и вытаскивать эти тяжелые ящики на улицу и грузить их на ручные тележки. А ведь надо было еще доставить добычу домой и перенести в кладовые. Но практика уже начала давать им некоторые навыки.

Хуже всего было то, что мне нельзя было ни на минуту оставить их. Они были не в состоянии сделать почти ничего без моего руководства. Мы могли бы организовать хоть дюжину рабочих партий, но использовать одновременно нельзя было даже две. В доме, когда я уходил с партией фуражиров, работы тоже приостанавливались. Мало того, им приходилось сидеть сложа руки, пока я тратил время на поиски и исследование новых источников добычи. Двое зрячих могли бы наработать вдвое и втрое больше, нежели вся моя команда.

С того момента, когда мы принялись за дело, у меня не было ни одной свободной минуты. Днем я думал только о работе и к вечеру уставал так, что засыпал мгновенно, едва ложился. Время от времени я говорил себе: «Завтра к вечеру я уже полностью обеспечу их всем необходимым, хотя бы на некоторое время. Тогда я смоюсь и пойду искать Джозеллу».

Звучало это прекрасно, но каждый день это было новое завтра и с каждым днем мне становилось труднее. Некоторые начали понемногу обучаться, но по-прежнему практически ничто, начиная с работы на улицах и кончая открыванием банки консервов, не могло производиться без моего участия. Мне даже казалось, что с каждым днем я становлюсь все более незаменимым.

И они не были ни в чем виноваты. В этом заключалась главная трудность. Некоторые старались изо всех сил, и я просто не мог предать их и плюнуть на их судьбу. Десять раз на день я проклинал Коукера за то, что он поставил меня перед такой проблемой, но это не помогало мне разрешить ее: я только спрашивал себя, чем все это может кончиться...

Первый намек на ответ (хотя я не подозревал тогда, что это намек) появился на четвертое или на пятое утро, как раз перед тем, как мы собрались выйти на добычу. Женский голос крикнул нам с лестницы, что на ее этаже двое больных, тяжело больных, по ее мнению.

Обоим моим волкодавам это не понравилось.

— Послушайте, — сказал я им. — Я сыт по горло этой цепью и наручниками. Мы бы прекрасно обошлись без них.

— И вы бы сейчас же удрали и своим? — сказал кто-то.

— Не обольщайтесь, — сказал я. — Мне ничего не стоит прикончить эту пару горилл-любителей в любое время

дня и ночи. Я не сделал этого просто потому, что ничего против них не имею. Но меня начинает раздражать эта пара тупоголовых идиотов...

— Эй, послушай... — возразил один из волкодавов.

— И, — продолжал я, — если они не дадут мне взглянуть на заболевших, пусть ждут своего конца с минуты на минуту.

Мои волкодавы вняли гласу разума, но в комнате больных они изо всех сил, насколько позволяла цепь, старались держаться позади. Заболели двое мужчин — один средних лет, другой совсем молодой. У обоих был жар, оба жаловались на острую боль в животе. В те времена я мало понимал в таких вещах, но не надо было понимать много, чтобы ощутить сильное беспокойство. Придумать я ничего не мог, только велел перенести их в пустующий дом рядом и попросил одну из женщин по возможности ухаживать за ними.

Это было начало перемен. Следующее событие, совсем в ином роде, случилось примерно в полдень.

К тому времени мы уже основательно очистили большинство продуктовых магазинов вблизи от дома, и я решил несколько расширить сферу действий. Я вспомнил, что в полумиле к северу находится еще одна улица с магазинами, и повел команду туда. Магазин мы нашли, но нашли и кое-что другое.

Свернув за угол, я сразу остановился. Перед бакалейной лавкой толпилась группа мужчин: они выносили из дверей ящики и грузили их на грузовик. Работали они совершенно так же, как мы. В моей группе было человек двадцать. Я остановил их и стал раздумывать, как быть дальше. Я склонялся к мысли отступить, чтобы избежать возможного столкновения и отправиться поискать свободное поле деятельности где-нибудь в другом месте: не было смысла вступать в конфликт, когда вокруг по различным магазинам разбросано так много добра. Но принять решение я не успел. Пока я колебался, из лавки уверенным шагом вышел рыжеволосый молодой человек. Не могло быть сомнения в том, что он зрячий: через секунду он увидел нас.

Он повел себя очень решительно. Он быстро сунул руку в карман. В следующее мгновение пуля щелкнула в стену у меня за спиной.

Последовала живая картина. Люди его и моей группы замерли, обратив друг на друга невидящие глаза, сияясь

понять, что происходит. Затем он выстрелил снова. Думаю, он целился в меня, но пуля попала в моего стража слева. Тот хрюкнул как бы в удивлении и со вздохом сложился пополам. Я нырнул за угол, волоча за собой второго волкодава.

— Живо! — сказал я. — Давай ключи от наручников. Пока я скован, я ничего не могу сделать.

Он только понимающе осклабился. Он был человек одной идеи.

— Ха, — сказал он. — Это ты брось. Меня не проведешь.

— О боже, шут гороховый... — проговорил я, натягивая цепь и подтаскивая к себе труп волкодава номер один, чтобы укрыться за ним.

Этот дурак пустился в спор. Бог знает, каким коварством наделила меня его тупость. Цепь провисла достаточно, чтобы я мог поднять обе руки. Я так и сделал и трахнул его обеими руками с такой силой, что голова его с треском ударилась о стену. На этом спор прервался. Я нашел ключ у него в боковом кармане.

— Слушайте, — сказал я остальным. — Повернитесь все кругом и идите прямо. Не отделяйтесь друг от друга, иначе пропадете. Ну, идите, не задерживайтесь.

Я отомкнул наручники на одном запястье, освободился от цепи и перебрался через стену в чей-то сад. Там я присел на корточки и освободил второе запястье. Затем я перешел через сад и осторожно заглянул через дальний угол ограды. Молодой человек с пистолетом не бросился за нами, как я ожидал. Он все еще был со своей группой и давал ей какие-то указания. Тогда я сообразил, что спешить ему было некуда. Раз мы не отстреливались, он понял, что мы не вооружены, а уйти отсюда быстро мы не в состоянии.

Покончив со своими директивами, он уверенно вышел на дорогу, откуда была видна моя удаляющаяся команда, и направился за нею следом. На углу он остановился взглянуть на распростертые тела моих стражей. Вероятно, цепь внушила ему, что один из них и был глазами нашей группы, потому что он снова сунул пистолет в карман и вразвалку пошел за остальными.

Этого я не ожидал, и мне потребовалась минута, чтобы понять его замысел. Затем я сообразил, что самым выгодным для него было бы проводить нашу группу до дома и поглядеть, какую добычу там можно захватить. Мне

оставалось признать, что либо он быстрее меня осваивается в неожиданных положениях, либо в отличие от меня он заранее продумал возможности, какие могут возникнуть. Я был рад, что велел своей команде идти прямо, никуда не сворачивая. Очень возможно, что они вскоре утомятся, но я знал, что найти самостоятельно обратную дорогу домой и привести туда этого молодого человека тогда уже никто из них не сможет. Пока они будут держаться вместе, собрать их не составит труда. Насущной же проблемой был человек, который имел пистолет и без размышлений пускал его в ход.

В некоторых местах земного шара можно было бы раздобыть подходящее оружие в первом попавшемся доме. Но не в Хэмпстеде; к сожалению, это был весьма respectable пригород. Вероятно, где-нибудь и оказалось бы спортивное ружье, но мне пришлось бы долго искать его. Единственное, что я мог придумать, это не терять молодого человека из виду и надеяться, что счастливая случайность даст мне возможность с ним разделаться. Я отломил у дерева сук, снова перелез через стену и побрел, постукивая по краю тротуара, в надежде на то, что меня теперь нельзя отличить от сотен слепых, бредущих вдоль улиц таким же образом.

Дорога здесь была прямая. Рыжеволосый молодой человек был метрах в пятидесяти впереди меня, а моя команда — еще дальше, метров на пятьдесят дальше. Так мы прошли около полумили. К счастью, никто из моей группы не свернул в переулок, который вел домой. Я еще спрашивал себя, сколько пройдет времени, прежде чем они решат, что прошли достаточно, когда случилось неожиданное: один из моих застонал вдруг и согнулся, прижимая руки к животу. Затем он осел на мостовую и повалился, корчась от боли. Остальные продолжали идти. Должно быть, они слышали стоны, но не догадались, что он — один из них.

Молодой человек посмотрел на упавшего, потом он сошел с тротуара и приблизился к скорчившемуся телу. Он остановился в нескольких шагах от него. Вероятно, с четверть минуты он стоял так, настороженно глядя на упавшего сверху вниз. Затем медленно, но совершенно хладнокровно он вытащил из кармана пистолет и выстрелил ему в голову.

При звуке выстрела группа впереди остановилась. Я тоже. Молодой человек больше не пытался преследовать

их — было очевидно, что он сразу потерял к ним всякий интерес. Он повернулся кругом и пошел обратно посередине улицы. Я вспомнил свою роль и снова двинулся вперед ему навстречу, постукивая палкой по краю тротуара. Он даже не взглянул на меня, но я-то хорошо видел его лицо: напряженное, с плотно сжатыми челюстями... Я еще некоторое время стучал палкой, пока он не остался далеко позади, а затем поспешил к своим. Напуганные выстрелом, они спорили, идти им дальше или нет.

Я прервал их, сообщив, что больше не обременен своими тупыми волкодавами и что отныне мы будем действовать по-другому. Я достану грузовик и минут через десять вернусь, чтобы отвезти их домой.

Встреча с организованной группой соперников прибавила мне забот, однако наше убежище мы нашли по возвращении нетронутым. Единственной новостью, которая ожидала меня там, было то, что еще двое мужчин и одна женщина слезли с острой резью в животе и их перенесли в соседний дом.

Мы приняли все возможные меры к обороне на случай нашествия мародеров в мое отсутствие. Затем я взял новую группу, и мы отправились на грузовике — на этот раз в другом направлении.

Я вспомнил, что когда в свое время мне приходилось бывать в Хэмпстеде, я чаще всего сходил с автобуса на последней остановке, и там была масса небольших лавочек и магазинов. С помощью карты я нашел этот район довольно легко, и не только нашел, но и обнаружил, что каким-то чудом он почти не пострадал. Если не считать трех-четырех разбитых витрин, он выглядел так, словно здесь все закрыто просто на викэнд.

Но была и разница. Например, никогда раньше, ни в будни, ни по воскресеньям, здесь не царила такая тишина. И на улице лежало несколько трупов. К трупам я уже притерпелся достаточно, чтобы не обращать на них особого внимания. Я даже удивился, что их так мало, и решил, что большинство жителей забились в какие-нибудь убежища от страха или когда начали слабеть от голода. Отчасти из-за этого мне не захотелось заходить в жилые дома.

Я остановился перед продовольственным магазином и несколько секунд прислушивался. Тишина опустилась на нас, как одеяло. Не было слышно постукивания палок, не

было видно бредущих фигур. Не было заметно никакого движения.

— О'кэй,— сказал я.— Вылезай, ребята.

Запертую дверь магазина отворили без труда. Внутри были аккуратные ряды кадушек с маслом, сыров, окороков, ящиков с сахаром и всего прочего. Я поставил группу на работу. К тому времени они уже приобрели кое-какие навыки и действовали более уверенно. Я мог оставить их и отойти, чтобы обследовать кладовые магазина и подвал.

Я был в подвале, исследовал хранившиеся там ящики, когда где-то послышались крики. И сейчас же загрелись каблуки по полу надо мною. Один человек провалился вниз головой в открытый люк. Упав, он больше не двинулся и не издал ни звука. Я решил, что наверху идет схватка с какой-нибудь соперничающей шайкой. Я перешагнул через тело упавшего и с поднятой рукой, чтобы защитить голову, стал осторожно подниматься по трапу.

Прежде всего я увидел в неприятной близости от своего лица многочисленные шаркающие башмаки. Они пятились к люку. Я быстро выскочил и откатился в сторону, пока они не раздавили меня. И едва я поднялся на ноги, как вдребезги разлетелась витрина. Снаружи вместе с нею ввалились три человека. Длинная зеленая плеть хлестнула им вслед и настигла одного, когда он уже лежал на полу. Остальные двое вскочили и, скользя среди разбросанных банок и пакетов, навалились на столпившихся, стремясь убраться подальше от окна. Под их нажимом еще двое оступились и рухнули в открытый люк.

Достаточно было одного взгляда на эту зеленую плеть, чтобы понять, что произошло. За последние дни я совершенно забыл о триффидов. Я вскарабкался на ящик и посмотрел в окно через головы людей. Я увидел трех триффидов: одного посередине улицы и двух ближе, на тротуаре. Четыре человека неподвижно лежали на земле. Теперь стало понятно, почему здесь нетронуты магазины и почему в этом районе не видно ни души. Я проклял себя за то, что не пригляделся к трупам на дороге. Если бы я увидел след жала, я бы знал, чего ожидать.

— Стойте смирно! — закричал я.— Не двигайтесь!

Я спрыгнул с ящика, столкнул людей, стоявших на откинутой крышке люка, и захлопнул люк.

— Позади вас дверь,— сказал я им.— Только без паники.

Первые двое вышли без паники. Затем триффид ударил свистнувшим жалом через разбитую витрину. Кто-то упал с диким криком. Остальные рванулись, едва не опрокинув меня. В дверях началась давка. Прежде чем мы прошли, позади дважды свистнули удары. В задней комнате я огляделся отдуваясь. Нас было семеро.

— Стойте смирно,— сказал я.— Здесь мы в безопасности.

Я вернулся к двери. Внутренняя половина магазина была вне пределов досягаемости для триффидов — пока они оставались снаружи. Мне удалось добраться до люка и снова откинуть крышку. Из подвала вылезли двое мужчин, упавших туда после того, как я выскочил наружу. Один придерживал сломанную руку, другой был в синяках и царапинах и ругался.

Задняя комната выходила в небольшой дворик. В кирпичной стене дворика была калитка, но я стал осторожен. Вместо того чтобы направиться к калитке, я забрался на крышу флигеля и осмотрелся. Калитка открывалась в узкую аллею, которая проходила по всей длине квартала. Аллея была пуста. Но на другой ее стороне, за стеной, огораживавшей, вероятно, частные садики, я различил среди кустарников неподвижные верхушки двух триффидов. Может быть, это было еще не все. Стена на той стороне была ниже, и их высота позволяла им бить жалами через аллею. Я объяснил своим людям положение.

— Проклятые уроды,— сказал один.— Всегда ненавидел этих тварей.

Я снова осмотрелся. Здание через одно от нас оказалось автопрокатной конторой, там стояли наготове три легковые машины. Было нелегко добраться туда через две отделявшие нас стены, особенно с человеком, у которого была сломана рука, но нам это удалось. Кое-как мне удалось втиснуть всех в большой «даймлер». Едва все усьелись, я открыл ворота на улицу и побежал назад к машине.

Триффиды немедленно заинтересовались. Их зловещая чувствительность к звукам подсказала им, что здесь что-то происходит. Когда мы тронулись в путь, два уже поджидали нас у ворот. Их жала хлестнули нам навстречу и без вреда шлепнулись в закрытые окна. Я круто свернул, сбил одного и переехал через него. Минуту спустя мы были уже далеко и мчались на поиски другого, более безопасного места.

Этот вечер был для меня самым скверным со дня катастрофы. Освобожденный от своих стражей, я выбрал себе небольшую комнату, где мог побыть в одиночестве. На каминной полке я установил в ряд шесть свечей и долго сидел в кресле, обдумывая положение. Вернувшись домой, мы узнали, что один из первых заболевших умер; другой был, несомненно, при смерти; заболели еще четверо. К концу ужина заболели еще двое. Что это была за болезнь, я понятия не имел. При отсутствии санитарных условий и вообще при теперешнем положении это могло быть все, что угодно. Я подумал о тифе, но у меня было смутное впечатление, что у тифа должен быть более длительный инкубационный период. Да и то сказать, если бы я и знал — какая разница? Достаточно того, что болезнь эта очень скверная, раз рыжеволосый молодой человек пустил в ход пистолет и отказался от преследования нашей группы.

Похоже было на то, что я с самого начала оказывал своей команде сомнительную услугу. Мне удалось помочь им продержаться, в то время как, с одной стороны, им угрожала соперничающая шайка, а с другой — из пригорода надвигались триффиды. Теперь появилась еще эта болезнь. Чего же я достиг в конце концов? Отодвинул на какое-то время голодную смерть, только и всего.

Я не знал, что делать дальше. И кроме того, меня мучила мысль о Джозелле. То же самое, а может быть, нечто похуже, могло твориться и в ее районе...

Я обнаружил, что снова думаю о Микаэле Бидли и его группе. Еще раньше я знал, что на их стороне логика, а теперь я начинал думать, что на их стороне и истинная гуманность. Они исходили из того, что невозможно спасти кого-нибудь, кроме очень немногих. Внушать же остальным беспочвенные надежды — это по меньшей мере жестоко.

Кроме того, были еще мы сами. Если в чем-либо вообще есть какая-нибудь цель, то для чего мы выжили? Не для того же, чтобы попусту растратить себя в безнадежных усилиях?..

Я решил, что завтра же отправлюсь на поиски Джозеллы, и мы вместе разрешим все сомнения.

Щеколда двери звякнула. Дверь медленно приоткрылась.

— Кто там? — спросил я.

— О, вы здесь... — сказал девичий голос.

Она вошла и притворила за собой дверь.

— Что вам угодно? — спросил я.

Она была высокая и тонкая. Меньше двадцати, подумал я. У нее были слегка вьющиеся волосы. Каштановые волосы. Она была тихая, но не из тех, кого не замечают: так уж она была устроена и сложена. Золотисто-коричневые глаза ее смотрели поверх меня, а то бы я подумал, что она меня рассматривает.

Она ответила не сразу. Была в ней какая-то неуверенность, которая очень не шла ей. Я ждал, пока она заговорит. У меня почему-то комок подкатил к горлу. Понимаете, она была молода и она была прекрасна. Вся жизнь должна была лежать перед нею, возможно, чудесная жизнь. Всегда есть что-то немного печальное в молодости и красоте при любых обстоятельствах, не правда ли?..

— Вы собираетесь уходить? — сказала она. Это был наполовину вопрос, наполовину утверждение тихим, чуть нетвердым голосом.

— Я этого не говорил, — возразил я.

— Да, — согласилась она. — Но это говорят другие... И ведь это правда?

Я ничего не сказал. Она продолжала:

— Так нельзя. Вам нельзя бросать их. Вы им нужны.

— Мне здесь нечего делать, — сказал я. — Все надежды напрасны.

— А вдруг окажется, что не напрасны?

— Этого не может быть... не сейчас. Мы бы уже знали.

— Но если они все-таки оправдаются? А вы все бросили и ушли?..

— Вы полагаете, я не думал об этом? Мне здесь нечего делать, говорю я вам. Я был чем-то вроде наркотика, который впрыскивают больному, чтобы хоть немного продлить его жизнь... не вылечить, а именно отсрочить смерть.

Несколько секунд она молчала. Затем она проговорила нетвердо:

— Жизнь прекрасна... даже такая. — Она едва владела собой.

Я не мог выговорить ни слова. Она оправилась.

— Вы можете не дать нам умереть. Всегда есть шанс... просто шанс, что что-нибудь случится, даже сию минуту.

Я уже сказал, что думаю об этом. Я не стал повторять.

— Это так трудно,— проговорила она словно сама себе.— Если бы только я могла видеть вас... Но, конечно, если бы я могла видеть... Вы молоды? Голос у вас молодой.

— Мне около тридцати,— сказал я.— И я очень обыкновенный.

— Мне восемнадцать. Это был день моего рождения... день, когда пришла комета.

Я не мог придумать, что ответить. Любые слова были бы жестокими. Пауза затянулась. Я видел, как она стискивает руки. Затем она уронила руки; костяшки пальцев у нее побелели. Она шевельнула губами, чтобы заговорить, но ничего не сказала.

— Ну что? Что я могу сделать? — спросил я.— Продлить это еще немного?

Она закусила губу. Затем она сказала:

— Они... они говорят, что вы, наверное, одиноки. Я подумала, что если бы...— Ее голос дрогнул, костяшки пальцев побелели еще сильнее.— Если бы у вас кто-нибудь был... я хочу сказать, если бы у вас был кто-нибудь здесь... вы... вы бы, может быть, не ушли от нас. Может быть, вы остались бы с нами?

— О боже,— сказал я тихо.

Я глядел на нее. Она стояла очень прямо, губы ее слегка дрожали. У нее должны были быть поклонники, жадно ловившие тень ее улыбки. Она была счастлива и беззаботна, а потом к ней пришло бы счастье в заботах. Ее ждали жизнь, полная очарования, и радостная любовь.

— Вы ведь будете добры ко мне, правда? — сказала она.— Понимаете, я никогда еще...

— Замолчите! Замолчите! — сказал я.— Вы не должны говорить мне такие вещи. Пожалуйста, уходите.

Но она не уходила. Она стояла и глядела на меня невидящими глазами.

— Уходите же! — повторил я.

Она была укором, и я не мог вынести этого. Она была не просто собой. Она была тысячами тысяч погибших юных жизней.

Она подошла ближе.

— Что это, вы плачете? — сказала она.

— Уходите. Ради бога, уходите! — сказал я.

Она постояла в нерешительности, затем повернулась и ошупью направилась к двери. Когда она выходила, я сказал:

— Можете сказать им, что я остаюсь.

Проснувшись на следующее утро, я прежде всего ощутил запах. Он чувствовался и раньше, но погода, ж счастием, была прохладная. Теперь же наступил теплый день, и было уже довольно поздно. Я не стану подробно рассказывать об этом запахе; те, кто знал его, никогда не забудут, а для остальных он неопишуем. Он неделями поднимался над городами и разносился каждым дуновением ветра. Я вдохнул его в то утро, и он окончательно убедил меня, что наступил конец. Смерть есть лишь жуткий конец движения; окончательным же является распад.

Несколько минут я лежал и думал. Теперь единственное, что можно было сделать, это погрузить команду на грузовики и вывезти из города. А запасы, которые мы сделали? Их тоже надо погрузить и вывезти... и, кроме меня, никто не может сидеть за рулем... На это понадобятся дни... если только они еще есть у нас, эти дни...

Тут я подумал, что сейчас делают мои люди. В доме стояла странная тишина. Я прислушался, но различил только стоны, доносившиеся откуда-то из другой комнаты. Меня охватила тревога. Я вылез из постели и торопливо оделся. На лестничной площадке я прислушался снова. Нигде в доме не было слышно шагов. На меня вдруг нахлынуло скверное ощущение, будто история повторяется и я опять нахожусь в больнице.

— Эй! Кто здесь есть? — крикнул я.

Отозвалось несколько голосов. Я распахнул ближайшую дверь. Там лежал мужчина. Он выглядел очень плохо, и он был в бреду. Я ничего не мог сделать. Я снова закрыл дверь.

Мои шаги гремели по деревянным ступенькам. На следующем этаже женский голос позвал:

— Билл!.. Билл!

Она лежала на кровати в маленькой комнатушке, девушка, которая приходила ко мне вчера вечером. Когда я вошел, она повернула ко мне лицо. Я увидел, что она тоже больна.

— Не подходите близко, — сказала она. — Это все-таки вы, Билл?

— Да.

— Я так и думала. Вы еще можете ходить, остальные ползают. Я рада, Билл. Я сказала им, что вы не уйдете... но они сказали, что вы уже ушли. И они все ушли, все, кто мог ходить.

— Я спал, — сказал я. — Что произошло?

— Многие и многие из нас заразились. Все были напуганы.

Я сказал беспомощно:

— Что я могу сделать для вас? Может быть, вам что-нибудь принести?

Ее лицо исказилось, она обхватила себя руками и скорчилась. Потом приступ прошел. Она лежала, и струйки пота текли по ее лбу.

— Пожалуйста, Билл. Я не очень храбрая. Вы не можете принести мне чего-нибудь... покончить с этим?

— Да, — сказал я. — Я могу сделать это для вас.

Я вернулся из аптеки минут через десять. Я подал ей стакан воды и положил снадобье ей в другую руку.

Некоторое время она медлила. Затем она сказала:

— Все тщетно... и все могло быть совсем по-другому. Прощайте, Билл... и спасибо вам за то, что вы сделали.

Я глядел на нее, как она лежала. Была одна вещь, которая делала все еще более тщетным. Я спрашивал себя, сколько других женщин сказали бы: «Возьми меня с собой», когда она сказала: «Останься с нами»?

И я даже не знал ее имени.

9. Эвакуация

Я решил ехать к Вестминстеру, потому что хорошо помнил о рыжеволосом молодом человеке, который в нас стрелял.

После того как мне исполнилось шестнадцать, мой интерес к оружию пошел на убыль, но теперь, когда мир снова впал в дикость, представлялось необходимым либо быть готовым вести себя при случае по-дикарски, либо в скором времени вообще перестать вести себя как бы то ни было. На Сэнт Джеймз-стрит было несколько магазинов, где с величайшей изысканностью торговали всеми видами смертоносного оружия — от ружей на птиц до винтовок на слонов.

Я покинул эти магазины со смешанным чувством защищенности и агрессивности. У меня вновь был добрый охотничий кинжал. В кармане лежал пистолет, точный и надежный, как научный прибор. На сиденье рядом со мной покоились заряженный дробовик двенадцатого калибра и коробки с патронами. Я выбрал дробовик, а не винтовку: гремит он не менее убедительно, верхушку же триф-

фида снесет, не в пример пуле, начисто. А триффиды были уже в самом Лондоне. По-видимому, они еще старались избегать улиц, но я заметил, как несколько штук ковыляли через Гайд-парк, и еще несколько торчало в Грин-парке. Скорее всего это были декоративные экземпляры с урезанным жалом, но, может быть, и нет.

И вот я прибыл в Вестминстер.

Все здесь несло на себе отпечаток смерти, гибели. Обычная россыпь покинутых машин замерла на улицах. Людей почти не было.

Над всем этим возвышалось здание Парламента, стрелки его часов застыли на трех минутах седьмого. Было трудно поверить, что теперь это просто претенциозное украшение из непрочного камня, которому предстоит разрушаться в бозе. Пусть градом посыплются вниз на террасу его обвалившиеся бельведеры — больше не будет негодующих членов парламента, жалующихся на риск, которому подвергаются их драгоценные жизни. Наступит время, и потолки и крыши провалятся в эти залы, откуда на весь мир звучало эхо добрых намерений и наивных уловок.

Рядом невозмутимо текла Темза. Она будет течь и тогда, когда обрушатся каменные набережные, растечется вода и Вестминстер снова превратится в островок на болоте.

Поразительно четким силуэтом на фоне ясного неба вздымалось серебристо-серое Аббатство. Оно стояло, отчужденное своим возрастом от эфемерной поросли вокруг. Прочный фундамент веков поддерживал его, и, может быть, ему предстояло еще долгие века сохраняться в неприкосновенности и служить памятником тем, чья работа была теперь разорена дотла.

Я не стал там задерживаться. В грядущие годы кто-нибудь, исполненный романтической меланхолии, придет взглянуть на Аббатство. Но романтизм такого рода есть сплав трагедии и давних воспоминаний. Мне же все это было слишком близко.

Мало того, я начинал испытывать нечто новое — страх одиночества. Я не был одинок с тех пор, как шел из больницы по Пикадилли. Во всем, что я видел тогда, была неразгаданная новизна. А теперь я впервые почувствовал ужас, который обрушивает одиночество на стадное по натуре животное. Я ощущал себя голым, беззащитным против всех страхов, кравшихся за мною по пятам...

Я заставил себя ехать по Виктория-стрит. Даже рокот мотора тревожил меня своим эхом. Мне страстно хотелось бросить машину и бесшумно двигаться пешком, ища безопасности в собственной ловкости, подобно зверю в джунглях. Вся моя воля потребовалась мне, чтобы не сорваться и продолжать действовать по плану. Ведь я знал, что стал бы делать, если бы мне достался этот район: я бы искал продовольствие в его крупнейшем универсальном магазине.

Так и есть, кто-то очистил продовольственный отдел магазина армии и флота. Но сейчас там не было ни души.

Я вышел из бокового подъезда. Кот обнюхивал на мостовой что-то, похожее на грудку тряпья. Я хлопнул в ладоши. Кот поглядел на меня и скрылся.

Из-за угла вышел человек. Лицо его сияло торжеством, он катил по середине улицы огромный круг сыра. Услышав мои шаги, он опрокинул сыр, сел на него и принялся яростно размахивать палкой. Я вернулся к машине.

Не исключено, что Джозелла тоже избрала для своей резиденции какой-нибудь отель. Я вспомнил, что несколько отелей есть вокруг вокзала Виктории, и направился туда. Их оказалось там гораздо больше, чем я предполагал. Обследовав десяток и не найдя никаких признаков организованной стоянки, я понял, что это совершенно безнадежно.

Тогда я стал искать кого-нибудь, чтобы расспросить. Может быть, именно благодаря ей кто-нибудь остался в живых. В этом районе я встретил пока всего несколько человек, способных передвигаться. Теперь мне уже казалось, что не осталось ни одного. Но в конце концов на углу Бекингэм Палас-род я заметил сгорбленную старуху, сидевшую на пороге. Всхлипывая и ругаясь, она терзала консервную банку сломанными ногтями. Я отправился в маленькую лавку поблизости и нашел там полдюжины банок бобов, забытых на верхней полке. Затем я нашел консервный нож и вернулся к ней. Она все еще безуспешно терзала свою жестянку.

— Бросьте ее, — сказал я. — Это кофе.

Я вложил в ее руку консервный нож и дал ей банку бобов.

— Слушайте меня, — сказал я. — Где-то здесь должна быть девушка, зрячая девушка. Вы ничего не знаете о ней? Она обслуживала группу слепых.

Я не очень рассчитывал на успех, но ведь что-то могло этой старухе продержаться дольше, чем всем остальным. Я едва поверил своим глазам, когда она кивнула.

— Да,— сказала она и принялась открывать банку.

— Вы ее знаете? Где она? — спросил я. Мне почему-то и в голову не пришло, что речь могла идти вовсе не о Джозелле.

Старуха покачала головой.

— Я не знаю. Я была с ее командой какое-то время, а потом потеряла их. Такой старухе, как я, не угнаться за молодыми, и я их потеряла. Они не стали ждать бедную старуху, и я так и не нашла их больше.

Она продолжала трудиться над банкой.

— Где она живет? — спросил я.

— Мы все жили в отеле. Не знаю только, где этот отель, а то бы я его снова нашла.

— А название отеля?

— Не знаю. Что толку в названиях, когда не можешь читать, да и никто не может.

— Но вы должны помнить о нем что-нибудь.

— Ничего не помню.

Она подняла банку и осторожно понюхала содержимое.

— Вот что,— сказал я холодно.— Вы хотите, чтобы я оставил вам эти банки?

Она сделала движение рукой, чтобы придвинуть их к себе.

— Ну так вот. Тогда расскажите мне все, что знаете об этом отеле,— продолжал я.— Например, вы должны знать, большой он или маленький.

Она подумала, все еще загоразивая банки.

— Внизу было вроде бы гулко... как будто много места. И там было роскошно... знаете, мягкие ковры, и хорошие кровати, и хорошие простыни.

— Что еще?

— Да больше как будто... А, да вот что. Снаружи две ступеньки, и входить надо через дверь, которая вертится.

— Это уже лучше,— сказал я.— Вы не врете? Если я не найду этот отель, то вас-то уж я найду, будьте уверены.

— Как на духу, мистер. Две низенькие ступеньки, и крутится дверь.

Она порылась в потрепанном чемоданчике рядом с собой, вытащила грязную ложку и принялась смаковать бобы, словно это было райское угощение.

Оказалось, что отелей поблизости еще больше, чем я думал, и просто удивительно, сколько из них было с крутящимися дверями. Но я не сдавался. И когда я нашел, ошибки быть не могло: следы и запах были слишком знакомы.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул я в пустом вестибюле.

Я уже решил подняться наверх, когда из угла послышался стон. Там, на диванчике в нише, лежал человек. Даже в сумеречном свете было видно, что он уже не жив. Я не стал подходить слишком близко. Его глаза открылись. На секунду я подумал, что он зрячий.

— Это вы там? — сказал он.

— Да, я хотел...

— Воды, — сказал он. — Ради Христа, дай мне немного воды...

Я направился в ресторан и нашел буфетную. В кранах не было ни капли. Я опростал в кувшин два сифона с содовой и вернулся в вестибюль с кувшином и чашкой. Я поставил их на пол так, чтобы он мог до них дотянуться.

— Спасибо, друг, — сказал он. — Я управлюсь. Держись от меня подальше.

Он погрузил чашку в кувшин и осушил ее.

— Господи, — сказал он. — Как хорошо! — Он осушил еще одну чашку. — Что ты здесь делаешь, друг? Место это нездоровое, сам понимаешь.

— Я ищу девушку... зрячую девушку. Ее зовут Джо-зелла. Она здесь?

— Была она здесь. Ты опоздал, приятель.

Внезапное подозрение обрушилось на меня, как удар.

— Вы... вы хотите сказать...

— Да нет. Успокойся, друг. Она этого не подцепила. Нет, она просто ушла... как все, кто мог ходить.

— А куда она пошла, вы не знаете?

— Этого я не могу сказать, друг.

— Ясно, — сказал я с трудом.

— Ты бы тоже лучше уходил, приятель. А то побудешь здесь еще немного и останешься здесь совсем. Как я.

Он был прав. Я стоял и смотрел на него.

— Вам что-нибудь нужно?

— Нет. Этого мне хватит. Мне уже недолго. — Он помолчал. Затем он добавил: — Прощай, друг, и большое спасибо. И если ты ее найдешь, береги ее — она славная девушка.

Позже, когда я обедал консервированной ветчиной и бутылкой пива, мне пришло в голову, что я не спросил его, когда ушла Джозелла. Но я решил, что в таком состоянии он вряд ли мог иметь ясное представление о времени.

Затем я отправился в Университет. Я считал что Джозелла подумала бы о том же, и была надежда, что кто-нибудь из нашей разгромленной группы мог тоже прибить туда, пытаясь воссоединиться. Это была не очень основательная надежда, ибо здравый смысл должен был заставить их покинуть город еще несколько дней назад.

Два флага все еще висели над башней, вялые в теплом воздухе раннего вечера. Из двух десятков грузовиков, которые были собраны во дворе, осталось четыре, по всей видимости нетронутые. Я остановил машину рядом с ними и направился к зданию. Мои каблучки отчетливо стучали в тишине.

— Хэлло! Хэлло, эй! — позвал я. — Есть здесь кто-нибудь?

Эхо моего голоса прокатилось по коридорам и лестничным пролетам, перешло в едва слышный шепот и замерло. Я пошел к двери в другое крыло и покричал еще раз. Снова эхо замерло без ответа, оседая на стены бесшумно, как пыль. И тогда, повернувшись, я увидел на стене у парадного входа надпись мелом большими буквами. Это был адрес:

ТИНЦЭМ-МЕНОР
ТИНШЭМ
ДИВАЙЗЕС, УИЛТШИР

Это было уже нечто.

Я глядел на надпись и раздумывал. Примерно через час стемнеет. До Уилтшира, насколько я помнил, не менее ста миль. Я вышел во двор и осмотрел грузовики. Один из них был мой — тот самый, который я пригнал последним и куда сложил мои противотрифидные ружья. Я вспомнил, что груз его состоит из отличного набора продуктов и предметов первой необходимости. Будет гораздо лучше прибыть с этим грузом, чем с пустыми руками на легковой машине. Но без самой настоятельной необходимости я вовсе не желал гнать ночью огромный, тяжело нагруженный грузовик по дорогам, на которых, надо полагать, могут возникнуть разные неприятные осложнения. Чтобы иметь возможность с ними справиться, пришлось

бы искать другую машину и перетаскивать груз на нее; на это ушло бы слишком много времени. Куда лучше и удобнее выехать на этом же грузовике рано утром. Я перенес в его кабину коробки с патронами, чтобы все было готово к отъезду, и вернулся в здание. Дробовик я взяла с собой.

Моя комната, из которой я выбежал по ложной пожарной тревоге, была в том же виде, как я ее оставил: одежда на кресле и даже портсигар и зажигалка там, где я положил их возле своей импровизированной кровати. Было еще слишком рано, чтобы ложиться. Я закурил, сунул портсигар в карман и решил побыть под открытым небом.

Прежде чем войти в садик на Рассел-сквер, я внимательно оглядел его. Я уже привык относиться с подозрением к открытым пространствам. И действительно, я заметил одного триффиды. Он неподвижно стоял в северо-западном углу садика, но он был значительно выше окружающих кустов. Я подошел ближе и одним выстрелом снес его верхушку. В тишине сквера выстрел прозвучал, как грохот гаубицы. Убедившись, что других триффидов поблизости нет, я вошел в садик и сел, прислонившись спиной к дереву.

Так я сидел, наверное, минут двадцать. Солнце опустилось низко, половина площади была погружена в тень. Скоро нужно будет возвращаться в здание. Пока светло, я еще могу держать себя в руках; но в темноте на меня бесшумно поползут призраки. Я уже чувствовал, что погружаюсь в первобытное состояние. Пройдет немного времени, и я буду проводить часы мрака в страхе, как проводили их мои отдаленные предки, с вечным недоверием вглядываясь в ночь за порогом своих пещер. Я встал и в последний раз оглядел площадь, словно это была страница истории, которую мне хотелось изучить, прежде чем она перевернется. И пока я стоял, на дороге слышались скрип шагов, негромкие звуки, прорезавшие, однако, тишину, как скрежет жерновов.

Я повернулся с ружьем наготове. Я был испуган, как Робинзон Крузо при виде отпечатка ноги, потому что это не были неуверенные шаги слепого. Затем я уловил в сумеркахдвигающийся огонек. Когда огонек появился в саду, я разглядел фигуру мужчины. Видимо, он увидел меня еще прежде, чем я услышал его шаги, так как он направился прямо ко мне.

— Не стреляйте,— сказал он, широко расставив пустые руки. Я узнал его, когда он приблизился на несколько метров. Он тоже узнал меня.

— О, это вы,— сказал он.

Я продолжал держать ружье наготове.

— Привет, Коукер,— сказал я.— Что вам здесь надо? Хотите поручить мне еще одну маленькую команду?

— Нет. Можете опустить эту штуку. Слишком от нее много шума. Я и нашел-то вас из-за нее. Нет,— повторил он.— Довольно с меня. Я ухожу отсюда к чертовой матери.

— Я тоже,— сказал я и опустил ружье.

— Что случилось с вашей командой? — спросил он. Я рассказал ему. Он кивнул.

— То же, что с моей. И с другими, наверное. И все-таки мы попытались...

— Негодная попытка,— сказал я.

Он снова кивнул.

— Да,— признался он.— Мне кажется, ваша группа с самого начала взяла правильную линию... Только неделю назад она представлялась мне совсем неправильной.

— Шесть дней назад,— поправил я его.

— Неделю,— сказал он.

— Да нет же... А, черт, какое это имеет значение? — сказал я.— В общем,— продолжал я,— что вы скажете, если я объявлю вам амнистию и мы начнем все сначала?

Он согласился.

— Я ничего не понял,— опять признался он.— Я думал, что один только я отношусь к этому серьезно, и я просчитался. Я не верил, что это продлится долго или что кто-нибудь не придет на помощь. Но полюбуйтеесь на это теперь! И так, наверное, повсюду. В Европе, в Америке, в Азии — везде то же самое. Если бы не так, они были бы уже здесь, помогали, лечили, чистили... Нет, я считаю, что ваша группа понимала это с самого начала.

Несколько секунд мы молчали, затем я спросил:

— Эта болезнь, эпидемия... Что это такое, по-вашему?

— Убейте меня, не знаю, приятель. Я думал, что это тиф, но кто-то мне сказал, будто тиф развивается дольше. Так что не знаю. И не знаю, почему не заразился сам... Разве что я мог держаться от заболевших подальше и следить за тем, чтобы моя еда была чистая. Я ел только консервы, которые открывал сам, и пил только пиво из бутылок. Так или иначе, хотя мне и везло до сих пор,

мне не улыбается торчать здесь дольше. Вы-то куда собираетесь?

Я рассказал ему про адрес, написанный мелом на стене. Он еще не видел эту надпись. Он как раз направлялся в Университету, когда услышал мой выстрел, и стал с некоторой опаской разыскивать стрелявшего.

— Это я...— начал я и остановился. Где-то на улице, к западу от нас, послышался звук стартера. Мотор заре-вал и вскоре затих вдали.

— Ну вот, еще кто-то уехал,— сказал Коукер.— Кстати, об этой надписи. Как вы думаете, кто ее мог оставить?

Я пожал плечами. Вполне возможно, что адрес оставил человек из нашей группы, который был захвачен Коукером и потом вернулся сюда. Или кто-нибудь из зрячих, кого Коукер упустил. Ведь определить, когда сделана надпись, было нельзя. Он подумал.

— Вдвоем нам будет лучше. Я пристроюсь к вам и посмотрю, что там делается. Ладно?

— Ладно,— согласился я.— Я за то, чтобы сейчас лечь спать и завтра выехать пораньше.

Я проснулся, когда он еще спал. Я вновь облачился в свой лыжный костюм и тяжелые башмаки, бросив неудобную одежду, которой снабдили меня люди Коукера. К тому времени, когда я вернулся с набором банок и пакетов, Коукер тоже был на ногах и одет. За завтраком мы решили, что поедем не в одном грузовике, а поведем два — к вящей пользе обитателей Тиншэма.

— И смотрите, чтобы окна в кабине были закрыты,— напомнил я.— Вокруг Лондона полно триффидных заповедников, особенно к западу.

— Ага. Я уже видел этих тварей в городе,— сказал он беспечно.

— Я тоже видел их, и притом в действии,— сказал я.

В первом же гараже, который нам повстречался, мы взломали бензоколонку и запаслись горючим. Затем, грохоча по улицам, как танковая колонна, мы двинулись на запад: моя трехтонка впереди, он за мной.

Продвижение было утомительным. Через каждые несколько десятков метров попадался какой-нибудь брошенный автомобиль. Временами две-три машины загорались на дороге полностью, так что приходилось переключаться

на первую скорость и сдвигать одну из них в сторону. Разбитых машин было немного. Видимо, слепота поражала водителей хотя и быстро, но не мгновенно, так что они успевали затормозить. В большинстве они сворачивали при этом к тротуару. Если бы катастрофа произошла днем, главные магистрали были бы совершенно забиты и нам пришлось бы затратить дни, чтобы выбраться из центра боковыми улицами, отступая перед непроходимой стеной машин и ища объезда. Одним словом, продвигались мы не так медленно, как мне представлялось из-за нескольких пустяковых задержек, и когда я через несколько миль увидел впереди возле дороги перевернутую машину, я осознал, что теперь мы уже на пути, который прошили и расчистили для нас другие.

На западной окраине Стейнза мы ощутили, что Лондон, наконец, остался позади. Я остановил машину и пошел назад к Коукеру. Когда он выключил двигатель, наступила тишина, плотная и неестественная, нарушаемая только потрескиванием охлаждающегося металла. Я вдруг вспомнил, что с того момента, как мы тронулись в путь, я не видел, кроме нескольких воробьев, ни одного живого существа. Коукер вылез из кабины. Он стоял посередине дороги, вслушиваясь и оглядываясь. Потом он пробормотал:

Вон там пред нами пролегают
Пустыни бесконечной вечности...

Я пристально посмотрел на него. Серьезное, задумчивое выражение на его лице сменилось вдруг ухмылкой, и он спросил:

— А может быть, вы предпочитаете Шелли?

Я — Озимандис, царь царей,
Взгляни, надменный, на мои труды и ужаснись!..

Пошли поедим чего-нибудь.

— Коукер, — сказал я, когда мы устроились на прилавке в магазине, намазывая мармелад на бисквиты. — Вы меня озадачили. Кто вы такой? В первый раз, когда я вас повстречал, вы занимались декламацией — вы мне простите это вполне подходящее слово? — на портовом жаргоне. Теперь вы цитируете Марвелла. Я не понимаю этого.

Он усмехнулся.

— Я тоже никогда этого не понимал,— сказал он.— Как и полагается гибриду: никогда не знаешь, что ты такое. Мать тоже не знала, что я такое,— во всяком случае, она никогда не могла доказать, кто был моим отцом, и получить средства на мое содержание. Она вымещала это на мне, и я с детства был всем на свете недоволен. Кончив школу, я повадился ходить на митинги — все равно какие, лишь бы это были митинги протеста. Это свело меня с публикой, которая там выступала. Может быть, они находили меня забавным. Так или иначе, они стали таскать меня с собой на всякие политические собрания. Потом мне надоело, что я их забавляю и что мои слова вызывают у них этакий двойной смех, наполовину вместе со мной, наполовину надо мной. Я сообразил, что мне необходимо общее образование, какое имеют они, и тогда я сам посмеюсь над ними. Я поступил в вечерние классы и стал практиковаться в их жаргоне. Очень многие не понимают одной простой вещи. Если вы разговариваете с человеком и хотите, чтобы он принял вас всерьез, говорите с ним на его собственном жаргоне. Если же вы цитируете Шелли, но говорите, как простолюдин, они находят, что вы милы, вроде обезьянки у шарманщика, но на смысл ваших слов они не обращают внимания. Необходимо говорить на жаргоне, который они привыкли принимать всерьез. И наоборот. Половина политической интеллигенции, выступая перед рабочей аудиторией, ничего не может добиться — и не столько потому, что она стоит выше этой аудитории, сколько из-за того, что большинство ребят слушают голос, а не слова; они пропускают слова мимо ушей, потому что слова эти очень уж вычурные, а не обыкновенная человеческая речь. И вот я рассудил, что надо сделаться двуязыким и каждый язык употреблять в подходящей обстановке, а время от времени — вдруг и не тот язык не в той обстановке. Это действует без промаха. Чудесная вещь наша английская кастовая система. С тех пор я стал делать успехи в ораторском ремесле. Постоянной работой это не назовешь, но зато интересно и разнообразно.

— А как случилось, что вы не ослепли? Вы же не были в больнице, не так ли?

— Я? Нет. Случилось так, что я выступал на митинге протеста против хамства полиции во время одной забастовки. Мы начали около шести, а через полчаса пожало-

вила и сама полиция. Я нашел очень удобный люк и спустился в подвал. Они полезли за мной и стали подвал обыскивать, только я зарылся в кучу стружки. Они немного потоптались наверху, потом все затихло. Но я не торопился вылезать. Ни к чему мне было попадаться в их маленькие славные ловушки. Я согрелся в стружках и заснул. А когда утром осторожно высунул нос наружу, то увидел, что произошло.— Он помолчал в задумчивости.— Ну что же, моя ораторская карьера закончилась. Вряд ли теперь будет спрос на мои таланты.

Я не стал спорить об этом. Мы закончили еду. Он соскочил с прилавка.

— Пошли. Нам пора двигаться. «Завтра к свежим полям и новым лугам», если вам нужна на этот раз совершенно банальная цитата.

— Она не только банальная, она еще и неточная,— сказал я.— Не «к полям», а «к лесам».

Он подумал хмурясь.

— Провалиться мне, приятель, так оно и есть,— признал он.

И я и Коукер заметно ожили: сельские пейзажи вселяли какие-то надежды. Да, конечно, эти зеленые всходы созреют, но некому будет собрать урожай и некому будет собрать фрукты с плодовых деревьев; и вся эта местность никогда больше не будет такой аккуратной и нарядной, как сегодня, но при всем том она будет продолжать жить по-своему. Это не то что города, бесплодные и обреченные. Это место, где можно работать, заботиться и еще найти свое будущее. На его фоне мое существование в течение последней недели представилось мне чем-то вроде жизни крысы, шмыгающей по помойным ямам. И когда я глядел на поля, я чувствовал, как ширится и крепнет моя душа.

Когда нам попадались города на нашем пути, такие, как Рединг и Ньюбери, на некоторое время возвращалось ко мне лондонское настроение, но это были всего лишь незначительные впадины на графике моего возрождения.

Невозможно до бесконечности сохранять трагическое настроение. В этом разум подобен фениксу. Это его качество может быть полезным и вредным, оно просто часть воли к жизни, хотя именно оно позволило нам вступать в одну изнурительную войну за другой. Но мы не можем долго оплакивать даже целые океаны пролитого молока —

таково необходимое свойство нашего организма. Под голубым небом с облаками, плывущими подобно айсбергам, страшная память о городе бледнела и чувство жизни вновь освежало нас подобно чистому ветру. И если это не может служить оправданием, то, во всяком случае, объясняет, почему я время от времени вдруг с удивлением ловил себя на том, что пою за рулем.

В Хангерфорде мы остановились, чтобы взять горячего и еды. Чувство освобождения продолжало расти по мере того, как мы милою за милей мчались по нетронутой стране. Она еще не казалась пустынной, она была пока только сонной и приветливой. Даже небольшие кучки триффидов, ковыляющих через какое-нибудь поле или зарывшихся корнями в землю, не портили моего настроения. Они вновь превратились для меня в объекты чисто профессионального интереса.

Неподалеку от Дивайзеса мы опять остановились, чтобы свериться с картой. Немного дальше мы свернули вправо на проселок и въехали в деревню Тиншэм.

10. Тиншэм

Миновать Менор, не заметив, не было никакой возможности. Высокая стена, огораживающая поместье, проходила рядом с дорогой за кучкой домиков, составлявших деревню Тиншэм. Мы ехали вдоль этой стены, пока не увидели массивные ворота из сварного железа. За воротами стояла молодая женщина, лицо которой не выражало ничего, кроме трезвого сознания возложенной на нее ответственности. Она была вооружена ружьем, и она неумело сжимала это ружье обеими руками. Я дал сигнал Коукеру притормозить и окликнул ее. Она пошевелила губами, но из-за шума двигателя я не расслышал ни слова. Я выключил двигатель.

— Это Тиншэм-менор? — осведомился я.

Она не пожелала выдавать никаких тайн.

— Вы кто такие? — спросила она вместо ответа. — И сколько вас?

Мне очень хотелось, чтобы она не обращалась так со своим ружьем. Не спуская глаз с ее пальцев, неловко нащупывающих спусковой крючок, я вкратце объяснил ей, кто мы такие, почему мы приехали, что мы везем, и заверил ее, что нас всего двое и больше в грузовиках никто не

прячется. Вряд ли она восприняла все это. Ее глаза не отрывались от моего лица, и в них было тоскливо-умозрительное выражение, обыкновенно свойственное ищейкам и неприятное даже у них. Мои слова не рассеяли эту всеобъемлющую подозрительность, которая делает добросовестных людей такими скучными. Когда она вышла, чтобы заглянуть в кузова и проверить правдивость моих утверждений, я мысленно пожелал ей не столкнуться когда-нибудь с людьми, относительно коих ее подозрения оправдались бы. Ей очень не хотелось признать, что она удовлетворена, ведь это принижало ее роль надежного часового, но в конце концов она уступила и пропустила нас. Когда я въезжал в ворота, она крикнула: «Берите вправо!» — и сейчас же вернулась к своим обязанностям по обеспечению безопасности вверенного ей участка.

За короткой вязовой аллеей раскинулся парк в стиле восемнадцатого века, усаженный деревьями, которым было достаточно места, чтобы разрастись во всем великолепии. Дом не блистал архитектурным изяществом, но это был громадный дом. Он занимал обширную площадь и сочетал в себе множество разнообразных стилей, словно из его прежних владельцев никто не мог удержаться от искушения оставить на нем свой персональный отпечаток. Каждый из них при всем уважении к деятельности своих отцов ощущал, по-видимому, настоятельную необходимость выразить также и дух своего собственного времени. Неколебимое пренебрежение предыдущими канонами вылилось в неколебимую эклектику. Это был, несомненно, смешной дом, но он производил впечатление дружелюбия и надежности.

Правая дорожка привела нас на широкий двор, где уже стояло несколько машин. Вокруг, занимая, наверное, несколько акров, располагались многочисленные каретники и конюшни. Коукер поставил свой грузовик рядом с моим и вышел. Никого вокруг видно не было.

Мы вошли в главное здание через черный ход и двинулись по длинному коридору. В конце коридора оказалась кухня баронских масштабов, где было тепло и пахло едой. С другой стороны была дверь, из-за которой доносился приглушенный гул голосов и звон посуды, но нам пришлось пройти еще через один темный проход и еще одну дверь, прежде чем мы до них добрались.

По-моему, место, где мы очутились, было некогда залом для слуг. Помещение было достаточно просторно для

сотни человек, а сейчас здесь на скамьях за длинными столами на козлах сидело человек пятьдесят — шестьдесят, и с первого взгляда было ясно, что все они слепые. Они сидели тихо и терпеливо, в то время как несколько зрячих трудились не покладая рук. Возле входа у бокового столика три девушки прилежно нарезали дыплят. Я подошел к одной из них.

— Мы только что прибыли, — сказал я. — Что прикажете делать?

Она остановилась, затем, не выпуская вилки, отвела тыльной стороной ладони прядь волос, упавшую на лоб.

— Было бы хорошо, если бы один из вас занялся овощами, а другой помог с посудой, — сказала она.

Я принял команду над двумя громадными кастрюлями с картошкой и капустой. Раскладывая порции, я урывками оглядел людей в зале. Джозеллы среди них не было, не видел я и никого из выступавших в Университете, хотя лица некоторых женщин показались мне знакомыми.

Процент мужчин здесь был гораздо больше, чем в прежней группе, причем подобраны они были странно. Несколько человек, возможно, и являлись лондонцами или, во всяком случае, горожанами, но большинство было в крестьянской одежде. Исключение составлял пожилой священник, но все они были слепыми.

Женщины были более разнообразны. Некоторые были в городских платьях, разительно не соответствующих обстановке, остальные были скорее всего местные. Из местных зрячей была только одна девушка, но среди горожанок было около десятка зрячих и несколько слепых, державшихся вполне уверенно.

Коукер тоже оглядывал зал.

— Странное это заведение, — сказал он вполголоса. — Ну что, нашли вы ее?

Я покачал головой. Я вдруг осознал, что моя надежда найти здесь Джозеллу была сильнее, нежели я думал.

— Удивительное дело, — продолжал он. — Здесь нет почти ни одного человека из тех, кого я взял тогда с вами... кроме той девчонки, которая нарезает курятину.

— Она вас узнала? — спросил я.

— Думаю, что да. Она на меня зверем посмотрела.

Когда раздача закончилась, мы тоже взяли себе по тарелке и сели за стол. Качество продуктов и поварское искусство не вызывали никаких сомнений, к тому же после недели жизни на одних консервах интерес к горячей пище

был у меня обострен до крайности. После трапезы послышался стук по столу. Поднялся священник; подождав, пока наступит тишина, он заговорил:

— Друзья мои! Кончается еще один день, и уместно сейчас вновь вознести господа нашему молитвы благодарности за его великую милость, сохранившую нас в разгаре такого бедствия. Я призываю вас всех помолиться, дабы он воззрел с состраданием на тех, кто еще бродит во мраке и одиночестве, и дабы благоугодно было ему направить их стопы сюда, где мы сможем помочь им. Будем же просить его дать нам пережить грядущие испытания и несчастья, чтобы в его время и с его помощью мы смогли бы сыграть свою роль в построении лучшего мира к его внящей славе.

Он наклонил голову.

— Всемогуший и всеблагий господь наш...

Сказав «аминь», он затянул псалом. После псалма собрание разбилось на группы, слепые взялись за руки, и четверо зрячих девушек повели их из зала.

Я закурил сигарету. Коукер тоже рассеянно взял у меня одну, не сказав ни слова. К нам подошла девушка.

— Вы нам поможете прибрать со стола? — сказала она. — Мисс Дюрран, мне кажется, скоро вернется.

— Мисс Дюрран? — повторил я.

— Она наш руководитель, — объяснила девушка. — Свои дела вы уладите с нею.

О том, что мисс Дюрран вернулась, нам сообщили часом позже, когда почти стемнело. Мы нашли ее в маленькой комнате, похожей на кабинет, освещенный всего двумя свечами на столе. Я сразу узнал в ней ту смуглую женщину с тонкими губами, которая выступала против профессора на собрании в Университете. Когда мы предстали перед ней, все ее внимание сосредоточилось на Коукере. Выражение ее лица было не более дружелюбным, чем неделю назад.

— Мне сообщили, — холодно произнесла она, разглядывая Коукера, словно кучу отбросов, — мне сообщили, что вы тот самый человек, который организовал нападение на Университет.

Коукер подтвердил и ждал продолжения.

— Тогда я должна сказать вам раз и навсегда, что в нашей общине мы не признаем грубой жестокости и не собираемся ее терпеть.

Коукер слегка улыбнулся. Затем он ответил на исконном жаргоне средних классов:

— Все зависит от точки зрения. Разве вы можете судить, кто был более жесток: тот, кто осознал свою ответственность перед настоящим и остался, или тот, кто осознал свою ответственность перед будущим и ушел?

Она продолжала пристально смотреть на него. Выражение ее лица не изменилось, но было очевидно, что в эту минуту меняется ее мнение о Коукере. Она явно не ожидала ни такого ответа, ни такой манеры держаться. Оставив на время эту проблему, она повернулась ко мне.

— Вы тоже в этом участвовали? — спросила она.

Я объяснил ей, что играл во всем этом несколько пассивную роль, и задал ей вопрос, в свою очередь:

— Что случилось с Микаэлем Бидли, с Полковником и остальными?

Это ей не понравилось.

— Они уехали куда-то в другое место, — сказала она резко. — Здесь у нас чистая благопристойная община в правилах... в христианских правилах, и мы намерены держаться этих правил. У нас нет места людям развратным. Разложение и неверие послужили причиной большинства несчастий мира. Те из нас, кого пощадила катастрофа, обязаны создать общество, в котором это не повторится. Циник, умник пусть знает, что здесь он не нужен, какие бы блестящие теории он ни выдвигал, чтобы замаскировать свою распущенность и свой материализм. Мы христианская община, и мы намерены таковой остаться, — она с вызовом посмотрела на меня.

— Значит, вы разделились? — сказал я. — Куда же направились те?

Она жестко ответила:

— Они отправились дальше, а мы остались здесь. Только это и имеет значение. Постольку, поскольку они не вмешиваются в наши дела, они могут зарабатывать себе вечное проклятье, где им угодно и как им угодно. А они будут прокляты, в этом я не сомневаюсь, раз им вздумалось считать себя выше законов божеских и человеческих.

Она завершила эту декларацию щелчком челюсти, который дал мне ясно понять, что дальнейшие вопросы будут пустой тратой времени. Затем она повернулась к Коукеру.

— Что вы умеете делать? — спросила она.

— Много чего, — ответил он хладнокровно. — Для на-

чала я буду помогать всем понемногу, пока не увижу, где я полезнее всего.

Она была слегка ошарашена. Ясно было, что она намеревалась принять решение и дать руководящие указания. Но она передумала.

— Хорошо,— сказала она.— Осмотритесь и приходите ко мне поговорить завтра вечером.

Но от Коукера не так-то легко было отделаться. Он пожелал узнать о размерах поместья, о численности общины, о проценте зрячих и о массе других вещей. И он узнал.

Прежде чем мы ушли, я задал вопрос о Джозелле. Мисс Дюрран нахмурилась.

— Знакомая фамилия. Где же я ее?.. О, это она выступала за консерваторов на прошлых выборах?

— Не думаю. Она... э... написала одну книгу,— сознался я.

— Она...— начала мисс Дюрран. Затем я увидел, что она вспомнила.— О, о, та самая?.. Ну, знаете, мистер Мэйсен, я не думаю, чтобы подобная особа пожелала связать свою судьбу с такой общиной, как наша.

В коридоре Коукер повернулся ко мне. Я увидел в сумерках, что он ухмыляется.

— Царство гнетущей ортодоксии,— заметил он. Усмешка исчезла, и он добавил: — Удивительный тип, знаете ли. Гордыня и предрассудки. Она нуждается в помощи. Она знает, что чертовски нуждается в помощи, но ничто не заставит ее в этом признаться.

Он задержался возле открытой двери. Было уже темно, и в комнате почти ничего нельзя было разглядеть, но мы знали, что это мужская спальня.

— Хочу переброшиться с этими ребятами парой слов. Увидимся позже.

Он шагнул в комнату и весело поздоровался: «Здорово, приятели! Как делишки?» Я посмотрел ему вслед и вернулся в обеденный зал. Единственным источником света там были три свечи, поставленные рядом на столе. Возле свечей сидела девушка и с неудовольствием вглядывалась в какую-то штопку.

— Хэлло,— сказала она.— Ужасно, правда? Как это в старину умудрялись что-нибудь делать по вечерам?

— Не такая уж это старина,— возразил я.— И это наше будущее, а не только прошлое... если кто-нибудь научит нас делать свечи.

— Да, пожалуй.— Она подняла голову и оглядела меня.— Вы приехали сегодня из Лондона?

— Да,— признался я.

— Там сейчас плохо?

— Лондону конец,— сказал я.

— Наверное, вы видели там ужасные зрелища,— предположила она.

— Видел,— коротко сказал я и спросил: — Вы давно здесь?

Она охотно обрисовала мне положение вещей.

Во время нападения на Университет Коукер захватил почти всех зрячих. Осталось несколько человек. Она и мисс Дюрран были среди тех, кого Коукер упустил. На следующий день мисс Дюрран взяла командование на себя, но не совсем преуспела в этом. О немедленном отъезде из Лондона нечего было и думать, так как только один из оставшихся мог водить грузовик. Весь этот день и большую часть следующего они вынуждены были возиться со своими слепыми почти так же, как я со своими в Хэмпстеде. Но вечером следующего дня вернулись Микаэль Бидли и двое зрячих, а ночью в Университет провались еще несколько человек. К полудню третьего дня у них уже набралось с десятков водителей. Тогда они решили, что благоразумнее выезжать немедленно, нежели ждать и гадать, вернутся ли остальные.

Тиншэм-менор был выбран пробным пунктом назначения по предложению Полковника. Полковник знал это место и утверждал, что оно полностью отвечает требованиям компактности и изоляции.

Группа была очень разношерстная, и ее руководители отлично сознавали это. На следующий день после прибытия в Тиншэм состоялось собрание. По количеству участников оно было малочисленнее, чем тогда в Университете, но во всех других отношениях почти такое же. Микаэль и его сторонники объявили, что сделать предстоит очень много и что они не намерены тратить свою энергию на умиротворение субъектов, погрязших в дешевых предрасудках и готовых ссориться по пустякам. Слишком велика задача, и слишком прижимает время.

Выступила Флоренс Дюрран. То, что произошло в мире, есть достаточное предостережение, сказала она. И она не может понять, как можно быть столь слепо неблагодарными за чудо спасения, да еще пытаться увековечить подрывные теории, которые в течение столетия под-

тачивали христианство. Она, со своей стороны, не желает жить в общине, где будут постоянно стремиться извратить простую веру тех, кто не стыдится выразить благодарность господу богу путем соблюдения его законов. Она не хуже других сознает серьезность положения. Самое правильное будет с должным вниманием отнестись к предупреждению, которое дал бог, и немедленно вернуться к его учению.

Таким образом, обнаружился раскол группы. Мисс Дюрран поддерживали пять зрячих девушек, десяток слепых девушек, несколько мужчин и женщин средних лет, тоже слепых, и не поддержал ни один из зрячих мужчин. При таких обстоятельствах не оставалось сомнений, что покинуть Тиншэм придется сторонникам Микаэля Бидли. Грузовики не были разгружены, ничто их не задерживало, и сразу после полудня они отбыли, оставив мисс Дюрран и ее последователей плыть или тонуть в соответствии со своими убеждениями.

Мисс Дюрран и зрячие девушки приступили к осмотру поместья. Большая часть дома была на замке, но в помещении для слуг кто-то недавно жил. Что произошло с людьми, присматривавшими за усадьбой, стало ясно, когда осмотрели фруктовый сад. Там среди рассыпанных фруктов лежали трупы мужчины, женщины и девочки. Рядом, зарывшись корнями в землю, терпеливо ждали два триффиды. На образцовой ферме в дальнем углу поместья положение было такое же. Либо триффиды нашли дорогу в парк через какие-нибудь ворота, либо в парке еще раньше содержались неурезанные экземпляры, которые затем вырвались на свободу. Как бы то ни было, они представляли угрозу, и с ними следовало расправиться быстро, пока они не натворили новых бед. Мисс Дюрран послала одну девушку обойти ограду и запереть все ворота и калитки, а сама взломала дверь в оружейную комнату. Несмотря на отсутствие опыта, она вместе с другой молодой женщиной сумела отстрелить верхушки у всех триффидов, каких удалось обнаружить в поместье, а их оказалось двадцать шесть штук. Можно было надеяться, что больше в пределах ограды триффидов не осталось.

На следующий день они обследовали деревню и нашли там триффидов в значительных количествах. Уцелели только те жители, кто либо заперся у себя дома и намеревался отсиживаться, пока хватит припасов, либо не столкнулся с триффидами во время коротких вылазок за

продовольствием. Всех их собрали и переправили в поместье. Они были здоровы и в большинстве полны сил, но сейчас они были скорее обузой, чем помощниками, потому что среди них не оказалось ни одного зрячего.

В течение того же дня прибыли еще четверо молодых женщин. Двое, сменяясь за рулем, пригнали груженный грузовик и привезли слепую девушку. Одна приехала в легковом автомобиле. Быстро осмотревшись, она заявила, что это заведение ей не подходит, и укатила дальше.

О Джозелле моя собеседница ничего не знала. Она никогда не слыхала ее фамилии и, вероятно, никогда ее не встречала.

Пока мы разговаривали, в зале вспыхнул электрический свет. Девушка посмотрела на лампы с благоговением, точно на небесное знамение. Она задула свечи и, продолжая трудиться над штопкой, время от времени поглядывала вверх, как бы желая убедиться, что лампы никуда не делись.

Через несколько минут вошел Коукер.

— Ваша работа? — спросил я, кивнув на лампы.

— Да, — признался он. — Здесь у них есть собственный генератор. Лучше использовать бензин, чем дать ему испариться.

— Вы хотите сказать, что мы все это время могли иметь здесь электрический свет? — спросила девушка.

Коукер посмотрел на нее.

— Надо было всего-навсего завести мотор, — сказал он. — Если вам нужен был свет, почему вы не завели мотор?

— Я не знала, что он есть, и, кроме того, я ничего не понимаю в моторах и электричестве.

Коукер продолжал задумчиво глядеть на нее.

— И поэтому вы сидели впотьмах, — сказал он. — Как, по-вашему, долго вы протянете, если будете по-прежнему сидеть впотьмах вместо того, чтобы заниматься делом?

Его тон задел ее.

— Не моя вина, что я не разбираюсь в таких вещах.

— Не согласен, — возразил Коукер. — Это не просто ваша вина. Вы ее лелеете и холите. Более того, вы притворяетесь, будто вы слишком одухотворенная натура, чтобы разбираться в технике. Это дешевая и глупая форма тщеславия. Каждый является в мир круглым невеждой, но на

то бог и даровал ему — и даже ей — мозги, чтобы приобретать знания. Неспособность пользоваться собственными мозгами не есть достойная похвалы добродетель, даже женщины следует порицать за это.

Она рассердилась, что было вполне понятно. Впрочем, Коукер был зол с самого начала. Она сказала:

— Все это очень хорошо, но у разных людей ум действует в разных направлениях. Мужчины понимают, как работают машины и электричество. Женщины, как правило, такими вещами не очень интересуются.

— Не пытайтесь всучить мне стряпню из мифов и притворства, это не для меня, — сказал Коукер. — Вам прекрасно известно, что женщины управляются — вернее, управлялись — с самыми тонкими и сложными механизмами, когда брали на себя труд разобратся в них. Но обычно бывало так, что они слишком ленивы и не желают брать на себя этот труд. На что это им, когда традицию милой беспомощности можно расценить как женскую добродетель? И когда можно свалить все дело на чьи-то плечи? Обычно это поза, и против нее никто не считает нужным выступить. Напротив, ее лелеют, мужчины ей подыгрывают, стойко ремонтируя для своей бедняжки пылесос и мужественно меняя перегоревшие лампы. Вся эта комедия полностью устраивала обе стороны. Жесткая практичность так хорошо гармонировала с душевной тонкостью и очаровательной беспомощностью, и дурак тот, кто пачкает руки.

Он продолжал, окончательно войдя в раж.

— До сих пор мы могли себе позволить забавляться такого рода умственной ленью и игрой в паразитов. Целые поколения твердили о равенстве полов, но женщина кровно заинтересована в своей зависимости и не желает освобождаться от нее. Ей пришлось модифицировать свое поведение в соответствии с изменившимися условиями, но эти модификации были незначительны, да и они вызывали у женщин недовольство. — Он помолчал. — Вы сомневаетесь? Так вот, взгляните на какую-нибудь бойкую девчонку и на интеллектуальную женщину. Обе они, каждая по-своему, втирают очки, играя в высшую чувствительность. Но приходит война, приносит с собой общественные обязанности, и оказывается, что из той и другой можно сделать приличных механиков.

— Они обычно не становились хорошими механиками, — заметила девушка. — Об этом все говорят.

— А, защитный механизм в действии. Только позвольте вам заметить, что такие утверждения были в интересах почти всех. Впрочем, все равно, до некоторой степени это было так,— признал он.— А почему? Да потому, что они учились наспех, без надлежащей школьной подготовки, и им вдобавок пришлось бороться против взлелеянного годами убеждения, будто такие интересы им чужды и слишком громоздки для их тонких натур.

— Не понимаю, отчего вы набросились именно на меня,— сказала она.— Не я ведь одна ничего не понимаю в этом несчастном моторе.

Коукер усмехнулся.

— Вы совершенно правы. Получилось нечестно. Я просто разозлился, что вот есть мотор, исправный, готовый к работе, и никто пальцем не пошевелил, чтобы завести его. Меня всегда выводит из себя тупое недомыслие.

— Тогда пойдите и выскажите все это мисс Дюрран, а не мне.

— Не беспокойтесь, выскажу. Но это касается не только ее. Это касается и вас и всех остальных. Я в этом совершенно уверен, знаете ли. Времена изменились довольно радикально. Вы больше не можете сказать: «Ну, в таких делах я ничего не понимаю»,— и оставить это дело кому-нибудь другому. Больше нет идиотов, путающих невежество с невинностью, вот что важно. И невежество перестало быть в женщине изюминкой или игрушкой. Оно делается опасным, смертельно опасным. Если все мы как можно скорее не научимся разбираться во множестве вещей, которые прежде нас не интересовали, то ни мы, ни ваши подопечные долго не протянут.

— Не понимаю, с чего вам вздумалось изливать свое презрение к женщинам именно на меня — и все из-за какого-то грязного старого мотора,— сказала она обиженно.

Коукер поднял глаза к потолку.

— Великий боже! А я-то стараюсь втолковать ей, что у женщин есть все способности, стоит им только взять на себя труд применить их.

— Вы сказали, что мы паразиты. Думаете, что это приятно слышать?

— Я не собираюсь говорить вам ничего приятного. И я всего-навсего сказал, что в погибшем мире женщинам было выгодно играть роль паразитов.

— И все потому, что я ничего не понимаю в каком-то вонючем шумном моторе.

— Черт возьми! — сказал Коукер. — Послушайте, отцепитесь вы от этого мотора.

— А тогда зачем...

— Мотор просто оказался символом. Главное же состоит в том, что отныне нам всем придется многому учиться. И не тому, что нравится, а тому, что обеспечивает и поддерживает жизнь общины. Отныне нельзя будет просто заполнить избирательный бюллетень и сложить всю ответственность на кого-то другого. И нельзя будет считать, что женщина выполнила свой долг перед обществом, если убедила мужчину взять ее на содержание и предоставить ей укромный уголок, где она будет безответственно рожать детей и отдавать их еще кому-то для обучения.

— Все-таки я не понимаю, какое это имеет отношение к моторам...

— Послушайте, — сказал Коукер терпеливо. — Предположим, у вас есть ребенок. Кем бы вы хотели его видеть, когда он вырастет? Дикарем или цивилизованным человеком?

— Конечно, цивилизованным.

— Вот. А тогда будьте любезны обеспечить ему цивилизованное окружение. Все, чему он обучится, он узнает от нас. Мы все должны знать как можно больше, стать как можно более интеллигентными, чтобы дать ему максимум возможного. Это означает для нас тяжелый труд и напряженную работу мысли. Измененные условия должны повлечь за собой изменение взглядов.

Девушка собрала свою штопку. Несколько секунд она критически разглядывала Коукера.

— Мне кажется, с такими взглядами, как у вас, вам больше подойдет группа мистера Бидли, — сказала она. — Мы здесь не намерены ни менять своих взглядов, ни поступаться своими убеждениями. Именно поэтому мы отделались от той группы. Так что если вам не нравятся обычаи достойных уважаемых людей, вам лучше уехать отсюда. — Она фыркнула и удалилась.

Коукер смотрел ей вслед. Когда дверь за нею закрылась, он облегчил свои чувства с непринужденностью портового грузчика. Я расхотался.

— А чего вы ожидали? — спросил я. — Вы встаете в позу и ораторствуете перед этой девицей, как будто она является собранием правонарушителей — да еще ответственных за всю западную социальную систему. И после этого вы удивлены, что она взбесилась.

— Я ожидал, что она внемлет голосу разума,— про-
бормотал Коукер.

— С какой стати? Большинство из нас внемлет голосу привычки. Она будет против любых изменений, разумных или неразумных, которые вступают в конфликт с внушен-
ным ей представлением о хорошем и плохом; и она будет искренне убеждена, что проявляет твердость характера. Вы слишком торопитесь. Приведите человека в райские кущи, когда он только что утратил дом и семью, и райские кущи ему не понравятся; оставьте его там на некоторое время, и он начнет думать, что эти кущи напоминают ему утраченный дом, только дом был уютнее. Она приспособится со временем, это неизбежно... и будет искренне отрицать, что приспособилась.

— Другими словами, давайте просто импровизировать, никаких планов нам не нужно, из этого ничего не выйдет. Так?

— Вот тут на сцену выступает руководство. Руководитель планирует, но он мудр и не говорит об этом. Когда возникает необходимость в переменах, он производит их как уступку — временную уступку, конечно,— обстоятельствам, и если он хороший руководитель, он производит уступки в правильной последовательности и в окончательной форме. Планы всегда встречают очень веские возражения, но кто будет протестовать против уступок чрезвычайным обстоятельствам?

— Макиавеллизм какой-то. Я привык видеть цель и идти прямо к цели.

— Большинству людей это не подходит, хотя они и утверждают обратное. Они предпочитают, чтобы их уговаривали и упрашивали или даже погоняли. Тогда они никогда не совершат ошибки: если ошибка случится, это будет чья-то ошибка, а не их. Ломить прямо вперед — это механистический взгляд, а люди в массе не машины. У них есть свои умы, весьма приятные умы, которым легче всего на проторенной дороге.

— Кажется, вы не слишком верите, что у Бидли что-нибудь получится. Ведь Бидли — это план во плоти.

— У него будут свои неприятности. Но его группа сделала выбор, а здешняя публика все отрицает,— сказал я.— Они собрались здесь просто потому, что сопротивляются любому плану.— Я помолчал. Затем я добавил: — Знаете, эта девица была права в одном. Вам здесь не место. Ее реакция есть пример того, с чем вы столкнетесь,

если попытаетесь обращаться с ними по-своему. Стадо овец не гонят на рынок по прямой линии, и тем не менее всегда находится дорога, чтобы доставить их туда.

— Нынче вечером вы необычайно циничны и блещете метафорами,— заметил Коукер.

Я возразил:

— Разве цинично знать, как пастух управляется со стадом?

— Некоторым может показаться, что цинично сравнивать людей с овцами.

— Но это менее цинично и более человечно, чем видеть в них кучу механизмов, приспособленных для управления на расстоянии.

— Гм,— сказал Коукер.— Это надо продумать.

11. ...и дальше

Утро я провел довольно беспорядочно. Я ходил, помогал понемногу тут и там и задавал массу вопросов.

Ночь перед этим была отвратительной. Только когда я лег, я понял, чем была для меня надежда найти в Тиншэме Джозеллу. Как ни был я утомлен после переезда, заснуть не удавалось: я лежал в темноте с открытыми глазами, чувствуя себя на мели и без будущего. Я был настолько уверен в том, что Джозелла с группой Бидли окажется здесь, что мне в голову не приходило задуматься, как быть дальше. Теперь я впервые осознал, что если бы даже я догнал Бидли, то совсем не обязательно нашел бы Джозеллу. Она ведь покинула Вестминстер совсем незадолго до меня и в любом случае должна была сильно отстать от группы. Очевидно, первым делом следовало подробно расспросить обо всех, кто приезжал в Тиншэм за последние два дня. Мне оставалось только одно — думать, что она направилась сюда. Это было моей единственной путеводной нитью. По-видимому, она зашла в Университет и нашла написанный мелом адрес; но ведь могло случиться, что она туда не заходила, а поспешила покинуть зловонную могилу, в которую превратился Лондон.

Тяжелее всего мне было бороться с мыслью, что Джозелла заразилась этой чумой, уничтожившей обе наши команды. Но я старательно отгонял от себя эту мысль.

В бессонной ясности послеполуночных часов я сделал открытие: мое стремление встретиться с группой Бидли было весьма второстепенным по сравнению с желанием разыскать Джозеллу. Если я найду их, но Джозеллы с ними не будет... что же, тогда мне придется подождать немного, но от поисков я не откажусь...

Когда я проснулся, постель Коукера была уже пуста. Я решил посвятить утро расспросам. Скверно было, что никто не догадался записывать имена тех, кто нашел Тиншэм неподходящим для себя и поехал дальше. Фамилии Джозеллы почти никто не знал, разве что некоторые, вспоминая ее с неодобрением. Мои попытки описать ее внешность ни к чему не привели. Я лишь с достоверностью установил, что девушки в синем лыжном костюме здесь никогда не было, но, с другой стороны, я не мог поручиться, что сейчас она одета именно так. Расспросы кончились тем, что я всем страшно надоел и окончательно разочаровался сам. Была слабая надежда, что Джозелла — это та девушка, которая сразу по прибытии уехала за день до нас, но вряд ли Джозелла оставила бы по себе столь тусклое воспоминание.

Коукер появился во время обеда. Он занимался тщательным обследованием жилых помещений. Он переписал весь живой инвентарь и выявил число слепых животных. Исследовал оборудование и механизмы на ферме. Все разведal относительно источников чистой воды. Заглянул на склады продовольствия и фуража. Выяснил, сколько слепых девушек были слепыми еще до катастрофы, и организовал для остальных тренировочные классы под их руководством.

Он обнаружил, что мужчины загнаны в тоску добронамеренными заверениями священника, будто для них найдется много полезной работы, например... э... плетение корзинок и... э... вязание, и Коукер сделал все возможное, чтобы рассеять эту тоску более интересными перспективами.

Повстречав мисс Дюрран, он предупредил ее, что если не удастся сделать так, чтобы слепые женщины сняли с плеч зрячих хотя бы часть работы, то все развалится через десяток дней; и что если будут услышаны молитвы священника о том, чтобы в общине присоединились еще новые слепые, то заведение станет совершенно нежизнеспособным. Он пустился далее в рассуждения о необходимости начать немедленно создавать резервы продовольствия и конструировать устройства, которые дадут возмож-

ность работать слепым мужчинам, но она резко оборвала его. Она была явно обеспокоена, хотя и не желала показать этого, но ее решительность, вызвавшая в свое время разрыв с группой Бидли, теперь столь же несправедливо обрушилась на Коукера. Закончила она тем, что, по ее сведениям, он и его воззрения вряд ли совместимы с духом общины.

— Беда в том, что она жаждет быть боссом,— сказал мне Коукер.— Это у нее в крови и не имеет ничего общего с возвышенными принципами.

— Какая клевета,— сказал я.— Вы просто хотите сказать, что безупречность ее принципов обязывает ее взять на себя всю ответственность и, таким образом, направлять и наставлять всех остальных является ее долгом.

— Это одно и то же,— сказал он.

— Да, но лучше сказать так,— возразил я.

Секунду он думал.

— Если она немедленно не возьмется за дело по-настоящему, этому заведению конец. Вы видели их хозяйство?

Я покачал головой. Я рассказал ему, как провел утро.

— Немного же вам удалось узнать. И что дальше?— спросил он.

— Я здесь не останусь. Поеду за Бидли и остальными,— ответил я.

— А если ее нет и там?

— Сейчас я просто надеюсь, что она там. Должна быть. Где же ей еще быть?

Он открыл было рот, но промолчал. Затем он сказал:

— Вы знаете, я поеду с вами. Возможно, принимая все во внимание, там мне тоже не очень обрадуются, как и здесь, но я это переживу. Я видел, как развалилось на куски одно начинание, и я предвижу, как развалится это— не так стремительно, может быть, и более страшным образом. Странно, не правда ли? Самые благородные намерения оборачиваются сейчас самыми опасными в мире. И это срам, потому что Тиншэм мог бы уцелеть даже с таким количеством слепых. Пока здесь нужно только брать, и так будет еще довольно долго. Им недостает только организованности.

— И желания быть организованными,— добавил я.

— Да, и этого тоже,— согласился он.— Вы знаете, беда в том, что катастрофа, несмотря ни на что, еще не дошла до сознания этих людей. И они не хотят браться

за дело: им кажется, что это означало бы бесповоротный конец всему. А так они вроде бы застряли на даче, томятся и ожидают чего-то.

— Правда. Но неудивительно,— сказал я.— Даже нам пришлось пережить многое, чтобы убедиться, а они ведь не видели того, что видели мы. И потом здесь, в провинции, нет этого ощущения беспросветности... окончательной гибели, что ли.

— Ну что же, пусть они поскорее осознают все это, если хотят выжить,— сказал Коукер, оглядывая зал.— Спасительного чуда не будет.

— Дайте им время. Они осознают, как и мы. Вы всегда слишком торопитесь. Время, знаете ли, больше не деньги.

— Деньги не имеют значения, а время имеет. Сейчас им нужно думать об урожае, готовить мельницу, чтобы молоть муку, искать на зиму фураж для скота.

Я покачал головой.

— Это не так уж срочно, Коукер. В городах хранятся, должно быть, огромные запасы муки, и, судя по всему, потребителей для нее найдется немного. Мы еще долго сможем жить на капитал. Вот что действительно нужно было бы делать немедленно, так это обучать слепых. К тому времени, когда понадобятся рабочие руки, они должны научиться работать.

— Все равно, если не предпринять что-то, зрячие здесь скоро не выдержат. Достаточно, чтобы сдал один-другой, и все расплзется по швам.

С этим мне пришлось согласиться.

К вечеру мне удалось найти мисс Дюрран. Никто не знал и знать не хотел, куда направилась группа Микаэля Бидли, но я не верил, что они не оставили никаких указаний для тех, кто последует за ними. Мисс Дюрран была недовольна. Я даже подумал сначала, что она откажется сообщить мне. И дело было не только в том, что я столь решительно предпочел другую общину. Серьезнее в этих обстоятельствах была потеря сильного мужчины, пусть даже с неподходящими принципами. Тем не менее она не дрогнула и не попросила меня остаться. В конце концов она резко сказала мне:

— Они направлялись в Дорсетшир, куда-то в район Биминстера. Больше я ничего не знаю.

Я вернулся и рассказал Коукеру. Он огляделся. Затем он покачал головой с каким-то сожалением.

— О'кэй,— сказал он.— Мы покинем эту свалку завтра же.

В девять часов на следующее утро мы были уже в двенадцати милях от Тиншэма. Как и прежде, мы ехали в наших двух грузовиках. Мы сомневались, не взять ли более подвижную машину, оставив грузовики в пользу тиншэмской публики, но мне не хотелось расставаться со своим грузовиком. Я ведь сам грузил его и знал, что у меня в кузове. Кроме ящиков с противотрифидным снаряжением, вызвавших такое неодобрение у Микаэля Бидли, я собрал во время переезда из Лондона множество вещей, которые было бы трудно достать за пределами крупных городов: аккумуляторные батареи, несколько насосов, наборы хороших инструментов. Эти предметы можно было бы раздобыть и позже, но наступало время держаться от городов подальше, от больших и маленьких. С другой стороны, тиншэмская публика располагала собственным транспортом для доставки всего необходимого из городов, где еще не было признаков эпидемии. Так или иначе, два грузовика не составили бы разницы, и мы выехали так же, как и приехали.

Погода стояла все еще теплая. Некоторые деревни уже дышали смрадом, хотя на возвышенных местах запах был почти незаметен. Изредка в поле у обочины дороги мы видели трупы, но, как и в Лондоне, инстинкт загнал большинство жителей под крыши. Деревенские улицы были пустынные, пусто было и в окрестных полях, словно вся человеческая раса со своими домашними животными внезапно улетучилась с лица земли. Так было до Стипла-Хони.

С дороги, пока мы спускались по склону холма, деревушка была видна как на ладони. Она раскинулась на другом берегу небольшой сверкающей речки, над которой аркой нависал каменный мост. Это было тихое местечко, обступившее сонную церковь и очерченное по окраинам пунктиром белоснежных коттеджей. Казалось, никакие события за последние века не нарушали покой под его тростниковыми крышами. Но как и в других деревнях, ничто в нем не шевелилось, и ни единый дымок не поднимался над его трубами. И вот, когда мы уже проехали середину склона, мои глаза уловили какое-то движение.

Слева от моста на том берегу стоял наискосок к дороге двухэтажный дом. С кронштейна на стене свисала гостиничная вывеска, а в окне над нею развевалось что-то белое. Подъехав ближе, я разглядел человека, который отчаянно махал нам полотенцем, высунувшись из окна. Я решил, что это слепой, иначе он выбежал бы на дорогу нам навстречу. И он не был болен, слишком уж энергично он размахивал своим полотенцем.

Я дал Коукеру сигнал и затормозил, едва мы съехали с моста. Человек в окне бросил полотенце. Он прокричал что-то неслышное в шуме моторов и скрылся. Мы выключили двигатели. Стало так тихо, что мы слышали в доме торопливый стук каблучков по деревянной лестнице. Дверь распахнулась, и человек, выставив перед собой руки, шагнул на улицу. Из-за ограды слева молнией хлестнул длинный жгут и ударил в него. Он пронзительно вскрикнул и упал.

Я схватил дробовик и вылез из кабины. Я осторожно обошел изгородь, пока не увидел триффид, затаившегося в тени куста. Тогда я снес ему верхушку.

Коукер тоже вышел из своего грузовика и встал рядом со мной. Он взглянул на труп человека, затем посмотрел на обезглавленного триффид.

— Да ведь он... нет, черт возьми, не может же быть, чтобы этот урод нарочно поджидал его здесь,— сказал он.— Простая случайность, наверное... Не мог же он знать, что человек выйдет из дверей... Не мог, ведь, правда?

— А если мог? Сработал он очень точно,—сказал я. Коукер обеспокоенно посмотрел на меня.

— Чертовски точно. Но вы же не хотите сказать...

— Все как сговорились ничему не верить о триффид, —сказал я и добавил: —Поблизости могут быть еще другие.

Мы тщательно обследовали все укромные местечки по соседству, но ничего не нашли.

— Хорошо бы выпить,—предложил Коукер.

Если бы не пыль на прилавке, маленький бар в гостинице выглядел бы весьма обыкновенно. Мы налили себе виски. Коукер залпом проглотил свою порцию. Затем он обратил на меня встревоженный взгляд.

— Это мне не нравится. Совершенно не нравится. Послушайте, Билл, вы должны знать об этом гораздо больше, чем все остальные. Ведь не мог он... я хочу сказать, что он ведь просто случайно оказался там, правда?

— Мне кажется...— начал я и остановился, прислушиваясь к барабанной дробь снаружи. Я пересек комнату и распахнул окно. Затем я всадил в обезглавленного триффида заряд из второго ствола — на этот раз в основание стебля. Барабанная дробь смолкла.

— Самое скверное в триффидях,—сказал я, когда мы налили по второй порции,—это те их свойства, о которых мы ничего не знаем.—И я рассказал ему о теориях Уолтера. Он содрогнулся.

— Не станете же вы серьезно уверять, что они «разговаривают», когда издают этот треск?

— Не знаю,—признался я.—Я, пожалуй, возьмусь утверждать, что это своего рода сигналы. Но Уолтер считал это самым настоящим «разговором», а уж он-то знал триффидов лучше, чем кто бы то ни было.

Я извлек расстрелянные гильзы и перезарядил ружье.

— И он в самом деле говорил об их превосходстве над слепым человеком?

— Это было много лет назад,—напомнил я.

— Все же... странное совпадение.

— Ничего странного,—возразил я.—Любой удар судьбы можно представить странным совпадением, если набраться терпения и подождать.

Мы выпили и повернулись, чтобы идти. Коукер посмотрел в окно. Затем он схватил меня за руку и показал на улицу. Из-за угла, раскачиваясь, вышли еще два триффида и заковыляли к ограде, служившей укрытием первому. Я подождал, пока они остановятся, и затем снес обоим макушки. Мы вылезли через окно, которое было достаточно удалено от любого возможного места засады, и направились к машинам, осторожно оглядываясь по сторонам.

— Еще одно совпадение? —спросил Коукер.—Или они пришли поглядеть, что случилось с их приятелем?

Мы выехали из деревни и помчались по узким проселочным дорогам. Мне показалось, что триффидов вокруг стало гораздо больше. А может быть, я просто не замечал их раньше? Или их действительно было меньше, поскольку мы ехали до этого по шоссейным дорогам? Я по опыту знал, что триффиды стремятся избегать твердых поверхностей, и считал, что такие поверхности, возможно, причиняют какое-то неудобство их ногам-корням. Подумав, однако, я постепенно пришел к убеждению, что их было много и раньше, причем относились они к нам не безразлично: не исключалось, что вовсе не случайно они двигались

именно в нашу сторону, когда мы видели, как они ковыляют к шоссе через поля.

Более очевидное доказательство мы получили, когда триффид ударил в меня из-за живой изгороди. К счастью, целиться в движущуюся машину он не умел. Удар был нанесен на мгновение раньше, чем нужно, и жало оставило след из капелек яда на ветровом стекле перед моим лицом. Прежде чем он успел нанести второй удар, я был уже далеко. Но после этого я, несмотря на теплую погоду, закрыл окно рядом с собой.

В течение прошлой недели я думал о триффидях, только когда они были у меня перед глазами. Они встревожили меня и в доме у Джозеллы и когда напали на нас в Хэмпстеде, но большую часть времени мне приходилось тревожиться совсем по другим, более насущным поводам. Теперь же, оглядываясь назад, вспоминая Тиншэм таким, каким он был до того, как мисс Дюрран очистила его с помощью дробовиков, и состояние деревень, через которые мы проезжали, я начал задавать себе вопрос: какую роль могли сыграть триффиды в исчезновении населения?

Через следующую деревню я ехал медленно, внимательно приглядываясь. В нескольких палисадниках я заметил трупы, лежащие там, по-видимому, не первый день, и почти в каждом случае где-нибудь поблизости оказывался триффид. По всему было видно, что триффиды становятся в засаду только на мягкой почве, куда можно на время ожидания зарыться корнями. Там же, где дверь дома открывалась прямо на улицу, увидеть труп можно было редко, а триффиды — никогда.

Я представлял себе, что произошло в большинстве деревень. Жители выходили за едой. Пока они передвигались по мощеным участкам, они были в относительной безопасности; но стоило им покинуть тротуары или просто оказаться рядом с садовой оградой, как они попадали под смертельные удары. Кто-нибудь успевал вскрикнуть, и это усугубляло ужас оставшихся в домах. Время от времени голод выгонял на улицу следующего. Некоторым посчастливилось вернуться, но в большинстве они теряли ориентировку и бродили, пока не падали от истощения или не вступали в пределы досягаемости триффиды. Уцелевшие могли догадаться, что происходит. Те, у кого был сад, могли услышать свист жала, и они осознавали, что им остается только одна альтернатива: умереть от голода или разделить судьбу покинувших дом. Возможно, многие за-

перлись в домах, довольствуясь наличными запасами еды и ожидая помощи, которая никогда не придет. Такова, возможно, история человека из гостиницы в Стипл-Хони.

Мысль о том, что в деревнях, через которые мы проезжали, еще могли сохраниться изолированные группы уцелевших жителей, была не очень приятной. Она снова вызвала ощущение, знакомое нам по Лондону: по всем нормам цивилизованной жизни следует попытаться найти их и сделать для них что-нибудь; и горькое сознание того, что всякая попытка такого рода обречена на провал.

Та же самая проблема. Что здесь можно сделать с самыми лучшими намерениями, кроме как продлить агонию? Опять на время утихомирить свою совесть только для того, чтобы опять увидеть крах своих усилий?

Мне пришлось твердо сказать себе, что в район землетрясения не лезут, когда еще рушатся здания. Спасательные работы надо начинать, когда толчки прекратятся. Но доводы разума не облегчали душу. Старый профессор был прав, когда подчеркивал трудности психической адаптации.

Триффиды в большой степени усугубили катастрофу. Помимо плантаций нашей фирмы, в стране было множество других питомников. Они выращивали триффидов для нас, для частных покупателей, для продажи менее значительным компаниям, которые занимались переработкой триффидного масла; и большинство этих питомников по климатическим соображениям располагалось как раз на юге. Но их было больше, чем я думал, если все виденное нами был результатом более или менее равномерного распределения на местности вырвавшихся на волю триффидов. И уж совсем не успокаивала мысль о том, что ежедневно все новые и новые экземпляры достигают зрелости, а урезанные триффиды медленно, но верно восстанавливают свои жала...

Сделав еще две остановки — одну для обеда и другую дляправки горючим, — мы въехали в Биминстер ранним вечером примерно в половине пятого. Мы доехали до центра города, не обнаружив никаких признаков пребывания здесь группы Бидли.

На первый взгляд здесь все было мертво, как и в других местах, которые мы видели сегодня. Главная улица с ее магазинами была пуста, только у обочины на одной сторо-

не стояли два грузовика. До них оставалось еще метров двадцать, когда из-за них выступил человек с винтовкой. Он выстрелил поверх моей головы и затем снизил прицел.

12. Тупик

С предупреждением такого рода приходилось считаться. Я затормозил.

Человек был высок и светловолос. Обращаться с винтовкой он умел. По-прежнему держа меня на прицеле, он дважды мотнул головой в сторону. Я воспринял это как предложение выйти из кабины. Спустившись на землю, я показал ему пустые руки. Когда я подошел к нему, из-за грузовиков вышел еще один мужчина в сопровождении девушки. За моей спиной раздался голос Коукера:

— Опусти свою пушку, приятель. Ты у меня как на ладони.

Светловолосый поглядел в сторону Коукера. Я мог бы прыгнуть на него в этот момент, но я сказал:

— Он прав. И вообще мы люди мирные.

Светловолосый неохотно опустил винтовку. Коукер, который спустился из своего грузовика под прикрытием моей машины, вышел из-за прикрытия.

— В чем дело? — спросил он. — Человек человеку волак?

— Вас только двое? — спросил второй человек.

Коукер взглянул на него.

— А вы чего ждали? Целой бригады? Нет, нас только двое.

Все трое облегченно вздохнули. Светловолосый объяснил:

— Мы думали, что вы какая-нибудь банда из большого города. Мы все время ждем, что они начнут набегать за продовольствием.

— О, — сказал Коукер. — Значит, вы давно уже не видели больших городов. Если это ваша единственная забота, можете спать спокойно. Все банды, какие там есть, озабочены сейчас совсем другим. Они делают — если мне будет позволено так выразиться — то же самое, что вы.

— И вы думаете, что они не придут сюда?

— Я совершенно уверен, что нет. — Он оглядел их. — Вы не из группы Бидли?

Они озадаченно переглянулись.

— Жаль,— сказал Коукер.— Это была бы наша первая удача за очень долгое время.

— А что такое группа Бидли? — спросил светловолосый.

После нескольких часов в кабине, прогретой солнцем, я чувствовал себя совсем иссохшим и увядшим. Я предложил перенести разговор с улицы в какое-нибудь более подходящее место. Мы обошли их грузовики, пробираясь через знакомый хаос ящиков, банок с чаем, окороков, мешков с сахаром, пакетов с солью и всего прочего, и вступили в небольшой бар. За эдем мы с Коукером коротко рассказали им обо всем, что мы делали и что мы знали. Затем наступила их очередь.

Как оказалось, они были активным отрядом группы из шести человек. Остальные, две женщины и один мужчина, остались дома, в здании, которое было избрано в качестве резиденции.

Седьмого мая около полудня светловолосый и девушка мчались в автомобиле на запад. Они собирались провести две недели в Корнуэлле, и им было очень весело в дороге, когда где-то поблизости от Крюкерна на них надвинулся из-за поворота двухэтажный автобус. Легковой автомобиль врезался в него, и последнее, что помнил светловолосый, была чудовищная громада автобуса, нависшая над ними, как скала.

Он очнулся в постели и, подобно мне, был поражен таинственной тишиной. Если не считать нескольких ссадин, мелких порезов и гула в голове, ничего плохого с ним, видимо, не случилось. Полежав и никого не дождавшись, он отправился на разведку и понял, что находится в крошечной провинциальной больнице. В соседней палате он обнаружил свою девушку и еще двух женщин, из которых одна была в сознании, но не могла передвигаться, потому что нога и рука у нее были в гипсе. В другой палате оказалось двое мужчин: один — вот этот его нынешний товарищ по группе и другой, со сломанной ногой. Всего в больнице было одиннадцать человек, из них восемь зрячих. Двое слепых были прикованы к постели и серьезно больны. Никто из обслуживающего персонала не появлялся. Светловолосому и его товарищам пришлось несколько труднее, чем мне. Они долго не решались покинуть больницу, делали все возможное для беспомощных больных, не понимая, что происходит, надеясь, что вот-вот кто-ни-

будь придет на помощь. Они не имели ни малейшего представления, что случилось с ослепшими и как их лечить. Они могли только кормить их и стараться их утешить. Двое слепых умерли на следующий день. Третий исчез, и никто не видел, как он ушел. Пассажиры автобуса, пострадавшие при столкновении, были местными жителями. Едва оправившись, они ушли из больницы разыскивать родственников. Группа сократилась до шести человек, из которых двое были с переломами конечностей.

К тому времени они осознали, что бедствие велико и им, по крайней мере временно, придется рассчитывать только на себя. Но об истинном размахе случившегося они еще не имели представления. Они решили оставить больницу и найти более подходящее место, воображая, что в городах еще уцелело много зрячих и дезорганизация может привести к разного рода эксцессам. Они ежедневно ожидали нашествия голодных, которые двинутся на них из разоренных городов подобно армиям саранчи. Поэтому главной их заботой было запастись продовольствие и готовиться к осаде.

Выслушав наши заверения в том, что такое нашествие совершенно исключено, они довольно уныло переглянулись.

Странное это было трио. Светловолосый оказался служащим фондовой биржи, звали его Стефен Бреннел. Его подруга была хорошенькая, отлично сложенная девушка, склонная иногда покапризничать и изобразить раздражение, но решительно неспособная чему-либо удивляться по настоящему. До катастрофы она чем-то такое занималась: разрабатывала новые фасоны платьев и продавала их, исполняла мелкие роли в кино и из-за этого упускала верные шансы поехать в Голливуд, выступала хозяйкой в третьеразрядных клубах и уклонялась от исполнения этих обязанностей всеми доступными ей способами; таким «способом» п был, вероятно, несостоявшийся пикник в Корнуэлле. Она была непоколебимо убеждена, что с Америкой ничего серьезного не произошло и что надо только немного продержаться, а там примчатся американцы и наведут порядок. Из всех, кого я встречал после катастрофы, это было самое спокойное существо. Правда, порою она тосковала по ярким огням рекламы, но в то же время она твердо верила, что американцы вот-вот восстанут все это.

Третий член трио, смуглый молодой человек, имел против судьбы зуб. Он много работал и много копил, пока

не завел собственную радиомастерскую, и у него была мечта. «Взгляните на Форда,— говорил он,— и взгляните на лорда Нуффилда — он начинал с велосипедной мастерской, которая была ничуть не больше моей радиомастерской, а чего он достиг! Такую же штуку сделаю и я. Но взгляните на эту дьявольщину, которая творится вокруг! Это же нечестно!» Судьба, как ему казалось, не желала больше Фордов и Нуффилдов, но он не собирался покоряться. Это только перерыв, ниспосланный для его испытания. Придет время, и мы снова увидим его в радиомастерской, твердо стоящим на первой ступеньке к миллионерству.

Но и они, увы, ничего не знали о группе Микаэля. Единственно, с кем они столкнулись, была группа людей в деревне на границе с Девонширом, где двое с дробовиками порекомендовали им никогда больше не ходить в том направлении. Люди эти, судя по всему, были местными жителями. Коукер заметил, что эта группа, по-видимому, очень мала.

— Если бы у них была большая группа, они бы меньше боялись и проявили бы больше любопытства,— утверждал он.— Но если группа Бидли все-таки где-нибудь поблизости, мы рано или поздно найдем ее.— Он повернулся к светловолосому и предложил: — Давайте держаться вместе, как вы считаете? Мы умеем работать, а когда мы найдем их, нам всем будет проще договориться с ними.

Трое вопросительно переглянулись и затем кивнули.

— Ладно,— согласился светловолосый.— Помогите нам погрузиться, и поедем.

По-видимому, Чаркотт Олд Хауз был некогда укрепленным замком. Сейчас его укрепляли заново. Когда-то в прошлом защитный ров осушили, однако Стефен считал, что ему удалось удачно нарушить дренажную систему и ров постепенно вновь заполнится водой. Он планировал затем взорвать засыпанные участки рва и восстановить круговую защиту полностью. Наши новости лишили эти приготовления всякого смысла и вызвали у него некоторое уныние и досаду. Каменные стены дома были толстые. Из трех окон фасада торчали пулеметные дула, и еще два пулемета были установлены на крыше. В холле был наготове небольшой арсенал минометов с минами и огнеметов, которыми он очень гордился.

— Мы нашли военный склад,— объяснил он,— и потратили целый день, чтобы стащить сюда это вооружение.

Глядя на коллекцию оружия, я впервые осознал, что, будь катастрофа не такой сокрушительной, она принесла бы людям много больше страданий. Если бы уцелело хотя бы десять — пятнадцать процентов населения, весьма возможно, что крошечные общины вроде этой действительно были бы вынуждены жестоко отбиваться от наседающих толп голодных людей. Но в настоящей ситуации Стефен, видимо, совершил свои военные приготовления напрасно. Впрочем, не все. Я показал на огнеметы.

— Это может пригодиться против триффидов,— сказал я.

Он ухмыльнулся.

— Вы правы. Очень действует. Единственное, для чего мы их применяли. И кстати, это единственное оружие, которое обращает триффидов в бегство. Можете в клочья разбить триффид пулями, он с места не сдвинется. Наверное, они просто не знают, с какой стороны идет уничтожение. Но дайте им попробовать горячего из этой штуки, и они удерут со всех ног.

— Сильно они вам досаждают? — спросил я.

Оказалось, что не очень. Время от времени один, а то и два или три приближаются к дому, и тогда их отгоняют огнеметом. Во время экспедиций группа несколько раз попадала в опасные положения, но обычно они покидают грузовик только в застроенных районах, где триффиды встречаются редко.

Вечером после наступления темноты мы все поднялись на крышу. Луна еще не взошла. Ландшафт перед нами тонул в непроглядном мраке. Сколько мы ни вглядывались, никому из нас не удалось разглядеть ни малейшего огонька. И никто из группы Стефена не видел в дневное время ничего похожего на дым. Когда мы возвращались в освещенную лампой комнату, я был в подавленном настроении.

— Остается только одно,— сказал Коукер.— Придется разделить район на участки и обшарить их.

Но в голосе его не было убежденности. По-моему, он считал, подобно мне, что группа Бидли продолжала бы зажигать по ночам сигнальный свет, а днем давала бы сигнал как-нибудь иначе — например, столбом дыма.

Однако более разумного предложения не было, и мы принялись трудиться над картой района, размечая участки и стараясь при этом, чтобы каждый участок включал возвышенность для лучшего обзора.

На следующее утро мы отправились на грузовике в город и оттуда разъехались на легковых машинах в разные стороны. Поиски начались.

Вне всякого сомнения, это был для меня самый печальный день с тех пор, как я бродил по Вестминстеру в поисках Джозеллы.

Правда, на первый взгляд было не так уж плохо. Была пустынная дорога под солнцем, была свежая зелень раннего лета. Были дорожные указатели, которые по-прежнему показывали, как попасть в Экзетер и Уэст и в другие места. Иногда, хотя и редко, были птицы. И были цветы у проселочных обочин, такие же, как всегда.

Но было и другое. Были поля, где валялись трупы коров и бродил слепой скот, ревели от боли недоенные коровы, отрешенно стояли пугливые овцы, запутавшиеся в зарослях ежевики или в колючей проволоке, а другие овцы бесцельно кружили по пастбищам или умирали от голода с выражением упрека в слепых глазах.

Проезжать вблизи от ферм становилось тошно. На всякий случай я оставил себе для вентиляции только узкую щель в верхней части окна, но я закрывал и эту щель, когда впереди на дороге показывалась ферма.

Трифиды были на свободе. Я видел, как они ковыляют через поля, как неподвижно стоят возле изгородей. На многих фермерских дворах они нашли себе по вкусу кучи отбросов и угнездились в них, терпеливо ожидая, пока мертвый скот достигнет должной стадии разложения. Я смотрел теперь на них с омерзением, какого они прежде никогда во мне не вызывали. Чудовищные, чуждые нам твари. Кто-то из нас вызвал их к жизни и кто-то из нас в безоглядной алчности расселил по всему свету. Мы не можем даже винить за них природу. Мы их создали сами, как создавали прекрасные цветы или гротескные пародии на собак. Я возненавидел их не только за плотоядность: им шло на пользу наше бедствие, они процветали на наших трупах...

Шли часы, и ощущение одиночества нарастало. На каждом холме, на каждой возвышенности я останавливался, чтобы осмотреть окрестности в полевой бинокль. Однажды я заметил дым, но когда подъехал, то увидел всего лишь

несколько вагонов, догорающих на рельсах. Не знаю, что там произошло, кругом по-прежнему не было ни души. В другой раз флаг на шесте погнал меня к какому-то домику; но в домике было тихо. Потом на склоне отдаленного холма я заметил мелькание чего-то белого; однако, направив туда бинокль, я обнаружил несколько мечущихся в панике овец и среди них триффиду, который раз за разом безрезультатно бил жалом в их защищенные шерстью спины. Живых людей я не видел нигде.

Я сделал остановку, чтобы поесть. Я ел быстро, вслушиваясь в тишину, которая действовала мне на нервы, торопясь скорее закончить и снова пуститься в путь, чтобы слышать хотя бы шум мотора.

Начались галлюцинации. Я видел руку, машущую мне из окна, но это оказалась не рука, а ветка дерева, качающаяся перед домом. Я видел посередине поля человека, который стоял и смотрел в мою сторону, но в бинокль рассмотрел только пугало. Я слышал зовущие голоса, еле слышные за шумом мотора, я останавливался и выключал двигатель, но голосов не было, не было ничего, только где-то вдали выла недоеная корова.

Мне пришло в голову, что по всей стране, наверное, разбросаны одинокие мужчины и женщины, которые считают, что они остались одни, что только они уцелели в катастрофе. И я испытывал к ним острую жалость.

Всю вторую половину дня я буквально в отчаянии продолжал упрямо рыскать по своему участку, уже потеряв всякую надежду. В конце концов, однако, я пришел к убеждению, что в этом районе большая группа людей может остаться незамеченной только в том случае, если будет искусно прятаться. Я не был в состоянии обшарить каждый проселок и каждую тропинку, но зычные звуки моего сигнала огласили на участке каждый акр. Тогда я сдался и поехал обратно в город. Я вернулся к нашему грузовику в самом мрачном настроении. Никого еще не было, и, чтобы провести время и избавиться от холода в груди, я зашел в ближайший кабачок и налил себе хорошую порцию бренди.

Следующим вернулся Стефен. Видимо, поездка подействовала на него так же, как на меня: в ответ на мой вопросительный взгляд он только помотал головой и схватился за бутылку. Минут через десять к нам присоединился тщеславный радиомастер. Он привез с собой обалдевшего растрепанного парня, который не мылся и не брился, на-

верное, несколько недель. Этот субъект болтался на дороге — видимо, это занятие было его единственной профессией. Как-то вечером (он не помнил даже, в какой день) он забрался на ночь в отличный сарай. Накануне он прошел больше, чем обыкновенно, и потому заснул, как убитый. На следующее утро он проснулся в мире кошмаров. Он до сих пор не уверен, кто сошел с ума — он сам или остальная вселенная. У нас составилось мнение, что хотя он, может быть, немного и не в себе, но у него сохранилось ясное и точное представление о том, как поступают с пивом.

Прошло еще полчаса, и появился Коукер. Он вошел в сопровождении здорового щенка и поразительно старой леди. Она была, видимо, в самом лучшем своем платье. Ее чистота и аккуратность разительно контрастировали с обликом нашего первого новобранца. Она с благовоспитанной нерешительностью остановилась в дверях кабачка. Коукер взял на себя церемонию представлений.

— Это миссис Форсетт, — провозгласил он, — единственная владелица Универсального Магазина Форсетта в коллекции из десятка домишек, двух пивных и одной церквушки, каковая коллекция известна под названием Чиппингтон Дёни. Миссис Форсетт умеет готовить. Знали бы вы, как она готовит!

Миссис Форсетт приветствовала нас с достоинством, приблизилась с уверенностью, уселась с осмотрительностью и снизошла к предложенному ей стаканчику портвейна, за которым последовал еще один стаканчик.

В ответ на наши расспросы она призналась, что в роковой вечер и последовавшую за ним ночь она очень крепко спала. Почему так случилось — она не стала рассказывать, а мы не стали спрашивать. Она спала, и поскольку ее никто не беспокоил, она проспала до полудня. Проснувшись, она чувствовала себя неважно, и потому не поднималась до вечера. Ей показалось странным, но знаменательным, что никто не потребовал ее за прилавок. Когда она наконец встала и подошла к двери, она увидела в своем саду «одну из этих ужасных триффидных тварей» и человека, лежавшего на тропинке перед воротами, вернее, его ноги. Она уже хотела выйти и посмотреть, что с ним, но тут триффид шевельнулся. Она едва успела захлопнуть дверь. Вероятно, для нее это было неприятным переживанием — воспоминание о нем подвигло ее на третий стаканчик портвейна.

Затем она стала ждать, пока кто-нибудь придет и уберет триффидов и труп. Ей было странно, что никто не приходит, но она не испытывала особых неудобств, потому что продуктов в магазине было достаточно. Так она и ждала, когда Коукер заметил дым ее печки, отстрелил у триффидов верхушку и зашел посмотреть, что у нее делается, объяснила она, с восхитительной рассеянностью наливая себе четвертый стаканчик.

Она угостила Коукера обедом, а он в благодарность дал ей совет. Было нелегко внушить ей представление об истинном положении вещей. Отчаявшись, он предложил ей самой поглядеть на то, что делается в деревне, только держаться подальше от триффидов, а он к пяти часам вернется и узнает ее мнение. Он вернулся и увидел, что она полностью собралась, уложила багаж и готова ехать немедленно.

Вечером, вернувшись в Чаркотт Олд Хауз, мы снова обступили карту. Коукер принялся намечать новые районы поисков. Мы следили за ним без всякого энтузиазма. И тогда Стефен сказал то, что думали все, в том числе и сам Коукер:

— Послушайте, мы обшарили все в радиусе пятнадцати миль. Ясно, что поблизости их нет. Или ваши сведения неверны, или они решили здесь не останавливаться и поехали дальше. Я считаю, что продолжать поиски так, как сегодня, не имеет смысла.

Коукер положил циркуль.

— Что же вы предлагаете?

— Понимаете, по-моему, мы могли бы очень быстро и очень точно проделать все это с воздуха. Бьюсь об заклад, всякий, кто услышит звук мотора самолета, немедленно выскочит и начнет подавать какие-нибудь знаки.

Коукер покачал головой.

— И как это мы раньше об этом не подумали? Ну, жен, конечно, вертолет... Только где его найти? И кто будет пилотом?

— Я берусь запустить в воздух такую штуку,— уверенно сказал радиомастер.

Что-то в его тоне вызывало сомнение.

— Вы хоть раз водили вертолет? — спросил Коукер.

— Нет,— признался радиомастер.— Но я думаю, ничего там такого сложного нет. Была бы сноровка.

— Гм,— сказал Коукер, недоверчиво глядя на него.

Стефен вспомнил, что неподалеку находятся две базы ВВС, а от Йовила начиналась линия аэротакси.

Вопреки нашим сомнениям радиомастер не ударил лицом в грязь. Он был, очевидно, убежден, что инстинктивное знание механизмов не подведет его. Повозившись полчаса, он поднял вертолет в воздух и привел его в Чаркотт.

Четыре дня подряд машина парила над районом по расширяющимся окружностям. Два дня наблюдения вел Коукер, на остальные два дня его заменил я. Всего мы обнаружили десять небольших групп. Ни в одной из них ничего не знали о группе Бидли, и ни в одной из них не было Джозеллы. Заметив группу, мы садились. Обычно она состояла из двух или трех человек, самая крупная состояла из семи. Они с радостной надеждой встречали нас, но их интерес к нам сразу пропадал, как только они узнавали, что мы не являемся разведывательным отрядом спасателей, а представляем такую же небольшую группу. Мы не могли предложить им ничего, чего бы они не имели. Некоторые в своем разочаровании начинали разговаривать в оскорбительных и угрожающих тонах, но большинство снова впадало в апатию. Как правило, они не высказывали желания объединяться с другими группами; они хотели только набрать всего побольше, устроиться поуютнее и ждать американцев, которые уж просто-таки обязаны найти какой-нибудь выход. Эта идея была широко распространена и глубоко укоренилась. Наши заверения, что выжившие американцы скорее всего по горло заняты своими делами, воспринимались как попытки облить холодной водой. Американцы, утверждали они, никогда бы не допустили, чтобы такое безобразие случилось у них в стране. Все же, невзирая на веру в доброго американского дядюшку, мы оставляли каждой группе карту с расположением всех других групп, обнаруженных на этот день, так что если бы они передумали, они могли бы объединиться с ними.

Эти полеты далеко не были развлечением, хотя они, во всяком случае, были лучше одиноких поездок по пустынным полям. Однако в конце четвертого дня было решено прекратить поиски.

Так по крайней мере решили остальные. У меня было совсем другое отношение к этому. У меня была личная цель. Они же искали и могли найти только незнакомых людей. Для меня поиски группы Бидли были средством, а не самоцелью. Если бы я нашел ее и Джозеллы бы там не оказалось, я бы все равно продолжал искать. Но я не

мог ожидать, чтобы остальные бросили все и посвятили бы свое время моим личным делам.

Мне было странно, что я нигде не встретил ни одного человека, который бы кого-нибудь искал. Если не считать Стефена и его подругу, каждый был отрезан от всех друзей и родных, соединявших его с прошлым, и начал новую жизнь с совершенно незнакомыми людьми. Один только я очень быстро обрел новую привязанность за такой короткий срок, что даже не подозревал, какое это будет иметь значение для меня.

После того как решили прекратить поиски, Коукер сказал:

— Ну ладно. Теперь следует подумать, что мы будем делать для себя.

— Будем запасаться на зиму и жить, — отозвался Стефен. — Что же еще?

— Я все время думаю об этом, — сказал Коукер. — Возможно, какое-то время этого будет достаточно. А потом?

— Если даже у нас кончатся запасы, не страшно, — сказал радиомастер. — Кругом всего полно.

— Американцы будут здесь до рождества, — объявила подруга Стефена.

— Послушайте, — терпеливо сказал Коукер. — Давайте пустим американцев по ведомству журавлей в небо. Напрягитесь и представьте себе мир, в котором нет никаких американцев. Можете?

Девушка вытаращила на него глаза.

— Куда же они девались? — сказала она.

Коукер печально вздохнул. Он повернулся к радиомастеру.

— Эти магазины и склады будут существовать не вечно. В новом мире нам дан хороший старт. Для начала у нас в руках порядочный капитал. Но он исчерпается. Правда, мы не съедим всего, что можно взять, всего не съесть даже нашим внукам. Но ведь съестное долго не протянет. Большая его часть скоро испортится. И речь идет не только о еде. Рассыплется рано или поздно все, может быть, и не так скоро, но наверняка. Если мы хотим иметь в следующем году свежую пищу, нам придется выращивать ее самим. И может быть, еще не так скоро, но все-таки наступит время, когда нам придется делать самим все. На-

ступит время, когда износится или проржавеет последний трактор, кончится горючее и мы окончательно вернемся к природе и благословим лошадей, если они у нас еще будут.

Сейчас у нас передышка, ниспосланная нам небом передышка, и мы должны воспользоваться ею, чтобы прийти в себя и приняться за дело. Позже нам придется пахать, еще позже — учиться ковать лемехи, а еще позже — учиться выплавлять железо. Мы сейчас на пути, который поведет нас назад, назад, назад, пока мы не научимся — если только мы сможем научиться — производить все, что потребляем. Только тогда мы остановимся на этом пути в первобытное состояние. Но как только мы остановимся, мы, вероятно, снова медленно поползем вверх.

Он оглядел нас, чтобы удостовериться, следим ли мы за его словами.

— Мы можем сделать это. Если захотим. Самое ценное в нашем хорошем старте — это знание. Мы избавлены от тех трудностей, которые пришлось преодолеть нашим предкам. Все, что нам надо, содержится в книгах, нам остается только взять на себя труд пойти и прочесть их.

Все глядели на Коукера с любопытством. Они впервые слышали, как он ораторствует.

— Я читал историю, — продолжал он, — и знаю из нее, что для использования знаний необходимо свободное время. Там, где каждому приходится работать ради куска хлеба до седьмого пота и где нет ни минуты свободного времени для мысли, там знание застаивается, и народ тоже. Люди, которые мыслят, не являются производителями материальных благ, они, как может показаться, почти полностью живут за счет других. Но в действительности они представляют собой долгосрочный вклад. Знания вырастают в больших городах и институтах, их содержал труд на полях и в малых городах. Вы с этим согласны?

Стефен сдвинул брови.

— Более или менее... Но я не понимаю, к чему вы клоните.

— А вот к чему. Рациональное количество людей в общине. Наша община благодаря своему размеру может рассчитывать только на животное существование и деградацию. Если нас по-прежнему будет всего десять человек, то нам конец. Неизбежно постепенное и бессмысленное вымирание. Когда пойдут дети, мы сможем урвать от на-

ших трудов очень немного времени, чтобы дать им хотя бы самое зачаточное образование; пройдет поколение, и мы будем иметь дикарей или олухов. Для того чтобы удержаться на нынешнем уровне, чтобы иметь возможность использовать знания в библиотеках, нам необходим учитель, врач и руководитель. Мы должны быть в состоянии прокормить их, пока они помогают нам.

— Ну? — сказал Стефен после паузы.

— Я все думаю о той общине, которую мы с Биллом видели в Тиншэме. Мы вам о ней рассказывали. Женщина, которая там верховодит, нуждается в помощи, нуждается отчаянно. У нее на руках пятьдесят или шестьдесят человек, из них всего дюжина зрячих. Так у нее дело не пойдет. И она это знает... но не желает признавать это перед другими. Она не попросила нас остаться, потому что не желает быть у нас в долгу. Но она была бы рада, если бы мы вернулись и попросили принять нас.

— Господи, — сказал я, — вы хотите сказать, что она намеренно пустила нас по ложному следу?

— Не знаю. Возможно, я несправедлив к ней. Но разве не странно, что мы не нашли здесь никаких следов Бидли и компании? Одним словом, не знаю, добивалась ли она этого, но в результате я все же решил вернуться туда. Хотите знать почему? На это есть две причины. Первая: если эту общину не взять в руки, она разложится, и это будет срамом и растратой человеческого материала. Вторая причина: в Тиншэме гораздо удобнее, чем здесь. Там есть ферма, которую ничего не стоит привести в порядок. Практически поместье там является самодовлеющей хозяйственной единицей, а при нужде оно может быть и расширено.

Еще важнее такое обстоятельство. Тиншэмская община достаточно многочисленна, чтобы выкроить время для обучения и нынешних слепых, и их зрячих детей, когда они появятся. Я полагаю, что это можно сделать, и я приложу все усилия, чтобы это сделать. А если надменной мисс Дюрран это не понравится, пусть она пойдет и утопится.

Теперь дело вот в чем. Я думаю, что смог бы сделать это и сам. Но я уверен, что, если бы мы поехали туда всей компанией, мы бы все реорганизовали и наладили бы работу в течение нескольких недель. И мы бы жили в общине, которая будет расти и предпримет чертовски удачную попытку выдержать, несмотря ни на что. Или нам

остается сидеть здесь маленькой группкой, обреченной на деградацию и отчаянное одиночество. Ну, что вы на это скажете?

Были споры, были вопросы о деталях, но по существу сомнений почти не было. Те, кто выезжал на поиски, знали, что такое отчаянное одиночество. Ни у кого не было привязанности к нынешней резиденции. Ее в свое время выбрали как хорошую оборонительную позицию — и только. Большинству уже невольно стало переносить полную изоляцию от мира. Мысль о более многочисленной и разнообразной компании уже сама по себе была привлекательной. Через час разговор шел о транспорте и порядке переезда, и предложение Коукера было окончательно принято. Сомневалась еще только подруга Стефена.

— Этот самый Тиншэм... он хоть значится на карте? — спросила она недовольно.

— Не беспокойтесь, — утешил ее Коукер. — Он значится на всех лучших американских картах.

Рано утром на следующий день я понял, что в Тиншэм я не поеду. Может быть, когда-нибудь потом, но не сейчас...

Моим первым побуждением было ехать со всеми, хотя бы для того, чтобы выжать из мисс Дюрран правду о группе Бидли. Но я вновь вынужден был с беспокойством признать, что не уверен, с ними ли Джозелла, — ведь, говоря по правде, все сведения, которые мне удалось собрать, говорили не в пользу этого. Через Тиншэм она почти наверняка не проезжала. Но если она уехала не за группой Бидли, то куда? Маловероятно, чтобы в Университете имелся еще один адрес, который я проглядел...

И тут, словно вспышка света, меня озарило воспоминание о нашем разговоре в той роскошной квартире. Я как бы вновь увидел Джозеллу, как она сидит в голубом бальном платье и огни свечей вспыхивают в брильянтах. Мы говорили... «Как насчет Суссекского Даунса? Я знаю там, на северной стороне, славный старый фермерский дом...» И тогда я понял, что мне делать...

Утром я сказал об этом Коукеру. Он мне сочувствовал, но явно старался не слишком меня обнадеживать.

— Ну что ж, поступайте, как вам кажется лучше, — сказал он. — Я надеюсь... В общем, вы знаете, где мы будем находиться, и вы можете оба приехать в Тиншэм

и помочь нам протаскивать эту бабу через обруч, пока она не образумится.

В то утро разразилась непогода. Лил проливной дождь, когда я снова влезал в знакомый грузовик. Коукер вышел проводить меня. Я знаю, почему он сделал это. Он никогда не говорил об этом ни слова, но я чувствовал, что его мучают воспоминания о своем первом отчаянном предприятии и о его последствиях. Он стоял возле кабины, волосы его слиплись, по лицу и за шиворот текла вода, и он протянул мне руку.

— Будьте осторожны, Билл. Карет «Скорой помощи» у нас теперь нет, а ваша подруга наверняка предпочитает, чтобы вы явились к ней в целости и сохранности. Желаю вам счастья... и передайте ей мои извинения за все, когда вы ее найдете.

Он сказал «когда», но звучало это как «если».

Я пожелал им удачи в Тиншэме. Затем я включил зажигание, и грузовик, разбрызгивая грязь, помчался по мокрой дороге.

13. Путешествие в надежде

Утро было испорчено мелкими бедами. Сначала в карбюраторе оказалась вода. Затем я ухитрился проехать десяток миль на север в полной уверенности, что еду на запад, а когда я повернул назад, у меня отказало зажигание, и я остановился на открытом всем ветрам холме в совершенно пустынной местности. Эти задержки сильно испортили бодрое настроение, с которым я пустился в дорогу. К тому времени, когда я справился с неполадками, был уже час дня, и погода прояснилась.

Выглянуло солнце. Все вокруг стало ярким и свежим, но хотя следующие двадцать миль я проехал без происшествий, мною вновь овладела тоска. Теперь я был по-настоящему предоставлен самому себе и не мог отделаться от ощущения одиночества. Оно вновь нахлынуло на меня, как в тот день, когда мы разделились, чтобы искать Микаэля Бидли; только теперь оно было вдвое сильнее... Раньше одиночество было для меня просто чем-то нежелательным, невозможностью перекинуться словом, чем-то, разумеется, временным. В тот день я узнал, что это нечто гораздо более страшное. Оно могло давить и угнетать, могло исказить привычные масштабы и играть опасные

шутки с разумом. Оно зловеще пряталось всюду, натягивая нервы и звеня в них тревогой, не давая ни на минуту забыть, что никто тебе не поможет и никому ты не нужен. Оно доказывало тебе, что ты атом, летящий в пустоте, и оно ждало случая напугать тебя, напугать чудовищно — вот чего оно добивалось и чего нельзя было ему позволить...

Лишить стадное животное общества ему подобных означает изувечить его, изнаsilовать его природу. Заключенный и изгнанник знают, что где-то существуют другие люди; само существование их делает возможным заключение и изгнание. Но когда стада больше нет, бытие стадного животного кончается. Оно больше не частица целого; уродец без места в жизни. Если оно не может удержать разум, оно пропало, пропало окончательно и бесповоротно, самым чудовищным образом, оно становится лишь судорогой в мышцах труппа.

Теперь это требовало гораздо больших усилий, чем прежде. Только отчаянная надежда вновь обрести друга в конце дороги удерживала меня от того, чтобы немедленно повернуть назад и искать облегчения в обществе Коукера и всех остальных.

Зрелища, которые я видел в пути, не имели с этим ничего общего. Да, они были ужасны, но к тому времени я уже притерпелся к ним. Ужас исчез, как исчезал из истории ужас, наполнявший поля великих сражений. И, кроме того, я не смотрел больше на эти зрелища, как на часть исполненной, поражающей воображение трагедии. Моя упорная борьба была личным конфликтом со стадными инстинктами моей расы. Бесконечная оборона без всякой надежды на победу. В глубине души я знал, что не выдержу длительного одиночества.

Чтобы отвлечься, я поехал быстрее, чем следовало. В каком-то маленьком городке с забытым названием я круто свернул за угол и врезался в автофургон, загораживавший улицу. К счастью, мой грузовик отделался царапинами, но машинам удалось так сцепиться, что разъединить их мне одному в таком тесном пространстве было делом нелегким. Эта проблема отняла у меня целый час и пошла мне на пользу, заняв мои мысли практическим делом.

После этого случая я впредь уже не решался ехать с большой скоростью, если не считать нескольких минут вскоре после того, как я въехал в Нью Форест. Сквозь ветви деревьев я вдруг увидел вертолет, летящий на не-

большой высоте. Он двигался так, что должен был пройти над дорогой впереди меня. К несчастью, деревья у обочины совершенно скрывали дорогу от наблюдения с воздуха. Я погнал грузовик во весь дух, но к тому времени, когда я выскочил на открытую местность, вертолет был уже крошечным пятнышком, удалявшимся на север. Тем не менее даже один вид его доставил мне облегчение.

Несколькими милями дальше я очутился в маленькой деревушке, расположенной возле опушки зеленого массива. На первый взгляд она казалась очаровательной, словно картинка, эта пестрая смесь соломенных и черепичных крыш с цветущими садами. Но мне не хотелось вглядываться в эти сады, когда я проезжал мимо них: слишком часто виднелись в них триффиды, нелепо торчащие среди цветов. Я был уже недалеко от окраины, когда из ворот последнего сада вырвалась крошечная фигурка и побежала по дороге ко мне навстречу, размахивая руками. Я затормозил, привычно огляделся, нет ли поблизости триффидов, затем взял ружье и соскочил на землю.

На девочке были голубое ситцевое платье, белые носки и сандалии. Ей было лет девять или десять. Хорошенькая малышка — это было сразу видно, хотя ее каштановые волосы были растрепаны, а лицо грязное от размазанных слез. Она потянула меня за рукав.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сказала она умоляюще. — Пожалуйста, пойдите и посмотрите, что с Томми.

Я стоял и глядел на нее. Чудовищное одиночество этого дня рассеялось. Мой разум, казалось, вырвался из ящика, в который я его заключил. Мне хотелось поднять ее и прижать к себе. Я чувствовал, как к моим глазам подступают слезы. Я протянул ей руку, и она ухватилась за нее. Мы пошли к воротам, откуда она выбежала.

— Вон Томми, — сказала она.

Мальчик лет четырех лежал на крошечной лужайке между клумбами. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что с ним случилось.

— Его ударило чудище, — сказала она. — Оно его ударило, и он упал. И оно собиралось ударить меня, когда я хотела помочь ему. Ужасное чудище!

Я взглянул вверх и увидел над оградой верхушку триффиды.

— Зажми уши ладошками, — сказал я. — Сейчас я выстрелю.

Она зажала уши, и я отстрелил триффиду верхушку.

— Ужасное чудище, — повторила она. — Теперь оно сдохло?

Я открыл рот, чтобы ответить утвердительно, когда триффид начал барабанить черенками по стеблю — совершенно, как тот, в Стипл-Хони. И как тогда, я заставил его замолчать выстрелом из второго ствола.

— Да, — сказал я. — Теперь оно сдохло.

Мы подошли к мертвому мальчику. Алый след удара четко выделялся на бледной щеке. Это случилось, должно быть, несколько часов назад. Она опустила руку возле него на колени.

— Не надо, — сказал я ей тихо.

Она подняла голову, на ее глазах блеснули слезы.

— Томми умер? — спросила она.

Я присел возле нее на корточки и покачал головой.

— Боюсь, что да.

Через некоторое время она сказала:

— Бедный Томми. Давайте похороним его, как щеночков.

— Да, — отозвался я.

При всем этом всеобщем уничтожении я вырыл единственную могилу, и она была такая маленькая. Девочка собрала букетик цветов и положила сверху. Затем мы уехали.

Ее звали Сюзен. Давным-давно, как ей это представлялось, что-то случилось с мамой и отцом, так что они ослепли. Отец ушел позвать на помощь и не вернулся. Потом пошла мама, строго наказав детям из дома не отлучаться. Она вернулась вся в слезах. На следующий день она опять пошла и на этот раз больше не вернулась. Дети съели все, что было в доме, потом есть стало нечего. В конце концов Сюзен проголодалась так, что решила нарушить мамин наказ и пошла попросить помощь в лавке мисс Уолтон. Лавка была открыта, но мисс Уолтон там не было. Сюзен позвала, никто не вышел. Тогда она взяла немного пирожков, печенья и конфет, решив, что мисс Уолтон она скажет об этом потом.

На обратном пути она увидела несколько чудовищ. Одно в нее ударило, но не рассчитало, и жало проскочило у девочки над головой. Это ее напугало, и оставшийся путь она бежала что было сил. После этого она очень остерегалась чудищ и во время последующих походов в лавку научила остерегаться Томми. Но Томми был ма-

ленький. Когда он сегодня утром вышел поиграть, он не заметил чудища, которое спряталось в соседнем саду. Сюзен несколько раз пыталась подобраться к нему, но каждый раз она видела, как при ее приближении вертушка триффиды начинала дрожать и двигаться...

Примерно через час я решил, что пора остановиться на ночлег. Оставив ее в кабине, я обошел несколько коттеджей, пока не нашел подходящего, и мы уселись за ужин. Я мало понимаю в маленьких девочках, но Сюзен, на мой взгляд, управилась с поразительным количеством еды; она призналась мне, что диета из печений, пирожков и конфет совсем не так приятна, как ей казалось когда-то. После ужина мне удалось ее немного отмыть, затем я кое-как причесал ее, и результат этих операций показался мне вполне удовлетворительным. С другой стороны, иметь собеседника доставляло ей такое удовольствие, что она на время забыла обо всем.

Я понимал ее. Совершенно то же самое испытывал и я.

Но вскоре после того, как я уложил ее в постель и снова спустился вниз, я услышал, что она плачет. Я вернулся к ней.

— Ничего, Сюзен,— сказал я.— Все будет хорошо. Бедному Томми даже не было больно, это случилось очень быстро.— Я сел на край постели и взял ее за руку. Она перестала плакать.

— Это не только Томми,— сказала она.— Это уже после Томми... Нигде никого не было, совсем никого. Мне было так страшно.

— Я знаю,— сказал я.— Уж я-то знаю. Мне тоже было страшно.

Она взглянула на меня.

— Но теперь ведь вам не страшно?

— Нет. И тебе тоже. Вот видишь, нам нужно просто быть вместе, и тогда нам никогда не будет страшно.

— Да,— серьезно и задумчиво сказала она.— Я думаю, так будет хорошо...

Мы обсудили еще множество других вопросов, прежде чем она заснула.

— Куда мы едем? — спросила на следующее утро Сюзен, когда мы тронулись в путь.

Я сказал, что мы ищем одну леди.

— А где она? — спросила Сюзен.

Этого я точно не знал.

— Когда же мы ее найдем? — спросила Сюзен.

Этого я не знал совсем.

— А она красивая? — спросила Сюзен.

— Да, — сказал я, обрадованный тем, что могу, наконец, дать вполне определенный ответ.

Почему-то это ей понравилось.

— Это хорошо, — удовлетворенно сказала она, и мы перешли на другую тему.

Из-за нее я старался объезжать более крупные города по окраинам, но избежать многих неприятных сцен в сельской местности было трудно. Через некоторое время я бросил притворяться, будто они не существуют. Сюзен глядела на них с тем же отстраненным интересом, что и на обычные пейзажи. Они ее не пугали, а озадачивали, и она задавала вопросы. Тогда я рассудил, что мир, в котором ей предстоит расти, вряд ли будет находить пользу в сюсюканье и эвфемизмах, наполнявших мое детство, и впредь уже старался говорить с нею об ужасных и причудливых зрелищах с одинаковой объективностью. Для меня это тоже было хорошо.

К полудню собрались тучи, снова начался дождь. Когда в пять часов вечера мы затормозили на дороге сразу за Пулборо, дождь все еще лил вовсю.

— А куда мы теперь? — спросила Сюзен.

— В том-то и загвоздка, — признался я. — Это где-то там. — Я махнул рукой в сторону Даунса.

Я напрягал память, пытаюсь вспомнить, что еще говорила Джозелла, но помнил только, что дом стоит на северной стороне холма. Кроме того, у меня было впечатление, будто он находится где-то напротив Пулборо и отделен от него болотистой низиной. Теперь, когда я был здесь, это представлялось весьма неопределенным ориентиром: холмы Даунса тянулись вправо и влево на мили.

— Может быть, для начала нам следует посмотреть, не видно ли какого-нибудь дымка на той стороне, — предложил я.

— Разве в такой дождь что-нибудь увидишь? — весьма справедливо возразила Сюзен.

Через полчаса дождь соизволил на некоторое время прекратиться. Мы вышли из грузовика и сели рядышком на каменную ограду. Мы внимательно оглядели склоны холмов, но ни острые глаза Сюзен, ни мои, оснащенные

биноклем, не обнаружили никаких признаков дыма или движения. Вскоре ливень возобновился.

— Есть хочется, — сказала Сюзен.

Я есть не стал. Теперь, когда я был так близок к цели, нетерпеливое стремление узнать, насколько оправдалась моя догадка, захватило меня полностью. Пока Сюзен ужинала, я отвел грузовик немного назад и вверх по склону, чтобы увеличить поле зрения. В промежутках между ливнями и в сгущающихся сумерках мы вновь оглядели противоположную сторону долины. Никаких результатов. В долине не было ни жизни, ни движения, если не считать нескольких коров и овец да торчащего в низине одинокого триффиды.

Мне пришла в голову одна мысль, и я решил спуститься в деревню. Не хотелось брать с собой Сюзен, потому что я знал, как там нехорошо, но оставлять ее здесь одну я тоже не мог. Впрочем, в деревне я обнаружил, что зрелища действуют на нее гораздо слабее, чем на меня: у детей иная концепция страшного, пока их не научат, чему следует ужасаться. Подавлен зрелищами был один только я. Для Сюзен там было не столько скверно, сколько интересно. Все мрачные ощущения у нее были смыты удовольствием от алого шелкового плащика, который она себе раздобыла, хотя он был ей велик на несколько размеров. Я тоже не остался внакладе. Я вернулся к грузовику с большой фарой, похожей на прожектор, которую мы сняли с роскошного «роллс-ройса».

Я установил эту штуку на стержне возле ветрового стекла и присоединил ее к аккумуляторам. Когда все было готово, оставалось только ждать темноты и надеяться на то, что дождь прекратится.

К тому времени, когда наступила тьма, дождь накрапывал еле-еле. Я включил свой прожектор и послал в ночь ослепительный столб света. Я медленно поворачивал фару вправо и влево, обводя лучом гряды холмов на той стороне и жадно вглядываясь в поисках ответного сигнала. Раз десять я ровно и упорно перемещал луч, выключая его на несколько секунд в конце каждого поворота. И каждый раз ночь над холмами оставалась непроглядно черной. Затем дождь снова пошел сильнее. Я направил луч прямо вперед и уселся в ожидании, слушая барабанный стук капель по крыше кабины, а Сюзен заснула, привалившись к моей руке. Прошел час, барабанный стук перешел в ред-

кое потрескивание и замолк совсем. Когда я вновь принялся поворачивать фару, Сюзен проснулась. Я заканчивал шестой поворот, и вдруг Сюзен закричала:

— Глядите, Билл! Вон там! Свет!

Я сейчас же выключил фару и стал смотреть вдоль линии ее протянутой руки. Ничего определенного я не увидел. Нечто тусклое, словно светлячок вдали, если только не обман зрения. Пока мы вглядывались, снова хлынул ливень, и когда я взялся за бинокль, видимости уже не было никакой.

Я не знал, пора ли включать двигатель. Могло случиться, что свет — если свет был — не виден с более низкого места. Я снова включил фару и стал ждать, собрав все свое терпение. Прошел еще час, прежде чем дождь прекратился опять. Я сейчас же выключил фару.

— Есть! — возбужденно вскрикнула Сюзен. — Глядите! Глядите!

Да, свет был. И достаточно яркий, чтобы рассеять все сомнения. Правда, даже с помощью бинокля невозможно было разглядеть деталей.

Я включил фару и передал азбукой Морзе букву «В» — других букв, кроме «SOS», я не знал, и пришлось довольствоваться этим. В ответ огонек на той стороне мигнул и затем разразился серией точек-тире, которые — увы — ничего мне не говорили. На всякий случай я ответил двумя «В», нанес на карту примерное направление на огонек и включил фары грузовика.

— Это там леди? — спросила Сюзен.

— Должна быть она, — сказал я. — Должна быть.

Это было нелегкое путешествие. Чтобы пересечь болотистую долину, пришлось воспользоваться дорогой к западу от нас и затем снова пробираться на восток вдоль подножия холмов. Едва мы проехали милю, что-то заслонило огонек. Отыскивать путь среди тропинок во мраке было трудно, и в довершение всего опять хлынул дождь. О дренажных шлюзах заботиться было некому, поэтому часть полей в низине оказалась под водой, и местами вода скрывала колеса. Приходилось править с исключительной осторожностью, а мне хотелось мчаться на полной скорости, не разбирая дороги.

Когда мы выбрались на другую сторону низины, затопление нам больше не грозило, но скорость не увеличилась, потому что тропинки изобиловали зигзагами и самыми невероятными поворотами. Мне пришлось все свое внимание

отдать дороге, а девочка вглядывалась в склоны холмов, выжидая появления огонька. Мы достигли точки, где наш путь пересекала нанесенная на карту линия, но огонек не появлялся. Я попробовал первый же поворот вверх по склону. После этого мы потратили полчаса, чтобы вернуться на дорогу из мелового карьера.

Мы двинулись по нижней тропе дальше. Затем Сюзен разглядела справа между ветвями какое-то мерцание. Следующий поворот был удачнее. Мы снова поднялись по откосу и увидели в полумиле крошечный квадратик освещенного окна.

Но даже тогда и даже с помощью карты было нелегко найти ведущий туда проселок. Мы медленно, все время на первой скорости, тащились вверх по склону, и каждый раз, когда окно вновь появлялось перед нами, оно было ближе. Проселок не предназначался для тяжелых грузовиков. Кое-где мы продирались сквозь заросли и кусты ежевики, которые скребли борта кузова, как бы стараясь задержать нас и столкнуть обратно.

Наконец впереди на дороге показался фонарь. Он двигался, раскачиваясь, показывая нам поворот к воротам. Затем он опустился на землю. Я подъехал и затормозил в метре от него. Когда я открыл дверцу, в лицо мне неожиданно ударил свет карманного фонарика. Я успел разглядеть фигуру в блестящем от воды дождевике.

Легкий надлом нарушил нарочитое спокойствие голоса, который произнес:

— Здравствуйте, Билл. Долго же вас не было.

Я спрыгнул с подножки.

— О Билл!.. Я не могу... Милый мой, я так надеялась... Билл...— говорила Джозелла.

Я вспомнил о Сюзен, только когда она сказала сверху:

— Глупые, вы же промокнете. Разве нельзя целоваться под крышей?

14. Ширнинг

Чувство, с которым я прибыл на ферму Ширнинг, то самое чувство, которое твердило мне, что все беды теперь позади, интересно только тем, что свидетельствует, как обманчивы подчас бывают чувства. Я нашел и обнял Джозеллу, но мне не пришлось немедленно увезти ее в Тиншэм и воссоединиться с остальными, что долж-

но было быть естественным следствием нашей встречи. Причин было несколько.

С того момента, как мне пришло в голову, где она может находиться, я представлял себе ее, должен сознаться, несколько кинематографически, будто она сражается против всех сил природы и так далее и тому подобное. В известном смысле, наверное, так оно и было, но вся обстановка здесь весьма отличалась от воображаемой. У меня был простой план: «Полезай в кабину. Мы поедем к Коукеру и его маленькой компании». Этот план рухнул в первую же минуту. Вообще следует знать, что так просто никогда не бывает, и, с другой стороны, поразительно, сколько часто лучшее маскируется под худшее...

Не то чтобы я с самого начала отдал предпочтение Ширнингу перед Тиншэмом, хотя присоединиться к большой группе было бы значительно умнее. Но Ширнинг был очаровательным местом. Слово «ферма» являлось просто его титулом. Фермой он был лет двадцать пять назад и до сих пор выглядел как ферма, но на самом деле это была загородная дача. В Суссексе и в соседних графствах было полно таких домов и коттеджей, которые облюбовали для себя усталые лондонцы. Внутри дом был полностью модернизирован, так что его прежние хозяева вряд ли узнали бы хоть одну комнату. Снаружи он блестел как новенький. Загоны и сараи имели вид скорее пригородный, нежели деревенский, они давно уже не знали никакого домашнего скота, кроме разве верховых лошадей и пони. Двор не имел никаких утилитарных устройств и не издавал грубых запахов; он был засажен высокой густой травой и превратился в лужайку для игры в шары. Окна под красной черепицей выходили на поля, обработанные другими фермерами, более практичными. Впрочем, сараи и амбары оставались в хорошем состоянии.

Друзья Джозеллы, нынешние владельцы Ширнинга, мечтали когда-нибудь все здесь переделать и заняться всерьез сельским хозяйством. Они до последнего дня отказывались от самых соблазнительных предложений в надежде, что когда-нибудь и какими-то путями, о которых имели очень смутное представление, они достанут деньги и выкупят принадлежавшую им по праву землю.

На ферме были свой колодец и своя силовая станция, так что она обладала многими преимуществами, но, обойдя ее, я понял мудрость Коукера, когда он говорил о необходимости коллективных усилий. Я ничего не понимал

в сельском хозяйстве, но чувствовал, что, если мы останемся здесь, содержание шестерых человек потребует очень тяжелых трудов.

Остальных троих звали Деннис и Мэри Брент и Джойс Тэйлор, и они были уже здесь, когда прибыла Джозелла. Деннис был владельцем фермы. Джойс гостила у них и готовилась взять на себя домашнее хозяйство, потому что Мэри ждала ребенка.

В ночь зеленых вспышек на ферме были еще два гостя, Джоан и Тед Дэнтон, приехавшие на неделю отдохнуть. Все пятеро вышли в сад любоваться небесным представлением. Наутро все пятеро проснулись в мире, где царил вечный мрак. Сначала они пытались звонить по телефону; затем, когда убедились, что это невозможно, они стали ждать приходящую прислугу. Она не пришла. Тед вызвался попробовать узнать, что произошло. Деннис не пошел с ним только из-за жены, которая была на грани истерики. Тед отправился в одиночку. Он больше не вернулся. Позже в тот же день ушла, никому не сказав ни слова, Джоан: вероятно, она хотела попытаться найти мужа. Она тоже исчезла навсегда.

Деннис следил за временем, ощупывая стрелки часов. К вечеру сидеть и ждать сложа руки стало невыносимо. Он решил попробовать дойти до деревни. Обе женщины решительно против этого восстали. Боясь за Мэри, он сдался, и попытку решила предпринять Джойс. Она подошла к двери и стала нащупывать путь палкой. Едва она переступила через порог, как что-то со свистом хлестнуло ее по руке и обожгло, как раскаленный утюг. Она с криком отскочила назад в прихожую и упала. Деннис нашел ее. К счастью, она была в сознании. Она стонала и жаловалась на боль в руке. Нашупав вспухший рубец, Деннис догадался, в чем дело. Несмотря на слепоту, они с Мэри кое-как ухитрились применить горячие припарки. Пока Мэри грела воду в чайнике, он наложил турникет и сделал все возможное, чтобы выдавить яд. Затем они перенесли Джойс на кровать, где она пролежала несколько дней.

Тем временем Деннис проводил эксперименты. Слегка приоткрыв дверь, он просовывал наружу метлу. Каждый раз слышался свист жала, и ручка метлы несильно дергалась в его ладони. То же самое было у одного из окон, выходящих в сад; остальные окна были, по-видимому, свободны. Если бы не отчаянные протесты Мэри, он бы попробовал выбраться через окно. Но Мэри была уверена,

что раз триффида обступили дом, значит, их много по-
всеюду.

К счастью, у них было достаточно продуктов, чтобы продержаться некоторое время, хотя готовить было трудно; к тому же Джойс, несмотря на высокую температуру, видимо, превозмогла действие триффидного яда, так что положение не было таким уж отчаянным. Большую часть следующего дня Деннис занимался тем, что мастерил для себя подобие шлема. У него была проволочная сетка только с крупными ячейками, так что ему пришлось складывать и связывать ее в несколько слоев. Это заняло много времени, но в конце концов, оснастившись этим шлемом и парой фехтовальных рукавиц, к вечеру он смог отправиться на вылазку в деревню. Триффид ударил в него, едва он отошел от дома на три шага. Он стал шарить вокруг, нашел триффид и выкрутил ему стебель. Через минуту по шлему хлестнуло другое жало. Этого триффида он найти не смог, хотя тот нанес ему полдюжины ударов, прежде чем, наконец, отстал. Он нашел дорогу к мастерской, а оттуда направился через двор и вышел на проселок, нагружившись тремя большими мотками бечевки, которую разматывал за собой. Бечевка должна была привести его назад.

На проселке его несколько раз хлестали жала триффидов. Чтобы преодолеть милю, отделявшую ферму от деревни, ему понадобилось удивительно много времени, и бечевка кончилась еще по пути. Тишина, царившая вокруг, приводила его в ужас. Время от времени он останавливался и кричал, но никто не отзывался. Иногда ему казалось, что он заблудился, но потом он ощутил под ногами дорожное покрытие и понял, где находится. Окончательно он уверился в этом, когда наткнулся на столб с указателем. Тогда он пошел дальше.

Пройдя расстояние, показавшееся ему очень большим, он почувствовал, что его шаги звучат по-иному: они отдавались слабым эхом. Двинувшись в сторону, он обнаружил тротуар и затем стену. Немного дальше он нащупал почтовый ящик, вделанный в кирпичную кладку. Теперь он знал, что находится в деревне. Он закричал. На этот раз чей-то голос, голос женщины, откликнулся ему, но кричали где-то впереди, и слов нельзя было разобрать. Он крикнул вторично и направился на голос. Ответный крик вдруг оборвался пронзительным воплем. После этого снова наступила тишина. Только тогда, и все еще сомневаясь, он осознал, что положение в деревне не лучше, чем у него

на ферме. Он присел на травянистую обочину тротуара и стал думать, что делать дальше.

По наступившей прохладе он догадался, что началась ночь. Видимо, он шел не менее четырех часов, и теперь оставалось только идти назад. Незачем, однако, возвращаться с пустыми руками... Он пошел дальше, постукивая по стенам палкой, пока палка не загремела об оцинкованную вывеску деревенской лавочки. На протяжении последних пятидесяти или шестидесяти метров триффидные жала трижды хлестали его по шлему. Еще один удар, едва он открыл калитку, и он споткнулся о тело, лежавшее поперек дорожки. Труп был мужской, холодный как лед.

У него создалось впечатление, что в лавке кто-то побывал до него. Тем не менее он нашел изрядный окорок. Он сунул его в мешок вместе с пакетами масла и маргарина, печенья и сахара, затем сложил туда же часть банок с полки, которая, насколько он помнил, содержала съестное; банки сардин, во всяком случае, различить было легко. Затем он поискал и нашел десятка полтора мотков бечевки, взвалил мешок на плечо и отправился домой.

По дороге он сбился с пути и едва справился с охватившей его паникой, пока возвращался назад и ориентировался заново. Но в конце концов он снова оказался на знакомом проселке. Ощупью ему удалось найти бечевку, которая тянулась от фермы, и он связал ее с бечевкой из деревни. Остаток пути он прошел сравнительно благополучно.

В последующую неделю он дважды совершал вылазки в деревенскую лавку, и с каждым разом триффиды на дороге попадались все чаще. Троим обитателям фермы оставалось только ждать и надеяться. И тут случилось чудо: прибыла Джозелла.

С самого начала мне стало ясно, что о немедленном переезде в Тиншэм не может быть и речи. Во-первых, Джойс была еще очень слаба — увидев ее, я поразился, как ей удалось выжить. Расторопность Денниса спасла ей жизнь, но они не могли обеспечить ее в течение последующей недели ни укрепляющими средствами, ни хотя бы правильным питанием, и это замедлило выздоровление. Перевозить ее на большие расстояния было немыслимо в ближайшую неделю или две. И кроме того, путешествие было опасно также для Мэри, у которой вскоре должны были

наступить роды; таким образом, нам оставалось только ждать, пока минуют эти два кризиса.

Снова мне пришлось заняться грабежами. На этот раз я должен был действовать по более обширному списку и доставлял на ферму не только продукты, но еще и горючее для генератора, кур-несушек, двух только что отелившихся коров (отощавших до того, что у них ребра торчали наружу), медицинские препараты для Мэри, а также огромное количество всяких мелочей.

Округа буквально кишела триффидами, нигде я еще не встречал их в таком количестве. Чуть ли не каждое утро оказывалось, что новые две или три штуки притаились в засаде возле дома, и, прежде чем приниматься за что-нибудь другое, надо было отстреливать им верхушки. Потом я оборудовал проволочную ограду, чтобы не допускать их в сад; тогда они стали приходить к самой ограде и вызываясь слонялись вокруг нее, пока их не приканчивали.

Я вскрыл ящики со снаряжением и обучил маленькую Сюзен стрелять из триффидного ружья. Она очень быстро стала специалистом по истреблению чудищ, как она продолжала их называть. Ежедневное отмщение стало ее долей работы.

Джозелла рассказала мне, что с ней было после ложной тревоги в Университете.

Ее вывезли с командой, как и меня, но от стражи, к которой она была прикована, она отделалась сразу же. Она предъявила им ультиматум: либо ее освободят от всех и всяческих пут, и тогда она будет оказывать им любую помощь; либо, если они намерены принуждать ее, наступит день, когда по ее рекомендации они хлебнут синильной кислоты или проглотят цианистый калий. Пусть они выбирают, что им больше подходит. Они сделали разумный выбор.

В том, что случилось дальше, ее история мало отличалась от моей. Когда ее команда погибла, она стала рассуждать примерно так же, как я. Она взяла автомобиль и отправилась искать меня в Хэмпстед. Ни единого живого человека из моей команды она не встретила; не столкнулась она и с теми, кого вел рыжеволосый убийца с пистолетом. Она пробыла в Хэмпстеде почти до захода солнца, а затем решила поехать в Университет. Не зная, чего там можно ожидать, она остановила машину за два квартала и дальше пошла пешком. Не успела она дойти до ворот, как услышала выстрел. Из осторожности она укрывалась

в садике, где мы с нею прятались раньше. Оттуда она заметила Коукера, который тоже осторожно оглядывался. Она не знала, что это я стрелял в триффидов на Рассел-сквер и что это мой выстрел был причиной настороженности Коукера; она заподозрила ловушку. Попасться второй раз она не желала и вернулась к своей машине. Она понятия не имела, куда уехали остальные и уехали ли они вообще. Она знала только одно место, где она могла найти убежище и о котором она едва ли не случайно упоминала мне. И она решила отправиться туда в надежде, что я, если я еще жив, вспомню и постараюсь его отыскать.

— Как только я выбралась из Лондона,— рассказывала она,— я свернула калачиком на заднем сиденье и заснула. Сюда я приехала довольно рано, на следующее утро. Деннис услышал шум мотора и высунулся из окна верхнего этажа, чтобы предупредить меня о триффидов. Затем я увидела несколько штук возле самого дома, и было очень похоже на то, что они ждут, чтобы кто-нибудь вышел. Мы с Деннисом кричали друг другу, потом триффиды зашевелились, и один направился ко мне, так что мне пришлось безопасности ради забраться в машину. Триффид продолжал двигаться ко мне. Я включила двигатель, сшибла и переехала его. Но остались другие, а у меня, кроме ножа, не было никакого оружия. Проблему разрешил Деннис.

«Если у вас найдется лишняя канистра бензина, плесните немного на них, а затем бросьте в них кусок горячей ветоши,— предложил он.— Это должно подействовать».

Это подействовало. Теперь я всегда пользуюсь садовым насосом. Просто чудо, как я еще дом не подожгла.

С помощью поваренной книги Джозелла кое-как приготавливала обед, а затем принялась наводить в доме порядок. Работа, обучение, всякого рода импровизации поглощали ее настолько, что ей некогда было задумываться над будущим дальше, чем на несколько ближайших недель. В эти дни она не заметила в окрестностях никого, но она была уверена, что где-нибудь должны быть люди, и тщательно наблюдала за долиной в поисках дыма днем и огней ночью. Однако в ее поле зрения не появилось ни одного дыма, ни единого проблеска света до того вечера, когда приехал я.

В каком-то смысле хуже всего катастрофа подействовала на Денниса. Джойс была еще слаба и еле двигалась. Мэри держалась замкнуто и, по всей видимости, находила бесконечное утешение в мыслях о своем предстоящем материн-

стве. Но Деннис был как зверь в западне. Нет, он не предавался бессмысленной ругани, как это делали многие другие, но он ненавидел свою слепоту злобно и горько, словно она загнала его в клетку, где он не намерен оставаться долго. Еще до моего прибытия он убедил Джозеллу найти в энциклопедии систему Брайля и сделать ему копию алфавита для слепых. Он ежедневно упорно тренировался, составляя из этой азбуки слова и пытаясь прочесть их. В остальное время он мучался своей бесполезностью, хотя никому не говорил ни слова. Он с угрюмой настойчивостью брался то за одно, то за другое дело, так что больно было смотреть на него, и всей моей силы воли едва хватало, чтобы удерживаться и не помогать ему: вспышка злости, которой он встретил однажды непрошеную помощь, была достаточно красноречива. Я испытывал удивление перед его настойчивостью и трудолюбием, но больше всего меня поразило то, что уже на второй день слепоты он сумел смастерить такой удачный шлем из проволоки.

Он всегда стремился сопровождать меня в экспедиции, и его радовала возможность участвовать в погрузке тяжелых ящиков. Он жаждал книг по системе Брайля, но достать их можно было только в больших городах, и мы решили подождать с этим до тех пор, пока не уменьшится риск подхватить какую-нибудь заразу.

Дни потекли быстро — конечно, для тех из нас, кто владел зрением. Джозелла была очень занята, большей частью по дому, и Сюзен училась помогать ей. Много дел было и у меня. Джойс стало значительно лучше, она впервые поднялась с постели, а затем быстро пошла на поправку. Вскоре после этого начались схватки у Мэри.

Это была трудная ночь для всех. Труднее всего, вероятно, для Денниса, который знал, что все зависит теперь от двух добросовестных, но совершенно неопытных девушек. Его самообладание вызывало во мне беспомощное восхищение.

Рано утром к нам спустилась смертельно усталая Джозелла.

— Девочка, — сказала она. — У них обеих все в порядке. — И она повела Денниса наверх.

Через несколько секунд она вернулась и взяла стаканчик, который я держал для нее наготове.

— Все обошлось очень гладко, слава богу, — сказала она. — Бедняжка Мэри страшно боялась, что малышка тоже

родится слепой, но ничего подобного, конечно, не случилось. А теперь она горько плачет, что не может увидеть ее. Мы выпили.

— Странно как-то,— проговорил я.— Я имею в виду положение вообще. Словно зерно— оно сморщенное и как будто мертвое, а на самом деле оно живое. И вот теперь родилась новая жизнь, и она сразу вступает во все это...

Джозелла закрыла лицо руками.

— Господи! Билл... Неужели все и дальше будет так, как сейчас? Дальше... дальше... все время?

Она упала в кресло и расплакалась.

Через три недели я отправился в Тиншэм повидать Коукера и организовать наш переезд. Я взял легковую машину, чтобы обернуться за один день. Когда я вернулся, Джозелла встретила меня в холле. Она внимательно взглянула мне в лицо.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего особенного. Переезжать туда нам не придется,— ответил я.— Тиншэм погиб.

Она вытаращила глаза.

— Что там произошло?

— Не знаю точно, скорее всего чума.

Я коротко рассказал о поездке. Особенного расследования не потребовалось. Когда я приехал, ворота были настежь, и при виде триффидов, свободно разгуливающих по парку, я уже понял, чего следовало ожидать. Тяжелый запах подтвердил мою догадку. Я заставил себя войти в дом. Судя по всему, он был покинут не менее двух недель назад. Я заглянул в две комнаты. Этого было достаточно. Я позвал, и мой голос замер в пустоте здания. Дальше я не пошел.

К наружной двери была прибита какая-то записка, но от нее остался только чистый уголок. Я потратил много времени в поисках листка, который, должно быть, сорвало ветром. Но я не нашел его. Грузовиков и легковых машин на заднем дворе не оказалось, большая часть припасов исчезла вместе с ними. Куда — я не знал. Оставалось вернуться в свою машину и ехать назад.

— И что же теперь? — спросила Джозелла, когда я закончил.

— Теперь, родная, мы останемся здесь. Мы знаем, как бороться за жизнь. И мы будем бороться за жизнь

впредь... если нам не придут на помощь. Возможно, где-нибудь существует организация...

Джозелла покачала головой.

— Я думаю, о помощи надо забыть. Миллионы и миллионы людей ждали помощи и надеялись, и все напрасно.

— Таких групп, как наша, тысячи,—возразил я.— Они рассеяны по всей Европе, по всему миру. Некоторые объединятся, начнут строить заново.

— А когда это будет? — сказала Джозелла.— Через поколения? Вероятно, уже после нас. Нет. Мир погиб, остались только мы... Мы должны заботиться о самих себе. Мы должны планировать свою жизнь без расчета на чью-либо помощь...—Она замолчала. На лице ее появилось странное, пустое выражение, какого я никогда у нее не видел. Она сморщилась.

— Родная вы моя...— сказал я.

— О Билл, Билл, я родилась не для такой жизни. Если бы не вы, я бы...

— Тихо, моя радость,—проговорил я нежно.— Тихо.— Я погладил ее по волосам.

Через несколько секунд она взяла себя в руки.

— Простите, Билл. Жалость к себе... это отвратительно. Больше я не буду.

Она вытерла глаза платком.

— Итак, я должна стать женой фермера. Но все равно я рада выйти за вас замуж, Билл... даже если это не очень-то правильная, настоящая женитьба.

Она вдруг засмеялась. Я давно уже не слышал ее смеха.

— Что такое?

— Я вспомнила, как я всегда боялась своей свадьбы.

— Это делает вам честь... хотя это несколько неожиданно.

— Да нет, дело не только в этом. Я про своих издателей, репортеров, кинопублику. Какое это было бы для них развлечение. Выпустили бы новое издание моей глупой книжки... снова выпустили бы фильм... и фотографии во всех газетах. Вам бы это не понравилось.

— Я знаю кое-что, что не понравилось бы мне гораздо больше,—сказал я.— В лунную ночь вы поставили мне одно условие, помните?

Она взглянула на меня.

— Ну что же, возможно, не все получилось так уж плохо,—сказала она.

15. Мир сужается

С тех пор я завел журнал. Это была по-месь дневника, биржевого бюллетеня и тетради для замеч-ток. В нем описаны места, где я побывал во время экспе-диций, перечисляются добытые припасы, оцениваются ко-личества припасов, которые надлежит вывезти, берутся на заметку складские и жилые помещения с примечаниями, ка-кие из них следует очистить в первую очередь, пока они не разрушились. Прежде всего я искал продукты, горючее и зерно, но этим я не ограничивался. Журнал пестрит пе-речислениями грузов одежды, инструментов, белья, обуви, кухонной посуды, грузов скобяных изделий и проволоки, проволоки, снова проволоки, а также книг.

Из записей следует, что в первую же неделю после возвращения из Тиншэма я принялся сооружать проволоч-ную ограду против триффидов. У нас уже были изгороди, защищающие от них дом и сад. Теперь же я начал осущест-влять честолюбивый план по освобождению от них не-скольких сотен акров посевной площади. Для этого необхо-дима была прочная проволочная ограда, подкреплённая естественными препятствиями и вертикальными щитами, а внутри — изгородь более легкого типа, которая не дава-ла бы скоту и нам самим неосмотрительно вступать в зону поражения жалом. Это была тяжелая, изнурительная рабо-та, и она отняла у меня много месяцев.

Одновременно я стремился постигнуть азбуку сельского хозяйства. Изучать сельское хозяйство по книгам очень трудно. Во-первых, никто из авторов, писавших на эту те-му, не предполагал, что какой-нибудь фермер будет начи-нать с абсолютного нуля. Поэтому я обнаружил, что все работы начинаются с середины в предположении, что чи-татель уже имеет какой-то опыт (которого я не имел) и знает терминологию (которой я не знал). Мои специализированные знания в биологии были решительно бесполез-ны перед лицом практических проблем. Теория требовала материалы и вещества, которые я либо не мог найти, либо не смог бы распознать, если бы даже нашел. Очень скоро я по-нял, что к тому времени, когда кончатся практически невоз-полнимые запасы химических удобрений, кормов и всего про-чего, останутся только простейшие механизмы, и тогда нам придется попотеть, а уж каков будет урожай, бог его знает.

Книжные знания в области коневодства, молочного хо-зяйства и работы на бойне тоже не давали никакой прак-

тической основы для овладения этими искусствами. Слишком много оказалось моментов, когда нельзя прерывать работу для консультации с нужной главой. Мало того, практика непрерывно обнаруживала загадочные отклонения от простых книжных схем.

К счастью, у нас было достаточно времени, чтобы делать ошибки и на них учиться. Сознание, что пройдет еще несколько лет, прежде чем нам придется более или менее целиком положиться на собственные ресурсы, оберегало нас от отчаяния по поводу наших неудач. Кроме того, мы могли утешать себя тем, что, проживая собранные запасы, мы тем самым не даем им погибнуть втуне.

Из соображений безопасности я прождал целый год, прежде чем снова поехать в Лондон. Для моих набегов это был самый прибыльный район, но он же производил на меня и наиболее тягостное впечатление. Сначала все еще казалось, будто прикосновение волшебной палочки может вернуть ему жизнь, хотя машины на улицах начали ржаветь. Годом позже изменения стали более заметны. Огромные пласты штукатурки обвалились со стен и засыпали тротуары. На улицах валялись колпаки дымовых труб и обломки черепицы. Травы и кустарники задушили канализационные люки. Опавшая листва забила водосточные трубы, трава проросла в щелях стоков. Едва ли не каждое здание украсилось зеленым париком, под которым в предрой сырости гнили крыши. Сквозь окна были видны провалившиеся потолки, отставшие обои, блестящие от плесени стены. Сады парков и скверов заросли совершенно и расползались по соседним улицам. Зелень выпирала отовсюду, укореняясь на мостовых в щелях между камнями, выползая из трещин в бетоне, карабкаясь даже по сиденьям покинутых машин. Она вторгалась со всех сторон, чтобы вновь завладеть пустынями, которые создал человек. И странно, по мере того как живые растения закрывали камень, впечатление от города становилось все менее тяжелым. Когда Лондон вступил в стадию, где ему не помогла бы уже никакая волшебная палочка, большинство его призраков начало исчезать, медленно отступая в историю.

Однажды — не в тот год и не в следующий, а гораздо позже — я вновь стоял на Пикадилли-Сиркусе, оглядывая запустение и пытаюсь воссоздать мысленно картины кишевших там некогда толп. Но у меня ничего не вышло. Даже в моей памяти эти толпы были лишены реальности.

От них не осталось никакого привкуса, никакого оттенка. Они сделались такими же аксессуарами истории, как римский Колизей или ассирийские армии, и почему-то такими же далекими для меня. Ностальгия, которая временами, в тихие часы, овладевала мною, терзала меня сильнее, чем само зрелище старого мира, лежащего в развалинах. Когда я бывал в полях далеко отсюда, я мог предаваться приятным воспоминаниям; но среди шершавых, медленно погибающих построек мне в голову лезли только суета, крушение надежд, бесцельные устремления, вездесущий металлический грохот, и я начинал сомневаться, так ли уж много мы потеряли...

Первую пробную вылазку в Лондон я предпринял в одиночку и вернулся с ящиками боеприпасов против триффидов, с бумагой, частями двигателей, а также с книгами и пишущей машинкой по системе Брайля для Денниса, с напитками, сладостями, патефонными пластинками и с новыми книгами для зрячих. Неделей позже со мной поехала Джозелла с более конкретной целью: за одеждой и бельем не только и не столько для взрослых, сколько для ребенка Мэри и для ребенка, которого ждала теперь она сама. Лондон произвел на нее угнетающее впечатление, и больше она туда не ездила.

Я продолжал набегать на Лондон в поисках различных вещей и, как правило, пользовался случаем, чтобы заодно прихватить и предметы роскоши. Ни разу не пришлось мне увидеть, чтобы на улицах что-нибудь двигалось, если не считать немногих воробьев или заблудившегося триффиды. Кошки и собаки дичали с каждым поколением, их можно было заметить на полях, но не здесь. Правда, иногда я наталкивался на свидетельства того, что не один я добываю припасы, но я никогда не видел этих людей.

Последнюю поездку я совершил в конце четвертого года. Где-то во внутреннем пригороде я обнаружил, что появилась опасность, пренебрегать которой я не имел права. Первым проявлением ее был громоподобный грохот позади меня. Я остановил грузовик и, оглянувшись, увидел поперек улицы груды развалин и столб пыли над нею. Видимо, сотрясение от тяжелого грузовика доконало непрочный уже фасад какого-то здания. Больше я не обрушил ни одного дома, но весь тот день я провел в напряженном ожидании потока кирпича и штукатурки, падающего мне на голову. С той поры я ограничил свои экспедиции небольшими городами, да и там я ходил пешком.

Крупнейшим и наиболее удобным источником снабжения для нас мог стать Брайтон. Но от него мне пришлось отказаться. К тому времени, когда я решил, что он безопасен для посещения, там были уже другие. Кто они и сколько их — узнать мне не удалось. Я затормозил перед грубой каменной стеной, возведенной поперек дороги. На ней красовались слова:

СТОЙ! НАЗАД!

Этот совет был подкреплён треском ружейного выстрела, и передо мной взлетел фонтанчик пыли. Я не увидел никого, с кем можно было бы вступить в переговоры, да и начало переговоров не предвещало ничего хорошего.

Я развернул грузовик и задумчиво поехал прочь. А что, если наступит время, когда оборонительные приготовления моего друга Стефена все-таки окажутся не бесполезными? Для очистки совести я заехал в арсенал, где мы ещё раньше взяли огнеметы против триффидов, и погрузил там несколько пулеметов и минометов.

В ноябре второго года у нас с Джозеллой родился первый ребенок. Мы называли его Дэвидом. Моя радость слепалась временами с дурными предчувствиями: какое будущее создадим мы для него? Но Джозеллу это волновало меньше всего. Она его боготворила. Видимо, он был для нее компенсацией за все, что она утратила, и, как это ни странно, теперь она беспокоилась о состоянии мостов на нашем пути в будущее гораздо меньше, чем прежде. Как бы то ни было, это был крепкий мальчишка, и его здоровье позволяло надеяться, что он сможет постоять за себя, когда вырастет. Поэтому я подавил свои предчувствия и с удвоенным рвением взялся за работу на земле, которая в один прекрасный день будет содержать нас всех.

После этого прошло, должно быть, не очень много времени, и Джозелла заставила меня обратить более пристальное внимание на триффидов. За эти годы я так привык принимать против них меры предосторожности, что их превращение в неперенную деталь пейзажа прошло для меня гораздо менее заметно, чем для остальных обитателей фермы. Кроме того, имея с ними дело, я привык носить проволочную маску и перчатки, так что, когда я выезжал в экспедиции, ничего нового в этом для меня не было. Короче говоря, я привык обращать на триффидов не более

внимания, чем на москитов в малярийной местности. Джозелла заговорила о них однажды вечером, когда мы лежали в постели. В тишине слышался только отдаленный перебегающий треск твердых черенков, барабанищих по стеблям..

— В последнее время они трещат куда больше,— сказала она.

Сначала я не понял, о чем она говорит. Эти звуки были обычным фоном везде, где я так долго жил и работал, и если я не прислушивался к ним сознательно, я не мог даже сказать, есть они или нет. Теперь я прислушался.

— Не слышу, чтобы они трещали как-нибудь иначе,— сказал я.

— Я не сказала, что иначе. Я сказала, что они трещат больше, потому что их теперь больше, чем прежде.

— Не заметил,— проговорил я безразлично.

С тех пор как я соорудил ограду, мои интересы сосредоточились внутри нее, и мне было все равно, что делается снаружи. Во время поездок мне казалось, будто в большинстве мест триффидов столько же, сколько раньше. Я вспомнил, что их количество здесь поразило меня, еще когда я прибыл сюда впервые, и я предположил тогда, что где-то в окрестностях располагались крупные питомники.

— Много больше. Присмотрись к ним завтра,— предложила она.

Утром я вспомнил и, одеваясь, выглянул в окно. Я увидел, что Джозелла права. Позади совсем небольшого участка ограды можно было насчитать более сотни триффидов. За завтраком я сказал об этом. Сюзен удивилась.

— Их становится больше с каждым днем,— сказала она.— Разве ты не заметил?

— Мне и без того есть о чем беспокоиться,— сказал я. Ее тон слегка задел меня.— И вообще по ту сторону ограды они меня не интересуют. Достаточно выпалывать их ростки внутри ограды, а снаружи они могут делать все, что им угодно.

— Все равно,— проговорила Джозелла озабоченно,— с какой стати они сходятся сюда такими толпами? Я совершенно уверена, что они именно сходятся. И мне хотелось бы знать почему?

На лице Сюзен вновь появилось выражение удивления.

— Да ведь он их приманивает,— сказала она.

— Не показывай пальцем,— автоматически заметила

Джовелла.— Что ты имеешь в виду? Как это Билл их может приманивать?

— Очень просто. Он создает шум, и они приходят.

— Послушай,— сказал я.— О чем ты болтаешь? Ты что, полагаешь, будто я во сне им подсвистываю?

Сюзен обиделась.

— Ладно. Раз ты мне не веришь, я покажу тебе после завтрака,— объявила она и надулась.

Когда завтрак кончился, она выскользнула из-за стола и вернулся с моим дробовиком и с биноклем. Мы вышли на лужайку. Она оглядела горизонт, заметила вдали триффиды и подала мне бинокль. Триффид неторопливо ковылял через поля. До него было больше мили, и он двигался на восток.

— Следи за ним,— сказала она.

Она выстрелила в воздух.

Через несколько секунд триффид послушно изменил курс и двинулся в нашу сторону.

— Видишь?— сказала она, потирая плечо.

— Да, это похоже на... А ты уверена? Попробуй еще раз,— предложил я.

Она покачала головой.

— Не стоит. Все триффиды, которые слышали выстрел, идут сейчас сюда. Минут через десять они остановятся и станут слушать. Если они близко и им слышно, как трещат эти у ограды, они будут здесь. Если они далеко, но мы выстрелим еще раз, они тоже будут здесь. Но если они ничего не услышат, то подождут еще немного и поплетутся дальше своей дорогой.

Я вынужден был признать, что это открытие несколько ошарашило меня.

— Ага... э... конечно,— сказал я.— Ты, должно быть, следила за ними очень внимательно, Сюзен.

— Я всегда слежу за ними. Я их ненавижу,— сказала она, как если бы это все объясняло.

К нам подошел Деннис.

— Сюзен права,— сказал он.— Мне это не нравится. Мне это уже давно не нравится. Эти проклятые твари что-то против нас затеяли.

— Да бросьте вы...— начал я.

— А я вам говорю, они совсем не так просты, как мы думаем. Они ведь все знали. Они стали вырываться на свободу в тот же момент, когда не стало никого, кто мог

бы остановить их. Они были возле нашего дома уже на следующий день. Можете вы объяснить это?

— Это для них обычное дело,— возразил я.— В джунглях они всегда слонялись возле тропинок. Часто они обступали деревни и врывались туда, если их не отбивали. В тропических странах они всегда были бичом божьим.

— Но ведь не здесь, вот что я хочу сказать. Они не могли вытворять этого здесь, пока не изменилась обстановка. Они даже не пытались. Но как только возможность представилась, они воспользовались ею немедленно. Словно они узнали, что теперь можно.

— Слушайте, Деннис, будьте же благоразумны,— сказал я.— Подумайте, ну что вы говорите.

— Я отлично знаю, о чем я говорю. По крайней мере главное. Я не строю никаких определенных теорий, но я скажу вам вот что: они воспользовались нашей катастрофой с поразительной быстротой. Я скажу также, что в их нынешнем поведении чувствуется нечто очень похожее на систему. Вы были так погружены в работу, что не замечали, как они накапливаются и ждут здесь, за оградой. А Сюзен заметила, я сам слышал, как она об этом говорила. И как вы полагаете, чего они там ждут?

Я не стал отвечать немедленно. Я сказал:

— Вы считаете, что дробовик их привлекает и мне лучше пользоваться триффидным ружьем?

— Дело не только в дробовике, дело вообще в шуме,— сказала Сюзен.— Хуже всего трактор, потому что он шумит громко и долго, так что им легко определить, куда нужно идти. Но они слышат и наш движок. Я видела, как они сворачивают сюда, едва он начинает тарахтеть.

— Мне бы хотелось,— сердито заметил я,— чтобы ты не твердила «они слышат», как будто это животные. Они не животные. Они не слышат. Они всего лишь растения.

— Все равно, как-то они слышат,— упрямо возразила Сюзен.

— Ну... ладно, мы что-нибудь сделаем,— пообещал я.

Мы стали делать. Первой ловушкой было грубое подобие ветряной мельницы, производящее энергичный стук. Мы установили ее в полумиле от фермы. Она сработала. Она оттянула от ограды и собрала со всей округи триффидов. Когда вокруг нее столпилось несколько сотен штук, мы с Сюзен поехали туда и взяли их в огнеметы. Ловуш-

ка отлично сработала и второй раз... и после этого триффиды перестали обращать на нее внимание. Следующим нашим ходом было сооружение загона внутри ограды. Участок ограды перед загонем был заменен воротами. Место мы выбрали напротив движка и оставили ворота открытыми. Через пару дней мы захлопнули ворота и уничтожили пару сотен триффидов, забравшихся в загон. Второй раз на том же месте это не удалось, и даже в других местах число попадающих в такую ловушку триффидов быстро сокращалось.

Хорошие результаты мог бы дать обход границ с огнеметом раз в несколько дней, но это потребовало бы много времени и скоро оставило бы нас без горючей смеси. Расход ее при пользовании огнеметом очень велик, а запасы в армейском арсенале были ограничены. Если бы мы их исчерпали, наши драгоценные огнеметы стали бы железным ломом, потому что я не знал ни состава, ни способа приготовления эффективного горючего.

Два или три раза мы испробовали на скоплениях триффидов минометы, но результаты были плохими. Триффиды, как и деревья, могли выдержать без смертельного исхода множество механических повреждений.

Невзирая на ловушки и периодические избиения, число триффидов со временем все увеличивалось. Они ничего не предпринимали. Они просто зарывались корнями в землю и стояли. На расстоянии они ничем не отличались от мирной живой изгороди, и если бы не барабанный стук, производимый то одним, то другим, они были бы не более примечательны, чем любая другая ограда. Но тому, кто усомнился бы в их постоянной готовности, достаточно было проехать на машине по проселку. Это значило пройти сквозь строй такого свирепого бичевания жалами, что приходилось, достигнув шоссе, останавливаться и очищать заляпанное ядом ветровое стекло.

Время от времени кто-нибудь из нас выдвигал новый способ борьбы с ними; было предложено, например, опрыскивать почву за оградой крепким раствором мышьяка. Но во всех случаях отступление триффидов было временным.

Мы испробовали за год множество подобных уловок, и вот настал день, когда Сюзен рано утром влетела в нашу комнату и сообщила, что чудища прорвались и обступили дом. Она встала, как обычно, рано, чтобы подоить коров. Небо за окном ее спальни уже светлело, но когда она спустилась в холл, там царила крошечная тьма. Она

сообразила, что так быть не должно, и включила свет. Едва разглядев прижавшиеся снаружи к окнам кожистые зеленые листья, она догадалась, что произошло.

Я на цыпочках пересек спальню и резко захлопнул окно. В тот же момент снизу в стекло хлестнуло жало. Мы увидели внизу чашу триффидов в десять или двенадцать рядов, обступивших дом вплотную к стенам. Огнеметы мы держали в сарае. Прежде чем отправиться за ними, я принял все меры предосторожности. В толстой куртке и рукавицах, в кожаном шлеме и в шоферских очках под проводочной маской, я врубился в толпу триффидов самым огромным мясницким ножом, какой у нас нашелся. Жала свистели и хлестали по проводочной сетке так часто, что яд совершенно залил ее и стал проникать внутрь мелкими брызгами. Брызги затуманили стекла очков, так что, добравшись до сарая, я первым делом смыл яд с лица. Чтобы расчистить себе путь назад в дом, я решился всего на одну короткую, направленную понизу струю из огнемета, потому что боялся поджечь дверь и оконные рамы, но и этого оказалось достаточно, чтобы они задвигались, заволновались и беспрепятственно пропустили меня.

Джозелла и Сюзен стояли с огнетушителями наготове, а я, все еще похожий на помесь глубоководного водолаза с марсианином, высовывался поочередно из окон верхнего этажа и поливал огнем осаждающую толпу этих тварей. Потребовалось немного времени, чтобы поджечь большинство и погнать остальных. Сюзен, уже в маске и перчатках схватила второй огнемет и принялась с упоением гоняться за ними, чтобы истребить до конца. Я направился через поле искать пролом. Это было нетрудно. С первой же возвышенности я увидел место, где триффиды продолжали вливаться внутрь ограды потоком качающихся стеблей и развевающихся листьев. Все они двигались по направлению к дому. Выпроводить их было просто. Струя по передним остановила их; еще две по сторонам заставили их устремиться назад. Струя поверху подстегнула их и обратила в бегство запоздавших. Метрах в двадцати лежал плащмя участок ограды с вывороченными столбами. Я поднял его и кое-как укрепил снова, а затем выпустил из огнемета еще несколько струй, чтобы предупредить новые неприятности хотя бы на ближайшие часы.

Почти весь день потратили мы с Джозеллой и Сюзен, заделывая пролом. Затем, пока мы с Сюзен обшаривали все уголки внутри ограды и добывали последних вторгших-

ся триффидов, прошло еще два дня. Мы обследовали все ограждение и укрепили все сомнительные участки. А через четыре месяца они прорвались вновь...

На этот раз мы нашли в проломе множество раздавленных триффидов. Впечатление было такое, будто на ограду навалились и давили, пока она не упала, и передние ряды тварей, повалившись вместе с нею, были растоптаны остальными.

Было ясно, что необходимо принимать новые оборонительные меры. Все участки ограды были примерно одинаковой прочности, все они могли быть прорваны подобным же образом. Наиболее подходящим способом держать триффидов на расстоянии представлялась электрификация. Я нашел армейский генератор, установленный на трейлере, и доставил его домой. Мы с Сюзен принялись монтировать проводку. Прежде чем мы успели закончить ее, мерзкие твари прорвались еще раз в другом месте.

Я уверен, что эта система полностью бы себя оправдала, если бы ограду можно было держать под напряжением непрерывно или хотя бы большую часть времени. Но для этого требовалось горючее. Бензин был для нас особенно ценен. Мы всегда могли обеспечить себя какой-нибудь пищей, но когда кончатся запасы бензина и дизельного топлива, с ними кончится нечто большее, нежели какие-то удобства. Не будет больше экспедиций, следовательно, перестанут пополняться запасы. Первобытная жизнь начнется всерьез. Поэтому из соображений экономии мы пускали ток через ограду всего на несколько минут по два-три раза в сутки. Это вынудило триффидов отступить, теперь они не решались наваливаться на ограду. В качестве дополнительной предосторожности мы провели вдоль внутренней изгороди сигнальную проволоку, чтобы можно было вовремя управиться с любым прорывом.

Слабость системы была в том, что триффиды оказались способны учиться на опыте, по крайней мере в ограниченных пределах. Например, они стали привыкать к тому, что мы включаем ток только ночью и утром и только на короткое время. Мы стали включать генератор случайным образом, но Сюзен, для которой триффиды были постоянными объектами пристального наблюдения, вскоре начала утверждать, будто время, на которое электрический удар удерживает их вдали от ограды, становится все короче.

Мы начали замечать, что они отступают от ограды, только когда запускается генератор, а едва он умолкает,

они надвигаются снова. В то время мы не могли еще сказать, действительно ли они ассоциируют ток в ограде с шумом генератора, но позже у нас не осталось сомнений, что так оно и есть. Все же ограда под током и периодические нападения на их особенно густые скопления больше чем на год избавили нас от прорывов. Позже триффиды прорывались неоднократно, однако мы вовремя узнавали об этом, и прорывы перестали быть для нас серьезными осложнениями.

Защищенные нашей оградой, мы продолжали учиться сельскому хозяйству, и постепенно наша жизнь вошла в однообразный ритм.

Однажды летом шестого года мы с Джозеллой отправились вдвоем на морское побережье. Мы поехали в полугусеничном вездеходе, которым я обычно пользовался теперь, когда дороги сильно ухудшились. Для Джозеллы это был праздник. В последний раз она была за оградой несколько месяцев назад. Заботы по дому и о детях слишком утомляли ее, и она выезжала только изредка, когда это было совершенно необходимо. Но теперь дом можно было оставлять на Сюзен, и когда мы перевалили через гряду холмов, нас охватило чувство освобождения. На последнем южном склоне мы остановили машину, вышли и сели.

Был идеальный июньский день, в чистом синем небе белело несколько легких облачков. Солнце озаряло песчаные пляжи и море за ними так же ярко, как в прошлом, когда эти пляжи были усеяны купальщиками, а море пестрело лодочками. Несколько минут мы в молчании глядели на эту сцену. Потом Джозелла сказала:

— Тебе иногда не кажется, Билл, что стоит на некоторое время закрыть глаза, а потом снова открыть, и можно увидеть все, как было раньше?

— Теперь уже не так часто,—ответил я.—Но ведь мне довелось увидеть гораздо больше, чем тебе. Впрочем, иногда...

— Погляди на чаек... Они такие же, как раньше.

— В этом году стало гораздо больше птиц,—согласился я.—И я рад этому.

На расстоянии крошечный городок все еще представлялся россыпью домиков под красными крышами и бунгало, населенных по большей части буржуа, отошедшими от дел. Но такое впечатление могло продержаться всего не-

сколько минут. Хотя виднелись еще черепичные крыши, но стен уже не было видно. Аккуратные садики потонули в буйно разросшейся зелени, испещренной яркими пятнами одичавших потомков тщательно культивировавшихся цветов. И даже дороги выглядели, как полосы зеленых ковров. Вблизи же обнаруживалось, что впечатление мягкой зелени иллюзорно: дорога была выстлана грубыми жесткими ползунами.

— Всего несколько лет назад, — задумчиво проговорила Джозелла, — люди жаловались, что эти бунгало портят пейзаж. И посмотри на них теперь.

— Да, пейзаж отомщен, — сказал я. — Тогда казалось, что с природой покончено. Но кто мог подумать, что в старике так много крови?

— Меня это как-то пугает. Словно все сорвалось с цепи, все радуется, что нам пришел конец и что каждый волен идти своей дорогой. Хотелось бы мне знать... Может быть, мы все это время морочили себе голову? Как, по-твоему, Билл, с нами действительно покончено?

В моих экспедициях у меня было больше времени подумать над этим, чем у нее.

— Если бы ты была не такой, какая ты есть, я бы мог ответить тебе в этаким героическом тоне — в духе бездумного волюнтаризма, который часто сходит за веру и решимость.

— Но поскольку я такая, какая я есть?..

— Я дам тебе честный ответ: с нами еще не покончено. И пока будет жизнь, будет и надежда.

Несколько секунд мы смотрели на пейзаж перед нами.

— Мне кажется, — пояснил я, — только кажется, заметить, что у нас есть крошечный шанс, такой крошечный, что потребуется много времени, чтобы он оправдался. Если бы не триффиды, я бы сказал, что у нас хорошие шансы, хотя и тут потребовалось бы время. Но триффиды являются реальным фактором. Это нечто такое, с чем никогда не приходилось бороться ни одной растущей цивилизации. Смогут они отобрать у нас планету или мы сможем остановить их?

Настоящая проблема состоит в том, чтобы найти против них простое средство. Мы держимся не так уж плохо — мы отбиваем их. Но наши внуки, что будут делать они? Не придется ли им проводить жизнь в резервациях, отбивая триффидов ценой бесконечных тяжелых усилий?

Я уверен, что простой способ существует. Вся беда в том, что к простым способам идут через очень сложные исследования. А у нас для этого нет ресурсов.

— Да у нас все ресурсы мира,— возразила Джозелла.— Только иди и бери.

— Материальные — да. Но умственных нет. Тут нужна группа, группа экспертов, которые все свое время отдавали бы проблеме, как разделаться с триффидами раз и навсегда. Что-то можно было бы сделать, я уверен. Какой-нибудь избирательный гербицид. Синтезировать необходимые гормоны, которые вызывали бы у триффидов состояние биологической неустойчивости... только у триффидов, не задевая ничего другого. Это было бы возможно, если сосредоточить на таком деле достаточно мозговых мощностей...

— Раз ты так думаешь, почему бы тебе не попытаться?

— Слишком много причин. Во-первых, я для этого не го-жусь. Я всего лишь посредственный биохимик, и я в единственном числе. Затем нужны лаборатория и оборудование. Далее, необходимо время, а на мне сейчас слишком много неотложных дел. Но даже если бы я смог что-нибудь сделать, нужны средства производить эти синтетические гормоны в массовых масштабах. Для этого потребовалась бы фабрика. Но прежде всего нужна исследовательская группа.

— Людей можно обучить.

— Да... когда они свободны от необходимости ежечасно драться за существование. Я собрал множество книг по биохимии в надежде, что кто-нибудь когда-нибудь сможет ими воспользоваться. Я научу Дэвида всему, что знаю, а он передаст это дальше. Но если не будет когда-нибудь свободного времени для работы в этой области, для людей останутся только резервации.

Джозелла, нахмурившись, следила за стадом из четырех триффидов, которые ковыляли через поле под нами.

— Когда-то говорили, что единственным серьезным соперником человека являются насекомые. Мне кажется, что в триффиде есть что-то общее с некоторыми видами насекомых. О, я знаю, что биологически это растения. Я хочу сказать, что они не заботятся о судьбе отдельной особи и отдельная особь не беспокоится о своей судьбе. Каждый в отдельности обладает чем-то отдаленно напоминающим разум; когда же они собираются толпой, это заметно особенно. Толпой они действуют целенаправленно, совсем

как муравьи и пчелы, и можно утверждать, что каждый в отдельности не знает цели и плана, частью которого является. Все это очень странно; нам, во всяком случае, этого не понять. Слишком они другие. Мне кажется, это противоречит всем нашим идеям о наследственных признаках. Может быть, есть в пчеле или триффиде что-нибудь похожее на ген общественной организации? Может быть, муравей имеет ген архитектуры? И если у них это есть, то почему мы не выработали гены знания иностранных языков или поварского искусства? Как бы то ни было, у триффидов есть что-то в этом роде. Возможно, каждый триффид в отдельности не знает, для чего он трется возле нашей ограды, но все вместе они знают, что их цель — добраться до нас. И что рано или поздно они доберутся.

— Может случиться еще очень многое, что предотвратит такой исход, — заметил я. — Мне бы не хотелось, чтобы ты потеряла надежду.

— А я и не теряю — разве что когда устаю. Обычно я слишком занята и не могу беспокоиться о том, что будет через много лет. Нет, как правило, мне просто немножко грустно — такая нежная меланхолия, которую столь ценили в восемнадцатом веке. Меня одолевает чувствительность, когда ты заводишь патефон, — страшно подумать, что огромный оркестр, уже давно исчезнувший, все еще играет для горстки людей, загнанной в угол и обреченной на постепенное одичание. Музыка уносит меня в прошлое, и я грущу о том, что ушло и никогда не вернется. У тебя не бывает такого чувства?

— Угу, — признался я. — Но я заметил, что со временем мне делается все легче принимать настоящее. Полагаю, если бы мне было дано исполнение желаний, я бы пожелал возродить наш старый мир, но с одним условием. Видишь ли, несмотря ни на что, внутренне я сейчас более счастлив, чем когда-либо раньше. Ты это знаешь, не правда ли, Джози?

Она положила ладонь на мою руку.

— Я тоже так чувствую. Нет, мне больно не за то, что потеряли мы, а за то, чего никогда не узнают наши дети.

— Будет нелегко внушить им надежды и цели, — признал я. — Нам не уйти от нашего прошлого. Но им-то неважно будет все время оглядываться назад. Традиции погибшего золотого века и мифы о предках-волшебниках были бы для них сущим проклятьем. Целые народы обладали этим комплексом неполноценности, который вырос из пла-

ча по славному прошлому. Только вот как сделать, чтобы этого не случилось?

— Будь я сейчас ребенком,— сказала она задумчиво,— я бы, наверное, спросила, в чем причина. Если бы мне не ответили... то есть если бы мне разрешили думать, будто меня произвели на свет в мире, который был разрушен совершенно бессмысленно, я бы сочла бессмысленной и самое жизнь. Самое трудное здесь в том, что это так и представляется...

Она помолчала, размышляя, затем добавила:

— Ты не считаешь, что нам стоит... Ты не считаешь, что мы должны создать миф, чтобы помочь им? Сказку о мире, который был чудо каким разумным, но таким злым, что его пришлось разрушить... или он случайно разрушил себя? Снова что-нибудь вроде Великого Потопа. Это не подавило бы их комплексом неполноценности; это могло бы побудить к тому, чтобы строить, и строить на этот раз что-нибудь лучшее.

— Да...— проговорил я, подумав.— Да. В большинстве случаев лучше всего говорить детям правду. Это как бы облегчает им жизненный путь... Только зачем притворяться, будто это миф?

Джозелла с сомнением взглянула на меня.

— Что ты имеешь в виду? Триффиды... ну, я признаю, триффиды были чьим-то злым умыслом или ошибкой. Но все остальное...

— За триффидов, мне кажется, никого винить не стоит. Триффидные масла были очень ценным продуктом. Никому не дано знать, к чему ведет великое открытие, все равно какое — новый вид двигателя или триффид, и до катастрофы мы управлялись с ними превосходно. Они являлись для нас благословением, пока обстоятельства не сложились в их пользу.

— Да. но обстоятельства изменились не по нашей вине. Это было... ну, вроде землетрясения, урагана — то, что страховые компании определили бы как стихийное бедствие. А возможно, это был страшный суд. Ведь не сами же мы сотворили эту комету. Но ты прав, ошибок было много. Боже мой, сколько было ошибок! Об этом мы можем и должны предупредить наших детей.

— Гм... Ну что же...— сказал я.— Впрочем, когда они справятся с триффидами и выберутся из этого дрянного положения, у них будет возможность делать свои собственные, новые, с иголочки, ошибки.

— Бедные малыши,— пробормотала она, словно вглядываясь в бесконечные ряды прапраправнуков.— Как мало можем мы предложить им.

— Сказано: «Жизнь такова, какой ты ее делаешь».

— Это, мой милый Билл, почти во всех случаях всего лишь куча... ладно, не буду говорить гадостей. Помнится, эту пословицу любил повторять мой дядя Тед... пока с самолета не сбросили бомбу, которая оторвала ему обе ноги. Это изменило его мнение. Я вот ничего такого не сделала в своей жизни, что помогло бы мне остаться теперь в живых.— Она отбросила окурок.— Что мы такое совершили, Билл, почему нам выпало счастье выжить в этом ужасе? Иногда — то есть когда я не чувствую себя усталой и эгоистичной — я думаю, как нам действительно повезло, и мне хочется вознести благодарность кому-то или чему-то. Но мне сразу приходит в голову, что если бы этот кто-то существовал, он выбрал бы гораздо более достойных, чем я. Простодушную девушку все это повергает в крайнее смущение.

— А мне кажется,— сказал я,— что будь кто-нибудь или что-нибудь за рулем вселенной, многое в истории просто не могло бы случиться. Впрочем, не стоит особенно раздумывать над этим. Нам повезло, моя радость. И если счастье завтра нам изменит, пусть. Что бы ни случилось, у нас уже не отобрать времени, которое мы провели с тобой. Я получил больше, чем заслуживаю, и больше, чем большинство мужчин получало за всю свою жизнь.

Мы посидели еще немного, глядя в пустынное море, а затем спустились на вездеходе в городок.

Разыскав большинство предметов, обозначенных в нашем списке, мы отправились на пляж и устроили пикник, имея позади широкую полосу плавника, через который не смог бы перебраться неслышно ни один триффид.

— Надо выезжать так почаще, пока мы можем,— сказала Джозелла.— Сюзен выросла, и я немного освободилась.

— Ты заслужила право на передышку более, чем кто-либо другой,— согласился я.

Я произнес это, чувствуя, что пора бы, пока это еще возможно, поехать с нею и сказать последнее прости всем знакомым местам и вещам. С каждым годом все ближе надвигалась на нас перспектива тюремного заключения. Уже приходилось, выезжая к северу от Ширнинга, делать многомильный крюк, чтобы миновать долину, которая сно-

ва превратилась в болото. Дороги быстро приходили в негодность, их покрытие разъедали дожди и потоки и разрушали корни растений. Все труднее становилось доставлять домой цистерны с горючим. Мог наступить день, когда одна такая цистерна застрянет на проселке и, возможно, закупорит его навсегда. В полугусеничном вездеходе еще можно будет разъезжать по достаточно сухой местности, но со временем все труднее будет находить свободный проезд даже для него.

— И надо будет в последний раз повеселиться,— сказал я.— Ты снова приоденешься, и мы отправимся...

— Ш-ш-ш! — прервала меня Джозелла. Она подняла палец, прислушиваясь.

Я затаил дыхание. Это было скорее ощущение пульсации в воздухе, чем звук. Оно было едва заметно, но оно постепенно нарастало.

— Это... это же самолет! — сказала Джозелла.

Мы глядели на запад, прикрыв глаза ладонями от солнца. Гул мотора был все еще не громче жужжания насекомого. Он усиливался так медленно, что речь могла идти только о вертолете: любая другая машина давно бы уже успела пролететь над нами.

Первой его увидела Джозелла. Крошечная точка над морем неподалеку от береговой линии, движущаяся явно в нашу сторону параллельно побережью. Мы вскочили на ноги и принялись махать. Точка росла, и мы махали все яростнее и кричали изо всех сил. Если бы пилот держался прежнего курса, он бы не мог не увидеть нас на открытом пляже, но за несколько миль от нас вертолет вдруг круто свернул в северном направлении и полетел над сушей. Мы продолжали бешено размахивать руками в надежде, что он все же заметит нас. Все было напрасно. Медленно и невозможно он с гулом удалялся от моря и, наконец, скрылся за грядой холмов.

Мы опустили руки и поглядели друг на друга.

— Если он прилетел один раз, то может прилететь и снова,— стойко, но не очень убедительно сказала Джозелла.

Вертолет все же нарушил медленное течение нашего дня. Он нанес удар по смирению, которое мы так старательно укрепляли в своих душах. Мы говорили себе, что, кроме нас, должны существовать и другие группы, однако они в таком же положении, как и мы, а может быть, и в худшем. Но когда, словно видение из прошлого, перед на-

шими глазами проплыл вертолет, он вызвал в нас не только воспоминания: он показал, что кто-то сумел наладить жизнь лучше, чем мы. Может быть, в этом был привкус зависти? И кроме того, он заставил нас вспомнить, что мы все еще по природе своей стадные существа.

Беспокойное ощущение, которое вертолет оставил после себя, нарушило наше настроение и привычный ход мыслей. Не сговариваясь, мы стали собирать вещи, в глубоком раздумье вернулись к вездеходу и направились домой.

16. Контакт

Мы проехали, вероятно, половину расстояния до Ширнинга, когда Джозелла заметила дым. На первый взгляд это могло быть облако, но с вершины холма мы разглядели под расплывшейся шапкой плотный серый столб. Мы молча переглянулись. За все эти годы мы видели всего несколько случайных пожаров, самопроизвольно возникавших ранней осенью. И мы мгновенно поняли, что столб дыма впереди поднимается в районе Ширнинга.

Я пустил вездеход на полную скорость. Никогда еще он не мчался так по размытым, разрушенным дорогам. Нас кидало и швыряло на сиденье, но нам все равно казалось, будто мы едва ползем. Джозелла сидела молча, сжав губы, не спуская глаз со столба дыма. Она жадно искала признаки того, что горит где-нибудь либо ближе, либо дальше, только не в самом Ширнинге. Но сомневаться уже не приходилось. Мы с ревом промчались по последнему проселку, не замечая триффидов, хлеставших жалами в борта вездехода. Затем, после поворота, мы увидели, что горит не дом, а поленница дров.

На мой сигнал выбежала Сюзен и схватилась за веревку, которая распахивала ворота с безопасного расстояния. Она что-то прокричала, но мы не расслышали за лязгом гусениц. Ее свободная рука указывала не на пламя, а на дом. Только въехав во двор, мы поняли, в чем дело. Посередине нашей лужайки стоял вертолет.

Едва я остановил машину, из дома вышел человек в кожаной куртке и бриджах. Он был высокий, белокурый, лицо его было обожжено солнцем. С первого же взгляда я почувствовал, что где-то уже видел его. Он помахал нам, весело улыбаясь.

— Мистер Билл Мэйсен, я полагаю,— сказал он, когда мы подошли к нему.— Меня зовут Симпсон. Айвен Симпсон.

— Помню,— сказала Джозелла.— Вы привели в тот вечер вертолет в Университет.

— Совершенно верно. Вы молодец, что помните. Но чтобы доказать вам, что у меня тоже хорошая память, я скажу вам, кто вы. Вас зовут Джозелла Плэйтон, и вы автор...

— Вы ошибаетесь,— строго прервала его Джозелла.— Меня зовут Джозелла Мэйсен, и я автор «Дэвида Мэйсена».

— А, да! Я только что видел оригинальное издание и скажу, если мне будет позволено, что выполнено оно с отменным мастерством.

— Постойте,— сказал я.—Этот пожар...

— Ничего страшного. Ветер дует от дома. Хотя боюсь, что запас ваших дров погиб.

— Что произошло?

— Это Сюзен. Она ни за что не желала, чтобы я пролетел мимо. Услыхав шум мотора, она схватила огнемёт и стала искать, как подать сигнал. Дрова были ближе всего —такой костер прозевать невозможно.

Мы вошли в дом и присоединились к остальным.

— Кстати,— сказал Симпсон,— Микаэль велел мне, чтобы я прежде всего принес извинения.

— Мне?—спросил я удивленно.

— Вы были единственным человеком, который усмотрел в триффидях опасность, и он вам не поверил.

— Но... вы хотите сказать, что вы знали, где я нахожусь?

— Несколько дней назад мы узнали примерный район вашего местонахождения. Нам рассказал парень, которого мы все очень хорошо помним,— Коукер.

— Значит, Коукер тоже спасся,— сказал я.—Я видел могильник в Тиншэме и решил, что он погиб от чумы.

Позже, когда мы поели и выставили наше лучшее бренди, он рассказал нам историю своей группы.

Оставив Тиншэм на милость и принципы мисс Дюрран, партия Микаэля Бидли направилась вовсе не в район Биминстера. Она двинулась на север, в Оксфордшир. Мисс Дюрран сознательно обманула нас с Коукером: о Биминстере не было сказано ни слова.

Они нашли поместье, удовлетворявшее, как им сначала казалось, всем их требованиям, и они, несомненно, закре-

пились бы там, как мы закрепились в Ширнинге, но угроза со стороны триффидов все усиливалась, и недостатки этого места обнаруживались со все большей очевидностью. Через год Микаэль и Полковник сочли, что оставаться там нецелесообразно. В это поместье уже было вложено немало труда, но к концу второго лета все согласились, что, чтобы построить общину, необходимо мыслить категориями десятиков лет. Кроме того, необходимо было понять, что откладывать переезд нельзя, — позже будет труднее. Им нужно было место, которое бы обеспечивало дальнейшее развитие; район, окруженный естественными препятствиями так, чтобы достаточно было очистить его от триффидов всего один раз. Сооружение и укрепление изгородей требует больших усилий, а с увеличением общины пришлось бы увеличивать и их длину. Ясно было, что лучшим естественным препятствием, которое может заменить изгороди, является вода. Группа провела дискуссию относительно достоинств различных островов. В конце концов решено было выбрать остров Уайт, главным образом из-за климатических условий, хотя многие сомневались, удастся ли его очистить. И в марте они снова погрузились и отправились в путь.

— Когда мы туда прибыли, — рассказывал Айвен, — нам показалось, что триффидов там еще больше, чем на старом месте. Едва мы устроились в одном старом помещицком доме возле Годшилла, как они стали тысячами скапливаться вокруг стен. Мы дали им недели две, а затем уничтожили их огнеметами.

Стерев в порошок первую партию, мы дали им накопиться снова, перебили их во второй раз, и так далее. Там мы уже могли позволить себе не жалеть горючей смеси, потому что с полным уничтожением триффидов надобность в огнеметах отпадала. На острове их могло быть довольно ограниченное число, и чем больше их собиралось вокруг дома, тем больше это нам нравилось.

Нам пришлось проделать это десяток раз, прежде чем начали сказываться результаты. Все пространство вокруг стен покрылось обуглившимися головешками, и только тогда они стали избегать нас. Черт возьми, их оказалось куда больше, чем мы ожидали...

— На вашем острове прежде было по меньшей мере полдюжины питомников, разводивших триффиды высших сортов, не говоря уже о тех, которых держали в частных садах, — заметил я.

— Это меня не удивляет. Судя по всему, этих питомников могла быть и целая сотня. Если бы меня спросили раньше, я бы сказал, что у нас в стране несколько тысяч этих тварей. В действительности же они, наверное, исчислялись сотнями тысяч.

— Да, примерно,—сказал я.— Они могут расти практически повсюду, и они давали большой доход. Когда они были огорожены в питомниках и на фермах, казалось, что их не так уж много. Впрочем, все равно, если учесть, сколько их здесь вокруг нас, то надо полагать, что целые области в стране должны быть сейчас свободны от них.

— Это точно,—согласился он.— Но поселитесь где-нибудь в такой области, и через несколько дней они начнут собираться там. Я и без пожара, который устроила Сюзен, догадался бы, что здесь живут люди. Вокруг каждого обитаемого места они образуют этакий темный бордюр.

Одним словом, через некоторое время толпы вокруг нашего дома сделались реже. Может быть, они нашли, что это вредно для их здоровья, или им не нравилось топтаться по обгорелым останкам своих родичей... ну и, конечно, их стало меньше. Тогда мы изменили тактику и сами вышли на охоту за ними. Это было нашим главным занятием в течение месяцев. Мы прочесали каждый дюйм острова — так нам, во всяком случае, казалось. Мы считали, что истребили всех триффидов до одного, маленьких и больших. И все-таки на следующий год они вновь ухитрились появиться, и еще через год после этого. С тех пор мы каждую весну проводим интенсивный поиск ростков из семян, которые заносятся к нам ветром, и уничтожаем их на месте.

Одновременно мы организовывались. Сначала нас было пятьдесят или шестьдесят человек. Я вылетал на вертолете, и когда я обнаруживал какую-нибудь группу, то садился и передавал всем приглашение присоединиться к нам. Некоторые соглашались... но очень многие отказывались: они избавились от одного правительства и, невзирая ни на какие трудности, не желают другого. В Южном Уэльсе есть несколько групп, которые создали нечто вроде племенных общин; они отвергают любую форму организации сверх необходимого минимума, ими же самими установленного. Такие же общины имеются и в других каменноугольных районах. Обычно во главе их стоят шахтеры, которые в ночь катастрофы находились в смене под землей и не видели зеле-

ных звезд... Бог знает, как им удалось потом выбраться из шахт на поверхность.

Некоторые столь решительно не желают никакого вмешательства извне, что стреляют по вертолету. Такая кампания есть в Брайтоне...

— Знаю,— сказал я.— Меня они тоже прогнали.

— В последнее время я нашел еще несколько таких. В Мейдстоне, в Гилдфорде и в других местах. Из-за них мы и не нащупали вас раньше. Летать в этом районе небезопасно. Уж не знаю, что они себе вообразили; возможно, завладели большими запасами продовольствия и боятся, что их заставят с кем-нибудь поделиться. Во всяком случае, рисковать не имело смысла, и я оставил их вариться в собственном соку.

Все же многие присоединились к нам. Через год нас было уже около трех сотен — не все, конечно, зрячие.

А месяц назад я наткнулся на Коукера и его компанию. Между прочим, одним из первых вопросов, которые он мне задал, был вопрос о вас. Им пришлось очень плохо, особенно вначале.

Через несколько дней после его возвращения в Тиншэм появились две женщины из Лондона и привезли с собой чуму. Коукер при первых же симптомах поместил их в карантин, но было уже поздно. Тогда он решил немедленно переехать. Мисс Дюрран не пожелала сдвинуться с места. Она останется и будет смотреть за больными. Коукера она нагонит позже, если сможет. Больше он ее не видел.

Инфекцию они увезли с собой. Прежде чем им удалось от нее избавиться, они трижды переезжали с места на место. К тому времени они забрались уже далеко на запад, в Девоншир, и сначала у них все пошло хорошо. Но затем они начали испытывать те же затруднения, что и мы и вы. Коукер продержался около трех лет, после чего стал рассуждать примерно так, как рассуждали мы. Только он не подумал об острове. Вместо этого он решил отгородить в Корнуэлле участок между рекой и морским побережьем. Прибыв туда, они потратили первые месяцы на сооружение изгороди, затем, как и мы на своем острове, взялись за триффидов. У них была гораздо более тяжелая местность, и им так и не удалось очистить ее от триффидов полностью. Правда, ограда у них получилась на диво прочная, но они не могли положиться на нее так, как мы полагаемся на море, и у них много сил уходило на патрулирование.

Коукер считает, что им удалось бы выдержать до тех пор, пока вырастут и станут работать дети, но это потребовало бы огромного напряжения. Когда я их нашел, они колебались недолго. Они тут же стали грузиться на свои рыбацьи лодки, и все они были на острове через пару недель. Когда Коукер узнал, что вы не с нами, он высказал предположение, что вы, вероятно, до сих пор находитесь где-нибудь в этом районе.

— Передайте ему, что за это мы прощаем ему все,— сказала Джозелла.

— Он будет нам очень полезен,— сказал Айвен.— И, судя по тому, что он говорил о вас, вы тоже могли бы быть очень полезным,— добавил он, глядя на меня.— Вы ведь биохимик, да?

— Биолог.— сказал я.— И немного биохимик.

— Это уже тонкости. Главное в другом. Микаэль попытался проделать кое-какие исследования, которые бы дали способ разделаться с триффидами по-научному. Найти такой способ необходимо, если мы намерены вообще чего-нибудь добиться. Но беда в том, что работают у нас над этим несколько человек, которые едва помнят школьную биологию. Как вы думаете, что, если вам сделаться профессором? Это было бы стоящее дело.

— Не знаю дела, более стоящего,— сказал я.

— Значит ли это, что вы приглашаете на свой остров нас всех?— спросил Деннис.

— Во всяком случае, для «взаимной оценки»,— ответил Айвен.— Билл и Джозелла, наверное, помнят наши принципы, изложенные в тот вечер в Университете. Эти принципы действуют и поныне. Мы не собираемся реставрировать старое, мы хотим построить нечто новое и лучшее. Нечетким для нас не нравится. Они для нас бесполезны. Мы просто не можем позволить себе иметь оппозицию, которая будет стараться увековечить старые, скверные черты прежнего мира. Мы предпочитаем, чтобы люди, которые этого хотят, жили где-нибудь в другом месте.

— В данных обстоятельствах «другое место»— это не очень щедрое предложение,— заметил Деннис.

— О, я вовсе не хочу сказать, будто мы вышвыриваем их назад на съедение триффидам. Но таких людей было много, для них нужно было найти отдельное место, и вот одна компания переправилась на острова Чэннел и принялась их чистить, как мы чистили свой Уайт. Сейчас там человек сто. Они живут тоже вполне благополучно.

У нас принята система взаимной оценки. Новоприбывшие проводят с нами шесть месяцев, затем их дело заслушивается в совете. Если им не нравятся наши обычаи, они так и говорят; если нам они не подходят, мы тоже так и говорим. Если они нам подходят, они остаются; если нет, мы провожаем их на острова Чэннел или обратно на Большую землю, если это им предпочтительнее.

— Что-то в этом есть от диктатуры,—сказал Денис.— А как формируется этот ваш совет?

Айвен покачал головой.

— Долго рассказывать. Лучше приезжайте и посмотрите сами. Если мы вам понравимся, вы останетесь. Но если даже нет, то все равно, по-моему, на островах Чэннел вам будет лучше, чем здесь через несколько лет.

Вечером, когда Айвен попрощался с нами и его вертолет скрылся на юго-западе, я вышел и сел на свою излюбленную скамейку в углу сада.

Я глядел через долину, где когда-то зеленели аккуратные и ухоженные луга. Теперь они снова вернулись к первобытному состоянию. Необработанные поля заросли кустарником и тростниками, там и сям блестели застойные лужи. Крупные деревья медленно погружались в пропитанную водой почву.

Я вспоминал Коукера и его слова о руководителе, учителе и враче, и я думал об усилиях, которые потребуются, чтобы прокормить нас всех с этих немногих акров. О том, как подействует на каждого из нас тюремное заключение и полная изоляция. О троих слепых, которые и старости будут все острее сознавать свою бесполезность и в конце концов впадут в отчаяние. О Сюзен, которой нужен будет муж и дети. О Дэвиде, и о дочке Мэри, и о будущих детях, которым суждено сделаться батраками, едва они окрепнут. О Джозелле и о себе, о том, как с годами нам придется гнуть спину все усерднее, чтобы прокормить тех, кто появится на свет, и о том, что все больше нужно будет трудиться вручную...

И были еще триффиды, которые терпеливо ждут своего часа. Я видел сотни их, стоящих плотной темно-зеленой стеной позади ограды. Необходимо было открыть что-то, чтобы справиться с ними. Нужен какой-то естественный враг, какой-то яд, какой-то вирус. Для этого необходимо время, свободное от всякой другой деятельности. И как

можно скорее. Время работало на триффидов. Им оставалось только ждать, а мы истощали свои ресурсы. Сначала горючее, затем не останется проволоки, чтобы чинить ограды. А они или их потомки будут ждать и ждать, пока проволока проржавеет насквозь...

И все же Ширнинг стал нашим домом. Я вздохнул.

В траве зашелестели легкие шаги. Подошла Джозелла и села рядом. Я обнял ее за плечи.

— Что думают об этом они? — спросил я.

— Они очень переживают, бедняги. Им трудно понять, что триффиды ждут их, ведь они даже не видят их. Слепым, должно быть, ужасно переезжать в совершенно новое место. Они ведь знают только то, что мы говорим им. Помоему, они вряд ли представляют себе, что жить здесь скоро станет невозможно. Если бы не дети, они решительно бы отказались. — Она помолчала, затем добавила: — Понимаешь, это их дом, это все, что у них осталось. То есть это они так думают. В действительности это уже не только их дом, он и наш — не так ли? Мы много поработали для него. — Она положила ладонь на мою руку. — Ты его создал, Билл, и сохранил для нас. Как ты думаешь, может быть, нам подождать здесь еще год-другой?

— Нет, — сказал я. — Я работал потому, что все держалось на мне. А теперь это представляется мне напрасным.

— Милый, не надо! Подвиги странствующих рыцарей не бывают напрасны. Ты дрался за всех нас и отражал драконов.

— Главным образом из-за детей, — сказал я.

— Да... из-за детей, — согласилась она.

— И ты знаешь, меня все время преследовали слова Коукера: первое поколение — батраки; следующее — дикари... Надо, пока не поздно, признать поражение и немедленно уходить.

Она сжала мне руку.

— Не поражение, Билл, а всего лишь — как это называется? — стратегическое отступление. Мы отступаем, чтобы работать и подготовить возвращение сюда. Мы ведь вернемся. Ты научишь нас, как стереть с лица земли этих гнусных триффидов, всех до единого, и отобрать у них нашу землю.

— Как ты веришь в меня, радость моя.

— Почему бы и нет?

— Что ж, я буду по крайней мере бороться. Но сначала мы переедем. Когда?

— Как, по-твоему, нельзя ли нам провести лето здесь? Это было бы для всех нас вроде каникул... нам ведь не нужно теперь готовиться к зиме. А каникулы мы с тобой заслужили.

— Хорошо, — согласился я.

Мы сидели и смотрели, как долина растворяется в сумерках. Джозелла сказала:

— Как странно, Билл. Теперь, когда я могу бросить все это, мне не хочется уезжать. Иногда наш дом представлялся мне тюрьмой... а теперь я чувствую себя предателем. Понимаешь, я... Несмотря на все, я была здесь счастлива. Счастливее, чем когда-либо в моей жизни.

— Что до меня, родная, то я вообще раньше не жил. Но у нас будут еще лучшие времена... Это я тебе обещаю.

— Глупо, конечно, но я буду плакать, когда придет время уезжать. Я наплачу бочки слез. Ты не обращай на меня внимания.

Однако получилось так, что плакать нам было некогда.

17. Стратегическое отступление

Джозелла была права: торопиться нужды не было. За лето я рассчитывал подыскать на острове подходящий дом и в несколько рейсов переправить туда самое ценное из собранных нами запасов и оборудования. Но между тем дрова наши пропали, а нам необходимо было топливо для кухни. На следующее утро мы с Сюзен отправились за углем.

Вездеход для этого не годился, и мы взяли грузовик с четырьмя ведущими колесами. Хотя ближайший угольный склад на железной дороге был от нас всего в десяти милях, нам пришлось из-за плохих дорог и объездов проехать почти весь день. Никаких неприятных происшествий с нами не случилось, но вернулись мы только к вечеру.

Миновав последний поворот на проселке (причем триффиды хлестали по грузовику с обеих сторон так же неумолимо, как всегда), мы в изумлении вытаращили глаза. Во дворе перед нашим домом стояла странная, чудовищного вида машина. Это зрелище так оглушило нас, что некоторое время мы сидели и глазели на нее с открытыми ртами. Затем Сюзен надела шлем и перчатки и вылезла открыть ворота.

Мы поставили грузовик на место, подошли к диковинной машине и оглядели ее. Шасси у нее было на гусеницах, что свидетельствовало о ее военном происхождении. Она производила впечатление чего-то среднего между закрытым бронетранспортером и самодельным домиком на колесах. Мы с Сюзен переглянулись, подняв брови, и пошли в дом.

В холле мы обнаружили наших домочадцев и еще четырех незнакомых мужчин в одинаковых серо-зеленых лыжных костюмах. Двое из них были при пистолетах в кобурах на правом бедре; остальные двое были вооружены автоматами, которые они положили на пол рядом с собой.

Когда мы вошли, Джозелла повернулась к нам. Лицо у нее было каменное.

— Это мой муж. Билл, это мистер Торренс. Он сказал нам, что является официальным лицом. У него есть к нам предложение. — Мне никогда не приходилось слышать, чтобы она говорила таким ледяным тоном.

На секунду язык у меня прирос к гортани. Человек, на которого она указала, не узнал меня, но я-то запомнил его хорошо. Лицо, глядевшее на тебя через прорезь прицела, отпечатывается в памяти на всю жизнь. И вдобавок эти приметные рыжие волосы. Я отлично помнил, как этот деятельный молодой человек обошелся с моей командой в Хэмпстеде. Я кивнул ему. Он произнес, глядя на меня:

— Насколько я понимаю, вы здесь хозяин, мистер Мэйсен.

— Дом принадлежит мистеру Бренту, — ответил я.

— Я хочу сказать, что вы организатор этой группы.

— Пожалуй, — сказал я.

— Прекрасно. — На лице его было такое выражение, словно он говорил: «Ну вот, мы и достигли кое-чего». — Я являюсь командиром Юго-Восточного района, — заявил он.

Видимо, я должен был понять, что это значит. Но я не понял и сообщил ему об этом.

— Это означает, — пояснил он, — что я являюсь старшим должностным лицом чрезвычайного комитета для Юго-Восточного района Британских островов. В таковом качестве на мне лежит обязанность надзора за распределением и размещением личного состава.

— Ну и ну, — сказал я. — Впервые слышу об этом... э... комитете.

— Возможно. Мы тоже не подозревали о существовании вашей группы, пока не заметили вчера дым пожара.

Я промолчал.

— Когда мы обнаруживаем такую группу,— продолжал он,— я обязан обследовать ее и определить сумму налогов, а также произвести необходимые изменения в ее составе. Таким образом, вы можете считать, что я здесь с официальным визитом.

— От официального комитета...— сказал Деннис.— Или, может быть, это самозванный комитет?

— Должен быть закон и порядок,— напыщенно произнес Торренс. Затем, изменив тон, он сказал:— У вас здесь удобное место, мистер Мэйсен.

— Это не у меня, а у мистера Брента,— поправил я.

— Оставим мистера Брента. Он здесь только потому, что вы согласились содержать его.

Я взглянул на Денниса. Лицо его застыло.

— Тем не менее это его собственность,— заметил я.

— Была, я так понимаю. Но общества, давшего ему санкцию на собственность, больше не существует. Поэтому право на владение исчезло. Более того, мистер Брент слепой и, таким образом, никак не может считаться достаточно компетентным.

— Ну и ну,— снова сказал я.

Этот молодой человек со своими решительными манерами не понравился мне еще в первую нашу встречу. И мое впечатление о нем не улучшилось в ходе нашего разговора. Он продолжал:

— Дело идет о жизни и смерти. Чувства не должны мешать необходимым практическим мероприятиям. Теперь так. Миссис Мэйсен сообщила мне, что здесь у вас восемь человек. Пятеро взрослых, вот этот подросток и двое детей. И за исключением этих трех,— он показал на Денниса, Мэри и Джойс,— все зрячие.

— Это так,— согласился я.

— Гм. Это, знаете ли, совершенно непропорционально. Боюсь, что здесь придется кое-что изменить. В наше время необходимо быть реалистами.

Джозелла поймала мой взгляд. В ее глазах я увидел предупреждение. Но я и без того не собирался бушевать. Я уже видел прямолинейные методы рыжеволосого человека в действии, и мне нужно было получше узнать, против чего придется бороться. Видимо, он понял, что я горю любопытством.

— Давайте лучше я посвящу вас во все подробности, — сказал он. — Вкратце дело обстоит так. Штаб района находится в Брайтоне. В Лондоне очень скоро стало слишком неудобно. В Брайтоне мы очистили часть города и установили там карантин. Брайтон достаточно велик. Когда прошла чума и мы получили возможность как следует оглядеться, оказалось, что в окрестностях имеется множество складов. Однако этот путь для нас теперь закрывается. Дороги сильно ухудшились, ездить приходится далеко. Этого следовало ожидать, разумеется. Правда, мы считали, что можем продержаться на несколько лет дольше, но получилось иначе. Возможно, мы с самого начала набрали слишком много людей. Как бы то ни было, мы должны расселиться. Единственный мыслимый путь — это жить на продукты с земли. Для этого нам нужно разбиться на мелкие группы. Стандартная группа установлена такая: один зрячий на десять слепых плюс неограниченное число детей.

У вас здесь удобное место, оно вполне может прокормить две группы. Мы закрепим за вами семнадцать слепых, тогда всего их у вас будет ровно двадцать плюс, конечно, дети, которые у них родятся.

Я с изумлением воззрился на него.

— И вы серьезно убеждены, что на продукты с этой земли могут прожить двадцать человек и их дети? Послушайте, да это же совершенно невозможно! Мы сомневались, проживем ли мы с этой земли сами.

Он уверенно кивнул.

— Очень даже возможно. Я предлагаю вам командование двойной группой, которую мы здесь разместим. Честно говоря, если вы откажетесь, мы поставим здесь кого-нибудь другого, кто не откажется. В такие времена нельзя позволить себе расточительность.

— Да взгляните вы на поле, — сказал я. — Оно просто не прокормит столько людей.

— Уверяю вас, что прокормит, мистер Мэйсен. Разумеется, вам придется немного снизить жизненный уровень — всем нам придется на ближайшие несколько лет, но когда подрастут дети, вы получите новые рабочие руки и сможете расширить хозяйство. Согласен, лично для вас это будет означать тяжелый труд в течение шести или семи лет, здесь уж ничего не поделаешь. Но затем вы станете постепенно освобождаться, и в конце концов за вами останутся только руководство и надзор. Это будет, несомненно, щедрой наградой за трудные годы, как вы считаете?

Какое будущее ждало бы вас, если бы вы остались в нынешнем положении? Только тяжкий труд, пока вы не умрете на борозде, а вашим детям придется продолжать тянуть ту же лямку, и все для того лишь, чтобы просто выжить. Откуда при такой системе возьмутся будущие вожди и администраторы? На вашем прежнем пути вы будете выбиваться из сил и останетесь в том же положении еще двадцать лет, и все ваши дети вырастут деревенщиной. На нашем пути вы станете главою клана, который будет работать на вас, и вы передадите его в наследство вашим сыновьям.

До меня начало доходить. Я сказал с удивлением:

— То есть вы предлагаете мне что-то вроде... феодального владения?

— Ага,— сказал он,— вот вы и начали понимать. Для нынешнего положения вещей именно это является очевидной и совершенно естественной формой социальной и экономической организации.

Не было никакого сомнения в том, что этот человек говорит совершенно серьезно. Я не стал спорить и повторил снова:

— Но эта ферма просто не сможет прокормить столько людей.

— В течение нескольких лет вам придется, конечно, кормить их главным образом толчеными триффидами. Насколько можно судить, в этом сырье недостатка не будет.

— Пища для скота! — сказал я.

— Но зато очень питательная. Мне говорили, что она содержит массу витаминов. Нищим же — особенно слепым нищим — выбирать не приходится.

— И вы серьезно полагаете, что я должен взять этих людей и держать их на силосе?

— Послушайте, мистер Мэйсен. Если бы не мы с вами, никого из этих слепых не было бы сейчас в живых. И никого из этих детей. Им надлежит делать то, что мы им приказываем, брать, что мы им даем, и благодарить нас за все, что они получают. Если они откажутся от того, что мы им предлагаем... ну что же, царство им небесное.

Я решил, что сейчас было бы неразумно высказывать ему свои чувства по поводу его философии. Я начал с другого конца:

— Я как-то не пойму... Скажите, а какую роль играете во всем этом вы и ваш комитет?

— В руках комитета верховная администрация и законодательная власть. Он будет править. Кроме того, он будет контролировать вооруженные силы.

— Вооруженные силы,— повторил я тупо.

— Разумеется. Когда это станет необходимо, мы создадим вооруженные силы путем рекрутского набора в феодалных владениях, как вы это называете. Взамен вы получите право взывать к комитету в случае нападения извне или внутренних мятежей.

Я почувствовал, что задыхаюсь.

— Армия! Конечно, это будет небольшой подвижный отряд полицейских сил?..

— Я вижу, вы узко мыслите, мистер Мэйсен. Бедствие, как вы знаете, не ограничилось только нашими островами. Оно было всемирным. Всюду царит одинаковый хаос — это несомненно, иначе мы бы уже знали сейчас, что где-то положение иное, и в каждой стране, вероятно, есть свои уцелевшие. Ну так вот, рассудок подсказывает нам, что первая страна, которая вновь встанет на ноги и приведет себя в порядок, будет иметь наилучшие шансы привести в порядок и все остальные. Как, по-вашему, можем мы оставить эту задачу какой-нибудь другой стране и дать ей сделаться новой доминирующей силой в Европе, а то и во всем мире? Очевидно, нет. Ясно, что нашим национальным долгом является как можно скорее встать на ноги и взять на себя статус ведущей державы, с тем чтобы противостоять возможной опасной оппозиции. Поэтому чем скорее мы создадим вооруженные силы, способные вселить страх в любого агрессора, тем будет лучше.

Несколько мгновений в комнате стояла тишина. Затем Деннис неестественно засмеялся.

— Всемогущий боже! Мы пережили такое... а теперь этот человек предлагает начать войну!

Торренс резко возразил:

— Видимо, я выразился недостаточно ясно. Слово «война» является неоправданным преувеличением. Речь идет об умиротворении и должном наставлении племен, вернувшихся к первобытному беззаконию.

— Если только та же благодатная идея не пришла в голову этим самым племенам,— пробормотал Деннис.

Я заметил, что Джозелла и Сюзен очень пристально глядят на меня. Джозелла показала глазами на Сюзен, и я понял.

— Давайте поставим точки над «и»,— сказал я.— Вы считаете, что мы, трое зрячих, можем взять на себя полную ответственность за двадцать взрослых слепых и за какое-то число их детей. Мне представляется...

— Слепые не совсем беспомощны. Они могут делать многое, в том числе готовить для себя пищу. При должной организации забота о них во многих отношениях сводится к надзору и руководству. Но вас будет здесь не трое, мистер Мэйсен, а двое: вы и ваша жена.

Я посмотрел на Сюзен, сидевшую очень прямо в своем голубом костюмчике, с красной ленточкой в волосах. Она переводила взгляд с меня на Джозеллу, и в глазах ее была горячая мольба.

— Трое,— сказал я.

— Мне очень жаль, мистер Мэйсен. На группу положено десять человек. Девочку мы возьмем в штаб. Мы подыщем для нее какую-нибудь полезную работу, а когда она подрастет, мы дадим ей группу.

— Мы с женой считаем Сюзен своей дочерью,— резко сказал я.

— Повторяю, мне очень жаль. Но таков закон.

Несколько секунд я глядел на него, а он твердо глядел на меня. И тогда я сказал:

— В таком случае мы требуем в отношении нее твердых гарантий и обязательств.

Мои домочадцы неслышно ахнули. Торренс немного смягчился.

— Естественно, вы получите все практически мыслимые гарантии,— сказал он.

Я кивнул.

— Мне нужно время, чтобы все это обдумать. Для меня это полная неожиданность. Кое-что приходит в голову уже сейчас. Оборудование у нас износилось. Найти новое, не поврежденное ржавчиной, теперь трудно. И я предвижу, что в ближайшее время мне понадобятся хорошие, сильные рабочие лошади.

— С лошадьми трудно. Сейчас их мало. Некоторое время вам придется в качестве тягла использовать людей.

— Далее,— продолжал я,— относительно жилья. Пристройки малы, а в одиночку я не способен построить даже временные сооружения.

— В этом, кажется, мы можем вам помочь.

Мы обсуждали детали еще минут двадцать. Торренс сделался почти любезен, а затем я спровадил его вместе с его угрюмыми охранниками осматривать в сопровождении Сюзен наше хозяйство.

— Билл, как ты мог?..— начала Джозелла, едва за ними закрылась дверь.

Я рассказал ей все, что знал о Торренсе и его методе устранять препятствия при помощи огнестрельного оружия.

— Это меня ничуть не удивляет,— заметил Деннис.— Меня удивляет совсем другое, и знаете что? Что я вдруг почувствовал симпатию к триффидам. По-моему, если бы не они, таких гадостей сейчас было бы гораздо больше. И если они смогут воспрепятствовать возрождению крепостного права, то я желаю им всяческой удачи.

— Вся эта затея абсурдна,— сказал я.— У них нет ни малейших шансов. Разве смогли бы мы с Джозеллой содержать такую кучу народа и одновременно еще отбиваться от триффидов? Однако,— добавил я,— мы не можем прямо отказываться от предложения, которое делают четверо вооруженных людей.

— Значит, ты не...

— Милая моя,— сказал я.— Неужели ты всерьез можешь представить меня феодальным сеньором, ударами бича понукающим к работе крепостных и вилланов? Даже если триффиды не сомнут меня до этого...

— Но ты сказал...

— Послушайте,— сказал я.— Уже темнеет. Сегодня они не уедут. Им придется остаться здесь на ночь. Завтра они решат забрать Сюзен с собой—она будет заложницей, отвечающей за наше поведение. И они могут оставить здесь одного или двух охранников, чтобы присматривать за нами. Так вот, я думаю, нам это не подходит. Верно?

— Конечно, однако...

— Мне кажется, я убедил его в том, что его идея начала мне импонировать. Сегодня вечером у нас будет ужин, который должен быть воспринят как знак взаимопонимания. Приготовьте хороший ужин. Все ешьте как можно больше. Накормите поплотнее детей. Подайте на стол нашу лучшую выпивку. Проследите, чтобы Торренс и его парни выпили как следует, но сами на спиртное не нажимайте. К концу ужина я на несколько минут выйду. Продолжайте

увеселять компанию, чтобы это не бросалось в глаза. Поставьте пластинки с развеселыми песенками или что-либо в этом роде. И все хором подпевайте. Еще одно: ни слова о Микаэле Бидли и его группе. Торренс, должно быть, знает о колонии на Уайте, но незачем давать ему понять, что мы тоже знаем. А теперь мне нужен мешок сахару.

— Сахару? — растерянно спросила Джозелла.

— Нет? Ну, тогда большой бидон меда. Мне кажется, мед тоже подойдет.

За ужином каждый сыграл свою роль прекрасно. Компания не только оттаяла, она по-настоящему оживилась. Джозелла в добавление к ортодоксальным напиткам выставила крепкую брагу собственного изготовления, которая была принята благосклонно. Когда я потихоньку вышел, гости были в состоянии приятной расслабленности.

Я подхватил узел с одеялами и одеждой и пакет с едой, лежавшие наготове, и поспешил через двор к сараю, где находился вездеход. При помощи шланга я доверху наполнил баки вездехода из цистерны, в которой мы держали наши основные запасы бензина. Затем я занялся диковинной машиной Торренса. Подсвечивая себе фонариком, я с некоторым трудом нашел крышку карбюратора и залил в бак литра полтора меду. Остальной мед из большого бидона и опростал в цистерну.

Мне было слышно, как поет и шумит компания. Добавив к вещам, уже уложенным в вездеход, кое-что из триффидного снаряжения и других мелочей, я вернулся в дом и присоединился к пирушке. Вечер закончился в атмосфере, которую даже внимательный наблюдатель принял бы за доброжелательную.

Мы дали им два часа, чтобы заснуть покрепче.

Поднялась луна, и двор был залит белым светом. Я забыл смазать дверь в сарае, и она отчаянно закрипела. Остальные уже гуськом двигались ко мне. Бренты и Джойс хорошо знали двор, поэтому поводырь им не требовался. Следом за ними шли с детьми на руках Джозелла и Сюзен. Дэвид сонно захныкал, но Джозелла быстро прикрыла ему рот ладонью. Не выпуская его из рук, она вскарабкалась в кабину. Остальных я усадил позади и закрыл дверцу. Затем я забрался на водительское место, поцеловал Джозеллу и перевел дыхание.

На другой стороне двора триффиды теснились у самых ворот, как всегда, если их не трогали несколько часов.

Волею providения двигатель вездехода завелся моментально. Я включил первую передачу, объехал машину Торренса и двинулся прямо на ворота. Тяжелый бампер с треском ударил в створки. Мы рванулись вперед, волоча за собой фестоны из проволоки и сломанных досок, сбили дюжину триффидов и под градом яростных ударов жалами миновали остальных. Затем мы помчались по проселку.

Там, где поворот на подъеме давал возможность еще раз увидеть Ширнинг, я затормозил и выключил двигатель. В нескольких окнах горели огни, затем вспыхнули фары машины и залили дом ярким светом. Зарычал стартер. Послышались выхлопы, и у меня слегка екнуло сердце, хотя я знал, что скорость нашего вездехода в несколько раз превосходит скорость этого неуклюжего устройства. Машина начала рывками разворачиваться на гусеницах передом к воротам. Не успела она закончить разворот, как ее двигатель зафыркал и смолк. Снова зарычал стартер. Он рычал и рычал, раздраженно и безрезультатно.

Триффиды уже обнаружили, что ворота опрокинуты. В лунном сиянии и свете фар мы видели, как их высокие тонкие силуэты, раскачиваясь на ходу, торопливой процессией вливаются во двор; другие триффиды ковыляя вниз по склонам долины, чтобы последовать за ними...

Я поглядел на Джозеллу. Она не наплакала бочек слез: она вообще не плакала. Она посмотрела на меня, затем на Дэвида, спавшего у нее на руках.

— У меня есть все, что мне по-настоящему нужно, — сказала она. — И когда-нибудь ты приведешь нас сюда обратно, Билл.

— Это очень славно, когда жена так уверена в муже, радость моя, но... Нет, черт подери, никаких «но». Я приведу вас сюда снова, — сказал я.

Я вышел, чтобы удалить с крыльев вездехода обломки ворот и стереть яд с ветрового стекла, чтобы мне видна была дорога прочь отсюда, через вершины холмов на юго-запад.

Здесь мой рассказ о себе объединяется с историей остальных. Вы найдете ее в великолепных хрониках колонии, принадлежащих перу Элспет Кэри.

Наши надежды сосредоточены теперь здесь. Вряд ли что-нибудь выйдет из неофеодального плана Торренса, хотя несколько его феодальных владений сохранилось до сих пор. Насколько мы знаем, они влачат весьма жалкое существование. Их стало гораздо меньше, чем было. Айвен то и дело докладывает, что пало еще одно феодальное поместье и что осаждавшие его триффиды разбрелись, чтобы принять участие в других осадах.

Таким образом, задачу, стоящую перед нами, будем выполнять мы сами, без посторонней помощи. Теперь уже виден путь, но придется затратить еще много усилий и выполнить много исследований. А потом наступит день, и мы (или наши дети) переправимся через узкие проливы и погоним триффидов, неустанно истребляя их, пока не сотрем последнего из них с лица земли, которую они у нас отняли.

Кит ПЕДЛЕР
Джерри ДЭВИС
Мутант -59

ПАМЯТИ С. ЭЙНСЛИ

20 июля с. г. в своем доме в Сайденхэме на 54-м году жизни скоропостижно скончался доктор Саймон Эйсли, старший преподаватель микробиологии Кенсингтонской больницы, член Британского биологического общества и Ассоциации патологоанатомов.

Саймон Эйсли родился 6 декабря 1919 г. Свой первый квалификационный экзамен он сдал в 1939 г. при больнице Св. Марии. Вскоре после начала второй мировой войны он был зачислен в состав Королевского военно-медицинского корпуса, где длительное время занимался исследованиями в области бактериального заражения огнестрельных ран.

По возвращении к гражданской жизни Эйсли посвятил себя бактериологии, проявляя особый интерес к проблеме приспособляемости бактерий. В результате многолетних трудов он собрал обширные данные о жизнедеятельности бактерий в необычных питательных средах, и, хотя работы Эйсли остались неопубликованными, коллеги отдавали справедливую дань его усилиям. Один из них писал:

«Саймон был человеком редкого обаяния. Он охотно помогал советами в любой знакомой ему области; а в последние месяцы, как явствует из его заметок, провел серию оригинальных экспериментов с *Bacillus prodigiosus*, которые привлекли особенно пристальное внимание ученого. Трагично, что Эйсли не суждено было дожить до завершения своих исследований. Коллегам по работе его будет очень не хватать».

Мы скорбим по поводу утраты и приносим наши искренние соболезнования семье покойного.

Бритиш медикал джорнел

Переключатель этот стоил 18 долларов 43 цента. Назначение его было точно таким же, как и у любого другого переключателя на прилавке магазина хозяйственных товаров, но с одной лишь разницей, мало существенной для обывателя, однако жизненно важной для Хансена. В техническом описании значилось:

«ВЕРОЯТНОСТЬ ОТКАЗА = 0,0001»,

иначе говоря, она была бесконечно мала. За 18 долларов 43 цента вам гарантировалась практически абсолютная надежность. Щелчок в одну сторону — коррекция траектории производится вручную, щелчок в другую — это делается автоматически.

Командир космического корабля перевел переключатель в положение «вручную» и с этой секунды обрек себя на гибель.

Движение командира должно было послать мгновенный электрический импульс в хитросплетение микроцепей, спрятанных позади контрольной панели. Но ток достиг лишь крохотной проволоочки, некогда надежно изолированной, а теперь — невидимо для глаз — мерцавшей оголенным металлом. На панели тотчас, мигнув, ровным светом загорелся красный тревожный огонек.

Лицо командира осталось бесстрастным. Быть может, лишь слегка расширились зрачки да чуть дрогнули веки. Он вернул переключатель в прежнее положение, затем опять щелкнул им — тревожный огонек послушно погас, но тут же вспыхнул снова.

Оба других члена экипажа сосредоточенно следили за его действиями. Их лица также ничего не отражали. Люди смертельно устали. Нечеловеческое напряжение темными тенями легло вокруг глаз.

Воля всех троих была направлена только на одно — выжить во что бы то ни стало, выжить: этому учили их долгие годы тренировок.

Командир глубже втиснул свое невесомое тело в кресло. Он молчал. Двое других тоже не проронили ни слова. Внезапно кабину наполнил невыразительный, искаженный помехами голос — их вызывал центр управления полетом в Хьюстоне.

— Хэлло, Кондор, до последней коррекции остается одна минута сорок пять секунд. Даем сигнал...

Вслед за голосом коротко мяукнул зуммер. Командир ответил самым обыденным тоном:

— Внимание, Хьюстон, вышел из строя переключатель, компьютер не срабатывает, сами отделать посадочную ступень не сможем, повторяю, отделать посадочную ступень не сможем. Прием...

Снова зуммер.

— Кондор, вас понял. Проводим наземную проверку, прием...

— Спасибо, Хьюстон...

Корабль — ничтожная частичка в пустоте и мраке пространства — быстрее любого снаряда мчался по изогнутой траектории навстречу Земле, не оставляя за собой ни следа, ни звука.

— Кондор, наземная проверка подтверждает неисправность на борту. Переключитесь на автоматику, повторяю, передайте контроль автоматике...

— Вас понял, Хьюстон. Прошу повторить время коррекции...

Командир тронул переключатель, и тревожный огонек погас.

— До запуска двигателей остается одна минута пятнадцать. Даем сигнал...

Зуммер мяукнул снова.

В биомедицинском отделе центра управления полетом врачи озабоченно следили за скачками самописцев, фиксирующих состояние экипажа. Один из них сделал пометку в своем дневнике:

*«Первый пилот — тахикардия,
пульс 110, частота дыхания 30».*

А в командном отсеке корабля, позади контрольной панели, шел процесс, не предусмотренный конструкторами, — с каждой секундой неумолимо приближался конец...

Неожиданно отказали еще два микроэлемента. По цепям счетно-решающих устройств пронесся целый шквал импульсов. Последовала беззвучная вспышка — и в тесноту кабины ворвался дым. Трое космонавтов, задыхаясь, отчаянно старались сохранить контроль над кораблем, но корабль, уже совершенно не управляемый, стремительно приближался к границам атмосферы...

Пассажиры рейса 122, летевшие над Атлантикой в Нью-Йорк, дремали — в салоне горел неяркий синий свет. Только мальчонка в кресле у окна беспокойно ерзал,

то и дело прижимаясь носом к стеклу, и вдруг, отпрянув от иллюминатора, вцепился в руку матери:

— Мама, смотри скорее, мама!..

Он показывал пальцем за окно. Мать, очнувшись, наклонилась над малышом и посмотрела вслед за ним в ночь.

Поперек ясного звездного неба пролегла пламенеющая оранжевая дуга; было видно, что начало ей дает какое-то движущееся тело. Некоторое время оно росло на глазах, а потом распалось на три огненных комка, которые рассыпались в темноте, словно искры гигантского фейерверка в День независимости. Мать откинулась в кресле и ласково прижала сынишку к себе.

— Это звезда упала, милый. Не бойся, она никому не причинит вреда...

Миссис Гаррис сложила книги мужа на чердаке, прикрыла за собой люк и, тяжело дыша, спустилась по приставной лестнице. В больнице обещали, что он протянет месяца два, а на самом деле все кончилось за три недели...

В гостиной ей на глаза попалась их свадебная фотография в широкой рамке, и, всплакнув, она подумала: а не убрать ли и фотографию на чердак вместе с другими его вещами? Но потом женщина вспомнила о своем высоком давлении и больных ногах и, сняв фотографию со стены, положила ее на каминную доску.

Это спасло ей жизнь.

Командир самолета, следовавшего рейсом 510 из Парижа в лондонский аэропорт Хитроу, был в прекрасном настроении. Впереди не предвиделось никаких особых осложнений, разве что легкая дымка в Хитроу. Дверь за спиной отворилась, и в кабине появился второй пилот. Привычно проскользнув между откинутым сиденьем и пультом и не задев ни одного из бесчисленных рычажков и приборов, он опустился на свое место. Командир встретил его с ухмылкой:

— Думаешь, не знаю, где ты пропадал? Мне казалось, правда, что она помолвлена...

— Все члены экипажа,— ответил второй пилот, потирая руки,— обязаны беспрекословно выполнять распоряжения старших по рангу...

— Ну, положим, только в профессиональных вопросах...

Второй пилот поспешил сменить тему:

— Какое у нас расчетное время прибытия?

— Семнадцать десять, если над полосой не продержат...

Капли дождя скользили по стеклам кабины. Сливаясь в ручейки, они почти скрывали плотную пелену облаков, расстилавшуюся над самолетом.

Командир вышел на связь с диспетчером в Хитроу, стараясь выделить его голос из заполнявшей эфир беспорядочной болтовни.

— Альфа Чарли вызывает борт 510. Вам разрешается войти в зону. В квадрате 82 выполняйте правый разворот...

— Благодарю, Альфа Чарли, разворачиваюсь направо...

Пока командир вел переговоры, бортинженер снимал показания приборов, контролирующих работу каждого из четырех двигателей: температуру, тяговое усилие, давление масла. Свои наблюдения он заносил в бортовой журнал, привязанный к приборному щитку, — а самолет тем временем накренился, ложась в последний вираж. Вот уже он вошел в конус радиосигналов, которые должны привести его на посадочную дорожку. Второй пилот отметил, что машина идет совершенно точно и по направлению и по углу снижения. Они миновали первый вертикальный маркер...

Эна Гаррис приготовила на кухне чай и теперь, мрачно уставившись в окно, не торопясь, прихлебывала его из обжигающе горячей чашки.

В левом крыле лайнера, выполнявшего рейс 510, пряталась маленькая серая коробочка, начиненная пластинками с замысловатыми узорами печатных схем. Блестящее дюралевое крыло скрывало в себе целую сеть сосудов, почти не уступающую по сложности живому организму, а коробочка призвана была контролировать подачу топлива в двигатель номер два. Именно отсюда на пульт бортинженера поступали данные о питании двигателя, а также о температуре огненного вихря, ревущего в его турбовентиляторном сердце.

Но вот внутри серой коробочки от одной пластинки стал медленно отделяться двухмиллиметровый проводник.

А в кабине командир корабля уже обменивался с наземным диспетчером последними репликами:

— Альфа Чарли вызывает борт 510. Вам разрешается посадка на полосу четыре. До свидания.

— Спасибо, Альфа Чарли. До свидания.

И командир выключил передатчик.

Именно в этот момент спрятанная в крыле коробочка скончательно вышла из строя. В двигатель номер два хлынуло горючее из центрального бака, расположенного в нижней части фюзеляжа, хлынуло так, как если бы топливопровод от бака левого крыла был предварительно перекрыт.

Но топливопровод перекрыт не был...

Двигатель захлебнулся, последовал внезапный короткий взрыв, одна из лопаток турбинного вала отломилась и со скоростью пули отлетела вверх. Как нож масло взрезав листовой металл, она прошла плоскость крыла, вспорола герметизированные патрубки и наконец застряла в плотном переплетении трубопроводов между щитком поперечного управления и закрылками. Из разорванных сосудов хлынула «кровь» — красная гидравлическая жидкость. Мгновенно раскрылись внутренние и внешние элероны, и их тут же заклинило. Сорвавшись с подвески, развалился двигатель. Крыло рывком опустилось вниз — и раненую машину неудержимо потянуло в сторону, все дальше от конуса радиосигналов, гарантирующего безопасность...

Миссис Гаррис безрадостно допила свой чай и отправилась в сад, чтобы снять с веревок белье. Едва она сложила первые простыни, серые от дождя и тумана, как до нее донесся гул приближающегося самолета.

Она прожила здесь, в Айлуорте, всего в нескольких километрах от главного аэропорта столицы, целых двадцать лет и обычно не обращала на этот гул внимания. Но на сей раз звук был каким-то особенным, и женщина невольно стала вглядываться во мглу. Надсадный рев достиг немыслимой силы, и тогда над верхушками яблонь в дальнем углу сада вдруг показался исполинский фантастически наклоненный крылатый силуэт.

Эна Гаррис ошолбелась, не веря собственным глазам, а потом бросилась к дому. Она уже добежала до двери, когда гигантская тень самолета заслонила небо. Последнее, что она запомнила, прежде чем потерять сознание, был черный кокон колеса и блестящие стойки шасси, мелькнувшие над самой ее головой.

С этого мгновения лайнер, выполнявший рейс 510, как летательный аппарат прекратил свое существование. Коле-

со, расшвыряв черепицу и аккуратные стопки книг, врезалось в чердак, стропила взвились в воздух, словно спички, а самолет перевернулся и начал разваливаться. Одно из крыльев снесло постройки по другую сторону улицы, а фюзеляж, будто вырвавшаяся на волю исполинская торпеда, распахал середину мостовой и, опрокидывая людей и автомашины, проложил по ней страшную дорогу смерти. Оторвавшийся двигатель правого крыла, все еще продолжая работать, пробил витрину переполненного магазина самообслуживания и взорвался внутри него. Хвостовой отсек, кувыркаясь подобно чудовищному бумерангу, вонзился в стену лотерейного агентства и исчез в облаках кирпичной пыли. Отделившаяся носовая часть, докатившись до конца улицы, подпрыгнула на прощание и закончила свой последний прыжок в сплошном нагромождении домишек, круша их стены и потолки. Остатки фюзеляжа просто рассыпались и завертелись в воздухе кусками рваного металла.

Жизнь сорока восьми пассажиров и членов экипажа оборвалась почти мгновенно — смятые переборки, лопнувшие стойки и панели располосовали их тела на куски и разбрасали кошмарным дождем на всем протяжении улицы.

Шел сильный косой дождь, и Анну Креймер слегка знобило. Она подняла капюшон плаща и, напрягая слух, старалась разобрать, что говорит офицер, расположившийся с мегафоном на молу.

С мостика небольшого конвойного миноносца, где она стояла, была хорошо видна носовая палуба атомной подводной лодки «Ринаун», вооруженной шестнадцатью ракетами класса «Поларис А-3». На черной овальной палубе ее китообразного корпуса, открытые всем дождям, зияли шестнадцать люков, ведущих к пусковым установкам. У одного из люков, задрав кверху головы, стояли двое матросов. Со стрелы крана к ним лениво спускался темно-серый цилиндр ракеты. Матросы осторожно направили ее хвост точно в отверстие люка, и ракета медленно исчезла в нем. Затем они принялись задраивать люк круглой пластмассовой мембраной.

Анна и ее коллеги — небольшая группа журналистов — жались к стене рубки, пытаясь хоть как-то укрыться от дождя. Усиленный мегафоном голос отдавал металлом:

— При запуске давление газов, созданное обычным пороховым взрывом, выталкивает ракету вверх. Мембрана прорывается, и ракета покидает подлодку, направляемая на цель с помощью компьютеров...

Голос трескуче продолжал в том же духе. И Анна подумала, что вряд ли в будущей статье ей удастся воспроизвести этот рассказ, разве что официальный текст, предназначенный для печати, окажется достаточно подробным. Следовало бы как-нибудь ухитриться и набросать черновик.

За окнами кают-компания завывал шторм, пеленой дождя маскируя огромные эллинги под горой на берегу залива. Внутри царил мягкий полумрак, было тепло. Приглушенные разговоры у стойки бара стали громче и неприкрытее. Группу подобрали явно наспех. Рядом с журналистами, на лацканах которых красовались оранжевые жетоны «Пресса», офицеры в форме казались невероятно холеными и изысканно воспитанными.

— Леди и джентльмены! Минуточку внимания...— возвысил голос старший офицер. Разговоры смолкли.— Благодарю вас. Прежде всего позвольте мне приветствовать вас от имени командования базы Герлох. Надеюсь, вы повидали здесь все, что хотели...

Журналисты откликнулись на это заявление добродушным гиканьем. Офицер ответил им улыбкой:

— Уверю вас, леди и джентльмены, что закон о сохранении государственной тайны не имеет отношения к системам, дислоцированным в нашем баре, так что прошу вас — не стесняйтесь!

— Благослови вас бог, начальник,— насмешливо воскликнул один из гостей, приподняв свой стакан.

— Теперь о программе на завтра,— продолжал офицер.— С утра мы предлагаем вам посетить учебные классы, где готовят персонал для работы с ракетами «Полярис»,— боюсь только, там придется воздержаться от фотографирования. Затем мы с вами планировали подняться на борт «Тритона», первой из подлодок ее величества, вооруженных ракетами «Посейдон». Как вам известно, завтра «Тритон» должен был ошвартоваться на нашей базе, однако вследствие непредвиденных обстоятельств произошла некоторая задержка, поэтому мы поведем вас в сухой док, где в настоящее время стоит на ремонте подлодка «Резолюшн». Да, и еще вот что: обед будет подан в семнадцать тридцать. Благодарю за внимание.

— Что случилось? — обратилась Анна к стоявшему рядом с ней журналисту. — До сих пор они были точны как часы.

Обычно веселый и разговорчивый, сейчас Мэтт был серьезен, его глаза рыскали вокруг в поисках намека на разгадку.

— Ты права, они никогда не меняют расписания без чертовски уважительных причин. — Он пристально посмотрел на Анну. — У них определенно что-то стряслось...

Доктор Лайонел Слейтер специализировался в области теории связи. Еще в студенческие годы его отмечали как очень одаренного математика. Правда, кто-то из преподавателей однажды заметил, что, кроме склонности к математике, у него есть еще и прискорбная склонность к выводам, которые выходят за рамки строгой научности. Завершив диссертацию, Слейтер воспользовался субсидией, чтобы совершить поездку по научным учреждениям Северной Америки, а затем возвратился в Англию и в поисках работы принялся изучать объявления в специальных журналах. Его американское турне не было ни особенно интересным, ни особенно успешным, если не считать одного происшествия, которое само по себе тоже отнюдь не выглядело значительным.

Хотя поездка обошлась молодому ученому гораздо дороже, чем он предполагал, Слейтер позволил себе добратся от аэропорта Кеннеди до Манхэттена вертолетом: ему очень хотелось посмотреть на город с высоты.

Глядя с птичьего полета на забитые автомобилями улочки и перекрестки Бруклина, он представил себе все это как единую систему. Движение блестящих цветных точек подчинялось определенному ритму, они не просто повиновались сигналам светофоров, а каким-то неведомым образом влияли друг на друга. Слейтер даже набросал в записной книжке приближенные математические зависимости и к тому моменту, когда вертолет приземлился, был уже целиком во власти того особого возбуждения, с которым неизменно связано возникновение хорошей новой идеи.

Вернувшись в Англию, Слейтер после долгих и тягостных поисков нашел себе работу в исследовательском центре при министерстве транспорта и с помощью инженеров-автодорожников и специалистов по электронике

стал «доводить» свою идею до уровня практической осуществимости.

Он придумал и название для своего проекта: «Самообучающаяся дорожная система».

Упрощенно его идея сводилась к тому, чтобы, взяв замкнутую сеть улиц, превратить ее в подобие биологического целого. Снабдить ее «органами чувств» — пневматическими счетчиками, помещенными под поверхность мостовых, и телевизионными камерами, а всю информацию, поступающую от этих органов чувств, передавать на компьютер, способный корректировать свои решения на основании накопленного опыта, иначе говоря, «самообучаться». И, наконец, связать этот компьютер обратной связью со светофорами и с полицией, регулирующей движение.

Отличие системы Слейтера от других подобных систем заключалось именно в способности компьютера «самообучаться». Изучая транспортные потоки на переданных под его контроль улицах, он мог максимально увеличить интенсивность движения на каждый отдельный день, неделю или месяц. Категорически возражали против этого проекта лишь полиция да некто Эзертон.

Недовольство полиции, по мнению Слейтера, было вызвано чисто эмоциональными соображениями — они, мол, люди и не должны попадать в рабскую зависимость от машины. Это-де унизит их человеческое достоинство.

Эзертон входил в состав комитета, который в конце концов одобрил предложенную систему. Тем не менее он остался убежденным противником самой идеи, утверждая, что последствия в достаточной мере не взвешены и что эксплуатационные качества самообучающегося компьютера не могут быть определены с полной научной достоверностью.

Для эксперимента был выбран район, ограниченный четырьмя улицами: Найтсбридж с севера, Кромвел-роуд с юга, Глостер-роуд с запада и Слоун-стрит с востока. Потребовалось четырнадцать месяцев, чтобы установить необходимое оборудование и проложить кабели, связывающие его с компьютером и с постом управления в расположенном поблизости Имперском колледже.

Прежде чем начать эксперимент, были собраны исчерпывающие данные о транспортных потоках в районе, чтобы сопоставить скорости движения до и после пуска системы. Пришлось соединить систему с контрольными постами на магистралях, ведущих в этот район, и на выходе

из него: принятые компьютером решения надлежало учитывать и в соседних кварталах.

Еще три месяца ушло на то, чтобы «преподать» машине нужный курс: она должна была полностью осознать свои жизненные функции. И только после многократных проверок ей было доверено управлять своими нервами и мышцами — сигналами светофоров и действиями полисменов в шлемах с антеннами.

Слейтеру вспомнилось, с какой тревогой он впервые передал машине контроль за движением. Данные о транспортных потоках на каждом отдельном участке поместили возле счетчиков, которые должны были регистрировать те же потоки, но уже управляемые компьютером. Несколько долгих мучительных минут счетчики не показывали никаких перемен, но вот медленно, очень медленно начались улучшения. Машина словно бы сердилась за то, что на нее взвалили столь высокую ответственность. В последующие часы вплоть до позднего вечера скорость движения продолжала возрастать. Торжествующие ученые, оставив систему под наблюдением ассистентов, отметили победу приличествующим случаю возлиянием.

С тех пор пропускная способность системы неуклонно возрастала, пока не достигла расчетной величины. Но сегодня Слейтер опять не находил себе места. Он нервно мерил комнату шагами, перекладывал папки, что-то поправлял и передвигал.

Перед ним в боевом порядке выстроились сорок восемь телевизионных экранов. Возле каждого из них освещенный счетчик показывал интенсивность транспортных потоков на данном перекрестке. Рядом со счетчиком на специальной карточке значилась контрольная цифра, полученная до ввода системы в действие. Окинув взглядом экраны, на которых бесконечной вереницей двигались лимузины и автобусы, Слейтер утешил себя надеждой, что все и впредь будет в порядке. Потом он посмотрел на часы — оставалось десять минут. Черт его знает, как полагается разговаривать с министрами — непрерывно кланяться и повторять через каждое слово «сэр»?

На посту управления сегодня был образцовый порядок. Слейтер едва удержал секретаршу от того, чтобы водрузить на пульт горшок с цветами. Наконец, она просунула голову в дверь и сообщила:

— Идут!

Из коридора слышались приближающиеся голоса,

дверь распахнулась, и вошли директор исследовательского центра, министр, два его помощника и... Эзертон. Директор представил Слейтера; сегодня он так и светился профессиональным обаянием.

— Ну, а теперь, Слейтер, расскажите нам вкратце, как поживает ваше дитя. Мне докладывали, что все в полном порядке.

— Совершенно верно, сэр, пропускная способность удерживается на одном уровне. Скорость движения возросла почти повсеместно на восемь и четыре десятых процента.

Министр, для которого это был уже третий деловой визит за день, считал своим долгом проявить хотя бы некоторый интерес.

— Скорость движения, — повторил он. — Да, да, разумеется. Однако не расскажете ли вы мне все так, словно... словно перед вами ребенок лет трех от роду.

И он улыбнулся, показав желтые от табака зубы.

Слейтеру ничего не оставалось, как приступить к очередному, по собственному его выражению, «разжевыванию для кретинов». Директор покровительственно улыбался, а министр время от времени кивал. Если же он вдруг действительно понимал, о чем идет речь, кивки становились короче и чаще.

Компьютер в соседней комнате работал почти беззвучно — слышались лишь отрывистые щелчки, когда записывающие головки меняли свое положение. Ничто не указывало на то, какой интенсивный поток информации устремляется сюда с соседних перекрестков. Счетно-решающее устройство за доли секунды обрабатывало ее, производя сложнейшие вычисления, а логические схемы — душа компьютера — выносили правильные решения. Все компоненты работали безупречно.

Но вот один из них, названный конструкторами логической ячейкой М-13, выдал два неверных решения, а потом и вовсе отказал.

Слейтер уже благополучно заканчивал свое сообщение, а тем временем последствия отказа этой ячейки множились, расходясь как круги по воде, от центра к периферии подчиненной машине дорожной сети.

Заговорил министр:

— Замечательно, Слейтер. Очень-очень интересно. Поздравляю вас. Мне известно, что до сих пор ваши идеи не пользовались всеобщей поддержкой, — Эзертон переми-

нался с ноги на ногу, — но заверяю вас, отныне вы не будете испытывать никаких... гм, никаких финансовых затруднений.

Он подошел поближе к телеэкранам.

— Где же это мы? Ну, конечно, как же я сразу не узнал — Музей естественной истории, не правда ли? А вот и Музей королевы Виктории и принца Альберта... — Он был похож на ребенка, получившего новую игрушку. — Замечательно, чувствуешь себя будто в центре испанского мозга...

Но тут голос министра сорвался, маленькие голубые экраны приковали к себе общее внимание.

Отказ одного-единственного компонента до основания сотрясал теперь всю систему. На перекрестке Эгзибишн-роуд и Кромвел-роуд светофор переключился с красного на зеленый и тут же снова на красный. Такси, успевшее выскочить на перекресток, сразу же столкнулось с автобусом.

На перекрестке Найтсбридж и Слоун-стрит светофоры совсем потухли, чтобы через минуту совершенно сойти с ума. Машины, двигавшиеся на запад от Пикадилли, в мгновение ока сбились в грандиозную чадающую пробку.

Показания счетчиков с Принс-Консорт-роуд вдруг сразу возросли на два порядка, в результате на Куинс-гейт у перекрестка с Кромвел-роуд включился постоянный зеленый. Прошло каких-то четыре минуты, и движение во всем районе оказалось полностью парализованным. В общей неразберихе то и дело происходили несчастные случаи, но кареты «скорой помощи» не могли пробиться по задыхающимся улицам — в ранних сумерках беспомощно мигали их синие огоньки.

На посту управления стояла полная тишина — никто не решался заговорить первым. Наконец директор не выдержал:

— Бога ради, Слейтер, что случилось?

Слейтер был ошеломлен.

— Боюсь... Нет, не знаю. Просто не знаю...

Ему хотелось расплакаться.

Министр посмотрел на своих помощников и сказал подчеркнуто твердо:

— Извините, джентльмены, но... гм... нам пора возвращаться в министерство. Не забудьте, — обратился он к директору, — представить мне обо всем этом подробный доклад...

Директор ответил мрачным кивком. Министр вспомнил про Слейтера:

— Весьма сожалею, поверьте, весьма и весьма сожалею...

Когда они выходили из комнаты, лицо Эзертон ничего не выражало, он только пристально посмотрел на Слейтера через плечо.

2

Исподволь наблюдая за своими коллегами, Люк Джеррард в десятый раз за день задавал себе один и тот же вопрос: за каким, собственно, чертом его сюда занесло?

Большую часть времени они, сотрудники агентства Креймера, проводили, слоняясь по комнате в тщетной надежде найти решение проблемы бутылочного горлышка. Джеррарда давно уже тошнило и от бессмысленности их усилий, и от самих его коллег.

За окном был серый декабрьский день. Часы показывали половину пятого, постепенно темнело. В сумерках комната казалась Джеррарду еще более мрачной, чем обычно. Кирпичные, в викторианском духе стены школьного здания, которое агентство приспособило для своих нужд, упорно противились всяким попыткам обновления. Здание, как непреклонная старая дева, меняться не желало. Комната оставалась сырой, темной, промозглой и неуютной — возвышение для кафедры в одном углу, огромная доска на роликах размером чуть не во всю стену — в другом. Доску почти сплошь покрывала паутина формул; на стульях, на столах, на полу — повсюду валялись скомканные блокнотные листки. Десятидневные усилия завели группу в совершеннейший тупик.

Виной тому отчасти был сам состав четверки: Креймер подобрал ее на удивление плохо. Десять дней подряд шотландец Бьюкен — редкое терпение и склонность к самоанализу — словно машина, выкидывающая тарелочки для стрельбы, выдавал идеи, а англичанин Райт только и делал, что с первого выстрела разносил эти идеи вдребезги. Джеррарду осточертели и тот и другой. Они были как числитель и знаменатель, сокращающиеся без остатка, а проблема — ни с места.

Все, что в обычных условиях могло бы стать отправной точкой для творческой мысли, здесь сводилось на нет, а то и превращалось в новый источник напряженности. Оставалось только диву даваться: на что в сущности рассчитывал Креймер, когда нанимал на работу людей, столь разных по темпераменту, мировоззрению и научной подготовке! Пока они преуспели только в одном более или менее значительном начинании — изобрели самораспадающуюся пластмассовую бутылку; шеренга таких бутылок украшала дальнюю стену комнаты, дабы поразить воображение посетителей, если таковые удостоятся чести быть приглашенными сюда, в святая святых фирмы.

Джеррарду представлялось истинным чудом, что они придумали хотя бы эту бутылку. Он перевел взгляд на третьего из своих соратников — Джима Скэнлона.

Скэнлон был моложе других — бодренький, чересчур услужливый и довольно безликий технарь, из тех, кому природа не отмерила склонности к творчеству. «Вот продавец из него был бы неплохой», — подумалось Джеррарду. А пока что Скэнлон получал, по-видимому, удовольствие от того, что сеял рознь между Бьюкеном и Райтом, натравливая их друг на друга. Впрочем, Скэнлону следовало отдать должное — если ему поручали конкретную лабораторную задачу, он выполнял ее точно и добросовестно.

Вошла секретарша Бетти с чаем. Водрузив поднос на стол, она задала свой коронный вопрос:

— Кому пирожных?

Вопрос этот, как уже успел усвоить Джеррард, был чисто риторическим. Райт, казалось, вовсе ничего не ел; он весьма скрупулезно следил за собственным весом и ни при каких обстоятельствах не притронулся бы к клейкому крему, неизбежно венчавшему любое из купленных Бетти пирожных. А гурман Бьюкен никогда не опустил бы до того, чтобы перебить себе аппетит незадолго до обеда.

Пока Бетти разливала чай, мужчины с сумрачным видом молчали.

— Сегодня мы все равно не придумаем ничего путного, давайте закругляться, — сказал наконец Райт и, прищурясь, глянул из-под очков на Бьюкена, будто вызывая его на спор.

Но Бьюкен ответил усталым согласным кивком:

— Вы правы...

Бетти подала Джеррарду его чашку, и он отошел к окну. Внизу на улице мерцали желтые фонари, снова моросил дождь, и Джеррарду с мимолетной тоской подумалось, что в Канаде, в его родном городишке, улицы, наверное, уже выбелены первым снегом. Память вернула его на два года назад, к той минуте, когда ему довелось познакомиться с Арнольдом Креймером, который прилетел в Канаду провести серию исследований, выбрав для этой цели университет, где работал Джеррард.

В течение трех месяцев они сотрудничали бок о бок. Темой своих экспериментов Креймер избрал самопроизвольное разрушение пластмасс, а в результате — в результате в жизни Джеррарда произошел непредвиденный поворот. Он позволил себе углубиться в воспоминания, пытаясь разобраться в собственном душевном состоянии тогда и потом.

До университета он был врачом со скромной практикой на рудниках в северной части провинции Онтарио. Там он встретил Шарон, женился на ней и, заразившись ее неугомонной энергией, в тридцать лет решил попробовать свои силы на новом поприще — в экспериментальной биологии. Однако университетская жизнь на поверку оказалась пустой и нудной, и к тому времени, когда на горизонте появился Креймер, Джеррард начал понимать, что попал на дорогу, ведущую в никуда.

Креймер учился в Гарварде, у лучших ученых Америки. Человек недюжинного ума, он отличался также поразительной активностью и редким даром критического анализа. Поначалу Джеррард принимал его с большим трудом. Ярость творческих сил, бушевавших в этом человеке, попросту пугала канадца, и ему отнюдь не сразу удалось наладить с Креймером нормальные отношения. Но когда отношения наладились, соприкосновение с могучим интеллектом Креймера послужило для Джеррарда огромным стимулом в работе.

Креймер жил в доме Джеррарда, и Шарон присматривала за ними обоими. Это было время великих надежд, и, когда Креймер в конце концов вернулся в Англию, чтобы основать там свое научное агентство, Джеррард бесспорно понял, что никогда не сумеет приспособиться к затхлой атмосфере провинциального университета с его незыблемой табелью о рангах.

Между Джеррардом и Шарон возникли трения, постепенно обострившиеся до взаимных измен и мучительного

по своей пошлости развода. Джеррард остался в университете еще на год, но все более замыкался в себе и все решительнее возмущался системой авторитарной власти, связанной старыми профессорами.

Бунт увенчался успехом, но, как нередко случается с бунтовщиками, и противники, и сторонники отвернулись от него. Именно в эти тяжелые дни раздался телефонный звонок из Лондона, и Креймер предложил ему перейти в агентство. Решение было мгновенным: Джеррард подал в отставку, продал дом, машину, мебель и, сократив свое имущество до двух чемоданов, перелетел океан, чтобы занять предложенное место.

Внешне начинание Креймера выглядело необычным, но многообещающим: группа специалистов, объединив свои способности и знания с организационным гением Креймера, по заказу предугадывает и решает любые проблемы научно-технического характера.

Постепенно группа вышла за рамки чужих проблем и по собственной инициативе сделала несколько крайне прибыльных изобретений.

Одно из таких изобретений разработал химик Райт. Он создал пластик под названием аминостирен — новый износоустойчивый изоляционный материал, нашедший широкое применение в промышленности. Другое изобретение было в сущности попыткой внести вклад в дело борьбы за охрану окружающей среды: пластмассовая бутылка, под воздействием света рассыпающаяся в мелкую пыль. Сама идея представлялась Джеррарду блестящей — именно такие плоды и должны были произрастать в столь замечательной теплице, но прошло какое-то время, и он понял: в деятельности агентства безвозвратно исчезло что-то, совершенно необходимое им всем как ученым. Пожалуй, эта метаморфоза была определенным образом связана с личностью самого Арнольда Креймера.

Креймер внушал всеобщее благоговение. Он был человеком крепкого, почти богатырского сложения и имел привычку никогда не смотреть прямо на собеседника. Его голубые глаза, прикрытые тяжелыми веками, обычно казались устремленными поверх вашей головы. Когда же он, наконец, опускал свой взгляд, эти глаза излучали прямо-таки магнетическую силу. Блестящий собеседник, он знал все или почти все во множестве областей и обладал таким безошибочным чувством слова, что временами это граничило с поэзией.

Однако со времени совместных исследований в Канаде в Креймере произошла перемена. А может, Джеррард тогда не знал его как следует?

Креймер канадского образца был само вдохновение. Вся его эрудиция, весь интеллект были подчинены поиску, точнее, радости поиска (правда, не всякий рискнул бы употребить эти слова применительно и Креймеру). Он с восторгом проводил часы и даже дни в размышлениях, строя различного рода догадки и развивая на их основе необычные теории.

Теперь все это куда-то ушло. Человек, которого Джеррард видел перед собой, был совсем другим Арнольдом Креймером, резко отличным от того, бывшего. Прежде полноводный, искрящийся поток его речи теперь был сжат в эклектичную, отрывистую, а порой и грубую скороговорку бизнесмена. Каждое его замечание, каждое задание, каждая мысль подчинялись теперь одной цели — выгоде. Единственный критерий при любой оценке — можно ли сделать на этом деньги.

Если прежний Креймер подавлял своим интеллектом, то этот новый Креймер просто пугал — его энергия жгла, как луч лазера. Создавалось впечатление, что он с трудом сдерживается, чтобы не напасть на вас. Раньше Джеррард ощущал определенную близость к этому человеку, дружеское влечение к нему; теперь положение босса отделило Креймера от Джеррарда, как и от всех остальных. Став хозяином, Креймер не щадил никого и в первую очередь — самого себя. Он не утратил известного обаяния, но эта привлекательность была привлекательностью одержимого. Теперь он думал только об одном — об успехе, успехе любой ценой.

Смеркалось. Внезапно в комнате вспыхнул свет — вошел Креймер. Осмотрелся.

— Ну как? Надумали что-нибудь?

Все четверо подняли глаза. Креймер самым своим присутствием заставил их выпрямиться, несмотря на усталость. Высокого роста, с крупной головой на могучих, слегка сутулых плечах, в свои сорок пять лет он прекрасно владел искусством моментально становиться центром внимания всюду, где бы ни появился.

— Опять вернулись к тому, с чего начали, — ответил Райт, поближе подходя к хозяину.

— Так я и думал, — сказал Креймер. — Ничего другого я и не ожидал.

Бьюкен вытянул ноги и с обреченным видом заложил руки за голову.

— Так, значит, все, чем мы занимались последние дни, было ни к чему?

— Говорят, на каждую толковую мысль обязательно приходится семь никчемных,— отозвался Креймер.— Эти семь у вас уже были, так что сейчас, с вашего разрешения, я хотел бы провести совещание по существу...

— Сейчас? — простонал Бьюкен.

Креймер кивнул:

— Именно сейчас. Знаю, что вы устали, но часто именно усталость рождает самые перспективные идеи. Давайте рассмотрим заново все предпосылки и подумаем, почему они не сработали. Может, мы ничего и не надумаем, но, вероятно, натолкнемся на идею-другую, над которыми вы потом поразмыслите на досуге, в субботу и воскресенье.— Он окинул взглядом своих измученных подчиненных.— Бетти, принесите нам бутылку виски, настоящего, шотландского.— Кивок в сторону Бьюкена: — Самого настоящего, без обмана. Правда, появилась еще одна забота, требующая нашего внимания...

Он снова осмотрелся и, казалось, только сейчас заметил Джеррарда.

— Люк, вы, наверное, с этим справитесь. Придется немного прогуляться...

Джеррард постарался не слишком явно обнаружить свою радость. Что угодно, лишь бы вырваться из этих гнетущих стен! Он почти не участвовал в спорах последних дней, сознавая себя недостаточно компетентным в тонкостях химии высокомолекулярных соединений.

— Вы знаете, что такое Баррет в Кенсингтоне? — спросил Креймер.

— Большой универмаг?

— Он самый. У них там какие-то неприятности в отделе игрушек...

— Без шуток,— приподнял брови Джеррард.

— Похоже, что неприятности связаны с аминостиреном.

Райт тут же оторвался от бумаг, которые перебирал у себя на столе.

— Быть может, лучше мне?..

Аминостирен Райта принес им первый большой коммерческий успех. Остроумная формула, основанная на сочетаниях молекулярных структур протеина и полистирола,

да к тому же, как выяснилось, дешевизна и несложность в изготовлении. Крупные фирмы незамедлительно развернули массовое производство, получив неплохие барыши. Аминостирен не только явился химической основой следующего их изобретения — самораспадающейся бутылки, но и нашел применение буквально в сотнях изделий — от ракет до игрушек.

— Я предпочел бы видеть вас здесь, — холодно сказал Креймер Райту и обернулся к Джеррарду. — Анна уже там. Я не склонен придавать этому большого значения. Просто нежелательно, чтобы эта история попала в прессу. Там должен быть еще и кто-то из нас... — Он перехватил вопросительный взгляд канадца. — То ли на выставке игрушек, то ли на рождественском базаре расплавилась какая-то аминостиреновая деталь. Парень, который за это отвечает, никак не разберется, в чем дело. Может, виновата жара, а может, какой-то шутник брызнул ацетоном. Мы же не давали гарантий, что аминостирен противостоит любым воздействиям. Словом, посмотрите, в чем там дело, и привезите нам образец для проверки...

Джеррард поднялся и направился к двери.

— Вы на машине? Анна будет очень вам признательна, если вы потом подбросите ее домой...

В дверях Джеррарду встретилась Бетти с подносом в руках — на подносе стояла бутылка и несколько стаканов. Он отступил на шаг, чтобы дать ей пройти. А Бьюкен поднялся с места — в первый раз с самого завтрака — и поспешил принять у Бетти поднос, не в силах отвести глаз от узкого темного горлышка. «Ладно, обойдусь без вашей выпивки, — подумал Джеррард. — Все равно водка лучше». Пройдя по коридору, он вышел из здания под дождь.

По дороге, еле двигаясь в предрождественском потоке машин, Джеррард думал об Анне Креймер.

Он видел ее дважды. В первый раз вместе с мужем у них дома, в тот самый вечер, когда прилетел в Лондон, и вторично — в агентстве, несколько недель спустя. Двух встреч оказалось достаточно, чтобы он понял — Анна привлекает его, как уже многие годы не привлекала ни одна другая женщина.

Джеррард резко нажал на тормоз, машину занесло, но она успела остановиться, едва не задев такси, которое внезапно вынырнуло откуда-то сбоку. Такси как ни в чем не бывало поехало дальше, и Джеррард, теперь уже впол-

не привыкший к чаду и хаосу лондонских улиц, тут же выкинул это происшествие из головы, продолжая думать о своем. Анна волновала его.

Она была красива по самым строгим меркам: высокая шатенка с большими карими глазами и кожей чуть смуглее обычного. Отличала ее и элегантно-непринужденная манера держаться, манера, которую он никак не мог забыть и которая, по его мнению, являлась следствием аристократического британского воспитания. Уголки губ у Анны неизменно складывались в едва заметную улыбку, а глаза смотрели на вас со скрытым вызовом. Нетрудно было догадаться, с каким успехом она брала интервью, хотя из этого вовсе не следовало, что ей удастся добиться признания как научному обозревателю.

Она, бесспорно, умела обходиться с мужчинами. Каждый, с кем ей приходилось соприкасаться, воображал, что она заинтересована именно им. Возможно, это был профессиональный трюк, но если даже и трюк, решил Джеррард, то чертовски действенный.

Вообще-то Джеррард относился к женщинам с изрядной долей цинизма. Развалившийся брак и все, что за ним последовало, а также несколько мимолетных, не принесших радости встреч побудили его остерегаться серьезных увлечений. Но, может статься, после развода он слишком явно искал этих встреч; может статься, смотрел на женщин слишком голодными глазами и в его поведении сквозила излишняя озабоченность. Так или иначе, все его попытки по-настоящему сблизиться с женщиной заканчивались безрезультатно. Быстренько утешить его — на это еще соглашались, но разве к этому он стремился! Природа не обидела его ростом, он был привлекателен, хотя и не красив в традиционном смысле слова, и на лице у него читалась та мужская сила, которая всегда нравится женщинам. Но, похоже, ни одна из них не желала вступать с ним в сколько-нибудь продолжительные отношения...

К своему удивлению, он обнаружил, что добрался до места назначения — небольшой, окаймленной деревцами площадки позади универсама Баррета. И чей-то «бентли», словно по заказу, выезжал с одной из немногих платных стоянок.

Вознамерившись втиснуть свой «ситроен» на освободившееся место, он не заметил нахальной малолитражки, которая кралась следом и сейчас пыталась обойти его, чтобы прошмыгнуть на стоянку. Малолитражку вела длинно-

волосая блондинка с ослепительной улыбкой. Джеррард подумал, что она кочет просто проехать мимо, и сделал знак рукой, что подождет, но она начала заворачивать на стоянку, и он молниеносно дал задний ход. Секундная схватка двух самолюбий — машины двигались друг на друга, на таран, но тут девица нажала на тормоз и испуганно подала свою малолитражку назад. Джеррард занял стоянку, бросил в прорезь счетчика пару монет и отправился через площадку к Баррету.

Универмаг был набит покупателями. Когда-то Джеррард любил эту предрождественскую суету. В студенческие годы он, случалось, вставал за прилавок сам, чтобы подработать за каникулярные дни. Ему доводилось помогать на распродажах в крупных универмагах Торонто и Монреаля, но здесь, у Баррета, обстановка была совершенно иной.

В Канаде крупные магазины, невзирая на крикливые призывы покупать никому не нужные вещи, сверкали весельем, простодушной радостью рождества. А здесь все казались утомленными, были раздражены и никто не получал ни малейшего удовольствия. Это был ритуал, исполняемый истово, как полагается, но без тени радости и надежд. Впрочем, заметил про себя Джеррард, поднимаясь по эскалатору к отделу игрушек, делать покупки и вправду невелика радость.

В отделе игрушек суматоха, если уж применять это слово, была еще большей, а уровень шума он оценил не менее чем в семьдесят децибел. Дети кричали, визжали, били в барабаны, дудели в жестяные трубы; на маленьких проигрывателях хрипели прошлогодние шлягеры, слышалось металлическое поскрипывание музыкальных шкатулок. На высоких нотах были заводные машинки и моторчики — и все это вперемешку с жужжанием часовых механизмов и беспорядочным клацаньем железных лап и копыт сотен зверушек, скачущих как попало по поверхности огромного круглого стола.

В дальнем конце отдела располагалась традиционная рождественская пещера, где стояла длинная очередь к Санта-Клаусу. Возле пещеры была фанерная перегородка, над которой красовалась вывеска «Прогулка по Луне», а рядом Джеррард увидел Анну Креймер.

— Привет, — сказала она и представила канадцу энергичного молодого человека в толстой твидовой куртке. — Мистер Эспайнел — доктор Джеррард...

Они обменялись рукопожатием, Долговязый Эспайнел был еще очень юн, и рука у него оказалась вялой и влажной от пота.

— Ну, что ж, пошли, — предложил Джеррард, и Эспайнел повел их к закрытой сегодня от публики панораме.

Своим аттракционом Баррет ухитрился поразить даже лондонцев. «Обошлось ему это, надо полагать, недешево», — подумал Джеррард. Фирма действительно не поскупилась: точная копия лунного модуля, широкая полоса серебристой лунной пыли и, главное, три фигуры в космических скафандрах в натуральную величину. Одна из фигур, как объяснил Эспайнел, время от времени наклонялась, подбирала с поверхности осколок породы, относила его за пять метров назад к кораблю, загружала в контейнер и возвращалась на прежнее место. Неполадки произошли, по-видимому, именно с этим роботом.

Первоначально он был сконструирован в одном из американских университетов как демонстрационная модель для какой-то кибернетической конференции. Потом его в частично разобранном виде приобрела компания, которую представлял Эспайнел, и тот с несколькими помощниками воссоздал все заново, используя, в частности, зубчатые передачи из аминостирена. Неделю назад робота установили в магазине, и Анна Креймер сочинила заметку, прославляющую панораму, а равно аминостирен и другие новейшие сорта пластмасс.

Торжественное открытие панорамы прошло с успехом, и первые два-три дня, несмотря на внушительную входную плату, она привлекала толпы и взрослых и детей. Но потом начались поломки, и вот уже пять дней панорама была закрыта. Причина поломок крылась, очевидно, в пороках самой пластмассы.

Эспайнел подвел их к низенькому верстаку, установленному позади лунного модуля; здесь были разложены шестеренки, крепежные пластины и другие детали робота. Отчего-то размягчившись, они потеряли форму и странно перекошились.

— Какая там температура?

Джеррард кивком показал на пылающие дуговые лампы — их отражение на серебристой пыли имитировало солнечный свет.

— Примерно двадцать четыре по Цельсию, — ответил Эспайнел. — Никак не хватит, чтобы все это расплавить. Впрочем, вы в таких делах специалист, вам виднее...

Джеррард отнюдь не чувствовал себя специалистом, однако кивнул снова. Анна подошла поближе к верстаку, взяла одну из деталей и внимательно осмотрела.

— Может, все-таки какой-нибудь растворитель? — предположила она.

— Это, конечно, было бы объяснением, — ответил Эспайнел, — но, насколько я могу судить, тут и близко ничем таким не пахло.

— Но вы же не сидели здесь неотлучно? — вмешался Джеррард. — Может быть, уборщица?..

Это нерешительное предположение смутило прежде всего его самого.

— Совершенно исключено, — заявил Эспайнел. — Мы чистим здесь все сами, и только спиртом. Остальным даны строгие инструкции сюда не лазить. А это тем не менее случается снова и снова. Я уже три раза менял шестеренки, и каждый раз одна и та же история. Сюда, пожалуйста...

Он повел их к центру панорамы. Они прикрыли глаза ладонями, защищаясь от блеска дуговых ламп.

— Сегодня, — продолжал он, — я пустил в ход последний запасной набор шестеренок, покрыв их защитным лаком. Так что если ацетон или любой другой растворитель каким-то образом попал внутрь робота, он не сразу доберется до самой пластмассы. Я поставил термометр, — вот, — чтобы мы могли следить за температурой. Посмотрим, что будет. Пожалуйста, отойдите немного...

Он залез на подмостки — передний план панорамы — и направился к тонкой фанерной перегородке, отделяющей панораму от прилавков отдела. Пыль скрипела у него под ногами. Анна задержалась на середине, лицом к лицу с роботом.

— Идите сюда, не то окажетесь у него на дороге, — поманил ее Эспайнел. Осмотревшись, он поднял портативный передатчик вроде тех, какие прилагаются к радиоуправляемым катерам и автомобильчикам. — Начали!..

Он включил передатчик и повернул ручку. Они не сводили с робота глаз. Зашумел сервопривод, голова медленно приподнялась, руки согнулись, одна нога сдвинулась назад, и робот накренился набок. Потом его движения обрели целеустремленность, и он пошел.

— Работает! — воскликнул Эспайнел.

— Быть может, вы отыскиали решение, — заметила Анна.

Робот тяжелым шагом водолаза приближался к кораблю. Руки его были вытянуты вперед — поддерживали воображаемую находку.

— Сейчас он положит образец в контейнер, — сказал Эспайнел.

— И что дальше? — осведомился Джеррард.

— Повернется и направится за новым образцом.

— Захватывающее зрелище! — Джеррард старался быть не слишком саркастичным.

— По мнению ребяташек, да, — отозвался Эспайнел не без обиды в голосе. — Прошу меня извинить...

Он отошел к лунному модулю. Робот как раз добрался до входного люка и, грузно наклонившись, укладывал воображаемый образец в контейнер. Эспайнел проскользнул мимо и скрылся в недрах корабля. Робот не спеша повернулся и нетвердой походкой двинулся обратно.

Анна, полуослепленная блеском ламп, обратилась к Джеррарду:

— Я набрала пыли в туфлю. Не поможете ли?..

Джеррард подхватил ее руку, и она, нагнувшись, принялась стаскивать туфельку. Сейчас он был ближе к ней, чем когда бы то ни было, и ощущал тонкий аромат ее духов. Роскошь ее темных, ниспадающих на плечи волос заставила сжаться что-то внутри; как медик, он отдавал себе отчет в учащенном сердцебиении — такого он не помнил годами. Крепко держась за него, она склонилась еще ниже и вытрясла пыль. Ее стройные ноги в телесного цвета колготках отчетливо вырисовывались на фоне белого лунного грунта.

Чья-то длинная тень упала между ними. Он оглянулся. Прямо над ее головой нависла огромная фигура робота с ручищами, поднятыми почти вертикально, словно изготовленными к удару карате.

— Осторожно! — крикнул Джеррард.

Стремительно схватив Анну за талию, он рванул ее к себе; в тот же момент руки робота обрушились вниз. Одна из них все же задела Анну, опрокинув их обоих. А робот продолжал шагать прямо к фанерной перегородке. Руки его вновь поднялись, готовые принять новые образцы пород. Чем ближе к перегородке, тем быстрее двигались его негнувшиеся ноги. На какой-то миг он, казалось, задумался и вдруг всей своей массой ударил в фанерную стену.

Перегородка рухнула; Джеррард увидел изумленные лица детей и родителей, ожидавших своей очереди на прием к Санта-Клаусу. Еще мгновение — и робот очутился в зале.

Люди с криком бросились врассыпную: очередь тут же рассеялась. Какая-то женщина с девочкой на руках споткнулась и упала. Быстро вскочив, Джеррард подбежал к оставленному Эспайнелом передатчику. Робот неумолимо надвигался на потерявшую сознание женщину и ребенка, который оцепенел от ужаса.

Джеррард повернул выключатель. Робот издал короткое гудение, и уже приподнявшаяся нога, лязгнув, остановилась. Однако равновесие робот сохранял только на ходу; теперь он медленно осел набок и с грохотом опрокинулся.

Джеррард подошел к Анне.

— Вы не ранены? — появился откуда-то Эспайнел.

— С нами все в порядке. Займитесь своим уродом, — Джеррард показал на робота и обратился к Анне. — Идемте. Вам надо ехать домой.

— Нет, нет, — возразила она, — со мной все в порядке...

— А плечо? — Он коснулся разорванного рукава пальто. Анна поморщилась.

— Оставьте, это просто ушиб. Должна же я узнать, что случилось с этим чучелом...

Она подошла к Эспайнелу, который, нагнувшись над распростертой фигурой, открывал крышку у нее на спине.

— Мы еще вернемся, — не отступал Джеррард. — Полагаю, капля спиртного вам не повредит...

— Нет, нет, — повторила Анна твердо и вдруг слегка покачнувшись. Джеррард поддержал ее. Она подняла руку ко лбу. — Быть может, вы и правы...

Они не без труда пробрались сквозь толпу.

— Ну как, помогает? — спросил Джеррард некоторое время спустя. Они сидели с большими рюмками виски в шумной и безвкусно обставленной кенсингтонской пивной неподалеку от универсама.

— Еще бы! — ответила Анна и осторожно потрогала плечо. — Только вот побаливает сильнее, чем раньше...

— Где вы живете?

— Рядом, буквально за углом. — Она подняла на него глаза. — Да вы же у нас были!

— Совсем забывал. Ладно, отвезу вас домой.

— Право же, мне совсем не так плохо.

— Судить об этом буду я, договорились? — улыбнулся Джеррард. — Ведь я врач, — добавил он притворно напыщенным тоном.

— Ах, доктор, прошу меня извинить. Тогда пойдем? Она поднялась, и они направились к выходу.

— Машина на стоянке через дорогу, — сказал Джеррард.

Миновав вереницу узких улочек, они затормозили у большого ультрасовременного жилого дома на Кромвелл-роуд.

— Все эти новые кварталы для меня на одно лицо, — заметил Джеррард.

— Благодарю покорно...

Ее квартира выглядела теперь иной, чем прежде. Когда Джеррард был здесь в первый раз, еще не опомнившись после перелета, обстановка показалась ему располагающей и уютной. Теперь впечатление изменилось. «Должно быть, все зависит от настроения», — подумал Джеррард. Тогда ему хотелось ощутить в этом доме тепло. А теперь и кожаная кушетка, и мозаичный кофейный столик у камина будто выросли в размерах, став какими-то громоздкими и претенциозными. И кладка самого камина выпирала в стороны куда больше чем нужно. Все было слишком богатым, сделанным напоказ и лишенным изысканности.

— Разрешите, я вас осмотрю.

Она принялась расстегивать пуговицы жакета.

Плечи у Анны были уже и тоньше, чем казались под одеждой. На левом плече багровел солидный синяк, но кожа осталась неповрежденной. Он осторожно ощупал ее плечо и руку.

— Так не больно?

Он поднял ей руку вверх до уровня плеча.

— Нет, — ответила она, — не больно.

Он поднял руку еще выше.

— А так?

Она задрогнула.

— Больно. Вы думаете, трещина?

— Нет, не думаю, хоть и не могу утверждать с полной уверенностью. Советую сделать снимок, просто ради собственного спокойствия. — Он встал. — Ладно, с профессиональными обязанностями покончено. Можете одеваться.

Анна, не скрывая улыбки, набросила жакет на плечи. К своему смущению, он заметил, что она вовсе не носит

лифчика. Заметил он и красную метку на шее. Она перехватила его взгляд и поспешно застегнула жакет.

— А это откуда? — спросил он.

Анна смутилась. Завязав шейный платок, она даже заправила его под воротник.

— Старые раны...

— Ну, не такие уж старые, — не согласился Джеррард. Внезапно до него дошло, что это может значить, и он обругал себя за наивность. След поцелуя, и довольно свежий. «Дисквалифицировался ты во всех отношениях», — сказал он себе и порывисто поднялся с дивана.

— Поеду-ка я обратно к Баррету и узнаю, что там обнаружил Эспайнел. Надо забрать эти шестеренки в лабораторию. Я в них не разбираюсь, ведь я же не химик...

— А может быть, вы задержитесь еще чуть-чуть, выпьете рюмочку? — Она взглянула на него в упор. — Право же, я очень вам признательна... доктор.

— Нельзя же оставлять бедного парня в неведении о том, что с вами приключилось. Он, верно, решил уже, что вы в больнице. Я лучше поеду.

— Я тоже хочу узнать, что там такое. Сообщите мне, не считите за труд, как только сами узнаете.

— Разумеется, сообщу, но разве... Вы же узнаете и без меня...

— Вы имеете в виду — от мужа? — уточнила Анна. — Он слишком занят... Пожалуйста, не забудьте позвонить мне.

— Ну, что ж, пожалуй, тут действительно есть о чем написать.

— «Взбесившийся робот в переполненном торговом зале», — усмехнулась Анна. — Это не мое амплуа. Нет, я хочу знать подробности из-за того, к чему мы причастны, — из-за аминостирена...

Джеррард замялся на пороге.

— Я позвоню. Всего доброго...

По пути к лифту он старался понять, откуда берется в ней такая сила, что он заикается и чувствует себя дураком. Ему стало досадно, а тут еще и лифт никак не приходил, и он сбежал по лестнице бегом, вымещая эту досаду на себе.

Когда он вновь добрался до отдела игрушек, универмаг уже закрывался, последних покупателей вежливо, а иногда и не очень вежливо выпроваживали вон. Продавцы, подсчитывая выручку, толпились у касс. Эспайнела он

нашел в помещении панорамы; неподалеку на козлах распростерлась фигура робота.

— Вещественное доказательство номер один, — объявил Эспайнел, указывая на извлеченные из поверженного робота детали.

Джеррард с интересом взглянул на них. Пластмасса, несомненно, размягчилась по краям, а в одном месте ее поверхность казалась липкой.

— Это лучше отправить в лабораторию.

Джеррард достал из портфеля коробочку и пинцетом собрал в нее шестеренки. Положив коробочку обратно в портфель, он поинтересовался:

— Что же вы теперь намерены делать?

— Придется, наверное, опять перейти на металлические шестерни. Чертовское невезение! Их надо вытачивать на заказ, а это займет уйму времени...

— Видели вы когда-нибудь раньше подобное размягчение?

— Как вам сказать, — ответил Эспайнел, — я ведь здесь не работаю, но я спрашивал у местных ремонтников. Они такого не встречали.

Джеррард кивнул и взял свой портфель, собираясь уйти. Эспайнел тронул его за локоть.

— Передайте, пожалуйста, мои извинения Анне. То есть миссис Креймер...

— Хорошо, передам. Вы давно с ней знакомы?

Джеррард опять почувствовал смутное раздражение. Что за беда с такими женщинами: их обаяние никого не минует, как грипп в январе.

— Она была на открытии нашей панорамы. Я читал, что она написала. Для женщины это, знаете ли, совсем неплохо...

— Да, мне говорили, — ответил Джеррард. — Мы с вами еще свяжемся...

Он шел по опустевшим отделам, преследуемый гудением пылесосов — начиналась уборка. На прилавки были уже брошены чехлы, и универмаг походил на гигантскую обшарпанную пепельницу.

3

Лайонел Слейтер проснулся как от толчка и тут же натянул поверх головы одеяло, чтобы спрятаться от холодного воздуха спальни. Он хотел еще минутку

понежиться в постели, но им уже овладело смутное беспокойство: предстоящий день сулил что-то неприятное; что-то скверное, словно продолжение какого-то дурного сна... Внезапно он вспомнил.

Следственная комиссия. Кровь прилила к вискам.

Такая гигантская работа! И идея была верна, несомненно верна. И каждая мелочь при проектировании и сборке системы была проверена и перепроверена — такого чудовищного срыва произойти просто не могло. Все основные узлы дублировали, сигналы шли параллельно по независимым каналам, перед пуском были проведены все мыслимые испытания.

Страхнув с себя уныние, он попытался предугадать, как поведут себя члены комиссии.

Эвертон. Ну, от этого помощи не дождешься: они прямо-таки ненавидят друг друга и в науке неизменно выступают антагонистами. Первокласный ум — в этом сомневаться не приходится, — но начисто лишен оригинальности. Честолюбивый, жестокий, не ведающий сострадания, Эвертон всегда умудрялся делать то, что надо, и тогда, когда надо, и удачливо избегал опасностей и ошибок. К общему неудовольствию, со временем он, надо думать, займет в министерстве один из самых высоких постов. Негодяй! Минуту-другую Слейтер тешил себя, выискивая неслестные эпитеты в адрес Эвертона.

Кто там еще? Профессор Старр — с ним Слейтер виделся лишь однажды, после лекции в Королевском обществе. Вспоминался внушительного вида старик с ежиком непослушных седых волос на голове, спокойный, обходительный, но весьма настойчивый и, видимо, честный. Этот по крайней мере выслушает.

Холланд, директор исследовательского центра. Тут предсказать что-либо довольно трудно. Озабоченный человек с лицом язвенника. Правда, в конце концов Холланд оказал проекту полную поддержку, так что, вероятно, до поры до времени будет его защищать, но, почувствовав, что дела плохи, станет искать козла отпущения. Если вдруг обнаружится какая-нибудь ошибка при проектировании, тогда ему, Слейтеру, крышка — и Эвертон с удовольствием вобьет в эту крышку последний гвоздь.

Хинтон, специалист по вычислительной технике. С этим Слейтер тоже встречался не впервые. Добросовестный делец, заинтересованный только в том, чтобы защитить продукцию своей компании — компьютеры ДПФ-6.

Подняться над ведомственными барьерами неспособен, будет отстаивать честь мундира любой ценой. Тут Слейтера пронзило чувство страха: а сохранил ли он все спецификации? Любой намек на ошибку электроники или на конструктивный дефект заставит Хинтона вытащить на свет божий характеристики всех печатных схем до единой. Ничего не попишешь, профессионал...

Слейтер выбрался из постели, покачулся — и только тут вспомнил о таблетках. Врач предупреждал — не больше двух; он принял три, и это дало ему несколько часов забвения, зато теперь обернулось головокружением и тошнотой. Мелькнула мысль, что сегодня ему нипочем не дожить до вечера.

Он подошел к окну, поскреб ногтем иней и глянул на улицу; хмурое декабрьское утро только усугубило его уныние. Каким может быть заключение комиссии? Только таким: очень сожалеем, Слейтер, поверьте, мы самого высокого мнения о ваших способностях, но ошибка обошлась слишком дорого, и как должностные лица мы обязаны сказать «нет». Это значит снова листать журналы в поисках вакансии, снова примкнуть к армии безработных с учеными степенями и закончить свои дни в какой-нибудь курстарной прачечной, как Мэтьюз.

Когда он добрался автобусом до Уайтхолла, начался снегопад; крупные мокрые хлопья, падая на землю, тут же превращались в бурую грязь. Достигнув цели своего путешествия — главного подъезда министерства внутренних дел, Слейтер почувствовал, что в ботинке хлопает вода. Подметка прохудилась насквозь.

Действие таблеток кончилось, и он вновь поддался панике. Занавес упал. Ему не придется больше бывать в профессиональной среде: «Глядите, вон идет старина Слейтер. Помните, какую кашу он заварил у транспортников? Вот к чему приводят фантастические прожекты». Ни приглашений читать лекции, ничего. Самая малая неудача, и эти ученые сукины дети с удовольствием примутся пинать тебя ногами...

Сводчатые коридоры, пропахшие отсыревшей бумагой и кислым табаком, пробудили в нем почти непреодолимое желание бежать, бежать без оглядки. Вернуться домой, притвориться больным — что угодно, лишь бы избежать унижительной процедуры. К горлу опять подступила тошнота.

От тревожных мыслей его отвлек голос Холланда:

— Доброе утро, Лайонел. — Унылый вид Слейтера заставил директора добавить: — Ну веселее, не так все плохо, как вам кажется...

— Куда уж лучше, — пробормотал Слейтер. — Осталось только подписать заключение — и мне конец...

— Лайонел, — сказал директор твердо, — я возглавляю комиссию и намерен вести расследование на основе фактических данных, а не личных мнений. Наша задача — выяснить, что случилось, а не кто виноват.

— Но рано или поздно вы доберетесь и до меня, не так ли?

— Не обязательно. Все зависит от того, что именно мы выясним.

— Хинтон будет защищать свой компьютер до посинения. Старр отсидится в сторонке, а Эвертон без промедления пустит мне кровь. Какой же, в самом деле, смысл...

Холланд выпрямился, в голосе его зазвучали официальные нотки.

— Учтите, Слейтер, — обращение по фамилии резануло слух, — я председатель комиссии, и мне вовсе не нравится, что наша деятельность представляется вам фарсом. Мы не собираемся никого обвинять до тех пор, пока не сумеем доказать вину, уж в этом вы можете быть уверены... — Вид у Слейтера был настолько убитый, что он смягчился: — Я знаю Эвертона семь лет и — строго между нами — полагаю, что он дерьмо. Разумеется, Хинтон будет защищать свою машину. Но и я в своем деле тоже не новичок... — Он взглянул на часы и взял Слейтера под руку. — Пожалуй, нам пора.

В комнате, выделенной для заседаний комиссии, стоял длинный полированный стол красного дерева, благоухающий воском. Из-под высокого потолка на вошедших неодобрительно взирали портреты давно почивших в бозе слуг общества. Холланд обратился к повестке дня:

— Мне представляется, что сегодня мы вряд ли сумеем выработать окончательное решение. Предлагаю для начала сравнить заключения каждого члена комиссии, с которыми вы все успели предварительно ознакомиться, не так ли?

Он обвел собравшихся взглядом, и каждый кивком выразил свое согласие.

— Если позволите, я резюмирую эти точки зрения, — продолжал директор. — Доктор Слейтер заявляет с пол-

ной определенностью, что отказало вычислительное устройство и что катастрофа произошла по этой причине. Вы, мистер Хинтон, придерживаетесь противоположной точки зрения, а именно — что отказ одного узла не мог привести к столь серьезным последствиям и что, по вашему мнению, — он посмотрел в текст и процитировал, — «при разработке системы в целом не было... мм... предусмотрено достаточных гарантий безопасности».

Хинтон сверил текст по своему экземпляру и вновь кивнул.

— Ваша, мистер Эзертон, точка зрения, насколько я могу судить, аналогична точке зрения мистера Хинтона...

— Ничего подобного, — вмешался Эзертон. — По-видимому, я выразился не вполне ясно, но я придерживаюсь того мнения, что сама идея проекта не подверглась необходимой проверке, даже в исходных данных проект был чрезвычайно, непозволительно рискованным...

Эзертон говорил темпераментно, со страстью, за толстыми стеклами очков угадывалась недвусмысленная враждебность. И хотя лицо его оставалось спокойным, внимательный наблюдатель не мог не почувствовать, что стереть молодого ученого в порошок доставило бы Эзертону буквально чувственное наслаждение.

Холланд ответил мягко, без нажима:

— Совершенно верно, в вашем заключении, мистер Эзертон, именно так и сказано. Ну, а вы, профессор Старр, насколько я понимаю, пришли к выводу, что отказ одного узла повлек за собой, так сказать, цепную реакцию, связанную с неустойчивостью, присущей системе дотора Слейтера в целом. Правильно я формулирую?

Старр заговорил отрывисто, тщательно взвешивая слова. Глаза его при этом приняли сосредоточенное, созерцательное выражение.

— Да, в определенной степени так. Но в деле еще слишком много неизвестных. Я довольно подробно беседовал с доктором Слейтером, и, насколько могу судить, на данном этапе он принял достаточные меры предосторожности против локальных повреждений. Во многих звеньях системы отказ любого элемента вызвал бы автоматическое переключение на дублирующую цепь...

— Но в данном случае этого не произошло, — вновь вмешался Эзертон. — Отказала одна логическая ячейка, а в результате полнейший хаос и, смею добавить, семь смертей.

— Что вы скажете на это, доктор Слейтер? — осведомился Холланд.

— Мистер Эзертон прав. Дублирование этой ячейки предусмотрено не было.

Эзертон не замедлил воспользоваться благоприятной возможностью:

— Интересно, почему же?

— Потому, что нас в письменной форме заверили, что вероятность отказа данного компонента бесконечно мала; мы попросту не могли дублировать все цепи до единой — это было бы невысказанно дорого.

— Мистер Хинтон, далеко ли продвинулась экспертиза?

— Компьютер доставлен на испытательный стенд. К настоящему времени установлена неисправность одного логического звена.

— Стало быть, неисправность обнаружена в самом компьютере?

— Да, одна из цепей оказалась замкнутой, однако...

— Но вы уверяли, — прервал его Слейтер, — что этого произойти не может!

— Нет, это вы уверяли, что отказы отдельных блоков для вас несущественны, даже если они произойдут.

— Неправда! Я говорил лишь, что эта цепь резервируется, но только на непродолжительное время...

Вспыхнув от ярости, Хинтон выдернул из своей папки письмо:

— Вот! Вы сами пишете здесь — письмо от десятого августа, — что соглашаетесь на предложенные нами характеристики вычислительного устройства и что — я цитирую —

«внесете соответствующие изменения в систему контроля»!

— Разве вы не помните, — взорвался Слейтер, — что мы обсуждали этот вопрос значительно позже и что именно вы уговаривали меня согласиться на компромисс? Вам хотелось тогда одного, чтобы...

— Господа, — строго произнес Холланд, — так мы с вами никогда не сдвинемся с места... — Слейтер и Хинтон пожирали друг друга глазами. — Предлагаю придерживаться точно установленных фактов. Продолжайте, профессор Старр.

— Мы моделируем самообучающуюся систему доктора Слейтера на нашем собственном компьютере. В программу

намеренно вводятся разного рода ошибки с целью выяснить, какое воздействие это окажет на систему в целом. Через несколько дней я смогу представить вам более исчерпывающие сведения.

— Не понимаю,— проворчал Эзертон,— зачем это нужно, если вся идея зиждется на абстрактном теоретизировании.

Старр ответил спокойно, глядя куда-то вдаль; казалось, он обращается к самому себе:

— Полагаю, следует все же придерживаться цифр и фактов.

Эзертон покраснел и отвел глаза. Холланд обратился к Хинтону:

— Вы говорили, что одна из цепей оказалась замкнутой. Быть может, вы поясните?..

— Мы уже демонтировали часть цепей. Дефект обнаружился только в одной из них. По неизвестным пока причинам на ограниченном участке полностью разрушена изоляция...

Тем временем неподалеку, у себя в офисе, инспектор Том Майерс редактировал черновик доклада о несчастье в Айлуорте. Фразу

*«Первопричина катастрофы —
потеря эталонного напряжения»*

он заменил более развернутой:

*«Первопричина катастрофы —
потеря эталонного напряжения
вследствие разрушения изоляции
в контрольном блоке топливного насоса».*

Ближе к вечеру в баре «Красный лев» возле Уайтхолла собралась, как всегда, шумная орава чиновников, похожих друг на друга, словно капли воды. Они толкались у стойки, торопясь проглотить свои две порции виски перед броском на вокзал Ватерлоо и долгой поездкой домой к нудным женам — хозяйкам дорогих и унылых коттеджей и интервьюеров, дурно скопированных с очередного номера журнала «Обсервер».

Холланд сидел в одиночестве, тупо глядя в кружку с пивом и прикидывая, как убить предстоящий вечер. Да-

вала себя знать язва. Подумалось, что свору экспертов, каждый из которых не хочет знать ничего, кроме собственных соображений, никакими средствами в узде не удержишь. День выдался на редкость утомительный — а все из-за этого извращенца Эзертон, только и мечтающего, как бы прижать к ногтю беднягу Слейтера.

— Напиваться в одиночку — вернейший способ ускорить собственную кончину...

Он поднял глаза и встретил дружелюбный и насмешливый взгляд Тома Майерса.

— Том! Рад тебя видеть, присаживайся, что будешь пить?

— Спасибо, я уже пропустил одну, а ты как?

— Мне хватит.

— Куда подевался твой неизменный оптимизм?

— Во всем виновата эта треклятая светофорная история.

— Ах да, я и забыл, ты же возглавляешь следственную комиссию!

— Угу.

— Так в чем же загвоздка?

— В экспертах.

Майерс сочувственно хмыкнул.

— На них надеешься, — продолжал Холланд, — что они проанализируют факты, а они ускользают, как тараканы. Ждешь от них каких-то разумных выводов, а они вяляют, выжидают да время от времени каркают на своем фантастическом жаргоне — звучит ах как солидно, но на деле каждый печется только о себе...

— Знакомая картина, — засмеялся Майерс. — Для начала они заявляют: «С одной стороны...» Можешь не сомневаться — ровно через две минуты последует: «С другой стороны», а в конце концов: «Кто его знает...»

— Точно.

— А о чем спор? Кто он, злодей?

— Ты более или менее в курсе дела?

— Какое там, видел по телевидению, и только.

— Понимаешь, создатель системы считает, что подвел компьютер, специалист по компьютерам считает, что подвела система, а ученый-теоретик старается раздать всем сестрам по серьгам...

— А ты сам что думаешь?

— Отказал компьютер, это факт, по крайней мере отказал один из его узлов.

— Почему?

— Короткое замыкание в логической ячейке. Если верить технической характеристике, то эта ячейка вообще не могла отказать, а вот отказала. Разрушение изоляции. Странная история...

Майерс медленно опустил свою кружку на стол. На секунду задумался, потом повторил:

— Разрушение изоляции. Действительно странно, очень странно...

— Ты о чем?

— О разрушении изоляции. Тебе известно, что я сейчас расследую катастрофу в Айлуорте?

— Слышал.

— Мы еще не пришли к окончательным выводам — знаем, что загорелся двигатель, возможно, сорвалась лопатка турбинного вала, — но дело не в том. Контрольный блок, регулировавший питание одного из двигателей...

— При чем тут контрольный блок?

— А при том — блок взяли на завод для экспертизы и обнаружили, что его металлический корпус подвергся температурному воздействию порядка ста пятидесяти по Цельсию, — Майерс замолчал, видно было, что он напряженно о чем-то думает, — а на проводах внутри не осталось никаких следов изоляции!

— Сгорела?

— Да нет, для этого температура была недостаточно высока. Изоляция-то аминостиреновая, он теплоустойчивее тефлона. Чтобы аминостирен испарился, нужна температура не ниже трехсот...

Холланд нахмурился.

— Разница существенная. Давай при случае потолкуем об этом поподробнее.

Майерс поднял кружку с пивом.

— С удовольствием. Будь здоров!..

4

«Ну и педант», — подумал Джеррард. Райт напоминал ему английских офицеров, какими их изображают в голливудских фильмах, — то же чопорное беспокойство по пустякам. Превосходный исполнитель, но не больше. Джеррард положительно не переваривал его.

— В высшей степени возможно, — разглагольствовал Райт, — что это произошло от воздействия какого-либо растворителя. Повышение температуры не могло вызвать столь сильной деформации. Жара скорее привела бы к обугливанию по краям. Есть у нас полная уверенность, что никто не проливал никаких летучих жидкостей — ацетона или еще чего-нибудь — в непосредственной близости к роботу?

— Могу сослаться лишь на ручательство Эспайне-ла, — ответил Джеррард. — Человек он вполне толковый. Никому, кроме него, приближаться к роботу не разрешалось.

Райт улыбнулся слабой недоверчивой улыбкой.

— Может быть, и так, но это еще надо доказать...

Он собрал шестеренки, положил их снова в коробочку, сунул ее в металлический контейнер и, вытащив листок бумаги, принялся писать.

— Что вы будете с ними делать? — спросил Джеррард.

— Произведу исследование. Но не сейчас — сначала надо покончить с заданием. Потом проверим жесткость, проницаемость, ну и тому подобное...

Утреннее солнце щедро светило сквозь высокие стрельчатые окна превращенного в лабораторию класса — окна, по мнению Джеррарда, были единственной выгодой, какую приносил им этот бредовый викторианский стиль. Цветные витражи в верхней части окон отбрасывали на стол Райта яркие красные, синие и желтые пятна.

— А если выяснится, что никакой случайности тут нет? — поинтересовался Джеррард.

— То есть как это? — не понял Райт.

— Я не химик, но не может ли быть, что какое-то непредвиденное свойство пластмассы делает ее подверженной воздействию извне? Какое-то изменение молекулярной структуры — и она становится чувствительной к азоту или кислороду воздуха?

Райт глянул на него поверх очков.

— Компания «Политад» относится к своему делу с исключительной скрупулезностью. Да будет вам известно, что они работают по нашей лицензии, и я утверждаю с полной уверенностью, что каждая партия пластмассы проходит комплексный контроль. А кроме того, мы проси-

ли другую фирму провести контроль независимо от них. Полученные данные неоспоримы, да и какой же смысл этой фирме лгать — за ложь им не платят...

— Я никого ни в чем не обвиняю,— отозвался Джеррард.

— Надеюсь, мой ответ рассеял ваши опасения, доктор Джеррард,— заявил Райт. Взяв коробочку с образцами, он сунул ее поглубже в холодильник. Посмотрев на Джеррарда еще раз, Райт громко хлопнул дверцей и добавил: — Закончим позже.

— Я полагал, что бюрократизм и волокита в этой стране свойственны только правительственным учреждениям,— заметил Джеррард в ответ.

— Никким образом, дорогой коллега,— возразил Райт.— Вы встретитесь с ними повсюду, но есть и другие понятия, которые вам, несомненно, знакомы: последовательность и очередность...

И он с улыбкой вышел из лаборатории.

Джеррард медленно вернулся на свое место и сел. Может, есть смысл пойти к Креймеру? Он был уверен, что в размягчении пластмассы повинен какой-то иной, еще не известный фактор. Что будет, если, к примеру, расплавится пластмассовая изоляция?.. Стоп, стоп — изоляция! Слово задело в памяти какую-то струну. Он совсем недавно читал что-то о расплавившейся изоляции... Вот только в какой связи? Он поразмыслил и вдруг щелкнул пальцами.

— Нашел! — произнес он вслух.— Самолет, разбившийся в Айлуорте. В сообщении говорилось, что виною тому разрушившаяся изоляция. Не связаны ли эти происшествия между собой? Изоляция... пластмасса... ну, конечно! Черт возьми, в какой же это было газете?

Он поднялся на ноги и схватил телефонную трубку.

— Бетти, вы не могли бы принести мне газеты за последние десять дней?

— Все?..

В ее голосе слышалось сомнение. Он отметил про себя, что снискать расположение секретарши — задача куда более тяжкая, чем завоевать доверие любого делового компаньона.

— Вот именно, все до последней, и побыстрее!

Он положил трубку и снова сел,— а мысли бежали, обгоняя друг друга...

Взгляд его упал на витрину, занимавшую почти всю стену. Здесь были собраны образцы изделий из аминостирена: телефонные кабели, газовые трубы, электрические провода. Предположим, в пластмассе действительно скрыт какой-то дефект и при определенных условиях она начнет разрушаться. Система связи тут же обратится в немыслимый хаос. Он опять поднялся, не в силах избавиться от подозрений, однако взял себя в руки. Слишком мало времени еще он здесь работает! Разумеется, ему пока не доверили ничего важного, отчасти этим и вызвана его неприязнь к Райту. Ему поневоле кажется, что его не используют, не признают, не ценят. Не делает ли он сейчас все это из чувства соперничества, не пытается ли исподволь внушить коллегам, что он, Джеррард, как ученый глубже и полезнее Райта?

И что сказал бы Креймер, если бы Джеррард и вправду установил, что аминостирен — краеугольный камень в прибылях фирмы — далек от совершенства и его производство необходимо прекратить? Вряд ли это повысило бы престиж самого Джеррарда.

Финансовое благополучие фирмы почти целиком зависело от одного особенно впечатляющего достижения — от самораспадающейся дегроновой бутылки.

Райт вскоре после своего появления здесь провел с сотрудниками семинар на свою излюбленную тему — пластмассы, сочетающие в себе несовместимые доселе свойства: высокую прочность на разрыв, значительную упругость, необыкновенную дешевизну. Отталкиваясь от своего первоначального изобретения, аминостирена, Райт создал ряд других полимеров — соединений, отличающихся тесными перекрестными связями молекулярных цепей и все точнее и точнее отвечающих заданной программе.

Одно из соединений оказалось, пожалуй, почти совершенным, если не считать весьма существенного и прикормного недостатка. Под действием кислорода и видимого света оно стремительно распадалось и за несколько часов превращалось в серенький волокнистый порошок. Райт посветовал, что пока не видит способа обойти это затруднение.

Но едва Райт закончил, не на шутку взволнованный Бьюкен с торжествующим воплем бросился к доске и в мгновение ока трансформировал изъяны, присущие соединению, в достоинства, как он выразился тогда, «саморазрушающихся емкостей». Он показал, что пластмассу

совсем несложно предохранить как от света, так и от кислорода (при этом она сохранит все свои свойства), зато достаточно снять защиту — и она дезинтегрирует по вашей воле.

Креймер пришел в чрезвычайное возбуждение, на какой-то миг в нем проснулся прежний Креймер с его удивительной способностью генерировать творческую энергию. Он уточнил недостающие детали: пластмассовые сосуды можно производить методом шприцевания в машинах, где пластмасса защищена от воздействия света и воздуха, таким же образом на них можно наносить сверху слой другой пластмассы, непрозрачной и непроницаемой для газов. В этот внешний непрозрачный слой достаточно впаять отрывную полосу — потянете за нее, и сосуд откроется. Эта же полоска откроет доступ свету и воздуху и вызовет дезинтеграцию.

Остроумная идея почти всегда вызывает отрицательную реакцию со стороны тех, кто не дошел до нее собственным умом, и саморазрушающиеся сосуды не составили исключения. Но, отвергнув все и всякие нападки, группа лихорадочно взялась за работу.

В лаборатории была установлена приобретенная по случаю нужная машина для литья, тут же на прессе штамповались формы, а Райт принялся за синтез смеси для небольшой опытной партии сосудов. Воздух сразу прогрелся и пропитался тяжелыми запахами «сырья», необходимого для «выпечки» пластмассы.

Тем временем Креймер оформил предварительный патент и заручился поддержкой Национальной научно-исследовательской корпорации.

Однако пришлось одолеть еще немало трудностей, прежде чем идея начала приносить плоды. Главное — молекулярную структуру пластмассы следовало продумать таким образом, чтобы процесс саморазрушения охватывал не только ограниченный участок под отрывной полоской, но и весь сосуд целиком.

Покрытие само по себе тоже представляло известную проблему. Оно не подвергалось самопроизвольному разрушению, как основная масса сосуда. Поэтому в последнюю добавили вещество, которое, вступая в реакцию с остатком, выпадавшим после распада, выделяло определенное количество растворителя, действующего на непрозрачную оболочку. Оболочка превращалась в летучую жидкость и попросту испарялась, не оставляя на месте сосуда ниче-

го, кроме частичек угля, благодаря которым и достигалась прежняя непрозрачность.

Оставалось решить последний вопрос — продолжительность самораспада. В конце концов постановили, что оптимальным будет двухчасовой цикл, а на бутылки станут наклеивать предписание — сразу после вскрытия перелить содержимое в другую посуду.

В течение всех этих безумных дней рвение сотрудников доходило до фанатизма. Работали не за страх, а за совесть, зачастую ночи напролет. Все жили предвкушением, все были радостно возбуждены. Никто не щадил себя. Бетти стала им матерью, кухаркой и посыльной, снабжающей всех едой, кофе и виски. И однажды вечером, на исходе круглосуточных непрерывных опытов, долгожданную бутылку пустили по рукам, а Креймер начал забавляться у доски, подбирая для новой пластмассы название. По мере того как хмель горячил лица и развязывал языки, предложения становились все более легкомысленными, а то и полуприличными. Кто-то предложил «Аминостервин» — и тут же получил в ответ «Разложенка» и «ККК» («Красотка, которая крошится»). В конце концов сошлись на нейтральном названии «Дегрон».

Потом в конторе, снятой Креймером в центре Лондона под торговое представительство, была созвана пресс-конференция; спиртное лилось рекой, журналистам разрешалось задавать любые вопросы, но организовано все было так, чтобы никто не сумел невзначай утащить с собой даже мельчайший образец.

Затем настал черед телевизионных интервью и научно-популярных программ, и, наконец, в контору потекли предприниматели, жаждущие начать массовое производство дегроновых сосудов по лицензии агентства.

Креймер провел среди конкурирующих фирм аукцион, который посрамил бы даже самого отпетого барышника, и заключил сделку с известным на всю страну владельцем фирмы безалкогольных напитков — тому как раз приспичило выдумать какой-нибудь новый трюк, чтобы всучить покупателям смесь винной и лимонной кислот, сахарина и краски с бесстыдной аляповатой этикеткой «Тропический экстаз».

Фирма развернула широкую рекламную кампанию. Сотни афишных тумб, стены в метро, телепередачи, страницы газет призывали всех, всех, всех покупать «Тропический экстаз».

«Помогайте делу охраны природы — пейте «Тропический экстаз»! Опорожните бутылку — и она на ваших глазах рассыплется в прах! Поставьте ее на подоконник — и она окропит ваш сад, ваши любимые цветы с каждой бутылкой будут распускаться все пышнее! А если у вас нет сада, не долго думая, спустите пустую бутылку в канализацию!»

«За каждые десять отрывных полосок вам полагается премиальный купон! Десять купонов — и в любом из магазинов «Тропический экстаз» вы получите любой из подготовленных фирмой прекрасных подарков! Система премиальных купонов действует только до конца месяца! Не упустите случая!»

И люди покупали, покупали то же химическое пойло в новой упаковке, которая была привлекательной с виду и открывалась на невиданный манер.

По всей стране сотни тысяч рук обречали пластмассу на распад, возвращали ее земле, бездумно спуская в воду в миллионах уборных.

Дегрон стал обиходным словом, и промышленники чуть ли не в очередь выстраивались, чтобы приобрести лицензию на его производство.

Это был весьма заманчивый бизнес — предложить миру, страждущему от загрязнения, род упаковки, не оставляющий никаких отходов. За первые же девять месяцев агентство Креймера подписало сорок семь независимых контрактов с фабрикантами банок и бутылок. Другие безалкогольные напитки, нареченные не менее лживо, чем «Тропический экстаз», также начали выпускаться в самораспадающейся посуде. Кончилось тем, что на сцену выступило министерство, ведающее охраной окружающей среды, и обратилось к агентству с просьбой продать технологию производства правительству.

Все были довольны. Министры дарили милостивые улыбки, а по лабиринтам сточных труб, под гулками сводами коллекторов сотен городов текли потоки дегрона. Бутылки из обычной пластмассы теперь не застревали в сетях станций очистки. Муниципальные советы не помнили себя от радости.

Прибыль да еще ореол славы! Креймер тоже был доволен.

«Итак, — сказал себе Джеррард, — Креймер нашел свою золотую жилу, но что она с ним сделала, вот вопрос...» Где его прежний научный размах? Неужели его горизонты

сузились до небезвыгодных, но убогих с научной точки зрения побрякушек? Предположим, установят, что аминокислоты свойственны органическим порокам,— что тогда? Иссякнет ли жила? На что направит Креймер усилия своих подчиненных? Или агентство просто-напросто лопнет?

Джеррарду вспомнилось, как глубоко тревожился прежний Креймер о будущем человечества, как обрушивался на тех, кто исповедовал науку ради науки, как горячо желал переключить внимание ученых на решение социальных проблем. Канадец все время сравнивал того, бывшего Креймера с нынешним. Почему же, почему он так переродился?

Вошла Ветти с кипой газет и швырнула их Джеррарду на стол.

— Вот там основные газеты,— заявила она.— Тех, где печатают голых танцовщиц, я не брала...

— Вот уж не знал, что вы пуританка,— улыбнулся Джеррард.

Ветти оставила шутку без ответа.

— В агентстве никого, кроме вас,— сказала она.— Вы ведь не станете пить кофе в одиночестве, без компании?

Ей откровенно не хотелось варить кофе для одного человека, тем более для новичка в лаборатории.

— Хорошо, хорошо,— согласился он, хотя улыбался уже не так искренне.— Не беспокойтесь.

Она вышла.

Он принялся листать газеты, обиженный и раздраженный. Черт ее подери, кофе был бы кстати! Через минутую другую он позвонит ей и скажет, что передумал. Пусть приподнимет свою толстую задницу!.. С тем он и углубился в чтение.

Катастрофа с самолетом произошла неделю назад. Он просматривал страницу за страницей в поисках подробностей. Ничего определенного насчет расплавленной изоляции он не встретил. Авторы заметок строили всевозможные догадки просто ради большего числа строк. Ведется расследование, опрашиваются свидетели... Он огорченно сложил газету и собирался уже отодвинуть всю кипу в сторону, когда его внимание привлек заголовок совсем иного свойства. Этот заголовок относился к небывалому срыву уличного движения, который произошел в центре Лондона.

Он внимательно прочитал всю статью, затем проглядел газеты за следующие два дня. Нашел отчет о пресс-

конференции некоего Слейтера, создателя новой системы дорожного контроля, который заявил, что виной всему, по его мнению, разрушение изоляции в одном из компьютеров.

Опять изоляция! Интересно, что за изоляцию они применяли? Джеррард еще раз окинул взглядом стенд. Одна из разновидностей аминостирена широко использовалась в качестве изоляционного материала. Пожалуй, вполне вероятно, что в обоих случаях изоляция была именно такого рода. А может, и с роботом произошла та же беда? Аминостирен и дегрон — надо бы выяснить, насколько отличается их структура...

Так что же все-таки делать? Позвонить Креймеру? Но этому новому Креймеру звонить не хотелось. Не исключено, что и он примет сомнения своего рядового сотрудника точно так же, как Райт. У агентства есть задачи поважнее, чем, возвращаясь вспять, проверять и перепроверять давно отработанное. Нет, сначала он, Джеррард, должен увериться во всем сам, совершенно увериться. Он еще раз заглянул в газету. Этот самый Слейтер, разумеется, отстранен от дел, но числится пока по-прежнему в министерстве транспорта. И Джеррард потянулся за телефонной книгой.

Слейтер запаздывал. Они договорились встретиться в пивной на задворках Сент-Джеймс-стрит, неподалеку от министерства. По телефону Слейтер отвечал уклончиво, очевидно, заподозрив по заокеанскому акценту Джеррарда, что это какой-нибудь очередной репортер. Да и самому Джеррарду тоже не слишком хотелось излагать свои подозрения телефонной трубке. Вдруг он ошибается, а сотруднику Креймера вовсе не к лицу сомневаться в достоинствах продукции своего агентства. Лучше вначале послушать, что скажет Слейтер, а самому постараться не болтать лишнего.

Вид у Слейтера был какой-то взвинченный — обычно так выглядит человек, задавленный обстоятельствами. Джеррард предложил ему большую рюмку виски. Тот, не медля, долил виски до краев содовой и принялся прихлебывать, словно пиво.

— Думаю, вам это отнюдь не повредит, — заметил Джеррард. Сам он также посасывал виски, только рюмка у него была поменьше. Ему хотелось подпойть Слейтера,

но сделать это незаметно. Возьми он себе просто пива — это сразу же бросилось бы в глаза.

— Никогда не связывайтесь со службой в крупном ведомстве, — сказал Слейтер, помолчав. — Слишком много там разных... перепуганных людишек.

Допив свое виски, он заказал еще по рюмке и, пожалуй, стал понемногу успокаиваться. Перед Джеррардом сидел невысокий, плотный, с виду довольно сильный человек с чисто выбритым открытым лицом. Этот человек ему нравился, и не совсем понятно было, как такой человек может прижиться на правительственной службе с ее канцелярщиной и нивелированием личности. Скорее всего, Слейтер с его нервозностью, нетерпимостью и прямоотой не сумеет долго продержаться на официальном посту. Говорил Слейтер энергичными рублеными фразами, да и думал, очевидно, напряженно и быстро. Временная отставка и дамочков меч над головой не могли не наложить на его поведение свой отпечаток — всюду ему мерещились враги, поэтому и ответы его звучали уклончиво.

— Ну, а все-таки, чего вы добиваетесь? — спросил он наконец. — Я предпочел бы знать, с кем говорю и во имя чего.

— Мне казалось, я объяснил вам по телефону...

— Вы сказали, у кого вы работаете и кем, но не объяснили ровным счетом ничего... — У Джеррарда, наверное, изменилось лицо, потому что Слейтер продолжал: — Простите меня, но я сейчас словно лиса, за которой гонится свора голодных собак. Очень мило, что кто-то интересуется моими делами, но прежде всего я хотел бы убедиться, что этот кто-то — друг...

Джеррард решил открыть карты. Он вкратце рассказал о себе и о поведении робота в отделе игрушек у Баррета.

Слейтер внимательно слушал, потом в свою очередь схематично изложил то, что стало известно комиссии. Опять-таки не было никаких прямых доказательств, что пластмассе присущ какой-то внутренний порок. Авария могла быть вызвана множеством причин. Но новая информация чего-нибудь да стоила.

— Попытаюсь для начала позвонить Холланду, — сказал Слейтер. — Он председатель комиссии. — Слейтер поднялся и посмотрел на часы. — Он завтракает всегда у себя в кабинете. Вы не откажетесь подождать?

— Подожду, конечно.

Однако, когда Слейтер отошел, Джеррарда опять одо-
дели сомнения, стоило ли затевать весь этот разговор.
Словно швырнул в озеро камень — и кто теперь знает, как
далеко пойдут по воде круги и что именно вынесут волны
на берег.

Вернулся Слейтер уже менее смятенным, чем прежде.
— Он сказал, что проверит.

— И больше ничего? — осведомился Джеррард.

Слейтер пожал плечами.

— Больше ничего. Он продолжит расследование. С его
стороны это, видимо, большая уступка.

— А если серьезно, способен он сделать что-нибудь?

— Вообще-то, полагаю, да. Вероятно, привлечет Тома
Майерса. Мне кажется, мы сдвинули телегу с мертвой точ-
ки, а там поживем — увидим...

«Вот так, — подумал Джеррард, допивая виски, — так
в этой стране все и делается. Никаких заявлений на пуб-
лику. Избави бог обращаться в газеты — просто найдите
нужного человека, шепните ему в подходящий момент сло-
вечко, и, если вам повезет, глядишь, чего-то вы и добье-
тесь...»

5

Майерс подтолкнул миниатюрную модель
вагончика на воздушной подушке, и та прокатилась по
столу, насколько позволяла длина пути. Посмотрев на
Холланда, ожидавшего ответа у телефона, он обвел глаза-
ми захламленную комнату. На одной из стен висела по-
блекшая литография с изображением первого поезда под-
земки — паровозик изрыгал под своды тоннеля клубы ды-
ма. Другую стену занимала многокрасочная карта Англии,
почти вся покрытая сетью авиатрасс.

На полках стояли ряды книг с мудреными названиями:
«Аналитический обзор тенденций метростроения», «Тео-
рия противосвязи и циркуляция подвижного состава». Майерс пристальнее присмотрелся к Холланду. Бедняга
Бернард, выглядит он совершенно измученным, видно, бу-
мажки заели, не остается времени сосредоточиться, занять-
ся чем-нибудь для души... Кажется, еще и жена у него за-
боледа — только этого ему не хватало...

Майерс прислушался — Холланд раздраженно говорил
в трубку:

— Да, да, жду... Нет, нет, не нужен мне отдел сбыта... Я просил мистера Хинтона из научно-исследовательского отдела. Да, жду. Благодарю вас...

Он с нетерпением махнул рукой. Майерс откликнулся с улыбкой:

— Надо бы кому-нибудь написать статью о бессмысленности крупных организаций, где невозможно связаться с людьми...

Холланд поднял было взгляд:

— Помню, однажды... Алло, Хинтон? Говорит Бернард Холланд. Да, да, совершенно верно... Меня интересует, удалось ли вам выяснить что-нибудь насчет причин замыкания? Прекрасно, и что же вы нашли? Очень интересно. Вы уверены в этом? Понимаю. Скажите, а вам известно, кто выпускает такие провода? Да, разумеется... — Он прикрыл рукой микрофон и сообщил Майерсу односложно: — Ищут... Алло! Да, да... так! Теперь скажите, это была изоляция нового типа — аминостиреновая?.. — Кивок в сторону Майерса. — Весьма вам признателен. Извините, что побеспокоил. Следующее заседание во вторник. Хорошо. Вот именно. Всего доброго... — Он положил трубку. — Ты угадал: изоляция была из аминостирена.

Майерс с силой щелкнул по вагончику — лязгнули буфера.

— Все точно! Один и один равняется... может стать, трем. Кто изготовитель?

Холланд на миг задержался с ответом.

— Компания «Политад» из Эссекса, волшебники по части пластмасс.

— Они-то мне знакомы, — нахмурился Майерс, — но, увы, в технологии этого дела я не силен, а ты как?

— Да тоже не слишком. Знаю только, что аминостирен дешев, не горит, не теряет пластичности со временем, насыщен азотом. Хороший изоляционный материал...

— Вспомнил! — прервал его Майерс. — Это же детище Гарольда Райта. Помнишь такого?

— Смутно. Высокий, суровый, с репутацией совершеннейшего аскета...

— Шутишь! Я сталкивался с ним в Шеффилде. Он бегал там за каждой встречной юбкой. А сегодня посмотришь на него — целомудрен, как монах, вроде бы и женщин в жизни не видел. Впрочем, химик он хороший. Кажется, он поступил к этому профессиональному умнику, который обосновался в Митчэме?

— Верно. Агентство Креймера, заведение калифорнийского образца. Нанимаешь дюжину-другую аспирантов, создаешь компанию, овладеваешь рынком в какой-то узкой области, а потом по баснословной цене даешь консултации...

— В данном конкретном случае — насчет самораспадающихся бутылок.

— «Тропический экстаз». И не напоминай, просто зависть берет. Какой куш сорвали! А теперь рыщут, чем бы еще поживиться...

— Ну, с патентом на аминостирен да еще с этой самораспадающейся бутылкой они вряд ли нуждаются в новой поживе.

— Интересно, скоро ли «Политад» догадается переадресовать претензии Креймеру? — Холланд задумался. — Иногда, знаешь, в моей работе тоже обнаруживаются привлекательные черты...

Креймер был вне себя.

— Теперь «Политад» не отвяжется. Вы, мол, виноваты, вам и выход искать...

Райт, прищурившись, безучастно наблюдал за хлопьями снега, скользившими за стеклами высокого окна.

— В сущности, в чем нас обвиняют?

— Пока ничего определенного. Но вам известно о катастрофе в Айлуорте?

— Читал.

— А о светопреставлении на улице Найтсбридж?

— Должен сказать, я всегда утверждал, что рано или поздно...

— Не тратьте лишних слов. В районе, где уличным движением управлял компьютер, произошло крупное крушение, так?

— Не вижу связи...

— Мне звонил человек, который расследует дело в Айлуорте. Он связался с теми, кто занимается улицей Найтсбридж, и они пришли к выводу, что возможной причиной обеих катастроф является разрушение изоляции...

Райт как ни в чем не бывало продолжал рисовать узоры на стекле.

— Не уверяйте меня, что не понимаете! — взорвался Креймер. — Слишком отчетлива цепочка: аминостирен — изоляция — замыкание — смерть! Разрушение изоляции

вызвало короткое замыкание, и они утверждают, что виновен пластик! А изоляция была аминостиреновая...

Райт, наконец, обернулся:

— Тут понадобится кое-что поточнее подозрений. Насколько я понял из ваших слов, все пока сводится к тому, что две кучки людей, отчаявшись найти разумное объяснение, принялись искать общий фактор — хоть какой-нибудь общий фактор, лишь бы уложиться в срок и не осрамиться перед собственным начальством...

— Гарольд, — голос Креймера стал ледяным, — это не порядочно. Я вытащил вас из «Политада», я вас субсидировал — вы в ответ предложили мне этот пластик. Состоялась сделка, и мы оба на ней заработали.

— Я предпочел бы другие выражения!

— Ладно — мы оба выиграли. Мы получили совместный патент. «Политад» скулил, что это гангстеризм и тому подобное, но сделать с нами они ничего не могли и понимали, что не могут. — Райт помрачнел. — Зато теперь — теперь они того и гляди смогут! Кто вас знает, всю ли правду вы нам сказали? А эти подлецы из министерства встанут в позу и заявят, что мы провели испытания кое-как и надули их с аминостиреном. Гарольд, они просто утопят вас, если не достанет каких-нибудь данных, если вы не предъявите им дневники испытаний по всей форме — изменение удельного сопротивления со временем, влияние насыщения азотом на эластичность, да мало ли что еще!..

— Вы что, сомневаетесь во мне? Вы видели дневники своими глазами. Все, что в них содержится, — истинная правда!

— Надеюсь, ради вашего же блага, что это так.

Райт смерил Креймера взглядом:

— Вы беситесь и ищете жертву! Вам известно все не хуже, чем мне. Я не халтурил, да в том и не было нужды.

Креймер смотрел на химика, поджав губы, в каждом его движении сквозила скрытая угроза.

— Не пробуйте одурачить меня, Гарольд. Вы думаете, что говорите?

Райт молчал, лицо у него застыло, глаза впились в физиономию патрона:

— Это вы, а не я не могли ждать, — резко проговорил он. — «Наплевать, довольно проверок, хватит, я продаю!» Вы непрестанно подстегивали меня, подстегивали сильнее, чем кто бы то ни было за всю мою жизнь. Что мне оставалось делать? Калькулировать таблицы отклонений по

каждой идиотской позиции? Разумеется, я спешил. Вы же не могли ждать!..

Он насупился и замолк, недовольный собственной вспышкой. Креймер заглянул ему в глаза, затем коротко расхохотался.

— Именно это я и пытаюсь вам втолковать. Тут наши дорожки сходятся.

Райт подозрительно посмотрел на Креймера, ожидая новой атаки. Но не дождавшись, натянуто улыбнулся. Напряженность начала понемногу ослабевать.

— Преследовать нас по суду они не смогут — не за что. Первая партия, которую сделали мы сами, превосходила все наши обещания. Не было даже намека на распад. Ни деполимеризации, ничего. Правда, кое-какие срывы в первой серии опытов на насыщение указывали на пониженную эластичность, но это не имеет отношения к молекулярному строению, тут все железно...

— Вы уверены в этом? — вставил Креймер.

Вошел Бьюкен и, поудобнее разместив на лабораторной скамье свое длинное костлявое тело, стал прислушиваться к спору.

— Могли бы и не спрашивать, — продолжал Райт. — Вас отделивали на фабрике, именуемой Массачусетским технологическим? А я прошел такую же обработку в Шеффилде. К лучшему или нет, может быть, это и не делает мне чести, я не умею подделывать данные испытаний. Не потому, что меня могут уличить, и не потому, что нахожу это невозможным по моральным соображениям, а просто оттого, что любая подтасовка лишила бы меня определенного комфорта. Я техническая скотинка, безмозгая, если хотите, но по мне плохо лишь то, что технически неосуществимо!..

— Когда-нибудь я вам это припомню, — заявил Бьюкен.

— Да, да, только не сейчас, старина, — отмахнулся от него Креймер. — Вы вообще-то в курсе дела?

Бьюкен кивнул.

— Я выяснял общее число контрактов на аминостирен. Их больше трехсот. Этот пластик теперь повсюду.

— К чему вы клоните? — насторожился Креймер.

— Видите ли, если материалу присущ какой-то органический порок, — неторопливо ответил Бьюкен, — то мы, несомненно, несем огромную ответственность...

— Какую ответственность? — встрепнулся Райт. — Мы изобретаем пластик с определенными свойствами, разрабатываем методику его производства и продаем эту методику и материал, в точности соответствующий характеристике...

— Да, но если материал действительно старится, старится каким-то иным образом, которого мы не распознали? Разрушение изоляции — вы только подумайте! Вам известно, как широко применяется аминостирен — возникнет чудовищная опасность. Катастрофы, гибель людей, и если мы упустили что-то, то не можем не нести ответственности...

Креймер встал.

— Что вы хотите этим сказать? Это были коммерческие сделки, и покупатели предварительно знакомились с тем, что покупают. Мы ничего не скрыли, сообщили им все данные, какими располагали сами. Чем же еще мы можем им помочь?

— И все-таки, — настаивал Бьюкен, — по-моему, наш долг пристально проверить все заново.

— Долг? — рассмеялся Креймер. — Что такое долг? По отношению к кому? Может, мы будем именовать вас впредь не Бьюкеном, а Бухманом¹?

Насмешка заставила Бьюкена вспыхнуть от гнева:

— Это недостойно...

— Ладно, прошу прощения, но вы самиnapросились. Я собирался сказать, что мы не в состоянии позволить себе — подчеркиваю: не в состоянии — вести текущую исследовательскую работу за всех и каждого. Мы продали им методику, какой она рисовалась нам в тот конкретный момент, мы действовали открыто, ничего не утаивая и не давая никому никаких гарантий, за исключением реально установленных...

— Разрешите мне тем не менее встретиться и побеседовать с этими людьми.

— Вам? Нет, старина, не обижайтесь, только не вам. Вы придете к ним, в раскаянии заламывая руки, и нас пригвоздят к позорному столбу раньше, чем вы успеете раскрыть рот...

¹ Фрэнк Бухман — американский ученый-идеалист, основатель движения за так называемое моральное перевооружение, получившего известное распространение на Западе в 20—30-е годы нашего века. — *Примеч. перев.*

Бьюкен пытался протестовать, но Креймер уже отвернулся к селектору и нажал клавишу. Послышался голос Бетти.

— Доктор Джеррард здесь?

— Я его не видела.

— Будьте любезны, соедините меня с ним по домашнему телефону...

Когда зазвонил телефон, Джеррард, сидя над электрической кофемолкой, наслаждался острым ароматом свежемолотых зерен.

В квартире царил изысканный, созданный собственными руками комфорт. Расположенная в Кенсингтоне над гаражом, где торговали дорогими гоночными машинами, она состояла из одной просторной низкой комнаты, ванной и крохотной кухоньки.

Лакированный светлый паркет в жилой комнате был полуприкрыт большим ворсистым белым ковром. Вдоль одной из стен шли полки грубого дерева, подпертые кирпичными столбиками. На полках лежали стопки книг, куски обточенной морем древесины, темно-зеленый прозрачный поплавок от рыбацкой сети, там же располагался угрожающего вида магнитофон. Корпус его был выполнен из плексигласа с пробитыми там и сям дырами, сквозь которые виднелись многоцветные узоры печатных схем. Самому Джеррарду это зрелище представлялось прекрасным.

Убранство дополняли два огромных динамика на противоположной стене, разбросанные по полу кубики пенопласта, кустарно задрапированные грубой шерстяной тканью. Во всей комнате был лишь один настоящий стул — выполненная из черной кожи копия выставочного немецкого оригинала, которая стоила хозяину кучу денег. Повернутые к стене самодельные алюминиевые светильники, напоминающие миниатюрные прожекторы, давали мягкий рассеянный свет. В кухне красовались груды блестящих медных кастрюль, банки со специями, а к стене была прилажена грозная коллекция кухонных кож. Ощущался слабый запах черного перца и чеснока.

Отставив кофемолку, Джеррард подошел к телефону и снял трубку. Он услышал торопливый голос Креймера:

— Да, да, вот именно... Поезжайте и постарайтесь выведать, что у них там есть за душой, но не связывайте себя обязательствами. Их двое: одного зовут Холланд, его

я не знаю, он из министерства транспорта, а другой — Том Майерс. Этого типа, Люк, советую остерегаться, он из тех, кого вы называете «старой гвардией» — любитель пива с будьожьей мордой. Вот-вот... Но с головой. Умен, очень умен, так что не спешите поддакивать. Где? Постойте-ка. Комната 242, министерство промышленности.

6

Воздух в вагоне метро был гнилой и спертый; от толпы усталых, спешащих домой пассажиров исходили запахи несвежих лосьонов и дезодорантов и сырой одежды. Поезд гремел, подсакивая на стыках, и владельцы сезонных билетов качались из стороны в сторону, словно куклы, стоймя упакованные в коробку. Упасть они не могли — для этого им не хватило бы места, к тому же кое-кто опирался на тех счастливых, которым удалось ухватиться за ременные петли.

Неровный шум колес почти заглушал любые слова, взгляды тупо упирались в плечи соседей.

Какой-то высокий мужчина, прижав к груди подбородок — крыша мешала ему выпрямиться, — тщетно пытался читать газету, которую приладил на ближайшей спине. Дородная тетка, хрипло дыша, нависла над лохматым бородатым юнцом, развалившимся на сиденье, и свирепо ела его глазами, но тот и ухом не вел. В дальнем конце вагона молодая мать старалась успокоить напуганного шумом младенца.

Замедлив ход, поезд со скрежетом остановился. Едва оборвался гипнотический ритм колес, голоса, силившиеся перекрыть гул, сразу стихли до растерянного шепота. Внезапный толчок — вагоны снова пришли в движение, но тут же с лязгом остановились опять.

В вагоне повисла острая, тревожная тишина.

Минуты шли за минутами, пассажиры принялись ерзать и шаркать ногами. Две молоденькие конторщицы, втиснутые в угол у двери, по какому-то только им одним известному поводу глупо захихикали.

Высокий, с хрустом свернув свою газету, принялся изучать рекламные щиты над головами сидящих. Его внимание особенно привлек один из них — о выгодах вынесения деловых контор за черту города. Мужчина иронически улыбнулся.

Под полом вдруг заработал компрессор, его дребезжащий гул на мгновение внес надежду в напряженную тишину. Но и он оборвался; теперь время от времени слышалось лишь легкое потрескивание — багон постепенно остывал.

Прошло минут пятнадцать, пассажиры стали поглядывать на часы, им уже мерещились подгоревшие супы и подозрительные взгляды жен. Тощий человечек с птичьим лицом, вынув из кармана религиозный трактат, принялся вполголоса его читать. Обстановка накалялась. Юнец достал сигарету и закурил. Дородная тетка злобно ткнула пальцем в надпись «Не курить» на оконном стекле. Тогда юнец, не сводя с тетки глаз, не спеша стряхнул горячий пепел ей на подол.

Но тут стеклянные двери между вагонами распахнулись, и в толпу втиснулся бодрый румяный машинист в синей хлопчатобумажной форме. Тишина разом лопнула, со всех сторон посыпались вопросы:

— Что случилось?

— Долго так будет продолжаться?

— Может, подтолкнуть?

Машинист усмиряюще поднял руки:

— Уверю вас, леди и джентльмены, оснований для тревоги нет. Нелады с сигнализацией, только и всего... — Чтобы перекрыть общий стон, ему пришлось повесить голос: — Вам предстоит сойти с поезда и по тоннелю проследовать на следующую станцию.

— Но ведь там рельсы! Нас убьет током!

— А это далеко?

— Спокойнее, спокойнее, — выступать в роли командира доставляло ему явное удовольствие, — оснований для тревоги нет, ток выключен. Маленькая прогулка, только и всего. Там, правда, немного пыльно, но, кроме пыли, вам ничто не угрожает. А теперь живее, переходите по одному в передний вагон, и все будет в порядке...

Слегка подтолкнув ближайших пассажиров к открытым дверям позади себя, он принялся пробираться дальше по составу, а люди, недовольно ворча, уже потянулись гуськом в соседний вагон. Переступая через щель между вагонами, они беспокойно вглядывались во тьму под ногами. Казалось рискованным даже на миг расстаться с безопасностью вагонов. Воздух тоннеля пропах сыростью, плесенью и нагретой изоляцией.

Спустившись на рельсы, пассажиры смятенно всматривались во мглу, рассекаемую грубыми полосами света от редких, ничем не прикрытых ламп. Теперь лишь черные округлые ребра тубингов отделяли их бранные тела от чудовищной массы земли, и этого ощущения было достаточно, чтобы оборвать всякие разговоры.

Кто-то коротко свистнул, проверяя, будет ли эхо. Звук мгновенно угас, растворившись в затхлом безмолвии. Люди осторожно побрели в сторону яркого пятна стационарных огней, и высокий, ни к кому не обращаясь, изрек: «На третий день пути они обнаружили воду». Вокруг раздалась нервная смехотворная шутка, напряжение ослабло — уже видно было, как первые пассажиры неуклюже карабкаются на платформу. Юнец вприпрыжку припустился к станции — дородная тетка проводила его убийственным взглядом.

А позади них, в тоннеле, машинист в синей форме говорил в трубку служебного телефона, спрятанного над светодиффузором:

— Да нет, был зеленый. И тем не менее автомат включил тормоза... Нет, тормоза тоже в порядке. Что? Разумеется, я приеду...

Он положил трубку на рычаг и направился по шпалам к станции, ругаясь про себя и скользя взглядом по толстым кабелям, слегка провисающим от кронштейна к кронштейну. Потом он остановился, приняв себя, и лицо его сморщилось от отвращения. Он еще раз глянул на толстые узловатые пучки кабелей — и отвращение на его лице сменилось полным недоумением.

Прямо перед ним влажно поблескивал кусок кабеля, покрытый густой разноцветной слизью, которая капля за каплей падала вниз на рельсы. В ряде мест из-под слизи уже проглядывала красная, тускло блестящая медь проводов, а кое-где на слизи была заметна пленка жидкой пены, которая колыбалась и пучилась; вздуваясь, лопались пузырьки...

С минуту он простоял, остолбенев, затем бросился назад к телефону.

Холланд сидел у себя в кабинете, то и дело хватаясь за живот. На столе перед ним красовалась бутылочка с белой желудочной микстурой и стакан воды. Отсчитав в стакан несколько капель из бутылочки, он размешал смесь карандашом и выпил одним безразличным глотком.

Спустя несколько секунд он рыгнул и пугливо покосился на распахнутую дверь: не слышала ли секретарша.

Раздался телефонный звонок. Холланд снял трубку.

— Да. Алло, Слейтер! Как поживаете? Да, да. Бернард Холланд. Послушайте, тут всплыло еще кое-что, и, по моему, это имеет отношение к нашей проблеме. Отказ светофора в метро. Да нет, объясню позже. Интересно... Что? Неужели? Где? Да ну, кто же это успел вам передать? А вы не могли бы сюда приехать? Да, я буду у себя... А почему бы и нет? В любом случае берите его с собой. Да, да, как можно быстрее. Жду вас через пятнадцать минут...

Не опуская трубки, он дал отбой и сразу же набрал новый номер.

Теперь в кабинете Холланда было темно от табачного дыма, на полке громоздились пустые кофейные чашки. Майерс сидел на подоконнике, посасывая незажженную трубку. Слейтер и Холланд сосредоточенно слушали Джеррарда.

— Давайте подытожим, что у нас есть.— Люк подчеркивал каждый свой тезис, легонько ударяя пальцем по ладони другой руки.— Во-первых, катастрофа в Хитроу: отказал контрольный блок топливного насоса, внутри блока обнаружено разрушение изоляции, а температура была отнюдь не так высока, чтобы она могла расплавиться и тем более сгореть. Правильно?

Слушатели осторожно закивали.

— Во-вторых,— Джеррард обратился к Слейтеру,— вы рассказали нам, что в вашей системе контроля за уличным движением отказала одна из цепей компьютера, и опять-таки имело место необъяснимое разрушение изоляции...

— Но мы не знаем,— вмешался Холланд,— это ли было причиной несчастья?

— Несущественно,— заявил Майерс.— Согласен, мы не знаем, почему заварилась такая каша. Но что отказала цепь, мы знаем наверняка, не правда ли?

Джеррард продолжал возбужденно:

— Совершенно верно. Мы знаем, что цепь отказала. Разные устройства, разные фирмы, а дефект один...

— Э нет,— взмахнул трубкой Майерс,— думаю, что так мы далеко не уедем. Вы позволяете себе увлекаться софистикой. Не можете же вы предполагать?..

— Могу попытаться,— улыбнулся Джеррард.

Холланд нетерпеливо нахмурился:

— Давайте уж я прямо скажу, к чему вы клоните. Аминостирен — ведь именно он объединяет неполадки, не так ли?

— Да,— кивнул Джеррард,— есть шансы, и немалые...

— Ровным счетом никаких,— фыркнул Майерс.— Случайное совпадение, и только. Кто и когда слышал, чтобы пластики разрушались подобным образом? Возможны усталостные трещины вследствие испарения пластификаторов, но чтобы материал просто-напросто исчезал...

— Но если изменилась внутренняя структура? — настаивал Джеррард.— Потерпите, выслушайте меня: допустим, вследствие изменения структуры аминостирен стал более чувствителен к температуре...

— Компьютер отказал вне всякой связи с температурой,— прервал его Слейтер,— это вам не авиакатастрофа...

Майерс с шумом поднялся, в раздражении он похрустывал пальцами рук:

— Разумеется! Доктор Джеррард, не примите за обиду, но мы никогда не сдвинемся с мертвой точки, если будем играть в шерлоков холмсов. Нам нужны хоть какие-то факты. Вы говорили, у вас в агентстве исследуют робота. Скоро ли можно ждать результатов?

— Я сейчас возвращаюсь к себе,— ответил Джеррард.— Через день-два что-нибудь...

Он запнулся — зазвонил телефон. Холланд поднял трубку:

— Алло! Да, я Холланд. Кто? Да, припоминаю, действительно, мы встречались... Да, да. Нет, я не один. Майерс из министерства торговли, мм... Слейтер из министерства транспорта и еще доктор Джеррард. Что? Да, доктор Джеррард, он представляет частное предприятие — агентство Креймера...

Наступило долгое молчание — Холланд внимательно слушал, лицо у него мрачнело. Остальные сидели не шевелясь, тщетно пытаясь догадаться, в чем дело.

— Можно ли сообщить им содержание нашего разговора? — спросил, наконец, Холланд.— Понимаю.— Он посмотрел на Джеррарда.— Ну, с этой-то задачей я справлюсь. Разумеется. До свидания.

Холланд положил трубку; нельзя было не заметить, что он смущен. Скороговоркой он произнес:

— Доктор Джеррард, произошло нечто очень серьезное. Боюсь, что нашу беседу придется отложить...

Джеррард взглянул на часы.

— Хорошо, я уйду. Как только мы придем к каким-нибудь результатам, дам вам знать...

— Что стряслось? — начал Майерс. Холланд жестом призвал его к молчанию.

— Спасибо, что вы уделите нам столько времени, доктор Джеррард. Мы, несомненно, свяжемся с вами в ближайшие дни...

Джеррард хотел было что-то сказать, но раздумал и, попрощавшись с каждым за руку, вышел. Холланд только того и ждал:

— Звонил Уайтинг... гм... Сначала я должен выяснить одно обстоятельство. Вы, очевидно, давали подписку о неразглашении государственной тайны? — Оба дружно кивнули. — Впрочем, наши допуски в настоящее время уже высланы в адмиралтейство. Чистая формальность, по правде говоря... Мы им нужны, и притом незамедлительно.

— А вы не могли бы нам сказать, за каким дьяволом?.. — раздраженно осведомился Слейтер.

— Знаю не больше того, что мне сказано. Похоже на то, что подводная лодка ее величества «Тритон» — первая английская подлодка, вооруженная ракетами «Посейдон», — пропала без вести вместе с экипажем где-то к западу от Аррана...

Если вы пройдете под аркой адмиралтейства и направитесь в сторону Бэкингемского дворца, то, придерживаясь середины улицы, шагов через сто окажетесь прямо над одним из самых секретных помещений во всей Великобритании. Только не подумайте, что при этом вы будете попирать ногами его потолок — помещение это находится в двадцати шести метрах под поверхностью земли.

Чтобы попасть туда, прежде необходимо посетить безвкусно заставленную бронзой и красным деревом комнату в близлежащем адмиралтействе и предъявить хорошенькой, но какой-то бесполой секретарше пластмассовый прямоугольник. Она попросит вас подождать, а сама прешествует с пластинкой в соседнюю комнату к анализатору, с помощью которого расположенный где-то в отдалении компьютер проверит вашу личность по ферромагнитной записи, впечатанной в пластмассу. Через несколько секунд

телетайп, установленный рядом с анализатором, защелкав, выбросит полоску цифр. Секретарша сравнит эти цифры с теми, которые мерцают на зеленом экране над анализатором, и решит, пустить вас дальше или отослать восвояси. Надо думать, ей очень нравится такое занятие.

Но если компьютер прикажет пустить вас, секретарша все с тем же безжизненным обаянием проводит вас к двери темного дерева и нажмет кнопку подле нее; рядом с кнопкой зажжется лампочка, и дверь откроется. За дверью вы обнаружите двух представителей военно-морской полиции при оружии и с полной выкладкой, в их заплечных ранцах, к немалому своему изумлению, вы увидите противогазы. Они поведут вас дальше, и, как только вы переступите порог, старомодная прелесть конторы сменится серым бетоном военного образца. Впереди вы увидите клетку лифта.

А пока вы ждете лифт, вас ослепит беззвучная вспышка, и высунувшаяся из стены фотокамера навечно зафиксирует факт вашего появления.

Холланда, Майерса и Слейтера проводил вниз лично коммодор Уайтинг, по распоряжению которого допуски всем троем проверили еще до их приезда.

Внизу в коридоре с белыми стенами блестящая резиновая дорожка совершенно заглушала шаги. Крупные буквы предупреждали:

«ВХОД ТОЛЬКО ПО УДОСТОВЕРЕНИЯМ ФОРМЫ А».

За плечами перегородившей дорогу охраны гости успели заметить лишь контуры вычислительных машин и пультов управления да огромную карту.

Уайтинг вежливо отвлек внимание гостей и провел их к себе в кабинет. Они внимательно слушали его объяснения:

— Как вам известно, для кораблей, вооруженных ракетами классов «Поларис» и «Посейдон», установлены строгие ограничения в пользовании радиосвязью в открытом море. Практически связь сведена к обмену приветствиями между моряками и семьями раз в неделю и к отдельным оперативным сообщениям...

— Например? — поинтересовался Майерс.

— Извините, — Уайтинг покачал головой, — мы исходим из принципа «каждый знает лишь то, что ему необходимо». Собственно, характер сообщений и не имеет отношения к делу. — Он сбился, слегка обескураженный рез-

костью собственных слов.— Вы, наверное, мне не поверите, но в данной операции есть детали, о которых даже я не имею ни малейшего представления,— посвящать меня в них не сочли необходимым...

— Чтобы коварный враг под пыткой не заставил вас проболтаться,— Майерс решил свести все к шутке.

— Похоже на то,— в тон ему ответил Уайтинг, но не улыбнулся.— Итак, продолжим: «Тритон» внезапно включил передатчик низкочастотной связи, используемый исключительно для...

— При определенных оперативных условиях,— мягко вставил Слейтер.

— Гм... Совершенно верно. «Тритон» сообщил свое местонахождение — в глубоких водах к западу от Аррана. Они заканчивали пятидесятидневный поход, шли на базу Герлох,— по правде говоря, наутро должны были уже стать в док,— и тут мы приняли от них серию радиogramм. Не стану докучать вам деталями, но в общих словах — они докладывали о каскаде аварий. Сначала вышли из строя рули глубины, затем автоматика наведения ракет и, наконец, центральный пост управления в целом. Видимо, на главном пульте навигационного контроля возник пожар...

— Что-то я не совсем понимаю...— произнес Холланд.

— Сейчас поймете,— продолжал Уайтинг.— Старший дежурный по радиоотсеку обязан докладывать береговой базе о любых поломках или авариях. Так вот, немного ранее в тот же день он доложил об отказе инерционной навигационной системы, который произошел — я цитирую рапорт — в результате короткого замыкания одновременно нескольких цепей...

Майерс сгорбился в кресле:

— В результате короткого замыкания... Да, действительно... Значит, изоляция или переключатели...

— Почти наверняка,— ответил Уайтинг.— Он коротко доложил нам также о повреждении рулей глубины и компьютеров, контролирующих дальность запуска,— все отказы носили аналогичный характер. Конец передачи был просто удручающим, на борту царили... гм... замешательство и паника, а потом, потом они замолчали...

Закончил он не совсем твердо и обвел всех глазами, словно молил о помощи. Воображение рисовало им внезапную смерть 183 матросов и офицеров — лопается корпус, в трещины рвется вода, и стальная громадина — доселе

почти совершенный, теплый и безопасный мирок — стремительно погружается в темные, холодные глубины. И взрыв — атомный котел, шестнадцать ракет, каждая со множеством боеголовок...

Наступила долгая пауза. Майерс первым нарушил молчание:

— Все системы одна за другой...

— Взорвались? — перебил Холланд.

— Не обязательно. Мы выслали в этот район три спасательных судна, но там слишком большие глубины — бортовые спасательные устройства все равно не сработают, да еще и восьмибалльный шторм... Все, что нам остается, — ждать да спустить под воду радиационные счетчики.

— А добраться до них никак нельзя? — снова спросил Холланд.

— Только с помощью батискафа, и то если погода улучшится.

— Так что надежды нет?

— Почти никакой. Вернее, совсем никакой... — Уайтинг отвернулся. — Там капитаном Тони Марсден — мы вместе учились в Дартмуте... — Он немного оправился и закончил: — Как мне докладывали, нечто подобное случилось с системой управления движением и с самолетом, разбившимся в Хитроу.

Кивок в сторону Майерса. Тот немедленно вспыхнул:

— Какого черта вы лезете!..

Уайтинг уже полностью взял себя в руки.

— Мистер Майерс, речь идет об интересах государства. Заверяю вас, мы пользуемся самыми законными способами получения информации. Мне представляется, что разрушения изоляции на улице Найтсбридж, в Хитроу и на борту «Тритона», вероятно, носят сходный характер...

Анна Креймер понимала, что даже сейчас, на восьмом году брака, испытывает благоговейный страх перед мужем. В дни ухаживания и в первые годы после свадьбы он был для нее как бы другом-великаном. Во многих отношениях муж напоминал ей отца, сурового человека с умом незаурядным, но постепенно высохшим в хлопотах колониальной службы.

Креймер с первой встречи внушал ей такой же трепет, а то, что этот выдающийся человек любит ее и хочет на

ней жениться, казалось ей своего рода компенсацией за смерть отца, гасило неосознанную тоску по нему.

Поначалу они были бесконечно счастливы. Всю свою энергию Креймер направил на их семейные дела, освещая своим воображением каждый уголок ее души, целиком заполняя ее жизнь. Затем последовала его поездка в Канаду, а сразу вслед за возвращением — создание агентства в Лондоне.

Перемена в нем происходила исподволь. Агентство требовало полной отдачи сил, и Анна была горда разделить с ним его ношу. Он, со своей стороны, гордился ее заинтересованностью и был признателен ей за помощь. Они вместе разрабатывали структуру предприятия. Она присутствовала на всех организационных заседаниях, сама варила кофе, печатала стенограммы.

Копаясь в воспоминаниях, Анна пыталась установить: когда, с какой минуты все изменилось?

Она была в постели. Ушибленное плечо уже не болело, лишь слегка саднило. С семи часов она ждала возвращения Креймера. Пробило два пополудни, а он даже не позвонил, хотя обещал вернуться пораньше. Они намечали тихо пообедать в новом яванском ресторанчике, а потом заглянуть в театр...

Так случилось далеко не в первый раз. Пожалуй, за последние два года это стало скорее нормой их совместной жизни, чем исключением. Но сегодня день был особый — годовщина их первой встречи. Они встретились при довольно памятных обстоятельствах в зале старой Лиги Наций в Женеве, куда оба приезжали на какую-то научную конференцию.

Она заранее знала: когда он вернется, то и не подумает ничего объяснять и даже не извинится. Работа для него всегда шла на первом месте и была вне подозрений, равно как и он сам.

Она пыталась нащупать ту роковую минуту, когда идея агентства и — хотя она не могла признаться в этом даже себе — ее брак с Креймером начали терять первоначальный блеск. Вероятно, это произошло после того, как на сцене появился Райт с его пластинками. До той поры они рисовали себе совсем иное будущее, увлекательное, но бесприбыльное — будущее группы ученых, решающих мировые проблемы.

Их всех тогда захватывала мысль, что наука — не замкнутая интеллектуальная сфера, что она должна слу-

жить людям. Вера в такое предназначение науки исходила главным образом от Креймера, опиралась на его глубокую эрудицию и философскую мудрость.

Потом почти внезапно представилась возможность превратить агентство в прибыльное, процветающее предприятие. К ним присоединился Райт со своим аминостиреном. Креймер ухватился за него как за случай подвести под все другие начинания крепкую финансовую базу, но постепенно исследования в области пластмасс оттеснили на задний план, а вскоре и вовсе свели на нет всякую другую работу. Сегодня же помыслы Креймера стали чисто коммерческими. От идеи служения науке и человечеству, которая когда-то так вдохновляла их, не осталось ровным счетом ничего.

В этот вечер, поджидая Креймера, борясь со сном и усталостью, Анна отважилась на поступок, какого раньше и представить себе не смела. Она прошла в кабинет мужа, открыла стол — святая святых, к которой прислуге и прикасаться не разрешалось, — и достала из верхнего ящика письмо. Оно лежало теперь у нее под подушкой, и вот уже добрых три часа Анна пыталась собраться с духом, чтобы вскрыть его.

Почерк был ей знаком. Вслед за поездкой Креймера в Канаду к нему хлынул поток заокеанской корреспонденции от деловых партнеров, друзей и просто знакомых.

Но шли месяцы, и поток истощался, пока не остался лишь один настойчивый отправитель — им была женщина. Женщина с завидной регулярностью продолжала слать письма все эти два года, и однажды Анна отважилась даже спросить у Креймера, кто она. Расхохотавшись в ответ, он сказал, что это весьма мужеподобная профессорша-химик из университета Южного Саскачевана. Типично американская дама с могучими плечами и голосом, как у племенного быка. Анна улыбнулась и приняла его слова на веру. Он, со своей стороны, никогда не выказывал любопытства: кому писала? где была?

Однако вскоре письма стали приходить уже не из Канады, а из европейских столиц, сегодня же утром, едва Креймер ушел из дому, появилось еще одно, со штемпелем «Кембридж». И вечером, испытывая брезгливость к себе самой, Анна принесла письмо на кухню, осторожно подержала конверт над паром и положила открытым на стол, решившись прочесть. Прочесть его тем не менее она

не смогла, хотя не сводила с письма глаз; она вскакивала, ходила по комнате, но чувство вины было по-прежнему слишком сильным. В конце концов она сунула письмо под подушку. «Если Креймер не явится до полуночи,— твердила она себе,— непременно прочту...» Но пробило двенадцать, затем час, а ультиматум выполнен не был. Минуты два — письмо все еще оставалось непрочитанным.

Внизу, в гостиной, слышался легкий шум, и она так и подскочила в постели, неловко дернув при этом плечом. Затаив дыхание, вслушивалась она в полумрак, но шум не повторился.

У них был огромный перекормленный кот по кличке Архимед, который считал себя изящным юным котенком и постоянно опрокидывал всякие безделушки и украшения, стараясь втиснуться в щели, слишком узкие для его солидного торса.

Наверное, это кот.

Анна вновь откинулась на подушки — плечо опять заболело сильнее. На глаза навернулись невольные слезы — одолела острая жалость к себе. Она чувствовала себя одинокой, покинутой в этой широченной постели, в огромной пустой квартире...

На смену жалости пришел неистовый гнев. Потянувшись к выключателю, она зажгла свет, вытащила из-под подушки письмо и развернула его. Письмо было длинное, написанное мелким, типично женским, довольно неразборчивым почерком. Прочитав несколько строк, Анна выскочила из постели и, налив себе в соседней комнате джина, поставила стакан на столик возле кровати.

Это было не просто любовное письмо. Местами оно казалось почти семейным. Более того, между отправителем и адресатом прослеживалась еще и интеллектуальная близость. Письмо было полно шуточек по разным поводам, намеков на знаменитости ученого мира. Шарон — этим именем было подписано письмо, — по-видимому, предприняла большую поездку по Европе на средства Канадского исследовательского совета и извлекла из этой поездки немалую пользу. Она была — и тут Анна ощутила такой укол ревности, что мгновенно позабыла об ушибленном плече, — несомненно, умна и незаурядна. Анна дочитывала последнюю страницу, когда раздался телефонный звонок, заставивший ее вадрогнуть. Вопреки всякой логике, прежде чем поднять трубку, она засунула письмо под подушку.

Звонил Креймер:

— Это ты, дорогая? Мне страшно жаль, что ты потеряла вечер...— Ответом ему служило молчание.— Ты меня слышишь?..

До него донесся тихий, сдавленный голос Анны:

— Слышу.

— Ну, так что там произошло в магазине? — Креймер не дал ей времени для ответа.— Нет, нет, дорогая, ты, должно быть, устала. Я тебя, наверное, разбудил. Прости, пожалуйста. Три часа утра — не самое подходящее время для ученых бесед.— Голос его звучал фальшиво, с шутовскими нотками и вовсе не походил на тот, какой она знала.— Боюсь, что я окончательно завяз здесь. Только что закончил совещание. Попасть сегодня домой уже не смогу. Увидимся завтра к вечеру. Договорились?..

Наконец она выдавила из себя:

— Где ты?

— Разве я не сказал? В Кембридже. Ну, не буду больше мешать тебе спать. Спокойной ночи, дорогая. Благослови тебя бог...

— Спокойной ночи,— отозвалась Анна, и он положил трубку прежде, чем она успела закончить фразу.

Она откинулась в постели, внезапно ослабевшая и обесиленная, посмотрела на конверт — письмо было отправлено накануне, отправительница предупреждала, что позвонит Креймеру на работу. Вывод был очевиден, и тем не менее теперь, когда худшее осталось позади, она ощутила даже известное облегчение. Анна взяла конверт, повертела его в руках и только тут прочла: доктор Шарон Джеррард. Джеррард?.. Ну конечно, фамилия та же, что и у высокого, чуть застенчивого канадца, с которым она встретилась в отделе игрушек несколько часов назад...

Она вспомнила, как бережно он осматривал ее плечо и как откровенно восхищался ею. Что-то знакомое чудилось ей в его лице, в этих широких покатых плечах, под жаром теле. Из Монтан, вот оно что! В канадце было что-то от Ива Монтана, не слишком близкое сходство — волосы у Джеррарда заметно светлее, — но достаточное для того, чтобы вы заподозрили, что видели его где-то раньше.

Ей доводилось слышать, что он разошелся с женой. Креймер был очень дружен с ним в Канаде, а потом пригласил его к себе. Внезапно она выпрямилась, словно пораженная громом. Письма начали приходить с того самого дня, когда Креймер вернулся из Канады. Постой, по-

стой — так ведь он и жил-то те три месяца, что был там, у Джеррардов!

Наконец-то Анна поняла, что такое муки уязвленной гордости. Хотя они неуклонно отдалялись друг от друга вот уже целых два года, ей и в голову не приходило, что он мог изменять ей еще в те давние, безоблачные времена. Это было ужасно. Значит, он предал все: их планы, идеалы, будущее — совершенно все...

А Джеррард? Выходит, это Креймер разбил его семью? А потом нанял его на работу? Мысли путались, обгоняя друг друга. Большая порция джина, которую она выпила, да и переутомление давали себя знать. Она забылась неглубоким, не приносящим отдыха сном.

Проснувшись Анна в девять утра, одновременно разбитая и возбужденная. Рука не слушалась, но боль поутихла и синяк на плече стал желтеть. Пока она одевалась, сомнения предыдущей ночи уступили место твердой решимости. Она все с ним выяснит, и не далее чем сегодня вечером. Любой исход лучше, чем постылая тюрьма последних двух лет. Как ни странно, тот факт, что он ей неверен, казался Анне почти утешительным. Соперница из плоти и крови все же куда лучше, чем сознание, что к тебе попросту потеряли интерес, как к какой-нибудь покупной безделушке...

А как быть с Джеррардом? Сказать ему? Но что это даст? Интересно, развелись ли они? Безусловно, расстались, и притом достаточно давно. Она снова с теплым чувством вспомнила его. Одурачили человека точно так же, как одурачили и ее. И впервые за много часов улыбка тронула губы молодой женщины: если уж придется объединять усилия, то рослый, привлекательный ученый отнюдь не самый худший союзник.

Немного позже она позвонила Джеррарду, чтобы узнать о результатах исследования пластмассовых шестеренок. Канадец сообщил ей о решении Райта отложить проверку. Попутно он рассказал об отказе светофора в метро и о том, что собирается на следующее утро побывать на месте происшествия. Она попросила взять ее с собой, Джеррард был удивлен, но после недолгих колебаний согласился.

Люк и сам не вполне понимал, что заставило его сказать «да»; может быть, он рассчитывал, что его позиции в агентстве упрочатся, если жена босса отправится вместе с ним. Никому из своих коллег он и словом не обмолвился.

ся о том, куда идет,— вот вернется с подлинными образцами дефектной изоляции, тогда другое дело. А может, ему просто захотелось вновь увидаться с Анной?

Вечером Анна, собрав все свои силы, приготовилась к очной ставке, поставила поближе бутылку джина, надела свой лучший костюм и стала поджидать Креймера.

Прошло три часа. Она совершенно опьянела от джина, переоделась в пеньюар и мрачно расхохоталась над мелодраматичностью сцены: она ждет мужа, а перед ней на столе — обличающее письмо. Еще позже, протрезвев, она почувствовала, что замерзла, и надела ночную рубашку и халат. К одиннадцати часам голова стала раскаливаться от боли, мучила тошнота.

В половине двенадцатого зазвонил телефон. Это был Креймер. Сегодня голос его звучал сухо, едва ли не грубо:

— Прости, дорогая, вернуться никак не сумею.— Он притворялся, что утомлен до изнеможения.— Придется тебе извинить меня. Нас тут замело, снег чуть не до крыш. Возвратиться до завтра просто невозможно. Представляешь?

— Представляю,— тихо ответила Анна. Позвони он пораньше, она еще нашла бы какой-то ответ, какие-то слова, но сейчас ее только бил озноб.

— Ну то-то,— сказал Креймер.— Увидимся завтра. Сегодня, малышка, уж как-нибудь обойдись без меня!

Он дал отбой.

О многом еще надо было позаботиться, многое сообразить. Анна легла спать и вопреки советам врача приняла пару таблеток снотворного. Последнее, о чем она подумала, засыпая,— не забыть бы завтра надеть что-то подходящее для метро...

Наутро она проснулась рано. Сон привел разбежавшиеся мысли в порядок. Она оделась, прошла в гостиную, присела к столу и написала Креймеру письмо.

Как всегда, ее воспитание и привычка всей жизни скрывать свои чувства дали о себе знать. Письмо получилось лаконичным. Чувства не нашли, вернее, почти не нашли в нем выражения. Ей стало известно, что он изменяет ей на протяжении многих лет. Она расценивает это как предательство. Она не желает продолжать подобную жизнь. Она уверена, что он без труда найдет себе утешение с другой,— только эта последняя фраза отчасти выдала ее подлинные переживания.

Прежде чем запечатать, она наскоро перечитала письмо. С горечью подумалось, что, если Креймер захочет использовать письмо при разводе, оно послужит отличным доказательством холодности и бесчувственности прежней жены. Но переделывать что-либо не оставалось времени. Анна заклеила конверт и положила его на камин.

Выйдя из дому, она остановила такси и поехала на встречу с Джеррардом и Слейтером.

7

— Спустимся здесь...

Холден, генеральный директор ремонтных служб лондонской подземки, легко спрыгнул с платформы и обернулся, чтобы предложить руку Анне Креймер. Остальные, последовав за ней, выстроились вдоль силового рельса. Холден бросил взгляд на часы:

— Линия вспомогательная, используется только в часы пик. Поездов больше не будет, не так ли?

Вопрос был адресован начальнику станции, приземистому пожилому человечку в форменной фуражке. Красные пятна на его лице говорили о повышенном давлении и хроническом бронхите. От напряжения начальник дышал с присвистом:

— Последний прошел в десять десять, сэр...

— Хорошо,— Холден повернулся к остальным.— Тогда отправляемся...

В руках у генерального директора был тяжелый электрический фонарь, и он показал им на зияющее жерло тоннеля. Начальник станции включил ремонтное освещение — рубильник находился у края платформы,— в тот же момент перед ними чередой высвеченных мертвенно-бледным светом ребер зловеще изогнулся тоннель.

— Линия еще под током...— бросил через плечо Холден.

Слейтер поднял на него глаза.

— Разве это не опасно?

— Ну, если вы ухитритесь упасть между этими двумя рельсами...

Анна нервно вцепилась в руку Джеррарда.

Холден зашагал по путям, за ним следовали Слейтер, Джеррард и Анна, начальник станции замыкал шествие. Несколько шагов — и они оставили выложенную белым

кафедем, успокаивающе знакомую станцию с ее рекламными щитами и очутились в гнетущей тьме тоннеля. Здесь было довольно прохладно, холоднее, чем ожидал Джеррард. Ведь он читал где-то, что в подземных сооружениях круглый год сохраняется постоянная температура, что там прохладно летом и тепло зимой. Воздух казался затхловлажным. Чувствовался сильный устойчивый сквозняк.

Холден, шагая впереди, время от времени указывал на препятствия и освещал их своим фонарем. Наконец он огляделся и сказал:

— Вот мы, по-моему, и пришли. Верно, начальник? Тот кивнул, совершенно запыхавшись.

— Верно. Вот там, наверну...

И показал на противоположную стену тоннеля.

Они вышли на пересечение двух линий метро. Одна из них, видимо, давно уже не эксплуатировалась. Ее преграждал толстый стальной щит. В отличие от блестящих рельсов действующей линии ее рельсы были покрыты ржавчиной. Откуда-то тянуло запахом тления, заставившим Анну вздрогнуть.

— Вот, пожалуйста...

Холден повел их через рельсы к наглухо закрытой двери. Подле нее виднелись густая сеть кабелей и несколько распределительных щитов, похороненных под толстым слоем пыли. Экспедиция пересекла пути, и начальник станции включил еще одну лампочку над блоком предохранителей.

Слейтер вышел вперед и кончиком карандаша осторожно тронул изоляцию верхних кабелей. Она отваливалась сырыми липкими комьями. Он поднес карандаш к носу: пахло гниющим мясом с примесью аммиака.

Джеррард, сняв с плеча сумку и распаковав ее, принялся аккуратно собирать шпателем образчики размягченного пластика в специальные баночки.

— Велик ли участок поражения? — обратился он к Холдену.

— Трудно сказать. Мы отрядили бригаду проверить весь район. Пока что дело как будто ограничивается этим скрещением, но ручаться нельзя...

— Слышите? — встрепенулась Анна. Откуда-то издалека доносилось глухое громыханье, которое с каждой секундой становилось все отчетливее. Анна беспокойно отступила.

— Не беспокойтесь, все в порядке, мисс, вы здесь в полной безопасности, состав идет по другому тоннелю...

Громыханье нарастало; в главном тоннеле показались огни быстро приближающегося поезда. В следующее мгновение, расколов воздух, он пронесся мимо. По лицам замелькали огни вагонов. Тоннель задрожал от перестука колес по рельсам. Затем внезапно все кончилось, шум утих, вдали, их снова окружал мрак.

— Как вы думаете, это явление не будет распространяться? — спросил Слейтер. — Ведь если изоляция начнет отваливаться, короткое замыкание неминуемо, ну и...

— Вы меня спрашиваете? — резко отозвался Холден. — Вы, специалист?..

Слейтер замолк, и они с Холденом устремили взгляды на Джеррарда. Тому стало не по себе. Какого черта, надо было предоставить Райту самому выпутываться из неприятностей. А теперь от него ждут суждений о том, о чем он не имеет ни малейшего представления...

— Прежде всего следует доставить образцы в лабораторию и установить скорость реакции... — он запнулся, — скорость реакции, вызывающей процесс разрушения. Полагаю, что непосредственной опасности нет.

Он продолжал аккуратно, слой за слоем отделять размягкий пластик, раскладывая его по баночкам, которые, тщательно завинтив, прятал обратно в сумку.

Анна достала миниатюрную фотокамеру со вспышкой и сделала несколько снимков нарушенной изоляции и всего тоннеля.

— Имейте в виду, без нашего разрешения эти снимки использовать нельзя, — заявил Холден.

— А мы и не собираемся их публиковать, — сухо ответила Анна, — мы помогаем вам по вашей же просьбе. — Она приладила к камере объектив для съемки крупным планом и сделала снимок того участка кабеля, где изоляция была повреждена особенно сильно и из-под нее проступала медная жила. — Снимки нам понадобятся, чтобы установить, откуда взят тот или иной образец.

— Вы еще долго? — осведомился начальник станции, обращаясь к Джеррарду.

— Я кончил.

Начальник повернулся к Холдену.

— С вашего разрешения, сэр, нам пора...

— Вы удовлетворены осмотром? — осведомился Холден у Слейтера.

— Да, вполне, благодарю вас.

— Хорошо, тогда поспешим...

Начальник станции, уже проявлявший признаки беспокойства, повел их с фонарем в руке в обратный путь. Они цепочкой последовали за ним.

И вдруг совершенно неожиданно тоннель, казалось, поднялся дыбом. Бетонное основание пути трянуло их и швырнуло навзничь. За ударом последовал нарастающий грохот. Затем несколько сильных взрывов еще и еще сотрясли стены тоннеля, перекашивая бетонные и стальные крепи, сверху сыпался дождь обломков. Ребра тубингов сгибались и разгибались, как резиновые.

Едва люди в облаках пыли поднялись на ноги, раздалось еще несколько более отдаленных взрывов. И наконец наступила тишина, нарушаемая лишь клацаньем осыпавшихся со свода мелких чешуек.

— Господи, что это? — спросил Слейтер. Ответом ему был еще один взрыв, пожалуй, чуть более отдаленный. Тоннель вновь покачнулся, и глубоко под ногами они ощутили какую-то неровную дрожь.

— Быстрее, — крикнул Холден, — на станцию! Бегом!

Он бросился в сторону платформы. Все последовали его примеру, но тут, мигнув, погасло освещение. Впереди на станции автоматически включились тусклые мерцающие аварийные огни. Поезд еще не ушел, они видели его хвост и слышали возбужденные голоса и крики.

Когда они подбежали ближе, послышалось шипение сжатого воздуха, двери вагонов открылись, и на платформу высыпали встревоженные пассажиры. В отдалении опять дважды прозвучали взрывы, и станцию, как и тоннель, снова встряхнуло и выпрямило.

Закричала женщина. Пассажиры начали протискиваться по переходам к эскалаторам.

— Придется нам лезть через состав, — сказал Холден.

Он вскочил на ступеньку и принялся открывать дверь в кабину машиниста. Но едва Холден справился со своей задачей, ударил новый громовой раскат, и воздушная волна едва не сбросила состав с рельсов.

На смену полутьме пришел ослепительный свет. Дальний конец поезда и большая часть самой станции в мгновение ока оказались охваченными яростным пламенем.

Холден рывком распахнул вторую дверь и через вагон выбрался на платформу, остальные поспешили за ним. Тут царил полная паника. Пассажиры в отчаянии мета-

лись, цепляясь друг за друга в тщетных попытках ускользнуть от струй огня, бивших из разверстого жерла тоннеля на противоположном конце станции. Слепая от страха толпа валила с ног детей и стариков, тут же затаптывая их насмерть. Какая-то женщина, прикованная ужасом к месту, оцепенело смотрела, как прямо на ней сначала затлело, а потом факелом вспыхнуло ее долгополое пальто. В руках пожилого мужчины взорвалась полиэтиленовая канистра, и он в мгновение ока обратился в огненный шар. Какой-то делец, растеряв всю свою привычную сдержанность, лягался и выл, раскидывая встречных, а его костюм пылал у него на спине.

Иссохшие деревянные рамы стареньких, образца девятидесятых годов, вагонов полыхали как спички; трескаясь от жары, рассыпались со звоном стекла. Люди на глазах чернели, падали, как только пламя накрывало их. Корчась, словно облитые бензином муравьи, они, наконец, застывали в жутком обугленном покое.

Внезапно на фоне полыхающего пламени показались еще две гротескно высвеченные фигуры, одежда на них пылала, они с трудом держались на ногах.

Прикрывая лицо от невыносимого жара, Джеррард и Слейтер кинулись им навстречу. Джеррард протянул руку к тому, кто, шатаясь, брел первым, — и тут же отпрянул в ужасе. Едва он коснулся пальцев этого человека, кожа вместе с мясом снялась с них, как ветхая перчатка. Человек посмотрел на Джеррарда невидящими глазами, согнулся и упал лицом вниз.

Второй не успел подойти близко — его догнал новый порыв пламени. Слейтер отскочил, опалив себе волосы и брови.

Еще несколько секунд Джеррард тащил останки своего подопечного по платформе, не сознавая, что это уже бесполезно, а потом вместе со Слейтером присоединился к остальным.

Одним прыжком они вернулись в хвостовой вагон. Там теперь командовал незнакомый высокий мужчина. Он наклонился к своей спутнице — молодой блондинке.

— Ты можешь встать, Вэнди?

Блондинка открыла глаза и слабо кивнула.

— Тогда давай выбираться отсюда. — Он обратил свое внимание на Анну. — Пожалуйста, помогите мне.

Дородный и властный, он, видимо, больше привык повелевать, чем просить. Вдвоем они спустили блондинку

со ступенек на рельсы, остальные не замедлили последовать за ними. Только начальник станции все еще нерешительно мялся в дверях вагона, а поезд за его спиной яростно пылал.

— Да спускайтесь же, ради бога! — поторопил его Холден.

Начальник обернулся.

— Право, не знаю. Там такая уйма народу...

Он показал на огненную преисподнюю.

— Мы им ничем не поможем, — нетерпеливо сказал Холден. — Спускайтесь!

Начальник все колебался.

— Есть еще один путь наверх, — сказал он наконец.

— Какой? — отозвался Холден.

— Под эскалатором.

— Ничего не выйдет, — возразил Холден. — Ступеньки эскалатора тоже деревянные. Там сейчас такое же пекло. — Он протянул руку и поддержал начальника станции, пока тот неуклюже слезал со ступенек. — У нас остался единственный шанс — по путям до следующей станции. Далеко это, Билл?

— Нет, не очень, — ответил начальник. — Метров восемьсот...

Порывы горячего ветра налетали на них сквозь дверь, пока Холден с трудом не затворил ее. Остальные спокойно переминались с ноги на ногу.

— А следующий поезд, — беспокоился Слейтер, — нас не...?

Он замолк, не окончив фразу.

— Поезда не будет, — сухо сказал Холден, — сеть обесточена.

— Допустим, — не унимался Слейтер, — но путь идет под уклон. Что если этот поезд покатится следом за нами?

— Он на тормозах. Его-то бояться нечего...

И они двинулись по тоннелю обратно. Воздух, прежде прохладный, быстро нагревался, нагоняя и обтекая их. По тоннелю эхом перекачивался треск и рев огня у них за спиной. Хвостовой вагон тоже занялся, разбрасывая искры, и длинные языки пламени тянулись за ними вдогонку, резко вычерчивая их тени на ребрах тьюбингов. Наконец они одолели поворот и вышли к пересечению, где недавно рассматривали поврежденные кабели. И блондин-

ка Вэнди, и начальник станции задыхались. Остановившись, Холден осмотрелся вокруг.

— Подождите немного,— сказал он.— А я разведая, что впереди.

— Я с вами,— вызвался Слейтер.

Холден покачал головой.

— Пожалуйста, оставайтесь здесь.

С этими словами он направился вдоль главной линии.

Остальные присели на кучу запыленных шпал. Огня они теперь не видели, однако воздух в тоннеле все более накалялся. Начальник станции, который дышал все тяжелее, зашелся в кашле.

Дородный мужчина вдруг решил обратиться ко всем сразу:

— Моя фамилия Первис. Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит?

В нем была какая-то нетерпеливая надменность, производившая не слишком приятное впечатление. Слейтер пожал плечами.

— Сами знаем не больше вашего...— Резко обернувшись, он подхватил фонарь из рук начальника станции, который начал оседать, видимо, теряя сознание.— Эй,— позвал Слейтер Джеррарда,— посмотрите-ка, что с ним!

Джеррард склонился над начальником, съезжавшим все ниже по стене тоннеля: лицо у того побагровело, он судорожно ловил ртом воздух, полузакрыв глаза. Джеррард распустил ему галстук и приложил ухо к его груди.

Слейтер решил все же отправиться следом за Холденом.

— Послушайте, не вздумайте забрать его,— сказал Первис, имея в виду фонарь.— Он же у нас единственный...

С минуту Слейтер задумчиво смотрел на фонарь, потом пожал плечами:

— Наверное, вы правы...

Он передал фонарь Первису, повернулся и на ощупь побрел по тоннелю в ту сторону, куда ушел Холден.

В

Район, примыкающий к вокзалу Кингз-кросс, представляет собой, надо думать, один из самых сложных транспортных узлов в мире.

На поверхности раскинулся большой и причудливый комплекс дорог с никогда не прекращающимся движением. Грузовики со стоном заворачивают вверх по Йорк-уэй, направляясь к Грейт-Норт-роуд; густые потоки фургонов и лимузинов текут на запад по Юстон-роуд к центру города, и там, где эти потоки встречаются, создается почти невыносимый хаос. Всего здесь, в непосредственной близости к вокзалу, сходятся шесть крупных улиц, и к этому еще следует добавить транспорт, движущийся к расположенному чуть дальше на запад вокзалу Сент-Панкрас.

Шум, грохот, зловоние выхлопных газов — таков удел этих улиц с раннего утра до поздней ночи. Пешеходы, которые рискнули попасть в это царство гула, лязга и скрежета тормозов, с трудом увертываются от напирających на них чудовищ и стараются как можно скорее нырнуть в дезинфицированную атмосферу подземки или лезут наверх, навстречу свисткам и толчее железнодорожных платформ. Либо вниз, либо вверх — других путей спасения отсюда попросту нет.

Под запруженными тротуарами и содрогающимися мостовыми расположен еще один запутанный узел: тоннели, переходы, эскалаторы, пути — станция метро Кингз-кросс. Те, кто проносится по ярко освещенной паутине ее тоннелей, никогда не задумываются, что их окружает еще и хитросплетение городских артерий — водопроводных, газовых и сводчатых канализационных труб, а также кабелей и коллекторов, пронизывающих все вокруг. Одних только труб, стань они видимы, хватило бы, чтобы вызвать у пассажиров острый приступ клаустрофобии, а если еще представить себе давление, оказываемое на них толщей земли, станет и вовсе невозможно.

В сутках есть, быть может, всего два часа, когда на земле и под землей воцаряется относительный покой. От половины второго ночи до половины четвертого утра движение, наконец, сокращается, и опустевшие туманные улицы мрачно блестят в резком свете натриевых ламп. А внизу по гулким окоченевшим тоннелям движется тем временем небольшая армия уборщиков, обходчиков и техников-ремонтников, которая методически очищает сверкающие рельсы от масляных натеков и осматривает переплетение линий связи и силовых кабелей, подвешенных прямо к ребрам чугунных колец.

Те, кто передвигается по земле, и те, кто идет или едет под землей, никогда не видят друг друга, хотя кое-

где их разделяет всего лишь метровое пространство, только оно и препятствует невообразимому смещению.

В районе Кингз-кросс пересекается пять уровней рельсовых путей. Прежде всего это проложенные по поверхности линии Британских железных дорог, затем, сразу под поверхностью, выстроенная еще в прошлом веке компанией «Метрополитен» линия Иннер-серкл — внутренняя кольцевая. Чуть ниже кольцевой недавно пробита так называемая Сэмсоновская линия — от станции Виктория к кварталам Хорнси и Ислингтон, затем, еще ниже, лежат тоннели линии Пикадилли и, наконец, самая глубокая из всех — Северная линия.

Каждая из этих линий построена своим, отличным от других способом. Стены тоннелей Иннер-серкл, к примеру, сложены из кирпича, а пути здесь покоятся прямо на голой земле. Сэмсоновская линия, напротив, собрана из бетонных секций. Поскольку она вклинилась между кольцевой и Пикадилли, то во время ее строительства лишённые поддержки пути старинной Иннер-серкл пришлось кое-где специально укреплять стальными плитами и во избежание обвала подводить под них гигантские гидравлические опоры.

Прежде чем Лондон был сплошь покрыт безобразной каменной и бетонной коркой, с Северных холмов к Темзе стекали несколько вольных речушек. Но когда человек, неумный строитель, разбросал плоды своих трудов по всей округе, речки эти выпрямили, сузили и в конце концов загнали под землю и заперли в трехметровых трубах. Так, речка Флит, некогда открытая солнцу и небу, а теперь превращенная в сточную канаву, протекает буквально за стеной одного из подземных кассовых залов метро.

В путаницу тоннелей вплелись еще и две крупные параллельные водопроводные магистрали, газовые магистрали полуметрового диаметра, а также обводной канализационный канал, сооруженный еще в 1842 году.

Жизнь современного города — в сущности баланс на острие ножа: она зависит от равновесия между отдельными перегруженными системами и от отсутствия нежелательных взаимодействий между ними. А подобное взаимодействие может возникнуть от тысячи причин.

Именно такое незначительное происшествие привело в конце концов к катастрофе в тоннеле Сэмсоновской линии неподалеку от станции Кингз-кросс.

В действительности все началось несколькими неделями ранее, когда сквозь дефектный стык меж двумя секция-

ми Сэмсоновской линии просочилась никем не замеченная капелька воды. Заурядная эта капелька сама по себе не составила бы ни малейшей опасности. Но в данном случае вода оказалась из протекающей по соседству бывшей речки Флит.

Опять-таки и этот факт остался бы без последствий, если бы просочившаяся вода не содержала в себе двух необычных ингредиентов и если бы кабели, висящие на стенке тоннеля, не были покрыты оболочкой из пластика. Злому случаю было угодно, чтобы внешняя оболочка кабеля была именно пластмассовой, в то время как собранные в нем провода в большинстве своем несли на себе изоляцию из синтетического каучука.

В течение последующих недель пластмассовая оболочка, понемногу размягчаясь и разлагаясь, отваливалась влажными клейкими кусочками с дурным запахом. Однако каучук все еще предохранял жилы проводов, так что электрические цепи продолжали работать и системы связи оставались нетронутыми; ни к инженерам, ни к диспетчерам никаких тревожных сигналов не поступало.

Реакция нарастала медленно, если не считать легкого шипения вздувающихся и лопающихся на поверхности изоляции пузырьков. Пузырек за пузырьком — и тоннель постепенно стал заполняться газом. Частично он рассеивался, частично отсасывался вентиляционными устройствами, но какое-то его количество все же задерживалось в путевых «карманах», накапливалось во вспомогательных помещениях и между поперечинами тоннельного свода.

На улице толпы служащих спешили домой, закрывая лица воротниками пальто от пронизывающего декабрьского тумана. Входы в метро, как разверстые пасти гигантских доисторических чудовищ, заглатывали людские потоки, и те стекали по ступенькам и эскалаторам вниз, навстречу яркому свету и теплу. Едкая мгла замедлила уличное движение едва ли не до скорости пешехода, машины нетерпеливо рычали и чадили, повинаясь жестам полисменов в надетых поверх шинелей светящихся оранжевых жилетах.

А под землей, в заполненном газом тоннеле Сэмсоновской линии, реакция наконец-то оголила две медные жилы. Они располагались одна над другой, и верхняя, под напряжением 170 вольт, провисла над нижней, которая была заземлена. Они соприкоснулись. Мгновенная искра — и ток, питавший линию, оборвался.

В диспетчерской на Кобург-стрит дежурный инженер в изумлении поднял брови: перед ним загорелся невиданный прежде сигнал. В ту же секунду в тоннеле раздался первый взрыв — вспыхнул пойманный в ловушку газ. Произошло это в промежутке меж двумя поездами, движущимися на север, и ударная волна оказалась, таким образом, стиснутой цилиндрическим пространством между ними.

Стремительная стена пламени ударила в хвост первого поезда и разнесла стекла в кабине машиниста второго. Когда сила взрыва достигла апогея, крепление секций тоннеля не выдержало, и они разошлись, потянув за собой стальные и бетонные конструкции расположенной выше линии Иннер-серкл. Между линиями проходила шестидесятисантиметровая газовая труба — она лопнула, и вниз, в тоннель, хлынул еще и поток бытового газа. Он заполнял пространство между двумя поездами, а на стенах искореженного тоннеля еще тлели недогоревшие провода. Достигнув определенной концентрации, смесь бытового газа с воздухом тоннеля тоже взорвалась.

С ревом, слышимым на километры вокруг, тоннель Сэмсомновской линии взлетел вверх, пробив кирпичный свод Иннер-серкл и метровый слой грунта, отделявший его от поверхности. Именно в этот момент Джеррарда и его спутников глубоко под землей швырнуло навзничь на рельсы.

Мостовая вдруг стала постепенно, как при замедленной съемке, вспучиваться, а потом лопнула, словно волдырь, и из-под земли к небесам вырвался, как при ядерном взрыве, желто-оранжевый огненный шар. Ударная волна, всколыхнув туман, разорвала его на кривые полосы и понесла сквозь плотные ряды машин.

Движение прекратилось: машины сталкивались, переворачивались, вылетали на тротуары, сбивая пешеходов. Огромный грузовик с прицепом, груженный стальными трубами, развернувшись юзом, сшиб две другие машины, а его кабина, отделившись, перевернулась и съехала в зияющую дыру. Трубы свалились и покатались на онемевшую от ужаса толпу, круша и подминая ее под себя, подобно чудовищному рольгангу.

На линии Иннер-серкл машинист тщетно пытался остановить переполненный состав, мчавшийся в сторону взрыва. Но это ему не удалось, и головной вагон вылетел на участок, лишенный опоры, пошел под уклон и спикировал

вниз, на Сэмсоновскую линию. Вагоны смяли друг друга, обратившись в кровавое месиво пополам со стеклом и щепой.

Лопнувшая газовая магистраль, еще недавно замурованная в бетон меж двумя туннелями, теперь извергала ввысь десятиметровый столб огня. Гигантский факел плясал на обломках вагонов, и высохшая от времени древесина превращала их в кошмарный погребальный костер.

Из желтой мглы показались пронзительные синие «мигалки» полицейских машин, тревожно взвыли сирены карет скорой помощи. В фургонах прибыли люди в форме, которые быстро и умело оттеснили толпу и перекрыли подъезды к району бедствия. Пожарные боролись с пламенем, извергавшимся из кратера.

Джеррард обвел спутников взглядом. Анна кивком показала на начальника станции:

— Что с ним?

— Вероятно, выкарабкается, если мы не застрянем здесь уж очень надолго,— ответил Джеррард.— Левосторонний отек легкого...

— Этого нам только не хватало,— буркнул Первис и отвернулся. Посмотрев в туннель, он добавил: — Долго они там собираются возиться? — По туннелю уже начал просачиваться дым.— Здесь мы скоро попросту задохнемся...

— Но мы все еще не знаем, что произошло,— откликнулся Джеррард.

Первис посмотрел на него с раздражением.

— Черт с ней, с причиной, но не бросать же здесь этого бедолагу!

Тут Джеррард обратил внимание на третьего из компании Первиса: это был тощий человек с темными волосами и каким-то птичьим лицом. За все время он не прооронил ни слова.

— Ладно,— сказал канадец,— только помогите мне оба...

Первис кивнул в сторону тощего:

— Это Харди, секретарь нашей фирмы...

Джеррард вновь подумал, что представляться в подобных обстоятельствах — совершеннейший абсурд.

Дым уже вился вокруг них, начальник станции дышал, широко раскрывая рот и время от времени надрывно кашляя. Джеррард рывком поднял его на ноги. Харди подобрался с другой стороны и подсунул руку под плечо больного, однако сдвинуть обвисшее тело ему оказалось не по силам.

— Извините, у меня что-то не получается, — начал он. Первис бесцеремонно оттолкнул его.

— Дайте-ка я...

Он положил руку начальника себе на плечи и, ухватившись за нее, оторвал его тело от земли.

Бледная как полотно Вэнди прижимала к носу платочек. Анна прикрыла рот шарфом. Все двинулись дальше — Харди, взяв фонарь, освещал дорогу.

Пошатываясь, они брели по дымному тоннелю, перекресток уже скрылся за спиной. Анна шла следом за Джеррардом, которому не без труда удавалось удерживать на ногах начальника.

— Люк, — тронула она его за руку.

— Да?

— А что если поезд, который позади, покатится на нас?

Джеррард слегка повернул к ней голову.

— Я тут видел какие-то соединительные проходы. Кажется, Холден называет их сквозными норами. Спрячемся в одну из них...

— Да куда же, черт возьми, подевались эти двое? — ворчал Первис.

В самом деле, они уже прошагали по изгибающемуся тоннелю метров триста, а Слейтера или Холдена не было и в помине.

— Должно быть, мы уже недалеко от следующей станции, — предположил Джеррард.

Но тут Харди сдавленно вскрикнул и, остановившись, направил луч фонаря на что-то впереди. В мутном свете все не сразу разобрали, что это ползущий на четвереньках человек. Когда человек поднял голову, они узнали Слейтера. Невидящими глазами он секунду смотрел на них, а потом упал на рельсы.

Джеррард и Первис, быстро прислонив начальника к стенке, бросились вперед. Джеррард выхватил у оцепеневшего Харди фонарь и склонился над Слейтером. Тот казался мертвым.

— Скорее,— воскликнул канадец,— искусственное дыхание!..

Он ловко перекатил Слейтера на спину и, пощупав пульс, начал ритмически разводить и прижимать его руки к груди. Прошло с полминуты. Джеррард, опять склонившись к лицу Слейтера, уловил первые чуть слышные вздохи. Потом канадец вновь принялся за работу, и наконец минуты через четыре грудная клетка Слейтера судорожно поднялась и ритмично задвигалась.

Джеррард откинулся к стенке. Он и сам дышал тяжелее обычного.

Первис подошел и протянул ему что-то:

— Дайте, вдруг поможет...

Джеррард взял фляжку в кожаной с серебром оплетке и поднес ее к губам Слейтера. Сначала тот никак не реагировал, а потом закашлялся и раскрыл глаза. Он даже попытался подняться, но скривился от боли.

— Вы можете говорить? — Джеррард бережно поднял его, помогая сесть. — Что случилось?

Слейтер ответил ему усталым взглядом.

— Не знаю. Путь впереди... завален... частично завален.

— А где Холден?

— Хотел пролезть через завал, потерял сознание. Я старался его вытащить, но... не смог.

Слейтер вновь закрыл глаза, тяжело дыша.

— Пойду посмотрю,— сказал Джеррард.

— И я с вами,— торопливо поднялся вслед за ним Первис.

Уклон впереди оказался неожиданно крутым. Свет фонаря осветил лежащие поперек пути искореженные металлические конструкции и груды обвалившейся земли. Путь был перекрыт, только в одном месте между обломками виднелся лаз. Из-под обвала сочилась вода. Все это не могло не действовать на нервы.

— Бог мой! — воскликнул Первис. — На какой мы глубине?

— По словам Холдена, глубина здесь метров восемнадцать. Над нами всего одна линия, Иннер-серкл. Взрыв, наверное, был где-нибудь там...

Не хватало воздуха. Оба начали задыхаться. Джеррард посветил фонарем в узкий лаз.

— Он, должно быть, полез в эту дыру...

Первис шарил по карманам. В тусклом свете фонаря они увидели торчащую из-под обломков ногу. Услышав за спиной чирканье спички, Джеррард в ярости обернулся:

— Идиот, погасите сейчас же! Газ!

Но пламя спички, коротко мигнув, погасло.

— Не горит. Видно, здесь двуокись углерода...

Дышать стало совсем тяжело. Джеррард почувствовал легкое головокружение — это был первый симптом отравления углекислым газом. Он попытался подобраться к Холдену поближе, но силы изменяли ему. Первиса тоже покачивало. Джеррард заставил себя выпрямиться: он уже едва держался на ногах.

— Скорее отсюда! Да двигайтесь же, ради бога!.. — выдохнул он, и они вдвоем, шатаясь как во хмелю и поддерживая друг друга, с трудом выбрались из-под уклона вверх. Добравшись до остальных, оба рухнули наземь.

— Что с вами? — встревоженно вскрикнула Анна.

— Газ... — только и ответил Джеррард. Язык не повиновался ему.

Слейтер сидел с фляжкой в руке. Он уже почти пришел в себя.

— А что с Холденом? — поинтересовался он.

Джеррард слабо покачал головой.

— К нему не пролезть. Никаких шансов. Он, по-видимому, давно умер.

Все помолчали, потом Первис спросил:

— Откуда взялся этот газ?

— Не знаю, — ответил Джеррард. — Ясно только, что нам надо выбираться отсюда, и побыстрей.

— Но здесь-то этот газ на нас не действует?

Голос Харди слегка дрожал.

— Углекислый газ тяжелее воздуха и держится внизу, — ответил Джеррард. — Может, он и поднимается к нам, но постепенно...

С другой стороны тоннеля огонь швырял в них пушистые облака дыма.

— Куда же мы теперь? — спросил Слейтер.

— Кажется, я видел соединительный проход, — заметил Первис, — метрах в пятидесяти отсюда...

— Но мы же не знаем, куда он ведет, — отозвался Слейтер. Он оглянулся на начальника станции, который дышал теперь немного ровнее, но глаз так и не открывал. — Надо выяснить. Растолкайте его!

Первис приблизился к начальнику и потряс того за плечо.

— Эй! — позвал он громко. — Эй!..

Джеррард оттолкнул руку Первиса.

— Дайте мне бренди.

Слейтер протянул фляжку, и Джеррард слегка смочил губы больного. Веки начальника затрепетали, и он открыл глаза. Джеррард склонился над ним, осветив фонарем его лицо.

— Вы меня слышите?

Начальник станции медленно кивнул.

— Нам придется искать другой путь наверх. Тут есть сквозная нора, куда она ведет?

Начальник хлебнул ртом воздух и попытался что-то сказать. Джеррард дал ему еще глоток бренди.

— Там лестница... — проговорил он отрывисто, борясь с удушьем. — Лестница... вниз... на линию... Пикадилли.

— А не вверх?

— Нет... вниз.

— Не станем же мы спускаться еще глубже! — возмущился Первис.

Джеррард в раздражении выпрямился.

— А что еще вы можете предложить? Остаться здесь? — Дым клубился все гуще. Канадец повернулся к Слейтеру. — Вы в состоянии идти?

Слейтер осторожно пощупал ноги.

— Думаю, что да. Я не подведу!

Джеррард бросил вопросительный взгляд на женщин. Обе кивнули. Тогда он вручил фонарь Слейтеру:

— Мы за вами...

Он подозвал Первиса, и они подняли на ноги начальника станции. Когда они втроем достигли бокового прохода, остальные уже пробрались внутрь. Кое-как им удалось затащить туда и начальника. К немалому общему облегчению, тут было не так дымно и явно ощущался приток прохладного свежего воздуха.

Немного отдохнув, Джеррард с Первисом волоком протащили начальника сквозь небольшой квадратный люк в дальнем конце прохода. За ним оказалось довольно просторное помещение. Спутники их стояли вокруг темного колодца в полу, куда вела старая ржавая лестница.

Харди посветил фонарем вниз. Из отверстия тянуло свежим чистым ветерком. Джеррард решился на риск.

— Есть у вас еще спички? — обернулся он к Первису.

Тот достал из кармана коробок и чиркнул. Спичка загорелась ярким пламенем.

— Газа тут нет,—сделал вывод Джеррард.—Считайте, у нас появился шанс...

— А что делать с этим? — Первис показал на начальника станции, который, опять потеряв сознание, откинулся к стене.— По такой лесенке нам его не спустить...

— Выберемся, тогда возвратимся за ним,—сказал Джеррард.— Пожар ему здесь не страшен, да и дым, пока снизу дует, сюда не доберется.

— Неужели вы его здесь бросите?! — воскликнула Анна.

— Ничего не поделаешь,—ответил Джеррард и заглянул вниз.— Слишком уж он тяжел, без веревок тут с ним не справиться.

— У меня и у вас есть пояса,—продолжала Анна и, посмотрев на начальника станции, добавила: — У него, смотрите, тоже есть. Разве нельзя связать их все вместе?..

— Но в нем без малого сто килограммов! Никакие пояса не выдержат.

В этот момент Ванди, отвернувшись, залилась слезами, и Анна, к облегчению Джеррарда, оставила спор и принялась ее успокаивать.

— Вот где пригодился бы второй фонарь,—сказал Джеррард.

— Что? — переспросил Первис.— А куда же он делся? Слейтер пожал плечами.

— Он был у Холдена...

— Почему же вы не забрали его?

Первис был резок и зол. Слейтер ответил просто:

— Я старался спасти человека, а не фонарь!..

Первис бросил на него яростный взгляд, потом направился к лестнице.

— Я на разведку,—заявил он и, перешагнув через край, начал спускаться. Когда его голова была уже на уровне пола, он вдруг остановился.— Дайте мне свой фонарь!

— Он нам самим нужен.

Джеррарду пришлось отвлечься от больного начальника станции. Былое достоинство Первиса испарялось на глазах.

— Не стану я туда спускаться без света! Дайте мне его!

И он властно протянул руку.

— Я вам посвечу,— предложил Джеррард.

Двое мужчин неприязненно уставились друг на друга.

— Пойдите, у меня ведь тоже есть фонарик,— вспомнила Анна и открыла сумочку.— Правда, он совсем маленький, но, может быть, пригодится...

Она вытащила крошечный фонарик для подсветки замочных скважин, прикрепленный к колечку с ключами, и включила его. Фонарик послал во мрак тусклый желтый лучик. Но Первис, не сказав ни слова, взял его и исчез в колодезе.

Джеррард обвел взглядом остальных. Потом кивнул Харди:

— Вы следующий.— Харди перелез через край и отправился следом за Первисом.— Теперь вы двое...

Это относилось к женщинам, затем настала очередь Слейтера. Джеррард бросил последний взгляд на начальника станции и, сняв с себя плащ, укутал им бесчувственного толстяка.

— Вы меня слышите? — спросил канадец. Ответом ему было едва заметное дрожание век.— Тогда запомните.— Он говорил почти в самое ухо больного.— Мы пошли за помощью. Понимаете? — Последовал слабый кивок.— Как только сможем, непременно за вами вернемся. А пока вы побудете здесь в полной безопасности.

На этот раз ответного кивка не последовало, только подрагивание век говорило, что больной слышит. Джеррард круто повернулся, осветил фонарем в колодезь, затем перекинул ноги на лестницу и начал спускаться. Стены колодезя были серыми и липкими, на потемневших от старости кирпичах виднелись натеки извести. Казалось, что находишься внутри печной трубы. До слуха Джеррарда эхом донесся крик Первиса:

— Я внизу!.. Тут вроде бы все спокойно...

Все стали спускаться резвее, подошвы скрипели на древних скобах, хлопья ржавчины сыпались в глаза.

Добравшись донизу, они очутились в невысоком сводчатом помещении с кирпичными стенами. В дальней стене была тяжелая стальная дверь с массивными засовами. Посреди комнаты на козлах лежали какие-то доски, а на них тяжелые гаечные ключи и разной длины трубы. Возле сварочного аппарата валялись две кирки и лом. На полу стоял чайник, а рядом — две кружки и пакетик чаю. Слейтер принялся рассматривать инструмент, а Анна взяла в руки чайник.

— Теплый! — воскликнула она.

— Слава богу, — отозвался Слейтер. — Значит, кто-то был здесь совсем недавно. Вопрос только в том, каким путем он отсюда ушел?

Джеррард направил луч фонаря сначала в самый конец помещения, потом осветил стальную дверь.

— Вот именно, — Слейтер первым высказал то, что сразу же пришло в голову обоим. — Вероятно, он или они вышли через эту дверь и... закрыли ее за собой. Наверное, так положено, если рядом пожар...

— От того, что мы будем здесь торчать, ничего не изменится, — раздраженно перебил его Первис. — Попробуем выйти другим путем...

Он первым направился в противоположный конец помещения. Тут был спуск. По лицам вновь заструился устойчивый ветерок.

— Воздух-то теплый, — шепнула Анна Джеррарду. Тот мрачно кивнул. — Значит, тут не выйти. Значит...

— Значит, — подхватил Джеррард, — одно из двух: или это просто спертый воздух с линии на другом, более глубоком уровне, или там тоже пожар.

С этими словами он поднял свой мощный фонарь так, чтобы осветить пространство впереди. Там оказался короткий и узкий лаз. В дальнем его конце луч фонаря осветил квадратный железный люк — выход. Тем временем Первис опустил свой фонарик вниз. Свет отразился в большой луже на полу.

— Придется нам лезть в эту лужу, — констатировал он.

— Подождите! — вмешался Джеррард. Первис застыл на месте. — Ну-ка, отойдите немного!

Первис неохотно подвинулся в сторону; Джеррард склонился к лазу и осветил одну из его стенок. По ней шла толстая связка кабелей, едва державшаяся на ржавых кронштейнах. В одном месте провода почти касались поверхности воды. Пролезть под ними было практически невозможно.

— Ну! — сказал Первис нетерпеливо. — Давайте же!

— Легче на поворотах, — огрызнулся Джеррард. — Потерпите. — Он еще раз медленно провел лучом по стене и кабелям. — А вы что думаете? — осведомился он у Слейтера.

— Чертовски рискованно,

— Почему? — поинтересовался Первис.

— А потому,— ответил Слейтер,— что если эти провода под током и кто-нибудь заденет их, стоя в воде, из него получится неплохо зажаренный бифштекс.

— Какой здесь может быть ток? Мы видели десятки лампочек, и ни одна не горела...

— Их могли просто выключить. А выключатель, допустим, по ту сторону двери.

— Все равно я полезу,— сказал Первис в раздражении и уже наклонился, чтобы втиснуться в узкую горловину.

— А я нет,— голос Слейтера казался особенно спокойным после упрямых и безапелляционных реплик Первиса.— Вам не пробраться на ту сторону, не задев проводов.

Теперь, когда глаза попривыкли к темноте, они стали различать слабый свет, исходивший с противоположной стороны лаза.

— Там что-то светится,— заметил Первис.

— Вот именно,— сухо отозвался Слейтер.— Потому-то я и не советую вам лезть туда.

— А вы можете предложить что-нибудь другое? — осведомился Первис.— Возражать вы мастак, а где ваши предложения?

Слейтер еще более понизил голос и заговорил сдержанно, почти шепотом:

— Будут и предложения, только соблаговолите выслушать.— Первис угрюмо уставился на него.— Пойдемте, я вам кое-что покажу.— Слейтер повел их обратно и осветил фонарем сварочный аппарат.— Вот, извольте. Все в полном комплекте.— Он бросил взгляд на дверь.— Держу пари, мы сумеем выжечь все эти замки и взрезать запоры...

Подняв фонарь, он поднес его к двери и вдруг издал торжествующий возглас. На стене была небольшая распределительная коробка.

— Вот это повезло,— сказал Слейтер. Шагнув вперед, он открыл коробку и опустил вниз рубильник. Тотчас же комнату залил яркий свет, и все, как по команде, инстинктивно прикрыли глаза руками.— По-моему, мы ухватили судьбу за хвост. В нашем распоряжении есть средства пройти через запертую дверь. Надо думать, эта дверь ведет наружу, иначе рабочие торчали бы здесь до сих пор. Разумеется, они ушли только этим путем. И...— он осмотрелся еще раз,— кажется,— он наклонился,— здесь есть даже еда!

— Еда? — переспросила Анна. — Где еда?

Слейтер показал на маленький деревянный ящичек.

— Они оставили нам завтрак.

Анна раскрыла ящичек и извлекла из него немного сыра, сухое молоко, сахар и жестянку, в которой оказались бисквиты. Первис тем временем обследовал дверь.

— Листовая сталь. Толщина не менее сантиметра. Нам никогда с ней не справиться...

Слейтер вдруг, вспыхнув от ярости, резко обернулся и оттолкнул бизнесмена к стенке.

— Да заткнешься ли ты, наконец? Осточертел...

Первис секунду помедлил, потом глаза у него сузились, и он ринулся на Слейтера с поднятыми кулаками. Джеррард встал между ними:

— Вам не кажется, что у нас хватает забот и без матчей по боксу? Только силы попусту тратите, прекратите!..

Какое-то мгновение казалось, что они оттолкнут Джеррарда и схватятся. Но боевого задора у спорщиков не хватило. Первис понуро отошел и сел на доски рядом с Вэнди, а Слейтер принялся за осмотр сварочного оборудования.

Минуту спустя Первис вытащил свою фляжку, встряхнул ее, проверяя, много ли там осталось, затем долил из чайника теплой воды и, навинтив колпачок, еще раз встряхнул, чтобы лучше перемешать содержимое.

— Тут немного, но, надеюсь, поможет, — сказал он, предлагая фляжку Анне.

Анна сделала глоток и пустила спиртное по кругу. Последним оказался Слейтер — он перевернул фляжку вверх дном и опустошил ее.

С четверть часа они просто сидели в ожидании, пока благодатное тепло не разольется по усталым конечностям. Лица их давно почернели от сажи. Безупречный деловой костюм Первиса был помят, а кое-где и разорван. Когда хмель взял свое, завязался разговор.

Джеррард неожиданно для себя увлекся беседой с Харди, который по рождению тоже оказался канадцем, просто его акцент за десять лет жизни в Лондоне сгладился. Харди был дипломированным социологом, он специализировался на изучении рынков сбыта и работал на Первиса. Джеррард не удивился, когда узнал, что фирма Первиса выпускает снаряжение для бульдозеров.

Но вот Слейтер, посмотрев на часы, поднялся на ноги.

— Пора начинать! Помогите мне, пожалуйста,— обратился он к Джеррарду.

Вдвоем они кое-как перетащили тяжелые баллоны поближе к двери. Слейтер отвернул главный вентиль и регулировал давление.

— Как вы думаете, сколько это займет времени? — спросил Джеррард, кивнув на дверь.

— Не знаю,— ответил Слейтер.— Я давненько не имел дела с этими штуками, но не менее двух-трех часов, все зависит от структуры металла. Дай нам бог, чтобы в баллонах хватило газа.

Оба они хрипло дышали, на лбу у Слейтера выступили капельки пота.

— Вы заметили...— начал Джеррард.

— Да,— перебил Слейтер,— с каждой минутой здесь становится жарче, видно, и содержание кислорода в воздухе падает...

— Точно,— согласился Джеррард.— Не говорите только другим.— Он многозначительно щелкнул по баллону с газом.— Что-что, а дышать нам эта штука не поможет...

— Мы теряем время,— отрывисто бросил Слейтер.— Не могли бы вы отвести всех отсюда подальше? Иногда пламя горелки создает обратный удар, и баллоны взрываются, словно бомбы. Не стоит лишним болтаться рядом.

Слейтер надел защитные очки и открыл вентиль, регулируя подачу кислорода: пламя ударило жесткой свистящей синей струей. Анна решила подняться проведать начальника станции. Джеррард подошел к остальным:

— Придется податься немного назад, просто на всякий случай...

— Что вы имеете в виду? — осведомился подозрительный Первис.

Джеррард кивком показал на пылающий ацетиленокислородный резак.

— Бывает, они взрываются. Лучше отойти...

Они оттащили тяжелые скамьи в самый дальний угол. Здесь стало заметно теплее, перед ними поблескивал железный квадрат лаза, в глубине которого тускло мерцала вода.

Джеррард возвратился к лестнице. Подняв фонарь, он посветил вверх. Анна уже спускалась. Он опять обратил внимание на ее длинные изящные ноги. «Забавно, пятьде-

сят на пятьдесят, что мы не выберемся отсюда живьем, а она и сейчас волнует меня...» — подумал он.

Спустившись, Анна заглянула канадцу в лицо:

— Недаром меня учили, что женщина должна избегать крутых лестниц, — сказала она. Джеррард пожал плечами и, ощутив смущение, отвел глаза. Тогда она улыбнулась. — А ему значительно лучше...

— Настолько, что он может спуститься к нам?

— Не знаю, — заколебалась Анна, — посмотрите на него сами.

Джеррард стал карабкаться вверх. С каждой ступенькой воздух становился все горячее, так что, добравшись до верха лестницы, он буквально взмок. Дыма тут по-прежнему было немного, но появился едкий химический запах, от которого першило в горле.

Начальник станции расположился подле лампочки у входа в шахту. Склонившись, он что-то писал. Канадец потрепал его по плечу — вздрогнув, он вскинул глаза. Джеррард едва сдержал улыбку, когда увидел, что больной занят разгадыванием кроссворда из захватанного номера «Дейли миррор».

— Значит, вам лучше? — спросил канадец.

— Много лучше, благодарю вас, сэр, — ответил начальник. Лихорадочный румянец исчез с его лица, да и дышал он, пожалуй, гораздо свободнее. Скатав свою форменную тужурку, он облокотился о нее. — Мне здесь вполне удобно. Да и кроссворд нашелся. Не беспокойтесь обо мне, шеф!

Наклонившись, Джеррард пощупал его пульс.

— Осилите вы спуск?

Начальник станции покачал головой.

— Не думаю. И уж если доберусь донизу, то назад взобраться точно не смогу. Кроме того, — добавил он, — пожар, наверное, скоро погасят, придут спасательные команды. Я думаю, мне лучше остаться здесь.

Джеррард отнюдь не разделял подобного оптимизма, но спорить не стал.

— Воистину вы самый хладнокровный человек в нашей компании, — покривил он душой. Потом бросил взгляд в сторону тоннеля: — Пойду посмотрю, что там.

Он двинулся по уже знакомому пути вдоль заплесневелых кирпичных стен к главному тоннелю. Стены были теплыми на ощупь. В отдалении опять послышался хруст

и треск бушующего огня. Волна удушливого горячего воздуха заставила его повернуть обратно к толстяку-начальнику.

— Мы там внизу пытаемся открыть дверь. Когда вылезем, снова взберемся за вами и захватим с собой, договорились?

Начальник станции кивнул и с усмешкой бросил:

— Только не задерживайтесь слишком, а то моя хозяйка распилит меня на части...

— На какое-то время тут может стать еще жарче, но имейте в виду, как только мы откроем ту дверь, циркуляция воздуха сразу улучшится. Тогда у вас здесь будет настоящий сквозняк. Он мигом все остудит.

«Интересно, сознает ли этот человек опасность? — подумал Джеррард. — Может, и сознает, но не подает виду... Пристроился к свету, разложил себе кроссвордик. И ни о чем не хочет беспокоиться, пока в том нет прямой нужды». Джеррард улыбнулся ему еще раз и полез обратно в колодезь.

Внизу, заслонив глаза от блеска пламени, он сразу же подошел к Слейтеру. Горелка едва прожгла в металле жалкую полукруглую дырочку. Слейтер на секунду прекратил работу, отбросил с глаз очки, вытер лоб. Он давно уже снял пальто, пот ручейками струился у него по шее.

— Право, не знаю, горелка ли виновата, металл или я, — сказал он, — только боюсь, что дело движется чертовски медленно. А что там?..

Он жестом показал вверх. Джеррард рассказал.

— Значит, это единственный выход, — подвел итог Слейтер, — если только наши спутники не протиснутся сквозь ту ловушку.

Он подразумевал лаз. Джеррард покачал головой.

— Слишком рискованно. Одно неверное движение — и...

Не договорив, канадец выразительно повел плечом. Слейтер кивнул и, снова напялив свои очки, занялся дверью. Джеррард присоединился к остальным. Вэнди, совершенно измучившись, прикорнула на груди у Харди. Для того это послужило поводом, чтобы сказать Джеррарду:

— У меня у самого дочка. Только не здесь — я отослал ее домой в Канаду. Ходит в школу в Торонто...

Говорил он, слегка запинаясь, дыша чаще и глубже обычного.

Анна тем временем раскладывала на маленькие аккуратные порции еду. Она встретила Джеррарда улыбкой и показала на два бисквита:

— Это вам...

— Все мне?

— Не валяйте дурака, иначе заберу обратно.

— Ну, разумеется, вам к этому не привыкать,— ответил Джеррард с усмешкой.

— Не люблю вспоминать,— вновь улыбнулась Анна,— но в детстве я ходила в походы со скаутами. Знаете их девиз: «Будь начеку!»? Беда лишь в том, что я так и не научилась ему следовать...

Джеррард поискал глазами Первиса. Тот стащил с себя уже не только пиджак, но и рубашку и расхаживал взад и вперед возле лаза.

— Тарзана заперли в клетку,— заметила Анна.

— Хотя бы сидел спокойно,— отозвался Джеррард.— А то только понапрасну кислород тратит. Что, если мы немного отдохнем? Устраивайтесь,— похлопал он себя по колену.

Анна не заставила себя упрашивать, легла на скамейку и положила голову на колени Джеррарда, который, откинувшись к стене, закрыл глаза и попытался забыться.

Однако сразу заснуть он не смог. То и дело он поглядывал на ее блестящие змеиные волосы, на смугловатое лицо с высокими скулами и длинными темными ресницами. Ему подумалось, что она — едва ли не точное воплощение его идеала женской красоты. «Твое лицо одно из всех» — это Шекспир или «Целуй меня, Кэт»?

Однажды, много лет назад, он повстречал девушку, которая была очень похожа... лицо у нее было почти таким же. Но Анна чем-то ближе к его идеалу. И, подумать только, она замужем за Арнольдом Креймером!.. Он постарался отогнать эту мысль и сосредоточиться на том грандиозном бедствии, какое, видимо, разразилось там, над их головами,— там могло выйти из строя все: связь, освещение, газо- и водоснабжение, транспорт...

Широко ли распространилось это явление? Разрушаются ли пластмассы повсеместно, по всему городу, или только в районе Кингз-кросс? Видение полупарализованного Лондона оказалось непосильным для его утомленного мозга. Мысли становились все более вялыми, и он провалился в глубокий сон.

Кемптон-стрит к востоку от Эджвар-роуд почти круглосуточно запружена транспортом. По обеим сторонам мостовой теснятся стоянки для легковых автомобилей и грузовиков, ограничивающие движение в каждом направлении до одного-единственного нервного ряда.

В центре мостовой выделяется островок, который сулит временное спасение пешеходам, пытающимся увернуться от нетерпеливых, раздраженных водителей. На этом островке возвышается еще один островок — торец громадной бетонной трубы, отверстие которой прикрыто литой чугунной решеткой. Здесь на поверхность выходит вентиляционная шахта линии метро Бейкерлоо. Обычно из-под решетки в промозглую атмосферу улицы вырывается устойчивый поток теплого несвежего воздуха с запахом гудрона и хлорки.

В тот момент, когда взорвалась станция Кингз-кросс, Кемптон-стрит была заполнена прохожими. Энергично работая локтями, люди прокладывали себе путь к автобусным остановкам или машинам, притиснутым к счетчикам платных стоянок.

А в шахте, что вела к решетке, беззвучно и неумолимо поднималась к поверхности дурно пахнущая жидкая масса. Она пенилась и росла, росла словно на дрожжах... Каждая ее клетка делилась и распадалась надвое. Две тут же превращались в четыре, четыре — в восемь. Не ведая недостатка в питательных веществах, они бесконечно и неуклонно следовали своей единственной цели — делиться и расти, чтобы снова делиться.

Час за часом, день за днем выходящая на Кемптон-стрит шахта заполнялась вспухающей пеной, которая добралась почти до решетки.

Безвестный прохожий, остановившись на островке посреди улицы, закурил сигарету и бросил спичку. Она провалилась в решетку.

Последовала короткая вспышка, сильный глухой удар, и бетонная шахта раскололась, будто картонка для шляп, разметав незадачливого прохожего в пыль. Чугунная решетка взлетела в воздух, ударилась о тротуар и прокатилась по нему, давя пешеходов, словно обруч дитяти-великана, пока не пробила стену магазина полуфабрикатов и не улеглась на ложе из расплюснутых коробок и битого стекла.

В центральной диспетчерской лондонского метро на Кобург-стрит царил паника. Все высшие чиновники собрались здесь в большой овальной комнате, смятенно вглядываясь в схему подземных магистралей.

Дежурные у пультов тщетно пытались помочь поездам, красными точками отмеченным на схеме. Было очевидно, что масштабы катастрофы стремительно разрастаются, угрожая охватить все сто двенадцать километров тоннелей.

Десятки поездов со скрежетом останавливались на перронах. Орды перепуганных пассажиров совершали вынужденные прогулки, устремляясь по затхлым темным тоннелям к спасительному свету ближайших станций. Все это сопровождалось еще и мелкими взрывами, пожарами, из строя вышли практически почти все провода и кабели. По мере разрушения пластмасс, которое приобретало все больший размах, стройный порядок подземной системы превратился в совершеннейший ералаш. И в конце концов главный инженер системы отдал приказ, единственно возможный в создавшихся обстоятельствах, — закрыть метро.

Над землей, в стылом декабрьском воздухе, навис запах разлагающейся пластмассы. Отвратительный сладковатый запах, подобный запаху гниющего мяса. Он заполнил улицы и дома, мастерские и подвалы.

Огни светофоров погасли, напрочь парализовав движение. На центральной телефонной станции полетела изоляция в главном зале релейных искателей. Разрушение пластмасс не миновало и радиовещание. Из эфира ушли первая, а за ней и четвертая программы. Попробовали ввести дублирующее оборудование, но и оно отказало. На Уордор-стрит вспыхнула газовая магистраль: оказалось, что регуляторы давления герметизированы полипропиленом.

На Грик-стрит на верхнем этаже гравировальной фабрики помещался пластмассовый резервуар с концентрированной азотной кислотой; разложение коснулось и его, он деформировался, лопнул, и поток кислоты хлынул сквозь потолок в расположенную ниже контору. Юные секретарши и клерки с воплями выбегали из помещения, подгоняемые обжигающим дождем, от которого на коже вздувались огромные волдыри.

Распухали и расплзались пластмассовые водопроводные трубы, вода затопляла жилые дома, магазины, рестораны.

Темп разрушений неумолимо нарастал, аварии множились. Спустя буквально двое суток центр Лондона превратился в замерзающий содом, лишенный света, отопления и транспорта.

В агентстве Креймера Бьюкен с возмущением бросил телефонную трубку.

— Ни от кого ничего не добьешься. Такое впечатление, что никто и понятия не имеет, что с ними случилось.

— Сколько времени прошло с тех пор, как они спустились? — спросил Райт.

Бьюкен посмотрел на часы.

— Часов восемь, не меньше.

— Но должен же кто-то в управлении хотя бы знать, с кем они полезли в тоннель? Разговор-то был о Сэмсоновской линии?

— Да, — ответил Бьюкен, — только с управлением теперь тоже не свяжешься. Я уже пробовал. Все, чего я добился в последний раз, это записанного на магнитофон совета позвонить по другому номеру.

— Ну, и вы звонили?

— Звонил, разумеется. Но номер не отвечает.

— Может, съездить к ним на машине? Тогда уж...

— Минуточку, — вмешался Скэнлон. Подойдя к телевизору, он повернул ручку регулятора громкости.

Диктор с экрана вещал с явно наигранным спокойствием:

— Вам, несомненно, уже стало известно о весьма серьезных происшествиях в центре Лондона. Следующие передачи пойдут одновременно по второй программе Би-би-си и по системе промышленного телевидения. Мы настоятельно рекомендуем вам не выключать свои телевизионные приемники, особенно если вы проживаете в центре Лондона...

Изображение диктора уступило место тщательно подобранным цветам в вазе на сверкающем полировкой столе. Затем камера отъехала назад, и перед зрителями предстал угрюмый, насупленный лик министра внутренних дел. Голос диктора представил его:

— Слово имеет мистер Джастин Бредбери...

Лицо министра оставалось неподвижным чуть дольше, чем следовало бы, должно быть, он ждал сигнала оператора, — но вот он заговорил:

— Добрый вечер! Я выступаю перед вами, чтобы сообщить о некоторых решениях, принятых сегодня на чрезвычайном заседании кабинета министров. Все вы уже знаете о катастрофах, которые произошли в центре Лондона. В результате их трагически погибли или пострадали многие наши соотечественники. Большинство из вас, наверное, слышали, что эти события вызваны неизвестным до сих пор процессом, который охватывает и разрушает многие виды пластмасс. К сожалению, я со всей прямотой должен сказать, что попытки сдержать и тем более остановить распространение этого грозного процесса пока не увенчались полным успехом...

— Почему он не скажет просто, что они провалились? — вставил Бьюкен.

— ...и, несмотря на принятые нами решительные меры, наши советники по вопросам науки пришли к выводу, что многие городские службы могут полностью выйти из строя, поскольку процесс распространяется все с большей скоростью. Я сознаю, что с этим нелегко смириться, однако мы располагаем неоспоримыми фактами. Вместе с тем должен вам сообщить...

Камера слегка переместилась, чтобы зрители видели его нервно подрагивающие пальцы.

— ...что сегодня в полдень ее величество королева подписала вердикт о чрезвычайном положении, который дает правительству неограниченные полномочия предпринимать любые шаги, чтобы как можно быстрее и эффективнее справиться с создавшейся ситуацией.

В настоящее время с помощью вооруженных сил в зоне поражения устанавливаются специальные посты. Поскольку телефонные станции там практически не работают, связь будет осуществляться по временным линиям, которые сейчас прокладываются. Каждый, кто заметит какие бы то ни было признаки разрушения пластмасс, должен немедленно сообщить об этом на ближайший пост. На место поражения будут высланы специальные дезинфекционные команды, которые примут соответствующие меры.

Ученым еще не удалось выяснить, чем вызвано разрушение пластмасс, однако установлено, что оно распространяется, подобно острой инфекции. Обращаться с пораженной пластмассой следует с такой же осторожностью, как если бы она была инфицирована.

Теперь мне придется перейти к самой сложной части моей задачи. Я вынужден уведомить вас, что, опираясь на

полномочия, предоставленные нам вердиктом о чрезвычайном положении, правительство приняло решение закрыть пострадавший район.

Это решение уже проводится в жизнь. Вокруг упомянутого района сосредотачиваются войска, задача которых перекрыть все возможные входы и выходы. Начиная с этой минуты все, кто находится в районе бедствия, не вправе покинуть его, за исключением некоторых особых случаев...

Скэнлон встал и выключил приемник, сосредоточенно уставившись в одну точку, он заговорил:

— Милосердный боже, вы только подумайте! Уберите из современного города все пластмассы, и что останется — сплошная разруха. Мы все, оказывается, полностью зависим от них. — Он повернулся к Райту. — Страшно подумать, но если это наша продукция...

— Едва ли нас можно в чем-нибудь обвинить.

Если Райт и был напуган, то он твердо решил этого не показывать. Бьюкен хладнокровно перевел взгляд с одного на другого.

— Еще как можно! И не только вас, всех нас...

— Нашли время бить себя кулаком в грудь, — откликнулся Райт.

Бьюкен хлопнул ладонью по газетам, разложенным на столе, и вскочил на ноги.

— Мой бог, ну что за народ теоретики! Можно подумать, что вы обсуждаете какой-то отвлеченный вопрос теоретической химии. Вы что, в самом деле не понимаете, что все это прямо связано с вами? Рассыпается самая основа, на которой держится город, и мы, возможно, несем за это полную ответственность!..

Райт внезапно вспыхнул:

— А что мы можем сделать? Разумеется, я обеспокоен...

— Но вы не желаете признавать свою вину!

— Я признаю ее, если и когда возникнет такая необходимость, но нельзя же отрывать от земли! В нашем распоряжении нет достаточных фактов. Мы разработали аминостилен, мы продали его со всеми экспериментальными данными, мы ни от кого ничего не скрывали. Вы знаете это ничуть не хуже, чем я!

Бьюкен отвернулся с негодованием. Скэнлон слабо двинул рукой, словно пытаясь примирить враждующие стороны.

— Больше всего меня поражает,— сказал он,— что, судя по всему, процесс затронул все виды пластмасс. Если бы только аминостирен, тогда да, тогда, наверное, можно было бы найти химические причины. Например, разрушение под воздействием света — распадается же наш дегрон под влиянием света и кислорода воздуха...

— Не пойдет,— заявил Райт.— Концы с концами не сходятся. Да, действительно, мы придумали самораспадающуюся бутылку: потяните за отрывную полоску, откройте доступ свету и кислороду к внутренней отливке — и она начнет разрушаться. Удобрите себе на здоровье свой садик или спустите остатки в сортир. Только это еще ничего не доказывает. Нет никаких оснований считать, что то же самое может происходить с другими пластмассами. Они же, по крайней мере многие из них, имеют совсем иную молекулярную структуру — с чего бы им реагировать на свет?..

— Но предположим,— не унимался Скэнлон,— что дегрон обладает еще и свойством передавать свои особенности другим материалам. Предположим, что существует некий фактор икс, переносчик этих особенностей от одного вида пластмассы к другому, что тогда?

— Чтобы это могло произойти,— заявил Райт,— ваш таинственный икс должен был бы располагать накопленной информацией. Можно было бы допустить лишь одно из двух: или некий универсальный реактив, или, скажем, живая клетка...

— Клетка? — воскликнул Скэнлон.— А вдруг? Согласен, химического соединения, реагирующего со всеми видами пластмасс, быть не может, но клетка, живая клетка — она подошла бы вполне. Крохотная убогая козявка — животных таких, разумеется, нет, а вот у бактерий бывают самые странные вкусы. Ведь есть бактерии, которые поедают ржавчину.

— Честно говоря,— перебил Бьюкен,— в данный момент меня больше интересует судьба Анны. Куда к черту запропастился Креймер, хотел бы я знать?..

Скэнлон ответил многозначительным взглядом.

— Он все еще в Кембридже.

— Надо разыскать его!

— Совершенно непонятно, почему он до сих пор не вернулся сам,— сказал Бьюкен.— Если бы моя жена вот так застряла под землей...

— Но он-то,— вставил Райт,— он-то об этом знает или нет?

Просыпался Джеррард мучительно. Ему снилось, что на лицо и грудь навалился какой-то большой мохнатый зверь. Под тяжестью зверя дышать становилось все труднее, а тот давил все сильнее и сильнее...

Под конец привиделось, что зверь, неторопливо повернув морду, уставился на него круглыми блестящими желтыми глазами. Джеррард разом очнулся и вскочил, едва не сбросив Анну на пол. Она, вскрикнув, тоже проснулась.

Канадец окончательно пришел в себя и осмотрелся.

— А где остальные? — спросил он.

Скамья рядом с ними была пуста. Рубашка на Джеррарде взмокла от пота, хоть выжимай; воздух в камерке сгустился, подернулся дымкой и невыносимо прогрелся. Чтобы сказать хоть что-нибудь, приходилось ловить его широко раскрытым ртом. Сколько они ни всматривались в темноту, им удавалось разглядеть лишь силуэт Слейтера в ореоле искр, летящих от горелки. И никаких следов другой троицы.

Внезапно в той стороне, где был лаз, что-то ярко вспыхнуло, раздалось не то громкое шипение, не то треск, сопровождаемый протяжным криком.

Джеррард поспешно включил фонарь и осветил лаз. У входного отверстия, по колено в воде, стояла Вэнди. Ее била неудержимая крупная дрожь, перед ее платьем был порван и обожжен. Анна кинулась на помощь Вэнди, но Джеррард успел схватить ее за руку.

— Назад!..

Он направил луч чуть дальше. Показалось еще одно тело. Оно распласталось по стене в неправдоподобной позе распятия, с широко раскинутыми руками, лицо было перекошено от боли, язык вывалился. Очень медленно тело сползало вниз, к воде. Джеррард посветил фонарем ниже. Обнаженные провода теперь лежали поперек входа, одна из провисших петель скрылась под водой. Он снова бросил луч на лицо и узнал Харди.

Первис бесследно исчез.

Джеррард передал фонарь Анне, а сам отбежал назад. Там, возле кучи инструмента, лежал свернутый резиновый шланг. Он потащил этот шланг к лазу. Слейтер, увлекшись своим делом, по-видимому, до сих пор ничего не заметил.

Джеррард ухитрился быстро размотать бухту и, захлестнув шланг вокруг талии пострадавшей, выволок ее из во-

ды на бетонный пол. Вэнди была смертельно бледна, но еще сумела сделать несколько коротких, неуверенных вдохов. Вдруг она судорожно дернулась, веки ее задрожали, и короткое трепетное дыхание оборвалось. Тело сразу обмякло.

Не теряя ни секунды, Джеррард наклонился над девушкой и принялся ритмично поднимать и опускать ей руки. Реакции не последовало. Он наклонился еще ниже и, оттянув ей нижнюю челюсть и закинув назад голову, попробовал применить прием, который врачи называют «поцелуем жизни»: выдыхание воздуха изо рта в рот. На мгновение подняв взгляд, канадец увидел, что Слейтер стоит рядом и Анна объясняет ему, что произошло.

Безмолвно и беспомощно они следили, как Джеррард пытается вдохнуть жизнь в тело погибшей. Тянулись долгие минуты, а он все так же продолжал глубоко заглатывать сырой горячий воздух и вдувать его в раскрытый рот Вэнди, через каждые два-три вдоха безуспешно пытаясь нащупать пульс у нее на шее.

Наконец он сложил ей руки крестом одну на другую и стал часто и сильно нажимать через них на грудную клетку. Опять попробовал пульс. Прошло уже с четверть часа. Тогда он выпрямился. Пот градом катил у него по лицу.

Он посмотрел на товарищей, но никто не нарушил молчания. Джеррард бережно поднял хрупкое тело девушки, перенес его на козлы и прикрыл своим плащом.

Анну била дрожь, она спрятала лицо в ладонях. Джеррард бережно обнял ее за плечи.

— Я больше не в силах ничего сделать, Анна. Тут слишком спертый воздух, слишком мало кислорода...

— А что с Харди? — осведомился Слейтер.

— Харди досталось еще сильнее, — ответил Джеррард. — Он мертв. — Канадец показал на тело Вэнди, распростертое на досках. — Должно быть, Харди сыграл роль сопротивления, и ее ударило током через него...

С этими словами он направился к стальной двери. Слейтер сумел проделать вокруг замка восьмисантиметровый разрез.

— Что у вас? — спросил Джеррард. — Как давление?

Он бросил взгляд на вентили баллонов. Слейтер кивком подтвердил его догадку:

— Быстро падает. Буду продолжать до последней возможности, но...

Безнадежно пожав плечами, Слейтер отвернулся к двери и вновь натянул очки. Пламя горелки отбрасывало на замшелые кирпичи свода гигантские танцующие тени.

В конце концов разрез в листовой стали охватил замок с двух сторон. Пожалуй, теперь можно было попробовать просунуть туда острие лома. Джеррард подал Слейтеру знак отойти. Тот выключил ацетиленовую горелку и снял очки.

— Ну что ж, — одобрил Слейтер, — давайте попробуем. Газа уже все равно почти не осталось...

Вдвоем они вставили острый конец лома в прорезанную щель. Лом едва входил, и Джеррард принес молоток. Слейтер поддерживал лом на весу, а канадец наотмашь бил по другому его концу, пока острие не заклинилось надежно в щели. Затем они вдвоем навалились на лом, как на рычаг. Металл начал слегка подаваться.

— А ну еще!

Двое мужчин буквально повисли на своем оружии, Анна уперлась им в спины, пытаясь помочь, но все усилия были тщетны. Лом, когда его отпустили, остался торчать в двери, словно индейская стрела в борту переселенческого фургона. Изнуренные, они прислонились к противоположной стене.

Тогда Анна обратила внимание на тяжелую скамью.

— Может быть, использовать ее как таран?

Джеррард медленно покачал головой. Все трое хрипели и задыхались, рубашки были насквозь пропитаны потом. У Анны блузка, обтянув грудь, прилипла к коже.

— А может, ударить этой скамейкой по лому? — предложила она.

Джеррард обменялся взглядом со Слейтером.

— Давайте, — устало пожал тот плечами.

— Ладно, — согласился Джеррард. Он первым подошел к массивной скамье, и они втроем поднимали ее, слегка покачнувшись под тяжестью ноши. — Если мы разбежимся отсюда и не промажем, то, может, что-нибудь и получится...

Они оттащили скамью еще дальше назад, стали тверже на ноги, а потом неуклюже бросились к цели. Но просчитались и врезались в дверь. Удар заставил их выронить скамью и сбил с ног. Падая, скамья задела Слейтера по ноге, и он вскрикнул от боли.

— Попробуем еще раз, — сказал Джеррард. — Я стану направляющим.

Он наклонился над тем концом скамьи, что был ближе к двери, и приподнял его. Слейтер, чуть прихрамывая, занял позицию в хвосте, Анна осталась в середине. На этот раз они выбрали более короткую дистанцию. Джеррард, чувствуя, что грудь его вот-вот разорвется от напряжения, смерил расстояние глазами.

— По-моему, точно,— выдохнул он.— Ну!..

Они снова рванулись вперед, наискось через каморку. Торец скамьи пришелся как раз на лом. Раздался громкий треск, и, отступив на шаг, они увидели, что дверь, наконец, отошла, приоткрыв один из клепанных швов. Зазор между дверью и косяком был, пожалуй, достаточен, чтобы просунуть руку.

Джеррард так и сделал и нащупал пальцами длинный засов. Упершись в стенку, он медленно отжал его вверх. Заскрежетали болты, и дверь со скрипом отворилась.

Они были слишком утомлены, чтобы по-настоящему обрадоваться. Сквозь распахнутую дверь повеяло прохладой, и все трое облегченно расстегнули воротнички, освежая разгоряченное тело. Впереди лежал короткий, едва различимый в темноте коридорчик, а за ним лестничный марш: ступеньки вели куда-то вверх, а куда—пока не было видно.

Джеррард прошел до самых ступенек и осветил фонарем. Лестница заканчивалась дверью. Еще одной дверью, и эта дверь была затворена точно так же, как и предыдущая.

— Нет, только не это,— взмолилась Анна.— Пожалуйста, пусть она откроется...

Джеррард взлетел по ступенькам, забыв о том, что у него саднит каждая мышца. Потрогал ручку, потом резко потянул ее на себя. Дверь была заперта! Слейтер, прихрамывая, поднялся следом.

— Но должен же быть у нас какой-нибудь выход! — воскликнул канадец, наваливаясь на дверь.

— Если он и есть, то не здесь,— покачал головой Слейтер.

— А наша горелка?

— Там не осталось газа.

— Может быть, есть еще баллоны?

— Ни одного. Я уже смотрел.

Слейтер отвернулся и, ссутуля плечи, поплелся назад по коридорчику; Джеррард тяжело опустился на ступеньки, не в силах отвести взгляд от двери, которая так же

стоко отрезала их от надежды на спасение. В самом сердце огромного города их заперли, как в ловушке, в этих подземных лабиринтах. До сих пор у них были свет, вода, даже немного пищи. Долго ли они еще смогут продержаться? И что творится там, на поверхности?

На мгновение Джеррард прикрыл глаза и представил себе Лондон, каким он видел его в кадрах старой кинохроники времен фашистских бомбежек: остовы зданий, выпотрошенных взрывами и пожарами, перегороженные дороги, залитые водой из лопнувших магистралей, факелы газа, рвущиеся сквозь битый камень... Он напряг всю силу воли, чтобы отогнать от себя это видение, и тут ощутил мягкое прикосновение к своему плечу.

— Очнитесь, Люк. Очнитесь! — звала Анна, склонившись над ним и опустив ему на плечо руку.

— Где Слейтер?

— Растянулся на одной из скамеек. Идите к нам!

— Не пойду, — ответил Джеррард. — Здесь прохладнее.

Анна вздрогнула.

— Там сейчас как в печке, — согласилась она. — Скажите, мы действительно можем задохнуться от недостатка кислорода?

— Огонь пожирает кислорода столько, сколько захочет... — ответил Джеррард и запнулся. «Если уж ты не можешь не думать об этом, — обругал он себя, — то делай это про себя».

Анна взглянула на него с любопытством.

— Продолжайте!

— Право, это неважно... — неуверенно отозвался Джеррард.

Она вспыхнула.

— Не надо обращаться со мной, как с глупенькой пустышкой! Будьте добры, договаривайте...

— Да я ничего особенного не сказал.

— Ладно, пусть будет так, — и она отвернулась, покусывая пальцы. Джеррард уставился в темноту, передернув плечами. Анна беспокойно пошевелилась. — Вы как хотите, а я возвращаюсь. Здесь дует.

У Джеррарда не было сил спорить. Она выпрямилась и пошла обратно в комнатушку.

«Надо же, — подумал Джеррард, — пока мы все активно действовали, она держалась молодцом. А сейчас, когда

вся задача — сидеть и ждать, обижается по любому поводу... Она сказала — дует? Откуда же?..»

Он оглядел стены коридорчика. Да, откуда-то дуло. Его руку обведал чуть заметный ветерок. Казалось, он исходит от стены. Джеррард, подобрав фонарь, старался разглядеть ее повнимательнее. Кирпичи были равномерно серыми, раствор между ними раскрошился и напоминал порошковый мел. Он повел фонарем вдоль стены, высматривая трещину.

Раньше здесь определенно была какая-то дверь: кирпичи явно отличались. Очевидно, ими заделали еще один давний проход. У самого пола одного кирпича не доставало. Наклонившись пониже, Джеррард всматривался в дыру, подсвечивая себе фонарем. Кирпичи шли в один слой, и по ту сторону, хотя он едва различал его, действительно был проход! Воздух, проникавший оттуда, казался холодным и свежим. Пробрить эти кирпичи не составит большого труда, и кто знает...

Он почувствовал, что Анна сидит на корточках рядом с ним.

— Я дура, — сказала она. — Извините меня, это все из-за...

Джеррард отмахнулся:

— Не стоит разговоров. Смотрите-ка!

Анна нагнулась ниже и прильнула к расщелине.

— А как мы туда пролезем?

— Там, в комнатухе, есть две кирки. Что, Слейтер все еще спит?

— Спит.

— И давно он спит? — Джеррард посмотрел на часы. — Минут двадцать?

— Что-нибудь в этом роде.

— Дадим ему еще четверть часа, а потом разбудим.

А я пока начну сам...

Джеррард сбегал за кирками и приволок их к заложенному проходу. Поплевал на руки, невольно поглядев на ладони. Немало времени минуло с тех пор, как он последний раз орудовал киркой и лопатой. Поднял кирку — одна рука плотно охватила конец черенка, другая ушла под самый корень стальной насадки — и размахнулся.

Первый удар поднял облако пыли, которая тут же засорила Джеррарду глаза. Разозлившись, он размахнулся и ударил по кладке с новой силой. На этот раз стена отзывалась сладостным грохотом — пяток кирпичей, оторвав-

шись от своих собратьев, обрушились внутрь. Анна, расположившись чуть позади, уже приготовилась атаковать соседний участок стены и занесла кирку над головой, но Джеррард остановил ее.

— Мне не хотелось бы тащить вас дальше на себе.— Он решительно отобрал у нее кирку и положил на пол.— Отойдите-ка лучше в сторонку и полюбуйтесь моими мускулами...

— Да ну вас!..

Анна рассерженно отступила, а он вновь набросился на стену. Пересохший раствор не удержал кладку, и теперь из нее выпал такой солидный кусок, что Джеррард едва не пролетел насквозь. Анна расхохоталась.

— Расшумелись, мерзавцы! — Возле них стоял Слейтер.— Ну, как тут к дьяволу выпсишься, когда вы подымаешь такой грохот?

Джеррард выкарабкался из кучи битого кирпича и встал на ноги.

— Взгляните!

Слейтер поднял с полу фонарь и осветил в пролом. Они увидели еще один сводчатый коридор.

— Целый лабиринт,— заметила Анна.

Слейтер взял вторую кирку, и они вдвоем расширили пролом так, что без труда пролезли в него. Холодный свежий воздух моментально восстановил их силы.

— Тут почти можно дышать,— сказал Слейтер, вбирая его полной грудью.

— Пахнет плесенью,— содрогнулась Анна,— будто в могиле.

— А как прикажете тут пахнуть? — отозвался Слейтер.— Проход был заперт целую вечность,— он осмотрел кирпичи на изломе,— может, даже с довоенных времен...

— А безопасно ли здесь дышать? Я где-то читала, что в таких случаях иногда накапливаются вредные газы...

— У нас нет выбора,— вмешался Джеррард.— Давайте собирать имущество.

Они возвратились в комнатку. У стены стояла корзина, вероятно, принадлежавшая сварщику, и Анна положила туда банку с водой и остатки еды. Слейтер взял большую отвертку, гаечный ключ, что-то еще из инструмента и сунул все это себе за пояс. Джеррард решил на прощание еще раз провести начальника станции.

Добравшись до верха лестницы, он увидел, что тот забился в глубоком сне. Больной дышал тяжело, с присви-

стом, по лицу его стекали ручейки пота. Пожар на этом горизонте, по-видимому, продолжал свирепствовать до сих пор, но Джеррард обратил внимание, что дым почти рассеялся. Торопливо пощупав больному пульс, он спустился вниз к остальным.

Анна со Слейтером уже поджидали его у пролома. Мимоходом он бросил взгляд на тело Вэнди. Труп был по-прежнему прикрыт, но теперь не плащом, а куском ветхого брезента. Плащ оказался в руках у Анны, и она, не говоря ни слова, протянула его Джеррарду, как только тот подошел. Это тронуло канадца. Вернуться к мертвой и снять с нее плащ, должно быть, стоило Анне немалых усилий, но она рассудила, что сам он вряд ли совершит подобный поступок, а плащ ему необходим.

Джеррард включил фонарь, и они двинулись вперед по сводчатому коридору, который уперся в обычный узкий лаз. Пробравшись сквозь него, они очутились в большом перегонном тоннеле. В свете потускневшего фонаря были видны старые пропыленные шпалы без рельсов. Воздух здесь, казалось, был недвижим годами.

— Куда теперь? — спросила Анна.

— Тут есть ветерок. Слабенький, но есть. Пошли в ту сторону, — сказал Джеррард.

Они повернули навстречу ветерку. Сначала тоннель вел прямо, круто падая вниз, потом начал изгибаться. В конце концов они уперлись в погнутую и проржавевшую железную решетку. Джеррард рванул один из прутьев на себя. Прут сломался, развалившись на несколько частей. Канадец быстро выломал еще три прута и направил луч фонаря вперед, во тьму.

— Ничего не вижу, — пожаловался он, и голос его отозвался эхом, словно от стен большого зала. — Эй! — крикнул он и опять вызвал эхо.

Канадец протиснулся между прутьев и зашагал дальше, осторожно пробуя дорогу ногой.

— Что это значит? — прошептала Анна, и даже шепот разбудил эхо.

Луч фонаря рассказал им, что они попали на станцию метро. Но станция эта оказалась давно заброшенной. На секунду они представили себе былые потоки пассажиров, лязг и перестук поездов. Теперь же все покрывал толстый ковер пыли. Обстановка внушала безотчетный страх, и они пробирались вперед в полном молчании.

— Может, здесь тоже есть выключатели? — вслух подумала Анна.

— Попробуем узнать, что это за станция, — предложил Слейтер.

Джеррард повел фонарем, и луч, миновав вереницу плакатов, уперся в надпись:

«ГРЕЙС-ИНН».

Когда-то буквы покрывал никель, теперь они обросли ржавчиной.

— Грейс-Инн! — воскликнул Слейтер.

— Разве есть станция с таким названием? — удивилась Анна.

— Была до войны, — ответил Слейтер. — С тех самых пор ею и не пользуются. Вот почему в тоннеле нет рельсов. Их давным-давно сняли.

Они нерешительно двинулись вдоль платформы и чуть дальше вновь наткнулись на ряд плакатов. Первый из них опознать было нетрудно, хотя он сильно пожелтел, был испачкан и надорван с угла. Это, несомненно, была карикатура Дэвида Лэнгдона из серии о Билли Брауне. Опрятный человечек в котелке останавливал своего соседа по вагону, который порывался отогнуть тряпицу, приклеенную изнутри к оконному стеклу. Сохранилась и подпись:

«ПРОШУ МЕНЯ ИЗВИНИТЬ, НО МАТЕРИЯ
МОЖЕТ ВАМ ЖИЗНЬ СОХРАНИТЬ».

Некий безвестный остряк добавил от себя жирным черным карандашом:

«Спасибо за ценное указание, я приму его во внимание, но, чтобы нам закончить беседу, скажите мне лучше, куда я еду».

«В другой ситуации, — подумал Джеррард, — это, пожалуй, могло бы показаться смешным». Сейчас же эти отзвуки далекого прошлого, напоминающие о войне и бомбежках, произвели на них скорее удручающее впечатление. Джеррард посветил на нижний край карикатуры:

«ПО ЗАКАЗУ МИНИСТЕРСТВА ИНФОРМАЦИИ».

— Плакат военных лет, — проронил Слейтер. — Мне доводилось читать об этом: окна вагонов заклеивали материей, чтобы их при бомбежке не выбило воздушной волной.

— Так что, по-вашему, эта станция не действует с тех самых времен? — спросила Анна.

— А не разыгралась ли в годы войны в метро какая-то трагедия? — в свою очередь спросил Слейтер. — Я припоминаю, что на одной из станций, служившей бомбоубежищем, погибли сотни людей...

Анна вздрогнула:

— Вы думаете, это та самая?

— Не исключено. Кажется, бомба угодила тогда точно в вентиляционную шахту, все входы и выходы оказались забаррикадированными. Дайте-ка мне фонарь на минутку, — обратился Слейтер к канадцу.

Джеррард передал ему фонарь, и Слейтер направился к дальнему концу платформы, время от времени выхватывая из темноты участки стен. Запомнился еще один плакат: толпа в вагоне, двое экспансивно ведут беседу, а третий сидит, прикрывшись газетой, из-за которой виднеются усики и челка а-ля Гитлер. И подпись:

«ЛЕГКОМЫСЛЕННАЯ БОЛТОВНЯ
ОБХОДИТСЯ В ТЫСЯЧИ ЖИЗНЕЙ».

Они добрались до конца платформы; вот и надписи:
«ВЫХОД В ГОРОД»,

и ступеньки, ведущие вверх. Но едва они начали подниматься по ним, путь преградила гора обвалившейся кладки.

— Вот куда пришлось ваше прямое попадание, — сказал Джеррард. — Должно быть, бомба провалилась в шахту и взорвалась над самым перекрытием...

— А тоннель? — откликнулась Анна. — Он же тоже ведет куда-то...

Слейтер осветил черный вход в тоннель; отлогая куча песка поднималась от шпал до арки свода.

— Песчаный буфер! — проговорил Джеррард. — Неужели не помните? А ведь начальник станции нам рассказывал. В конце линии тоннель перекрывают песком, чтобы остановить почему-либо не затормозившие поезда...

Анну била дрожь.

— Нельзя ли отдохнуть хоть немного? Я совсем замерзла.

Мужчины посмотрели друг на друга.

— Там, подалее, навалена уйма всяких деревяшек, — Слейтер показал, где именно. — Можно бы развести костер...

— Костер! — воскликнула Анна. — А он не... ведь газ!..

Джеррард задумался на минуту, затем вынул зажигалку и, прищурившись, высек искру. Язычок пламени слегка качнулся в направлении сквозняка. Слейтер бросил на канда осуждающий взгляд.

— Это был непростительный риск.

— Н-да, — ответил Джеррард. — Зато теперь можно зажечь костер.

— Но от него загорится все вокруг, — беспокоилась Анна.

— Не загорится, — успокоил ее Джеррард. — Вокруг лишь бетон да камень. Чистый воздух, сквозняк... Нет, это славная идея! Давайте собирать дерево. Да и старые газеты тут тоже есть.

Всего несколько минут понадобилось им, чтобы собрать обломки дерева и свалить их кучей поверх ветхих газет, разбросанных в пыли перрона. Анна подняла одну из газет и при свете фонаря прочла заголовок:

— Великая победа русских под Сталинградом. — Она пробежала глазами первую страницу. — Шестнадцатое января тысяча девятьсот сорок третьего года. Если бы не такой чертовский холод, меня бы все это очень заинтересовало...

Вскоре на платформе, взметая под станционные своды клубы дыма и фонтаны искр, разгорелся веселый огонь. Настроение у всех тут же поднялось. Люди сидели, уставившись на пламя, а от их отсыревшей одежды поднимался пар. По выгнутому потолку станции плясали исполинские тени.

И как только по телу стало разливаться тепло, всех одолела страшная усталость. Слейтер сдался первым. Он сидел у самой стены, прижав колени к груди. Постепенно его голова стала склоняться вперед, пока не опустилась на колени, рука, безвольно свесившись, коснулась пола.

Анна подтащила к костру грязное рваное брезентовое полотнище и принялась натягивать его на какие-то досочки, чтобы заслониться от непрекращающегося знобкого сквозняка.

Она расстегнула молнию на юбке, ловкими движениями выскользнула из нее, пальто и блузки, развесила все это на деревяшках вокруг, а сама склонилась над костром. «Наверное, не сознает, — решил канадец, — что белее у нее,

в сущности, совсем прозрачное». В ярких отсветах огня он без труда различал контуры ее тела.

Потом она подняла на Джеррарда глаза и вдруг подошла к нему вплотную. Он обнял ее одной рукой. Тогда она повернулась к нему лицом. Он поцеловал ее и не без удивления почувствовал, что она со страстью отвечает ему. Волосы у нее рассыпались, лицо при свете костра казалось бледной маской, а тело — темным золотом, по которому чередой метались тени.

И тут он расхохотался; она шепотом осведомилась, в чем дело.

— Сам не знаю, — отвечал он. — Просто мы сейчас в самом центре города, а сидим подле огня полуголые, ну, совсем как наши обезьяньи предки...

— Не надо, — взмолилась она, а сама уже начала хохотать вместе с ним. — Пожалуйста, не смешите меня! Мы же разбудим Слейтера...

— Ничего не могу с собой поделать, — смеялся Джеррард, отодвигаясь от нее все дальше и дальше.

Анна почти сложила надвое, пытаясь подавить приступ смеха.

— Негодяй! — выдохнула она, уловив мгновение между двумя взрывами хохота. — До чего же неромантичный негодяй!..

Слейтер пошевелился и выпрямился, изумленный.

— Боже, — воскликнул он, — этого нам только не хватало! — Выражение его лица заставило их закатиться с новой силой, но и Слейтер, несмотря на недоумение, спустя секунду-другую хохотал уже вместе с ними. — Да скажите же, ради всего святого, что вас тут так забавляет?..

— Ему захотелось поиграть в пещерных людей, — сказала Анна, отвернулась и принялась одеваться, натягивая на себя подсохшую одежду.

— Неплохая идея, — заметил Слейтер. — Дайте мне знать, когда придет моя очередь включиться в игру.

— Пора выбираться отсюда, — заявил Джеррард.

— Тише! — призвала Анна. — Погодите, я что-то слышу...

— Что?!

Они замерли. По спине Джеррарда поползли мурашки. Но все, что им удалось расслышать, — это лишь шипение и потрескивание сырого дерева на огне.

— Да нет, не то,— сказала Анна.— Что-то еще...— Внезапно, распластавшись на полу, она прильнула ухом к платформе.— Точно, это здесь. Послушайте сами!..

Джеррард встал на колени и припал ухом к бетонной плите. Он различил шум, который, как он понял теперь, присутствовал здесь с самого начала, просто они были раньше слишком измотаны, чтобы уловить его. Тихое с присвистом бульканье. Оно несло откуда-то из-под платформы.

— Наверное, тут где-нибудь есть трещина, попробуем туда заглянуть,— предложил Джеррард.

Он взял фонарь. Слейтер вытащил из костра пылающую головешку и двинулся следом. Шаг за шагом они обыскали все подземелье и в конце концов нашли смотровой колодец с разбитой чугунной крышкой.

Джеррард нагнулся, приблизил лицо к зияющей щели и вдруг, отшатнувшись, закашлялся.

— Ну и зловоние!

Слейтер, последовав его примеру, понюхал и тоже отпрянул, борясь с приступом тошноты.

— Что это? — вымолвила Анна.

Слейтер на секунду задумался.

— Почему мы не ощущали этого запаха на том конце платформы?

— Наверное, сквозняк относил его,— предположил Джеррард. Он осветил фонарем в колодец.— Да там целый поток! Вся масса движется в одном направлении, взгляните сами!..

Слейтер и Анна уставились вниз, зажав ладонями носы. Еле видимая в тусклом свете, под ними текла, булькала, пузырилась коричневая слизь. И она действительно перемещалась в одном направлении.

— Выходит, платформа внутри полая? — удивился Слейтер.

— Разумеется,— подтвердил Джеррард.— Но этот запах — где-то я его уже слышал. Где? Черт побери! — ударил он кулаком по ладони, помогая себе сосредоточиться.— Ну конечно! Пластмасса — гниющие провода в метро, шестеренки робота...

— Вы правы,— вполголоса сказала Анна,— вы абсолютно правы...— Она отбежала к оставленному костру и подобрала пустую банку из-под воды. Смерив взглядом обоих мужчин, Анна выбрала Слейтера.— Ваш пояс, пожалуйста...

Слейтер снял с себя пояс. Она обвязала им горловину банки и спустила ее в колодец. Как только банка коснулась пенящейся жидкости, Анна ослабила ремень, позволив ей погрузиться, а потом вытащила. Содержимое банки беспрестанно шевелилось, булькало и шипело. Анна отнесла свой трофей к огню, достала из сумочки флакон с одеколоном и, перевернув его, вытрясла оттуда все до капли. Потом она протерла флакон изнутри намотанным на карандаш платком и осторожно наполнила его жидкостью из банки. При свете костра жидкость казалась мутно-желтой и даже теперь, в крохотном сосуде, продолжала шипеть и пениться. Анна тщательно вытерла флакончик снаружи и завернула металлическую пробку.

Джеррард взял его у Анны.

— А не поставить ли нам опыт? — вслух подумал он. — Интересно, что будет...

Он полез в карман и, вынув дешевую пластмассовую ручку, опустил ее в банку — только самый кончик торчал над бурлящей поверхностью. Слейтер все так же сидел на корточках возле колодца и, когда Анна и Джеррард вернулись к нему, озадаченно произнес:

— Поток идет куда-то за пределы платформы. И течение очень сильное.

— А, может, он связан с одной из подземных рек, — предположила Анна. — Кажется, как раз в этом районе протекает подземная речка Флит...

— Возможно, и так, — нерешительно отозвался Слейтер. — А, возможно, просто где-то неподалеку лопнула канализационная труба. Пахнет, во всяком случае, подходяще.

Джеррард возвратился к костру и, заглянув в банку, вскрикнул. Остальные бросились к нему. Он медленно извлек авторучку из банки. Даже торчавшая наружу верхушка ее слегка размягчилась — пальцы оставляли на пластмассе след, а нижняя часть почти расплавилась, стекая со стержня каплями, словно влажная краска.

— Ничего не понимаю, — сказала Анна.

— Я и сам еще не понимаю, — ответил Джеррард. — Но что бы это ни было, в банке содержится реагент, разъедающий пластмассу. Вероятно, он и есть причина всех бед...

Внезапно он окунул в жидкость кисть руки.

— Вы с ума сошли! Что вы делаете? — закричала Анна. — Вы же сами не знаете, что там.

— Ну что ж, теперь узнаю,— отозвался Джеррард. Он подержал руку в банке еще секунду-другую, потом вынул ее и внимательно осмотрел. Вытер руку носовым платком и выбросил его.

— Как будто все в порядке. Можно спуститься вниз.

— Что? Под платформу? — переспросила Анна. — Вы не знаете даже, глубоко ли там...

— Очень глубоко там быть не может. До уровня путей меньше метра. Прав ли я, мы сейчас увидим.

И он широкими шагами двинулся в сторону люка, Анна и Слейтер следовали за ним.

— Но хоть скажите, что у вас на уме? — осведомился Слейтер.

— Надеюсь, через минуту вам все станет ясно.

Он перебросил свое тело через край колодца и осторожно опустил ноги в бурлящий поток. Глубина оказалась чуть выше пояса. Вонь выворачивала желудок наизнанку, течение было ровным и сильным. Он принял от Слейтера фонарь.

Как только Джеррард, пригнувшись, подsunул голову под платформу, бульканье и присвистыванье охватили его со всех сторон, ударили прямо в лицо. Он начал медленно продвигаться вперед, вздрагивая каждый раз, когда нога задевала о какой-нибудь затонувший предмет.

Пройдя, как ему казалось, примерно половину длины перрона, он наконец обнаружил то, что надеялся найти. В стену была вделана частая решетка, бурлящий поток устремлялся сквозь нее. У решетки собралось изрядное количество всякого мусора и обломков; жижа, шипя, обтекала их и проваливалась в черноту. Джеррард встал покрепче и, опустив руку в жидкость по самое плечо, принялся обшаривать ячеи решетки.

Следующие несколько минут канатцу представились самыми долгими во всей жизни. Вынимая из-под поверхности размокший мусор и разглядывая его при свете фонаря, он огромными усилиями воли старался сдерживать непрерывные позывы к рвоте. Желудок словно сжимала чья-то большая рука.

Но все же он нашел то, что искал, и побрел обратно. Уровень жижи, казалось, повысился и теперь доходил до нагрудного кармана пиджака. Добравшись почти до самого колодца, он различил голос Анны. Она звала его, и под платформой гуляло эхо:

— Люк, Люк!..

Кошмарный, обволакивающий запах довел его почти до обморочного состояния. Он еще сумел кое-как перевалиться через край — и в полном изнеможении распластался на бетоне. Анна наклонилась над ним, протянула руку, но он бессильно оттолкнул эту руку подальше.

— Не надо. Я сейчас вроде как неприкасаемый. Зато я добыл их. Целых два...

Он вяло покопался в кармане пиджака, достал оттуда два маленьких кружка и предъявил их Анне и Слейтеру на раскрытой ладони.

— Я что-то не совсем...— начала она.

Слейтер вытянул шею. Анна тоже всмотрелась пристальнее.

— Горлышки бутылок! Горлышки самораспадающихся бутылок... Ну конечно! У первых, кто купил лицензию,— у них в пластмассу заделывались металлические вкладыши. Они... ну, да, это они и есть.

Она указала на выбитую в металле витую монограмму.

— А, может, это и не горлышки вовсе,— заявил Слейтер.

— Маловероятно,— ответила Анна и, смерив Джеррарда взглядом, добавила: — Значит, именно их вы и искали?

— Да,— подтвердил канадец.

— Значит, вы с самого начала думали, что это они?

— Логически рассуждая, другого объяснения просто не было. Известно, что самораспадающиеся бутылки под воздействием света и воздуха разлагаются и превращаются в вещество, съедобное для бактерий. Это вещество по своей структуре находится как раз на полпути между пластмассой и протеином, не так ли? Вот я и подумал, что бактерии, способные питаться этим веществом, мутировали и стали потреблять и другие виды пластмасс. Каждое новое их поколение становилось все более приспособленным и всеядным...

— Но что это за невиданные бактерии? — спросил Слейтер.

— По-моему, ответ у нас под ногами. Эти бактерии развились в канализационных трубах. Самораспадающиеся бутылки, как и полагается, спускали в канализацию, и бактерии, которые там живут, привыкли к питанию такого рода. Ну, а потом они сами принялись искать новую пищу и мутировали до тех пор, пока не обрели способность по-

жирать все прочие пластмассы. Подумайте,— обратился Джеррард к Анне,— не слышали ли вы о каких-либо новых микроорганизмах, выведенных, скажем, для обеззараживания нечистот?

Анна кивнула.

— Что-то такое было, не помню, правда, точного названия. А года два назад я даже собиралась писать о бактерии *Bacillus accelerans*. Ее специально вывели на очистной станции в Рединге. Говорили, что она разрушает нечистоты быстрее, чем любая другая бактерия, да и размножается с необычайной скоростью. Но пластмассу она не трогала. Это безусловно исключено. К тому же они там давно прекратили эксперименты. И как могло разрушение,— она помедлила,— перекинуться на пластмассовые провода?

— Да это же очевидно,— ответил Джеррард.— Не знаю, где раньше лежал канализационный сток, но только не под самой платформой. Стало быть, он пробил себе новое русло. Разумеется, это все догадки, но где-то по дороге жижа коснулась одного из кабелей. Едва зараза въелась в пластмассу, скорость размножения бактерий чудовищно возросла, и разрушение в мгновение ока распространилось по всей длине кабеля, покинуло канализацию и перебралось в метро. Под землей есть, наверное, сотни точек утечки. Никто их не считал, никто и не догадывается, где они...

— А вслед за электрическими кабелями,— продолжил Слейтер,— стали разрушаться газовые и водопроводные пластмассовые трубы, и в конце концов процесс достиг компьютера, управляющего моей дорожной сетью...

— Точно.

— Мой бог,— воскликнул Слейтер,— но если это так, то я вообще не вижу способа остановить бедствие!

— Не знаю, есть ли такой способ,— заметил Джеррард,— и в настоящее время не чувствую в себе способности рассуждать дальше. Наша задача — доставить добытые образцы на поверхность земли, и как можно скорее. Одному всевышнему известно, что там сейчас делается...

— Но как нам туда выбраться? — грустно промолвила Анна.

— Сквозняк,— ответил Джеррард.— Он должен подсказать нам путь. Он ведь откуда-то возникает. Вот и надо выяснить, откуда.

В своих рассуждениях Джеррард был почти прав — и в то же время жестоко ошибался. Не ведая того, он открыл бактерию Эйнсли.

Вполне обычная в среде бактериологов практика — тот, кому посчастливится обнаружить новый штамм, нарекает его своим именем. Такая забавная и немного грустная форма бессмертия — зачастую единственное средство поддерживать иссохшее самолюбие этих лабораторных червей.

Бактерия Эйнсли не удостоилась описания на страницах учебников. Точнее говоря, до поры до времени она не была известна никому, кроме самого Эйнсли.

Эйнсли начал свою работу за два с половиной года до того, как Джеррард и его спутники попали в ловушку. Впервые за всю его деятельность доктору Саймону Эйнсли посчастливилось натолкнуться на воистину плодотворную идею. Осенило его после того, как в один прекрасный день намертво засорилась выходящая из его домика фановая труба; он шлепал по залитым водой полам в резиновых сапогах, тщетно пытаясь прочистить систему с помощью гибкого прута, и в конце концов нашел причину бедствия — скомканный кусок полиэтиленовой пленки, вероятно, нечаянно смытый в уборную кем-то из его детей.

Доктор Эйнсли был бактериологом. Человек по натуре мягкий, он никогда не прилагал особых усилий к тому, чтобы вскарабкаться повыше по академической лестнице, и в свои уже отнюдь не молодые годы застрял на должности старшего преподавателя кафедры микробиологии в Кенсингтонской больнице — учебном центре для всех практикантов Лондона.

Деля свое время между трафаретными больничными анализами и довольно скучными лекциями для студентов-медиков, которых он, признаться, начинал побаиваться — уж очень они были молоды и напористы, Эйнсли частенько ставил еще и какие-нибудь причудливые опыты в смутной надежде набрать достаточно материала для статьи.

И вот, пока он вытаскивал из трубы кусок полиэтилена, его вдруг осенило, что этот самый кусок мог бы сохраняться в канализации тысячелетиями, что пластмасса никогда не подвергнется, подобно сточным водам, разрушительному действию бактерий.

Никогда не подвергнется?..

Так родилась идея. А что если заставить бактерии разрушать бросовую пластмассу? Что если специально изменить их природу подбором последовательных питательных сред, создать генетическую мутацию с помощью соответственно подобранных нуклеиновых кислот? Какое замечательное решение проблемы уничтожения отходов! А быть может, и решение всей грандиозной проблемы отравления окружающей среды в мировом масштабе... Фантазии его разрастались — но воспитанная с годами способность мыслить здраво взяла верх.

Сколько поколений микроорганизмов должно смениться? Как достать необходимое оборудование? Какие тут потребуются ДНК и РНК?

К моменту, когда он с лязгом поставил заглушку фановой трубы на место, мимолетное возбуждение уже улеглось. Однако ближе к вечеру, едва он выпил традиционный стаканчик сухого черри, идея вернулась — и на сей раз пустила корни. Раскрепощенный алкоголем, он налил себе второй стаканчик, побольше, и принялся писать. Сперва несмело, но потом все скорее и скорее Эйнсли излагал свой проект на бумаге. Идея была стоящей и могла оправдаться!

Пробило полночь, а он все сидел у стола. Наконец он поставил точку и расслабился, предаваясь блаженным мечтам о членстве в Королевском обществе и даже о Нобелевской премии.

Прошла неделя — он не сказал никому ни слова, но безоговорочно поверил в свою правоту. Он решил, что не поделится своей идеей ни с кем. Если она воплотится в жизнь, его, наконец, ждет научное признание.

Мало-помалу Эйнсли начал таскать домой оборудование из больницы. У себя в кабинете он монтировал добытую аппаратуру, устанавливал термостаты и штативы для пробирок, пока не создал настоящую бактериологическую лабораторию — несколько уменьшенную копию своей лаборатории в больнице.

А затем он яростно набросился на работу. Сократив число своих лекций, он стал уходить из больницы все раньше и раньше. Глядя на его торопливую походку и вечно озабоченный вид, коллеги решили, что Эйнсли, должно быть, завел себе любовницу. На самом деле он спешил домой с первым же поездом, на какой только мог успеть, и, обменявшись двумя-тремя словами с женой, запирался у себя в кабинете-лаборатории и углублялся в опыты. Взяв для начала несколько колоний хорошо известного микроба

Bacillus prodigiosus, он стал последовательно переделывать его природу.

Сначала он выращивал микробов на нормальной питательной среде, потом менял отдельные ее составляющие, с тем чтобы сами бактерии на протяжении поколений менялись в нужную экспериментатору сторону. Он лишал микроорганизмы их нормальной белковой пищи, замещая протеин различными веществами, сходными по структуре с длинными молекулярными цепочками пластмасс.

Раз в несколько дней Эйнсли тайне ото всех брал одну из пробирок с подопытными бактериями с собой в больницу и подвергал ее облучению радиоактивным кобальтом, который хранился в лаборатории для совершенно других целей. Облученные бактерии он опять приносил домой и перемещал на новую питательную среду, уповая, что хоть одна из мутаций, вызванных радиацией, может приспособиться к потреблению пластмассы.

Как все, кому довелось повенчаться с самобытной идеей — с идеей, на которую возлагается много личных надежд, — он постепенно начал принимать желаемое за действительное. Нет, о заведомой подтасовке результатов, разумеется, не было и речи; но как не подправить цифирку, как не перестроить слегка ход опыта с тем, чтобы результат лучше отвечал заданной заранее цели!

Месяцы шли за месяцами, а он, все меньше и меньше внимания уделяя работе в больнице, жил только своей маленькой домашней лабораторией. Он не сознавал, что его мозг и тело находятся в постоянном перенапряжении. Да и мог ли он думать, к примеру, что его левосторонняя мозговая артерия на большом участке сужена отложениями холестерина — атеросклероз, сказали бы коллеги Эйнсли. В постоянной спешке он не отдавал себе отчета и в том, что участившиеся головные боли — признак грозного повышения кровяного давления.

Однажды, вечером, часов в одиннадцать, он уже почти закончил изучать под микроскопом пятьдесят девятую по счету разновидность *Bacillus prodigiosus*. У него было шесть пробирок с этой культурой. Внимательно рассмотрев содержимое каждой пробирки, он аккуратно ставил ее в стакан с сильнейшим дезинфицирующим раствором.

Это вошло в привычку — Эйнсли был добросовестным и квалифицированным исследователем и не хотел рисковать, нечаянно выпустив мутировавшие бактерии на свободу. Результаты опытов сегодня обнадеживали более

обычного, по крайней мере так казалось его пристрастному взгляду. Обнаруживались явные признаки того, что заботливо выведенные микроорганизмы поглощают пластмассу.

Он взял последнюю из пробирок и издал торжествующий крик. Сомнений не было — бактерии поглотили заметное количество подобного пластмассе вещества.

Эйнсли пришел в сильное волнение — но, как только он резко поднялся на ноги, перенапряженная артерия лопнула, залив кровью мозговую ткань. Еще какое-то мгновение он стоял неподвижно. Последнее, что смутно осознал его гаснущий разум, была страшная боль в голове.

Эйнсли покачнулся, теряя равновесие, и тяжело опрокинулся назад, на лабораторный стол. Пробирка с бактериями, вылетев из его безжизненных пальцев, разбилась о край раковины, и тонкая струйка мутной желтоватой жидкости, пробежав по фаянсу, устремилась в сливную трубу. А тело съехало со стола и рухнуло на пол с таким грохотом, что жена Эйнсли опрометью выскочила из гостиной. Пока она добежала до дверей кабинета, мутант-59, потомок *Bacillus prodigiosus*, уже попал из сливной трубы в фановую, ту самую, в которой когда-то произошло засорение, а оттуда в магистральный коллектор. И потоки сточных вод в своем неудержимом беге к насосной станции принялись дробить сотни миллионов бактерий, выплеснувшихся из пробирки, на все более и более мелкие колонии.

Смерть Эйнсли отметили короткими сухими некрологами в журнале, издаваемом Кенсингтонской больницей, и в «Бритиш медикал джорнел»; в обоих случаях рядом с некрологом поместили фотографии, на которых покойный выглядел неправдоподобно молодо. Вскоре о нем забыли. Мутант-59, просуществовав какое-то время в канализационных трубах, тоже начал исчезать. Не в силах найти специфическую пищу, созданную для него Эйнсли, мутант потерял способность к делению и погиб. Однако не все микробы были уничтожены — некоторые из них образовали споры.

Спора — особая стадия покоя, в которую переходит бактерия, попав в неблагоприятные условия. Она подобна семени. Когда условия вновь становятся благоприятными, спора возвращается к жизни и опять образует бактерию, которая затем делится на две, на четыре, на восемь и так далее, давая начало целому роду. Обладая удивительной устойчивостью к обезвоживанию, к высоким и низким температурам, споры могут сохраняться сотни лет.

Глубоко под землей, неподалеку от станции метро Кингз-кросс, к стенке коллектора прилипла высохшая капля сточных вод — и в ней около сотни спор. Каждая спора была диаметром в две тысячные миллиметра, и каждая содержала в себе точнейший биологический чертеж мутанта-59, потомка *Bacillus prodigiosus*. Безмолвные микроскопические свидетели единственного оригинального замысла Саймона Эйнсли, они покоились в высохшей капле, с бесконечным долготерпением дожидаясь своего часа. Дожидаясь привычной пищи, которая, возможно, никогда и не появится. Дожидаясь бесконечно малой вероятности того, что какая-то иная молекула, по размерам и структуре сходная с их пищей, найдет себе путь по мрачным зловонным трубам и даст им энергию, чтобы начать новую жизнь.

Но вот спустя два года после того, как доктор Эйнсли канул в небытие, всеобщее распространение получили самораспадающиеся бутылки, изобретенные в агентстве Креймера. В канализацию полетело то, что от них оставалось. По торопливым подземным речкам из миллионов стоков потекли специфические молекулы дегрона.

Случилось так, что однажды под вечер после проливного дождя вода в коллекторе возле станции Кингз-кросс поднялась до небывалого уровня. И молекулы дегрона, очень похожие на те, которые использовал Эйнсли, создавая свои питательные среды, выплеснулись на засохшие споры.

Прошло еще без малого двадцать четыре часа, прежде чем споры убедились в достоинствах вещества, окружающего их заскорузлые оболочки. Оболочки лопнули, и мутант-59, наследник *Bacillus prodigiosus*, пробудился к жизни.

Условия прилились микробам по вкусу. Они множились и распространялись. Куда бы их ни занесло, везде они без труда находили пищу. Дегрон был теперь повсюду. С каждым новым поколением микробы становились все более подвижными и всеядными. Человек оказался добр к мутанту-59. Он обеспечил бактерии пищей на тысячи лет вперед.

В лаборатории Креймера было темно, светились только неоновые индикаторные огоньки, разбросанные по пультам электронной аппаратуры. Тишину нарушало лишь урчание

мотора холодильной установки. Бьюкен подошел к выключателям и разом опустил их головки вниз. Заливший комнату свет помог рассеять ощущение неестественности происходящего.

— Ну, так где же они? — осведомился Скэнлон.

Бьюкен молча приоткрыл дверцу термостата и достал оттуда штатив со стеклянными колбочками, маркированными фломастером. Он был утомлен, говорил запинаясь:

— Может, они... может, я их еще не выдержал, сколько нужно. Делать-то все пришлось в спешке...

— Скажите лучше, что именно вы сделали? Да, между прочим, а где Райт?

— Неважно где. Будете работать со мной.

Бьюкен вынимал колбу за колбой, поворачивал их к свету и делал беглые заметки в блокноте. Казалось, он вообще забыл о присутствии Скэнлона.

— Старина! — взмолился тот. — Ведь два часа ночи! Вы попросили — я приехал, так объясните по крайней мере, что вы затеяли?

— М-да, я не слишком-то с вами вежлив, но слишком многое я поставил на карту! Разрешите, я сейчас все вам объясню. — Он указал на первую колбу. — Здесь водная суспензия той дряни, которую Джеррард соскоблил с деталей робота. В соседней колбе то же самое, но суспензия прошла стерилизацию в автоклаве.

— Зачем?

— Сейчас узнаете. Под номером три — стандартный питательный бульон, я капнул туда из колбы номер один нестерилизованной взвеси. Номер четыре — тот же бульон, но добавленная взвесь стерилизована. Теперь взгляните...

Он поднял штатив к свету. В первых двух колбах жидкость была чуть желтоватой, в третьей она приобрела мутно-коричневый цвет и покрылась тонким слоем пены. Содержимое четвертой колбы оказалось коричневатым, но совершенно прозрачным.

— Вы запомнили, номер три — добавка нестерилизованная, номер четыре — стерилизованная, так?

— Так.

— Сами видите, взвесь в колбе номер три проявляет тенденцию к росту.

— Просто эксперимент не был чистым. Вместе со своими образцами Джеррард неизбежно прихватил множество самых разнообразных бактерий. Растить может буквально любой из сотен видов.

— Хорошо, допустим.

Бьюкен снова подошел к термостату и вытащил стопку круглых чашек Петри. Чашки напоминали пепельницы с плотно притертыми крышками, под которыми прятались кусочки окрашенного желе. Бьюкен расставил их перед собой рядком. Каждая крышка была помечена красным стеклоглафом.

— Вы, разумеется, правы. Поэтому я подготовил еще и эти чашки. Умения у меня, правда, поубавилось — ничего не попишешь, с университетских времен много воды утекло...

Бьюкен приподнял крышечку с первой чашки. Всмотревшись, Скэнлон сумел различить десятки крохотных округлых колоний. Колонии были всевозможных видов, размеров и цветов.

— Сюда я переселял первоначальную культуру, — продолжал Бьюкен. — Перед вами по крайней мере четыре типа колоний. — Он показал их платиновой петелькой, заплавленной в торец стеклянного стерженька. — Это коли-бактерии, это, видимо, стафилококки, эти похожи на дифтерийные палочки, а вот эти, — он помедлил, — эти представляют интерес...

— А что я вам говорю, — упорствовал Скэнлон. — Из первоначального препарата получился чуть не весь микробиологический спектр.

— Именно так, но пересев для того и делается, чтобы разделить бактерии по типам. А раз это удалось, то остается взять частичку каждой колонии и идентифицировать ее на предметном стекле под микроскопом.

— Что, просто на глаз?

— Вовсе нет. Окрашивая культуру по Граму, используя разные избирательные методы и питательные среды — вообще-то это настоящая головоломка, но в конце концов можно отождествить каждый вид с абсолютной точностью! — Он пришел в возбуждение, описывать проведенное расследование было для него удовольствием. — Взгляните, я покажу вам. Мне удалось выделить вот эту колонию... — Он вынул из ряда одну из чашек — на слое желе виднелась кучка сморщенных поблескивающих дисков. — Вот они, те, за кем я охотился...

— Старина, время очень позднее, я теряю нить...

— Погодите, сейчас все поймете. Присмотритесь повнимательнее — по краям колонии идут как бы высохшие крапинки...

— Ну и что?

— А то, что нашим маленьким друзьям вовсе не нравится та среда, на которую их поместили. Среда эта — кровяной агар.

— Им не нравится кровяная среда?

— Разным микробам нравится разная пища, только и всего. Как бы то ни было, я идентифицировал все колонии, кроме этой единственной — она не желала расти ни на одной из общеупотребительных сред: ни на чистом, ни на кровяном агаре, ни на среде Макконочи и ни на какой другой...

— И что же дальше?

— Я составил среду по собственному рецепту.

Бьюкен опять направился к термостату и достал оттуда большой лабораторный стакан, внутри которого стояла толстая коническая колба, заткнутая ватой. Верх стакана был запечатан металлической фольгой. Медленно, осторожно Бьюкен опустил все это на стол, поближе к свету. Скэнлон замер в изумлении. Между краем колбы и ватой образовался шевелящийся ободок пены; она вздувалась, лениво сползала по внешней поверхности конуса и растекалась лужицей по дну стакана.

— Боже, что за рецепт вы выбрали?

Прежде чем ответить, Бьюкен помолчал.

— Я измельчил немного дегрона и растер его в пасту, добавив некоторые соли и аминокислоты, главным образом тирозин...

— Черт знает, что! Этому должно быть какое-то иное объяснение.

— Например?

— Ну,— замялся Скэнлон, отчаянно пытаюсь удержаться в рамках логики и в то же время обойти очевидное.— Хорошо, вы вырастили бактерии, одним из них нравится кровь, другим — сахар...

— Скэнлон, когда необходимы доказательства, ставят решающий эксперимент. Если в каком-то случае — в клинической практике, скажем,— возникло подозрение, что возбудитель болезни — микроб, надо вырастить его чистую культуру на здоровой ткани, взятой у пациента. В данном случае больна пластмасса. Ладно, ладно, вы мне не верите, но это так. Я взял капельку вон той дряни из пробирки и поместил эту капельку на здоровую пластмассу.— Бьюкен открыл последнюю из чашек Петри.— Вот, полюбуйте.— И он указал на поверхность геля в чашке. Она была вся

облеплена сырой клейкой пеной.— На сей раз я использовал просто кусочки дегрона и даже самый обычный полистирол. Взгляните, что с ними случилось,— все видно и невооруженным глазом...

— Но с чего вы решили, что это бактерии? Разве не может это быть каким-то химикатом... каким-то веществом, которое вы нечаянно перенесли?..

Скэнлон, по-видимому, понял всю зыбкость своего предположения и замолчал, не закончив фразы.

— Допустим. Значит, нужен еще один эксперимент. Вот мы и проведем его, если вы мне поможете.

— Какой эксперимент?

— С помощью электронного микроскопа. Пошли!

Он встал и направился к двери, на которой красовались клеверный лист — международный знак радиационной опасности — и табличка:

**«ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ
ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».**

За дверью в тусклом желтом свете над ними нависла уходящая под потолок колонна электронного микроскопа. С ее верха свешивался толстый высоковольтный кабель, который вел к двухметровому шкафу, набитому электронной аппаратурой. Слышалось мягкое хлопанье и посапыванье вакуумных насосов: они поддерживали разрежение, недостижимое даже в космическом пространстве.

Бьюкен принялся манипулировать ручками управления. Огоньки на контрольных пультах стали ярче, а шум насосов назойливее. Потом шотландец поднялся.

— Пусть пока покачает, а мы тем временем подготовим препарат для исследования.

Вернувшись в лабораторию, он положил на стол стеклянную пластинку и водрузил на нее чашку Петри с пластмассовой питательной средой. Взяв предметное стеклышко, он помахал им в пламени бунзеновской горелки и крошечной пипеткой нанес на него капельку дистиллированной воды. Раскалив на огне, а затем остудив платиновую петельку, Бьюкен осторожно отодвинул крышку с чашки Петри и захватил петелькой частицу ее содержимого. Тщательно смешав эту частицу с дистиллированной водой на стеклышке, он вновь провел проволоочкой сквозь пламя. Работа не мешала ему разговаривать. Скэнлон завороченно следил за всеми этими священнодействиями.

— Итак, мы получили суспензию той культуры, которая была в чашке. Теперь смешиваем ее с фосфорно-вольфрамовой кислотой. Получаем препарат, взвешенный в кислотном растворе. Берем вот эту медную сеточку. Малюсенькую сеточку трех миллиметров в диаметре — она как раз подходит к микроскопу. А сейчас помещаем на эту сеточку капельку полученной взвеси...

Он встал, бережно держа сеточку на фильтровальной бумаге. Открыл стеклянный колпак, подсоединенный к насосам, положил фильтровальную бумагу вместе с сеточкой под стекло, загерметизировал шов и включил насосы, внимательно следя за вакуумным манометром, указывающим величину атмосферного давления под колпаком.

— В вакууме вода из нашей капельки испарится. Как только это произойдет, фосфорно-вольфрамовая кислота осядет пленкой на любых материальных телах, какие есть в препарате. Дело в том, что для электронного микроскопа все биологические объекты почти прозрачны, зато вещества, содержащие тяжелые металлы, выглядят на экране абсолютно черными.

— Значит, все имеющее биологическую природу должно казаться — дайте подумать — чистым пятнышком в окружении темного ореола?

— Вот именно, вы хорошо себе это представили, Джим. Думаю, что наш препарат готов.

Открыв клапан, Бьюкен впустил воздух обратно под колпак. Раздавшийся было резкий свист постепенно стих. Приподняв колпак на противовесах, шотландец вынул из-под него фильтровальную бумагу с сеточкой и не спеша двинулся к микроскопу. Скэнлон последовал за ним и приворчал за собой легкую, отменно пригнанную дверь.

Бьюкен открыл замок и поместил сеточку в препаратодержатель. Уверенно вращая ручки управления, он перевел микроскоп на рабочий режим. Экран под непроницаемым для излучения стеклом загорелся зеленым светом, отбрасывая снизу тени на сосредоточенные лица ученых. Бьюкен тронул тумблер дистанционного управления препаратом. Линии на экране колыхнулись и исчезли, затем появились вновь и замерли в неподвижности. Оба с минуту просидели, не шевелясь и не произнося ни слова.

На экране виднелись тысячи прозрачных прямоугольников, и каждый прямоугольник был окружен темным оре-

олом. Не оставалось сомнений — это были электронные изображения бактерий.

— Лучше бы позвать Райта, — сказал Скэнлон.

Бьюкен потянулся за телефонной трубкой.

12

Чрезвычайный контрольный пост построили в 1945 году. Расположен он под плац-парадом конной гвардии на глубине примерно двадцати метров и входит в большой подземный комплекс тоннелей, центров связи и жилых помещений, простирающийся на север до самой Трафальгар-сквер, а на восток под улицей Уайтхолл до военного министерства. Целый подземный город, откуда можно управлять всей страной, не поднимаясь на поверхность.

Стены чрезвычайного поста усилены армированными бетонными брусьями, выкрашенными в белый цвет, а пол застлан зеленым линолеумом казенного образца. Одну из стен почти полностью занимает проекционный экран, а перед ним — мешанина пультов с разноцветными телефонами, микрофонами оповещения ПВО, телевизионными устройствами. Оставшееся пространство наскоро заставлено рядами разнокалиберных стульев.

В комнате темно от табачного дыма, она заполнена беспокойным гулом голосов — здесь собралось человек пятьдесят, есть люди и в военной форме, есть и в безликом цивильном платье. Атмосфера сдержанно напряженная. Большинство присутствующих давно перевалило за пятьдесят. Их лица отражают привычку к власти, сознание собственной значимости. Это лица людей, которые не станут уклоняться от ответственных решений, будь они правильными или нет.

В первом ряду с места поднялся коренастый мужчина в форме бригадного генерала. Посмотрев вокруг, он постукал костяшками пальцев по крышке соседнего пульта, требуя внимания. Разговоры словно бы нехотя смолкли. Со спокойной уверенностью человека, привыкшего повелевать, генерал произнес:

— Господа, — он бросил мимолетный взгляд на часы, — думаю, нам пора начинать...

Генерал подошел к пульту перед экраном.

— Многие из вас, вероятно, более или менее в курсе дела, но прежде всего я хотел бы представить вас друг другу. Вас привезли сюда в большой спешке, и я приношу

вам за это свои извинения, но мы постарались сделать все, что могли, чтобы обеспечить всех временным жильем. Мистер Риггс,— генерал кивком показал на человека в штатском, стоящего возле дверей,— передаст вам карточки с номерами ваших комнат и указаниями, как до них добраться. Система тоннелей весьма разветвлена, и я просил бы вас строго придерживаться направлений, предписанных в карточках, поскольку сотрудники службы безопасности... гм... очень ревностно относятся к исполнению своих обязанностей.— Он холодно улыбнулся.— Всем вам будут розданы опознавательные жетоны, так что я без промедления перейду к существу вопроса. Медицинской стороной операции руководит сэр Фрэнк Дейл...

Он указал на седовласого, аскетического вида мужчину во втором ряду, который сделал неловкую попытку приподняться и поклониться. Генерал отмечал рукой каждого, о ком шла речь.

— Полицейской службой и уличным движением ведает заместитель комиссара полиции. Подземным транспортом — мистер Холланд. Передвижения войск происходят под командой присутствующего здесь генерала Фенвика, помогать ему буду я. Деятельностью дезинфекционных центров руководит доктор Фэннинг, главный врач муниципалитета Большого Лондона... Вы, видимо, уже обратили внимание на принятые нами меры предосторожности — все они необходимы и взаимосвязаны и исходят из правил, действующих в районе местопребывания правительства. Соответствующий документ, я надеюсь, вы уже читали...

Он обвел взглядом слушателей, которые согласно кивали.

— Теперь, с вашего позволения, сэр,— он слегка повернулся в сторону генерала Фенвика, который небрежно помахал пухлой ручкой,— рассмотрим проблему на местности...

Генерал нажал на кнопку, и за его спиной на проекционном экране зелеными линиями вспыхнула карта центра Лондона.

— Наши данные указывают на то, что поражения, какова бы ни была их природа, в основном сосредоточены на довольно узком участке.— Он взял белую указку.— С северной стороны они ограничены улицей Юстон-роуд, на западе до перекрестка с Портленд-плейс и на востоке — с Уоберн-плейс. Границы эти, разумеется, только приближительны. В южном направлении граница идет по Саут-

гемптон-роу и затем по улице Олдвич выходит к Темзе, которая замыкает периметр с юга. Площадь пораженного района составляет в целом около четырех квадратных километров. Встречаются, правда, отдельные вспышки и за пределами этой территории, но их немного, они весьма отдалены друг от друга, и мы надеемся, что с ними удастся справиться без серьезного риска.

Однако в границах района, о котором я говорил, процесс стремительно расширяется и сдержать его стало совершенно неотложной задачей. До некоторой степени нам еще помогает погода, поскольку холод, как выясняется, снижает скорость... мм... реакции, как только она выходит из-под земли на поверхность.

Генерал помедлил, в поисках поддержки метнув быстрый взгляд на желтое пергаментное лицо сэра Фрэнка Дейла, потом продолжал:

— Наша цель, — подчеркивая значимость своих слов, он ударил рукой по пульту, — полностью изолировать означенный район — на земле, над землей и под землей. Вряд ли нужно разъяснять вам, что, если процесс, разрушающий пластмассу, распространится по всему миру, это может привести к полной катастрофе. К району поражения следует относиться как к зачумленной, смертельно опасной зоне...

Два слова о передвижениях войск. Поскольку сегодня в полдень ее величество подписала вердикт о чрезвычайном положении, мы начали стягивать части к границам района. Первый батальон шотландской гвардии уже изолировал северо-западный сектор — вот здесь — во взаимодействии с тремя ротами бронедивизиона конной гвардии, дислоцирующимися на северо-востоке — вот здесь...

Теперь он стучал уже прямо по экрану.

— Контроль за южным сектором осуществляется под общей командой полковника Сетбриджа, который в настоящий момент вводит сюда подвижные части парашютного полка. Приблизительно к двадцати трем ноль-ноль изоляция пораженной зоны будет закончена, и мы сможем начать мероприятия по ее эвакуации. Вспомогательные операции поручено осуществлять ремонтному корпусу и королевскому корпусу связи.

На секунду он замолчал и вновь обвел аудиторию взглядом, желая убедиться, что владеет ее вниманием.

— Как вам известно, электро- и газоснабжение в ряде секторов полностью прекратилось, поэтому мы устанавливаем по периметру аварийные генераторы и тянем кабели

внутри зоны с тем, чтобы обеспечить ее энергией хотя бы для отопления. Как только сумеем, установим также турбины для обогрева воздуха. В районе поражения проживает много стариков, которым сейчас угрожает смерть от холода. Такова в общих чертах ситуация, а теперь, с вашего разрешения, передаю слово сэру Фрэнку Дейлу. Он объяснит вам причины происходящего. Прошу вас, сэр Фрэнк!..

Дейл, неуклюже поднявшись, вышел к экрану. Он молча осмотрел слушателей, и на лице его отразилось некоторое неудовольствие оттого, что столь тонкие вопросы науки приходится обсуждать с непосвященными. Заговорил он монотонно и нудно, без какого бы то ни было предисловия:

— До настоящего времени в нашем распоряжении почти нет точной информации ни об организме, вызывающем разрушения, ни о его действии. С практической точки зрения известно, что, оттолкнувшись от промежуточных веществ белковоподобного характера, имеющих в канализационной системе, организм выработал в себе все более универсальное свойство поглощать самые разнообразные пластмассы...

Слушатели беспокойно заерзали.

— Обычно скорость роста бактерий относительно низка, но в данном случае как латентная фаза, так и фаза угасания... мм... замещены фазой ускоренного экспоненциального роста.

Из аудитории донесся раздраженный голос:

— Сэр Фрэнк, извините, но я не понял ни единого слова. Не могли бы вы снизойти к нам, невеждам?

Остальные поддержали это заявление приглушенным ропотом.

— Мм? — удивился сэр Фрэнк. — Н-да, конечно... В общем, это значит, что произошло как изменение скорости роста, так и поистине удивительное увеличение скорости воспроизводства. Более того, с появлением каждого нового поколения организм обретает способность разрушать новые и новые виды пластических материалов. Питаясь пластмассой, бактерии высвобождают значительные количества газа — огнеопасной и взрывоопасной смеси, в основном сероводорода и метана; в этом и кроется причина серии взрывов, которым мы были свидетелями.

Я уже известил министра внутренних дел, что мои сотрудники заняли две пустые палаты в больнице святого Томаса — как раз через реку от южной границы зоны поражения — и переоборудуют их в исследовательские лабора-

тории. Мы работаем по двадцать четыре часа в сутки чтобы изыскать средства борьбы с этим необыкновенным организмом.

Обычные приемы иммунологии, сыворотки и прививки нам, очевидно, не помогут; ни человека, ни животных организм — по крайней мере пока — не поражает, или не заражает, как вам больше нравится. Быть может, нам следует сделать ставку на широкое использование распыленных антибиотиков, но до сих пор не удалось обнаружить антибиотик, к которому организм проявил бы достаточную чувствительность. Пока продолжаются поиски, лучшим, по нашему мнению, средством приостановить подземные разрушения было бы заполнение тоннелей метро и коллекторов инертным газом. Мы обнаружили также, что в атмосфере, состоящей из азота и углекислого газа, скорость воспроизводства бактерий уменьшается, и, насколько я знаю, — он посмотрел на бригадного генерала, — уже организуется доставка этих газов ко всем главным входам в метро и люкам канализации. Должен заметить, что в своих действиях мы руководствуемся чисто эмпирическими поисками, поскольку какие-либо прецеденты отсутствуют. Надеюсь, через день-другой у меня появятся для вас более приятные новости. — Он повернулся к генералу. — Пожалуй, у меня все, благодарю за внимание.

Генерал снова встал.

— Спасибо, сэр Фрэнк. А теперь, комиссар, не откажите проинформировать нас вкратце о мерах, принятых вами.

Заместитель комиссара полиции, грузный и нерасторопный, медленно вышел вперед с пачкой бумаг в руке. Он не старался сгладить свой акцент истинного кокни, и завистники поговаривали даже, что этот акцент становится все заметнее по мере того, как ранг его обладателя — все выше. Утверждали, что он глотает слова специально для того, чтобы напомнить всем: я начинал простым констеблем на участке Хэрни...

— Главная наша задача — эвакуировать население из района поражения в самый короткий срок. Действовать мы будем в соответствии с планами эвакуации, разработанными на случай войны, и, по-моему, у вас эти планы есть. — Он посмотрел на слушателей, которые снова согласно закивали, и принялся рыться в своих бумагах. — Вы видите, что основных дезинфекционных центров три — на вокзалах Черинг-кросс, Юстон и Сент-Панкрас. Доктор Фэн-

нинг чуть позже расскажет вам о них подробнее. А я уж ограничусь тем, как мы планируем выселять людей из района.

Если коротко, все они делятся на постоянных жителей и приезжих. Как только вокруг появятся заставы, всякие там покупатели, провинциалы, туристы и так далее выйти сами уже не смогут, и о них мы решили позаботиться в первую очередь. Чрезвычайное положение дает нам право реквизировать собственность, и мы предписываем владельцам отелей в этом районе, чтобы они установили как можно больше кроватей и приютили всех, кто не живет постоянно в зоне, до тех пор пока мы не сумеем их вывезти.

Еще более срочное дело — освободить места в двух крупных больницах: Юниверсити Колледж и Черинг-кросс. В зону посланы кареты скорой помощи, и мы надеемся вывезти всех больных, которых можно транспортировать, уже сегодня к полуночи. Здесь на Риджентс-парк-сквер, — он показан на карте, где именно, — создается специальный дезинфекционный центр, так что больных можно будет обрабатывать отдельно от здоровых. Все это даст нам, считая по нормам военного времени, примерно двести тридцать вакантных больничных коек. Ведь если чрезвычайное положение затянется надолго, мы наверняка столкнемся с разного рода заболеваниями...

А как только мы вывезем больных и приезжих, очередь дойдет и до постоянных жителей района. Разумеется, каждый, прежде чем покинуть зону, должен будет пройти полный цикл дезинфекционных процедур; машины с громкоговорителями уже патрулируют по улицам, оповещая всех, что им делать, и распространяя листовки с инструкциями. Но боюсь, на это понадобится еще часов шестнадцать-восемнадцать, и поначалу не избежать определенного замешательства.

Весьма существенно, и этого мы можем добиться уже сейчас, чтобы все оставались на своих местах. Если надо, пусть обратятся на ближайший пост, получают крышу над головой, а потом пусть сидят и не рыпаются. Сэр Фрэнк еще раньше сообщил мне, что, чем больше люди будут слоняться по улицам, тем скорее они разнесут эту заразу, какова бы она ни была, так что я дал распоряжение очистить весь район. Кому действительно надо передвигаться — врачам и так далее, — тем мы выдадим удостоверения особой формы.

Боюсь, однако, что обстановка складывается весьма благоприятно для уголовного элемента, и вполне вероятен рост всякого рода преступлений. Что же касается толпы как таковой, мы не предвидим больших забот, но на всякий случай, так сказать, договорились с генералом Пауэллом о поставках специального снаряжения для борьбы с бунтовщиками. Приняты меры к тому, чтобы вооружить до зубов полицейских окрестных районов, да и сами мы ввозим в зону защитные экраны, ружья для стрельбы резиновыми пулями, баллоны с газом «Си-Эс». Все это будет храниться на каждом из наших постов. А теперь, доктор Фэннинг, не хотите ли вы поделиться с нами сведениями о системе дезинфекции?

Едва комиссар сел на место, раздался общий возбужденный гомон — специалисты спешили сравнить свои заметки и документы.

Фэннинг, высокий, спортивного сложения человек лет тридцати с небольшим, легко вспрыгнул на возвышение, прочистил горло, пытаясь привлечь к себе внимание, и с трудом дождался, пока умолкнет шум. Говорил он быстро и как-то легковесно:

— Видите ли, дезинфекция, в сущности, очень простая штука. Нужно убить всех микробов, каких можно, — только и всего.

Проблемы, возникающие при дезинфекции, вполне аналогичны тем, с какими сталкиваются при лечении инфекционных больных в стационаре. Каждое из звеньев системы подобно клапану. Люди, движущиеся сквозь него, должны снять с себя одежду, принять душ, а затем надеть все новое. Впрочем, в отличие от клапана процесс обратим. Те, кто выходит, обязаны раздеться догола, опять-таки вымыться под душем и подождать, пока их одежда стерилизуется в автоклаве, то есть обрабатывается паром под высоким давлением. В данном случае мы не справимся с обработкой одежды вовремя, поэтому просим всех надевать старое платье — его пометят и стерилизуют, а после душа, перед выходом из зоны, людям выдадут новую одежду, то есть новую для них лично, а на самом-то деле тоже старую. Мы обратились к тем, кто живет вокруг района поражения, с просьбой принести ненужную одежду, и фирма «Оксфэм» также заверила нас, что окажет нам в этом отношении определенную помощь...

Железнодорожные вокзалы выбраны для размещения дезинфекционных центров не случайно: это позволяет стро-

го контролировать выезд людей из зоны. К тому же железные дороги меньше, нежели остальные виды транспорта, соприкасаются с другими, не пострадавшими районами города. Теперь, если вы разрешите, я расскажу более подробно о том, как мы думаем...

Бригадный генерал нетерпеливо посмотрел на часы и твердо сказал:

— Благодарю вас, доктор Фэннинг. Благодарю вас, вы нам несомненно очень помогли. Однако время не ждет.— Он мельком заглянул в список присутствующих и спросил: — Мистер Холланд, что вы можете добавить от лица транспортников?

Холланд нервно теребил себя за палец и старался не думать о нарастающей боли в желудке.

— Ничего особенного, пожалуй,— ответил он.— Могу только сказать, что принятые меры оказывают самое серьезное влияние на движение во всем городе. У нас есть данные, что пробки возникли уже в сорока пяти километрах отсюда...— Он помолчал.— Это и понятно: из радиальной системы движения выключен центр, и хотя мы вводим объездные маршруты, расчеты показывают, что они возьмут на себя лишь четырнадцать процентов нагрузки. Ничего другого мы в настоящее время не в состоянии предпринять. Разумеется, в районе поражения закрыты все станции метро, и нам остается только налаживать подвоз пассажиров к окраинам по неповрежденным участкам.

Взгляните на схему,— он нажал кнопку, и на экране вспыхнула карта столичной подземки,— и вы убедитесь, что зона перерезает все основные линии метро, за исключением восточного плеча Северной линии до станции Бэнк. Правда, источники инфекции сосредоточиваются как будто в неиспользуемых отрезках тоннелей, но тем не менее мы предпочли закрыть всю систему, кроме периферии.

Военные, насколько я понимаю, дают нам солдат, и те будут двигаться по тоннелям к центру, стерилизуя их с помощью огнеметов. Но на отдельных участках эти меры исключены: там накопился взрывоопасный газ, риск слишком велик. У меня, видимо, пока все...

Он сел. Генерал вновь заглянул в список.

— А сейчас мистер Хэнтри из санитарного управления муниципалитета поделится с нами соображениями относительно канализационной сети.

Маленький подвижный человечек, сидевший позади Холланда, ловко вскочил на ноги и начал скороговоркой еще на полпути к возвышению:

— Самые существенные факты. Зона поражения перекрывает коллектор среднего уровня, идущий с запада на северо-восток к насосной станции Эбби-Миллс в Стрэтфорде. Вам уже сообщали, что откачка сточных вод непосредственно из центра будет прекращена. Всем жителям в черте оцепления уже объявлено, чтобы они не пользовались уборными и не выливали ничего в раковины. Тем не менее мы по-прежнему откачиваем нечистоты из районов к западу от зоны по направлению к Бектону, и северному водоотводу.

По сигналу Хэнтри на экране появилась карта дренажной сети Лондона — фантастически сложное переплетение линий, почти столь же густое, как уличная сеть. Завладев указкой, Хэнтри продолжал:

— В зону попадает всего один коллектор, ведущий с севера на юг, — коллектор Сэвой-стрит. Он не из главных, и его легко перекрыть со стороны Юстон-роуд. Главная проблема в другом: куда направить сток с запада? Сначала мы думали использовать русло подземной речки Флит и Северный коллектор верхнего уровня, но это невыполнимо — слишком мала мощность насосов на станции Лотс-роуд. Другая возможность — магистральный коллектор Пикадилли и русло подземной речки Рейнлей, но и тут мы сталкиваемся с проблемой: не удастся полностью перекрыть ответвления, ведущие из зоны поражения.

Хэнтри выждал паузу, едва ли не наслаждаясь предвкушением того эффекта, какой произведут его заключительные слова:

— Исходя из этого, мы пришли к выводу: уверенности в том, что никто во всей зоне не спустит в канализацию новой заразы, быть все равно не может; значит, остается одно — закрыть магистральную систему среднего уровня целиком. А это, в свою очередь, означает, что весь сток с севера и с запада придется направить в ливневую канализацию и, следовательно, прямоком в Темзу...

Аудитория немедленно взорвалась гулом, сквозь который прорвался протестующий возглас сэра Фрэнка Дейла:

— Но послушайте, боже мой, вы просто не имеете права!.. Это опасно для здоровья, вы что, не соображаете? Десятки инфекционных болезней! Эпидемии!..

— Сэр Фрэнк,— терпеливо повторил Хэнтри,— у нас нет выбора. Направить сток больше просто некуда.

— Разве у вас нет отстойных резервуаров или как там они называются?

— Есть, но они не вместят и десятой доли сброса. Мы вынуждены направить сток в Темзу, другого выхода у нас нет.

— Предупреждаю,— продолжал раздраженно сэр Фрэнк,— мы сразу столкнемся с серьезными вспышками...

Бригадный генерал поспешно поднялся с места и проговорил примирительным тоном:

— Благодарю вас, мистер Хэнтри, вы нам тоже очень помогли. Сэр Фрэнк, я думаю, будет лучше, если вы продолжите ваш спор после перерыва. Нам нужны дополнительные факты, и, как я понимаю,— он бросил взгляд в сторону одного из своих помощников, который ответил кивком,— сейчас сюда прибудет уполномоченный Лондонского порта, чтобы сообщить нам о прогнозе приливов и отливов и еще кое о чем. Быть может, вы примете такое предложение?

Сэр Фрэнк нехотя согласился.

— А пока я, с вашего позволения, расскажу вам чуть-чуть подробнее об особенностях данного подземного комплекса...

Пока бригадный генерал в ярком свете и тепле подземелья держал свою речь перед избранными, по земле далеко над их головами резкий северный ветер швырялся редким снежком и нес его вдоль улицы Портленд-плейс к зданию Би-би-си. Полицейский фургон, вставший посреди мостовой на углу Ленгхэм-плейс, через громкоговоритель на крыше хрипло инструктировал собравшихся вокруг пешеходов:

— Лицам, постоянно проживающим в данном районе, настоятельно рекомендуется вернуться домой и больше на улицу не выходить. Проживающие в других районах должны незамедлительно прибыть в один из пунктов, отмеченных на плане, откуда они в минимально короткий срок будут выпущены за пределы зоны. Планы, на которых указано размещение подобных пунктов, можно получить здесь, а также у любого встречного констебля. На случай возможной задержки и во избежание трудностей проживающим в других районах рекомендуем также получить список рек-

визированных отелей, где им бесплатно будет предоставлено временное жилье и питание...

Пожилая женщина в твидовом пальто не по росту, взяв из рук полисмена грубо напечатанный план, досадливо проворчала:

— А как, скажите на милость, я туда доберусь? Мне на моих ногах и сотни метров не одолеть.

Полисмен, крупный мужчина с дружелюбным лицом крестьянина, глядя на нее сверху, ухмыльнулся:

— Не беспокойся, дорогуша, я подтолкну тебя пониже спины...

Какую-то секунду она свирепо ела его глазами, потом с одышкой прокаркала:

— Ну что ж, я не возражаю...

Двое элегантно одетых дельцов выслушали все, что сообщил им громкоговоритель, и один повернулся к другому:

— Не кажется тебе, что это звучит как приглашение распить рюмочку-другую?

— В баре «Савиль»? — осклабился второй.

— Совершенно верно.

И оба, круто повернувшись, удалились.

Полицейские двигались сквозь толпу, раздавая планы и инструкции. В этот момент, перекрывая надсадный вой ветра, с северного конца улицы послышался нарастающий грохот. Из-за поворота, с полукруга площади Парк-сквер, вылетела, резко выделившись на снегу, длинная черная колонна армейских грузовиков. Вдоль колонны назад и вперед, словно хлопотливые насекомые, сновали мотоциклисты.

Как только головной грузовик достиг Ленгхэм-плейс, вся вереница машин со скрежетом остановилась. Тотчас же упали задние откидные борта, и на землю попрыгали солдаты, которые стали выгружать деревянные рогатки и мотки колючей проволоки.

Чины военной полиции в красных фуражках, покинув свой грузовик, быстро рассредоточились вдоль западной стороны улицы и принялись останавливать транспорт, выруливающий из боковых проездов. Водителям коротко приказывали дать задний ход и убираться, откуда приехали.

То тут, то там вспыхивали яростные споры — водители не хотели ничего знать и не желали выполнять приказания военных. Солдаты работали с неистовой скоростью, воздвигая заграждения на крестообразных подпорках. Боковые

проулки в мгновение ока были забаррикадированы все до одного.

С юга Темза, бегущая вдоль гигантской излучины набережной, образовала естественный барьер — пришлось закрыть один-единственный крупный мост, Ватерлоо. Два полугусеничных броневика встали поперек дороги на южном берегу, как раз на уровне яйцевидного купола концертного зала Фестивал Холл. Полицейский вездеход приткнулся между ними, и патрульные дорожной полиции установили мигающие предупредительные сигналы и знаки «Проезда нет». Тех, кто в сердцах предпринимал попытки перебраться на северный берег по пешеходному мосту Хангерфорд, задерживали у подножия длинного марша каменных ступеней, ведущих к мосту от Вильерс-стрит.

Мало-помалу, по мере того как армия и полиция со своими рогатками и прочим снаряжением продвигались вперед, значительная часть улиц, площадей и магазинов оказалась отрезанной от остального города, подобно какому-то древнему гетто. По Юстон-роуд и Саутгемптон-роуд рогатки перерезали все поперечные улицы. Машины, лихорадочно пытаясь выбраться из кольца, лишь создавали бесконечные пробки. Множилось число несчастных случаев, вспыхивали драки.

Но постепенно, едва машины исчезли с улиц, на район спустилась тишина. На смену привычному гулу движения пришли звуки шагов; пешеходы, сбиваясь в испуганные кучки, сообща изучали планы и инструкции, выданные полицией, и торопились к ближайшему убежищу.

Воздух был сухой и стылый, все так же падал снег, и у бортики тротуаров начали вырастать небольшие сугробы.

В своей роскошной квартире, выходящей окнами на неопрятную космополитическую Олд-Комптон-стрит в квартале Сохо, Гарри Мензелос сосредоточенно слушал очередную сводку о чрезвычайном положении. Дослушав, он выключил приемник, подошел к окну и задумчиво уставился на магазинчики и закусочные, расположенные напротив. Так он простоял довольно долго, барабанив пальцами по стеклу, его унылое лицо ровным счетом ничего не выражало. Потом он отошел от окна и достал из золотой коробочки длинную сигарету.

Мензелос был профессионал.

Чего стоят жизнь и смерть, он усвоил еще будучи ротным старшиной при британской военной миссии в Салониках. Воюя в горах Хортиатис на севере Греции, он быстро заработал себе репутацию — и в среде своих, и в стане врагов — умелого убийцы. Подчиненные почитали в нем начальника, способного добиться успеха и требующего от них только одного — беспрекословного повиновения.

После войны он оставил свой родной Пирей и перебрался в Англию, где дрейфовал от преступления к преступлению, не получая больших барышей, но и не попадаясь. Первым его значительным успехом было ограбление в Хэтон Гарденс, когда он захватил партию мелких, легко реализуемых бриллиантов на сумму в десять тысяч фунтов.

От природы неглупый и восприимчивый, он задумал и совершил еще несколько крупных краж, а свои доходы вкладывал во вполне легальные деловые предприятия. К настоящему времени он был владельцем двух ночных клубов в Пэддингтоне и сети обувных магазинчиков как в самом Лондоне, так и в окрестных графствах.

Он неукоснительно платил подоходный налог.

Сейчас Гарри Мензелос налил себе в стакан на два пальца выдержанного французского коньяку, затем подошел к телефону и набрал номер, в ожидании ответа наблюдая за тем, как нарастает столбик пепла на кончике сигареты.

— Солли? Да, это я, Гарри. Радио слушал? Скверное дело, правда?.. — Он издал короткий смешок. — В общем, мне все это подсказало одну прекрасную мысль. Участвуешь, Солли? Ладно, тогда почему бы тебе не подъехать сюда?.. Вот именно. Поторапливайся, Солли, теперь или никогда... Точно. Захватил бы с собой и Олфорда... Да, совершенно верно. Где он держит свой грузовик? Здорово, это в пределах зоны, не так ли? Заберите его и поставьте на задворках... Да, да. До встречи...

Положив трубку, он прошествовал в спальню и, откатив в сторону широкую двуспальную кровать, отогнул ковер. Вынув из гнезд три узкие паркетные планки, он достал из-под них увесистый ком промасленных тряпок. Развернул.

Свет настенных бра упал на тусклую сталь пистолета системы Стэн и двух револьверов армейского образца и на обоймы с патронами.

На улице внизу магазинчики закрывались один за другим. Торговцы прятали банки с огурцами и консервированной рыбой и приводили в порядок опустевшие прилавки.

На Брюер-стрит было темно и пустынно; трое, притаившись у самых дверей, прислушались. Снег уже покрыл тонким слоем весь тротуар, и гангстеры с тревогой вглядывались в путанные цепочки собственных следов, которые, казалось, нарочно указывали, где они спрятались.

Наконец, удостоверившись, что вокруг никого, Солли Экермен вынул из сумки миниатюрную дрель на батареях, ввинтил в нее длинное сверло с карбидным наконечником и начал высверливать дырку рядом со скважиной главного дверного замка. Над его головой красовались крупные чеканные, слегка припорошенные снежком буквы:

«А. БОННИНГТОН. ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ».

Яростное завывание дрели в тишине безлюдной улицы казалось до безумия громким. Но вот Солли остановил дверь и засунул в просверленное отверстие длинный нарезной прут. На конце его была закреплена массивная поперечина, и, как только прут прошел насквозь, поперечина выскочила из гнезда — теперь вынуть инструмент с наружной стороны было невозможно.

На внешний нарезной конец прута Солли навинтил тяжелую однозубую фрезу, очень напоминавшую школьный циркуль, затем приадаил к ней коловорот с храповым механизмом. Он вращал коловорот, а фреза рывками вгрызалась в металл, и вокруг замка появлялся полукруглый резрез. Остальные нетерпеливо следили за его работой, потя на холодном ветру. Поблескивающие синеватые завитки раскаленной стальной стружки с коротким шипением падали в снег.

А в трех метрах ниже поверхности улицы, под кирпичным сводом коллектора давней викторианской постройки, мутант-59 неуклонно следовал предначертанным ему путем. Жадно поглощая дегрон самораспадающихся бутылок, поколения бактерий росли, делились и погибали, и каждая из них выделяла частичку газа. Газ заполнял сырые канализационные тоннели, медленно поднимался по фановым трубам, проникал в подвалы и дома...

Экермен повел их за собой через торговый зал, мимо пустых стеклянных витрин и вниз по лестнице, крытой вор-

систым ковром. Луч фонаря выхватывал из темноты то мягкую мебель, то ряды эстампов на изогнутой лестничной стенке. Наконец луч уперся в коробку с предохранителями и шеренгу литых выключателей. Не говоря ни слова, Солли передал фонарь третьему в компании, Олфорду, и тот опытной рукой направил луч так, чтобы как можно лучше осветить выключатели. Экермен вскрыл один из них, предварительно сорвав свинцовые фирменные пломбы. Затем вынул из сумки маленький прибор с торчащими из него проволочками и прикоснулся ими к сверкающим медью пластинам. Стрелка прибора осталась на нуле.

— Все в порядке, тока нет,— шепнул он.

— Тогда приступим,— также шепотом откликнулся Мензелос.

И они, крадучись, двинулись дальше. Олфорд проворчал:

— Должно быть, здесь кто-то нагадил. Боже, ну и вонища!

— Давай, давай,— раздраженно заявил Мензелос, выхватывая у Олфорда фонарь и шаря лучом по комнате.— Вот он, вон там!..

Луч метнулся в угол и осветил тяжелый черный сейф. В полутьме никто из них не заметил, что над раковиной, притулившейся в противоположном углу, вздымается небольшая шапка пены. Олфорд сосредоточенно осматривал сейф, приговаривая:

— Автогеном тут не возьмешь, это же Паркстоун, высший сорт. Вы только взгляните, четыре засова, два со стороны замка, два со стороны петель. Придется его, голубчика, шпаклевочкой, уж она-то с ним справится, не сомневайтесь...

Потребовалось двадцать минут, чтобы Экермен просверлил в оболочке сейфа четыре глубокие дыры как можно ближе к каждому из засовов. Мензелос распутывал провода, ведущие к цилиндрической горке высокоразрядных никелево-кадмиевых батарей, а Олфорд снял с лестницы ковер и бросил его на полу перед сейфом.

Затем Экермен достал из своей сумки жестянку из-под какао и принялся выгребать оттуда «шпаклевку» — пластичную взрывчатку, раскатывать ее на тоненькие колбаски и запихивать их в просверленные отверстия. Покончив с этим, он воткнул в «шпаклевку», выступающую из дыр, четыре крохотные медные трубочки — детонаторы. С каждого детонатора свисала наружу пара проволочек. И наконец, вытащив шарик модельной глины, он разделил ее на

четыре равные части и осторожно, пальцами, обмазал детонаторы так, чтобы из-под глины выглядывали только эти проволочки.

Тогда за дело взялся Мензелос: он подсоединил концы к грубо сделанной разветвительной коробке и, подхватив батареи, повел провода прямо по голым ступеням обратно наверх. Олфорд бережно обмотал сейф лестничным ковром, приперев его для верности двумя стульями.

А пена, выплескивающаяся из сливной трубы, уже разлилась по всей раковине.

— А ну-ка, выметайтесь оттуда! — позвал сверху Мензелос. Олфорд и Экермен, бросив вокруг последний взгляд, поспешили к своему шефу. Все трое встали в углу торгового зала, и Мензелос распорядился: — Выгляни на улицу, Ленни. Чтоб там ни души...

Олфорд приблизился к окну, посмотрел в одну сторону, в другую, убедился, что на улице по-прежнему пусто, и вернулся:

— Все в порядке, никого нет...

Мензелос аккуратно подсоединил один провод к батареям, а другой — к ключу, привязанному сбоку черной тесьмой. Закрыв глаза — и решительно повернул ключ.

Внизу, в подвале, четыре заряда взорвались одновременно. Раздался гулкий грохот, ковер и стулья отлетели на другой конец комнаты, и четыре дыры выбросили четыре огненных язычка. Гангстеры ринулись по лестнице вниз — и тут воспламенился собравшийся в раковине газ.

Пламя распространилось вниз по сливной трубе и через ее подземные разветвления переметнулось в главный коллектор. Весь газ, накопившийся под его сводами, с чудовищным гулом взорвался. Тяжелая чугунная решетка, замурованная в мостовую, волчком взлетела в воздух и с резким звоном грохнулась на тротуар.

Гангстеры усталились на разрушения, открывшиеся им в подвале. Они задыхались от пыли, луч фонаря едва проникал во мглу. Вокруг был совершенный хаос. Штукатурка обвалилась, кое-где за нею последовала и кирпичная кладка. На месте раковины в полу разверзлась зияющая брешь. Искореженная дверца сейфа болталась на одной-единственной петле.

— Ну и ну! — прошептал Олфорд. — Что за взрывчатку ты заложил?

Экермен был в полном недоумении.

— Обычную шпаклевку, только и всего...

— Давайте сматываться, — запаниковал Олфорд. — Моргнуть не успеем, сюда заявятся легавые...

Он двинулся назад к лестнице, но Мензелос схватил его за руку.

— Мы забыли камушки, Ленни...

Экермен уже выгребал из сейфа закопченные бумаги и коробки с драгоценностями. В конце концов он извлек из металлического ящичка три бархатных мешочка с этикетками.

— Вот они, теперь в темпе...

Он перебросил один мешочек Мензелосу, а два других опустил себе в карман.

Где-то над их головами, на улице, заскрежетали шины, лязгнули автомобильные дверцы, раздались приглушенные голоса. Все трое напряглись, сиюсь разобрать слова. Наверху послышался скрип шагов, Мензелос поспешно погасил фонарь.

— Ни звука, ни звука!..

— Чертова дверь! — шепнул Олфорд. — Они же заметят дырку в двери...

— Заткнись! — отозвался шепотом Экермен.

Гангстеры замерли в полном молчании. Тихо звякнула сталь — Мензелос поставил на боевой взвод свой пистолет. Прошла, казалось, вечность, прежде чем голоса и шаги начали удаляться; снова лязгнули дверцы, зарокотал мотор — и затих за поворотом.

— Подождем еще немного, — сказал Мензелос, вновь включая фонарь. — Переждем здесь, потом выйдем как ни в чем не бывало и вернемся ко мне в берлогу.

— Непохоже, чтобы мы кого-нибудь встретили, Гарри, — заявил Экермен.

— Все хотят дать тягу из зоны, вот почему надо было действовать сегодня. Дальше мы вообще станем здесь полными хозяевами. Даже солдаты на улицу носа не высунут!..

13

Мутант-59 сжал центр Лондона мертвой хваткой.

Леденящая декабрьская стужа не останавливала его — он эволюционировал, приспособлялся, делился, — и новые его поколения обучались нападать на новые молекулярные структуры и разрушать их. В поисках пропитания бак-

терии набрасывались на любые сорта пластмасс, и те размягчались и пузырились, добавляя к общей эпидемии еще одну вспышку. И повсюду, где бактерии попадали в замкнутое пространство, довольно было искорки или огонька, чтобы газ, достигнув оптимальной концентрации, неизбежно взрывался.

Вся гигантской сложности система — сосуды и нервы, необходимые для нормальной жизни города, — попросту развалилась. Все подземные газовые и водопроводные магистрали, все электрические кабели рассыпались прахом. Повсеместно были хоть какие-нибудь пластмассовые детали, и повсеместно проникали прилипчивые споры или взрослые бактерии, и повсеместно происходили новые и новые разрушения.

Ветер переносил клочья заразной пены с места на место, и они вызывали новые несчастья. И сами люди, не ведая о том, становились переносчиками пластмассовой эпидемии — частички инфицированных веществ приставали к их рукам и одежде.

Вспышки разрастались в строгой геометрической прогрессии.

Как только по радио передали вердикт о чрезвычайном положении, люди кинулись в продовольственные магазины. У каждой лавочки выстраивались очереди. Закусочные в Сохо в мгновение ока оказались опустошенными — те, кто прежде и на дух не выносил маринованную сельдь или чесночную колбасу, теперь закупали их килограммами.

Без всяких видимых причин, словно мина, взлетела в воздух подземная магистраль под улицей Олдвич, вызвав пожар в одной из старинных таверн и обрушив фасад здания телевизионной компании.

На глазах хирурга, который вел срочную ортопедическую операцию в больнице Университи Колледж, пластмассовая трубка, вставленная в вену пациента, обмякла и лопнула под напором жидкости из капельницы, а он, хирург, не в силах был ничем помочь.

В центральной диспетчерской лондонского метро на Кобург-стрит вышла из строя и погасла настенная схема линий. Диспетчеры сидели над чашками с остывшим кофе, тупо уставившись на безжизненные пульты.

В Скотланд-ярде замолк центр радиосвязи с патрульными машинами — разрушилась изоляция в релейном зале.

И хотя большинство серьезных аварий происходило в оцепленной зоне, те, кто покинул ее до начала обязательной дезинфекции, подчас выносили заразу с собой во внешний мир.

В аэропорту Хитроу диспетчер с ужасом увидел, как одна из кнопок пульта управления отвалилась, приклеившись к его пальцу.

В кузове грузовика, с ревом мчавшегося на север по автостраде М-1, стояли полиэтиленовые бутылки с жидким промышленным цианидом. У самого донышка одной из них, там, где ее коснулся лондонский грузчик, образовалась крошечная выпуклость. Под тяжестью залитой в бутылку смертельно опасной жидкости выпуклость медленно росла, росла — и вдруг лопнула. И из отверстия в кузов, а из-под заднего борта на дорогу капля за каплей начал сочиться яд...

Вдали от столицы на реке Уай некий предприниматель по колено в воде спокойно удил рыбу, как вдруг в изумлении почувствовал, что его болотные сапоги расползаются прямо на нем.

В тишине почти вымерших улиц Джек Бейли устало тащился по снегу домой. Уткнув лицо в воротник старой флотской шинели и напялив поглубже островерхую фуражку — свидетельство его принадлежности к артели бывших военнослужащих, он нес в руках два бумажных пакета со снадью. Повернув с Шафтсбери-авеню на Ньюпорт-стрит, он подумал, что Мэри, быть может, и не сумеет готовить на керосинке. Обогнув автостоянку, заполненную белыми сугробами брошенных на произвол судьбы машин, он ввалился в двери своей полуподвальной квартиры.

Здесь было заметно теплее, но стояла резкая вонь от керосинки. Две свечи на дешевеньком лакированном буфете позволили ему разглядеть жену, которая сидела, обхватив руками грелку и закутавшись в одеяло.

— По радио сейчас передали, что и на улицу выходить нельзя, — сказала она жалобно.

— Знаю. В пивной объявляли перед закрытием. У меня есть инструкция, там сказано, что делать. Чаю нет? Я совсем ооченел.

Она встала, не спуская с плеч одеяло, и, взяв одну из свечей, отправилась на кухню. Потом окликнула мужа.

— Газ поступает еле-еле, по радио говорили, что взорвалась какая-то там труба на Черинг-кросс-роуд. Какое-то там пластмассовое уплотнение. Врут, наверное...

— Все равно не выключай пока. Потеплее будет...

— А монетки для счетчика у тебя есть?

— Да с дюжину наберется.

Она вернулась с подносом в руках — на нем стояли две чашки и свеча.

— Затвори за мной дверь, я пока тут все расставляю...

А позади нее, в полутемной кухне, в раковине вокруг сливного отверстия появился тонкий ободок пены. Мутант-59 поднялся из коллектора, проходящего под квартиркой Бейли, но в стылом воздухе кухни деление клеток замедлилось. Пена стала было подсыхать, и тут вялое пламя газовых горелок слегка подогрело воздух.

Джек и Мэри тихо отдыхали, держа в ладонях чашки с чаем. Мэри покачивалась в кресле, а Джек поглядывал на стопку журналов и брошюр из серии «Умелые руки» и «Сделай сам».

Чем бы еще заняться? Сделать полки в кладовой или потолок в спальне? Мало-помалу он согрелся, веки его смежились, голова упала на грудь. Мэри наблюдала за мужем, улыбаясь своим мыслям. Когда он начал мягко пощипывать, она сняла с себя одеяло и бережно накрыла ему колени. Потом она, завернувшись в его пальто, откинулась в кресле, подобрала зачитанную книжку в бумажной обложке и повернулась так, чтобы отблеск оплывающей свечи падал на страницы.

А на кухне пятнышко пены зашевелилось и стало понемногу расширяться.

Почуявший тепло мутант-59 проснулся.

Сложные биохимические сигналы побудили неподвижную протоплазму клеток вновь начать пульсировать и делиться. Бросая вызов законам Дарвина, каждое новое поколение не только наследовало успехи предыдущего, но и находило собственные способы испарывать молекулы пластмасс, добывая энергию для дальнейшего существования. Мутант научился все шире обращать себе на пользу творения рук человеческих. Проснувшиеся клетки усвоили остатки недоеденной пищи вокруг себя, в раковине образовались пузырьки газа. Один из пузырьков беззвучно лопнул, и несколько мельчайших капелек брызнуло на сушильную доску, которую Джек собственноручно покрыл самоклеящимся пластиком.

В то же мгновение капельки как бы впитались в пластик и исчезли.

Очнувшись в полумраке гостиной, Джек заметил одеяло на коленях.

— Спасибо. А тебе-то тепло?

Она кивнула.

— Как ты думаешь, это надолго?

— Откуда я знаю! Наверное, наведут порядок. В больнице Святого Томаса целую кучу ученых старикашек собрали...

— Словно во время бомбежек, верно?

— Ну нет, ведь тогда это длилось целых два года...

— Не знаю, как мы протянем. Керосина у нас литров десять, не больше.

— Все будет хорошо, родная. Я немного позже схожу на этот, как его там, пост и выясню, что творится. Они, похоже, все продумали. У меня тут где-то была инструкция...— Он вытащил сложенный вчетверо листок коричневатой бумаги, по которому бежали жирные черные строчки. К листку была приколата крупномасштабная схема центра города.— Вот она, я тебе сейчас прочту.

Он принялся разбирать слово за словом. От свечи на бумагу ложились блики, тяжеловесные фразы звучали в его устах нелепо и неестественно.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Провозглашено сегодня в соответствии с законом о чрезвычайных полномочиях от 1920 г., часть I, пункт А. Настоящим удостоверяется, что закон вступил в силу, скрепленный подписью Ее Величества по рекомендации Тайного Государственного совета.

Нижеследующая инструкция составлена ради вашей собственной безопасности. Весьма желательно, чтобы вы отнеслись к ней со всем вниманием и неукоснительно выполняли все ее требования. Эти требования касаются тех и только тех, кто находится в пределах зоны, показанной на прилагаемой схеме.

В связи с введением чрезвычайного положения правительство намерено полностью эвакуировать данный район; это означает, что вы должны будете явиться в один из дезинфекционных центров, обозначенных на схеме. Другой возможности покинуть зону не существует.

Не обременяйте себя багажом и личным имуществом. Оденьтесь как можно теплее, предпочтительно в старое платье, и не берите с собой никаких вещей, сделанных из пластических материалов. Проверьте самым внимательным образом, не осталось ли на вас или при вас каких бы то ни было пластмассовых изделий. Обнаружив таковые, без колебаний оставьте их.

(К примеру, если вы носите зубные протезы, вам придется их снять. Аналогичным образом придется отложить обувь, если ее подошва или верх выполнены из пластика.)

В дезинфекционном центре вас попросят снять с себя всю одежду и пройти через специальную душевую камеру. Ваша одежда тем временем подвергнется обработке паром и будет вам возвращена перед выходом из центра. В отдельных случаях может возникнуть необходимость задержать вашу одежду для дальнейшего исследования. Тогда центр предоставит вам запасное платье взамен изъятого. По выходе из центра вы свободны следовать в любом направлении, но возвращаться в зону категорически воспрещается.

К многогородним

Если вы случайно оказались в зоне, следуйте в один из отелей, перечисленных в приложении А, где вам предоставят пищу и постель. Вам выдадут также номерной нагрудный знак с указанием, в каком из центров вам надлежит пройти дезинфекцию. Следуйте в ближайший из перечисленных отелей без промедления, нигде не задерживаясь и никуда не заходя по дороге.

Эти предписания касаются в равной степени как британских граждан, так и иностранцев.

К жителям района

Если вы постоянно проживаете в пределах зоны, не выходите из своей квартиры.

Не беспокойтесь о продовольствии: полиция и армейские подразделения доставляют его в район оцепления, и вплоть до эвакуации оно будет распределяться бесплатно.

Внимательно изучите схему и найдите ближайший к вашему дому специальный полицейский пост. С улицы его местоположение нетрудно определить по мигающему красно-белому фонарю, напоминающему по расцветке столбик у дверей парикмахерской.

Что делать с зараженной пластмассой

Если вы заметили признаки разрушения пластмассы, прежде всего не трогайте ничего поблизости от нее. Пластмасса, подвергаясь заражению, чаще всего сначала размягчается, потом плавится, а затем на ее поверхности образуются пузырьки, и это сопровождается неприятным запахом, похожим на запах тухлых яиц. Газ, выделяемый пузырьками, взрывоопасен — не пользуйтесь открытым огнем. Если, к примеру, процесс начался у вас на кухне, немедленно выключите все горелки газовой плиты. Если отопление в вашем доме действует от угольной или газовой печи, погасите их.

Вслед за тем сразу же отправляйтесь на ближайший полицейский пост и доложите о случившемся. Инцидентом займется специально обученный персонал.

ЗАПОМНИТЕ:

НИ К ЧЕМУ НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ.

НЕ ПЫТАЙТЕСЬ СПРАВИТЬСЯ С ИНЦИДЕНТАМИ СОБСТВЕННЫМИ СИЛАМИ. НЕМЕДЛЕННО ДОКЛАДЫВАЙТЕ О НИХ.

Публичные заведения

Все публичные заведения обязаны прекратить свою деятельность. Это относится к магазинам, распивочным, ресторанам, театрам, кинотеатрам, клубам и к любым другим учреждениям, где собирается много народа.

Средства передвижения

В пределах зоны не разрешается пользоваться никакими средствами передвижения, за исключением тех случаев, когда эти средства понадобятся полиции или уполномоченным на то военным и гражданским лицам. Однако, если к вам обратились с подобной просьбой и вы ведете машину по официальному делу, от вас не потребуется ни справки об уплате дорожного налога, ни страхового свидетельства.

Общественный транспорт

Движение общественного транспорта в пределах зоны прекращено до особого распоряжения. Особенно важно, чтобы никто не приближался к станциям и сооружениям метрополитена. Они закрыты, поскольку метро — один из главных источников заражения. Его следует всячески избегать.

Водопровод и канализация

Канализационные магистрали подверглись особо сильному заражению, поэтому их пришлось закрыть.

Независимо от того, живете вы в зоне постоянно или нет, чрезвычайно важно, чтобы вы впредь не сливали что бы то ни было ни в раковины, ни в унитазы. Заполните ванну холодной водой и применяйте эту воду исключительно для питья. Если все же вы будете пользоваться водой для умывания, собирайте ее после этого и храните в стенах квартиры. Выливать воду на улицу ни при каких обстоятельствах не разрешается.

Категорически воспрещается пользоваться уборными.

Для отбросов вам будут выданы бумажные мешки, и вы сможете освободить мусорные ящики, залить на дно дезинфицирующую жидкость и употреблять их для туалетных нужд.

Особенно важно, чтобы вы никоим образом не смешивали воду для питья, которую обязательно следует кипятить, с водой для умывания. Пренебрежение этим правилом может привести к распространению опасных заболеваний.

Если вы заболели

Если вы или кто-либо из членов вашей семьи все-таки заболели, обращайтесь на ближайший специальный пост, отмеченный на схеме, — вам окажут медицинскую помощь. Тяжелобольные в тех случаях, если их не удастся вылечить в больницах Университи Колледж или Черинг-кросс, будут эвакуированы через дезинфекционный центр «М» на Портленд-сквер.

Средства связи

Поскольку телефонная сеть полностью вышла из строя, настройте свои радиоприемники на третью программу, по которой ежедневно передаются специальные бюллетени и инструкции.

Ответственность при неповиновении

С введением чрезвычайного положения полиции и другим должностным лицам предоставлены широкие полномочия. Выражая надежду, что в применении карательных санкций нужды не будет, правительство тем не менее настоятельно просит граждан строго придерживаться вышеуказанных рекомендаций. В противном случае их ожидает суровое наказание.

На кухне мутант-59 уже развернулся в полную силу.

Пятнышко на сушильной доске пузырилось вовсю, разбрасывая капельки по виниловой поверхности обоев и по лежащим поверх слоя войлока плиткам пластика на полу. Каждая капелька тут же впитывалась, и все вокруг нее размягчалось и шло пузырями.

Потом эти новые пузыри в свою очередь взрывались, рассеивая новые и новые капли. Мгновение за мгновением мутант пожирал кухню Бейли. Прозрачная пластмассовая банка с надписью «Кофе» — на самом деле в ней хранился сахар — вдруг размякла, потеряв всякую форму. Полиэтиленовая миска осела, выгнулась и перевернулась, выплеснув заготовленную для омлета яично-молочную смесь. Блестящая клеенка на кухонном столе зашевелилась как живая, и нарисованные на ней цветочки приняли сюрреалистический вид. И наконец, черное мусорное ведро, стоявшее под раковиной, вдруг раздулось и лопнуло, и по полу поползла густая клейкая масса.

По мере того как скорость деления бактерий нарастала, дурно пахнущий газ стал просачиваться из-под двери в гостиную. Джек с отвращением повел носом и кивнул в сторону кухни.

— Какую дрянь ты там держишь?

Секунду-другую он смотрел на жену, потом перевел глаза на листок с инструкцией. Мэри в свою очередь не сводила с мужа расширенных от испуга глаз.

— Господи, неужели ты думаешь?.. — начала она.

Они оба поднялись на ноги и одновременно потянулись за свечкой. Джек распахнул дверь в кухню, Мэри, вздрагивая, жалась у него за спиной. Им показалось

в полумраке, что вся кухня движется, словно предметы в ней стали одушевленными. Очертания знакомых вещей расплывались, окутанные тихо шипящей пеной.

— О господи, господи!..

Она вцепилась ему в рукав, ее трясло.

— А ну, давай отсюда...

Он втолкнул ее обратно в гостиную и заставил сесть.

— А газ, про газ ты забыл? Выключи его скорее...

Бейли бросился в кухню. Погасив обе горелки, он хлопнул за собой дверь и взял жену за плечи.

— Тут сказано — об этом надо докладывать. Я пойду...

— Джек, умоляю, ради бога, не оставляй меня наедине с этим... Не оставляй меня одну!..

— Ничего не поделаешь, надо. Успокойся, все будет в порядке.

— Если ты уйдешь, я здесь одна не останусь, ни за что не останусь!

Она попыталась встать.

— Да я вернусь через две минуты. Ближайший к нам пост — на Кембридж-серкс. — Он показал на кухонную дверь и добавил: — Только не ходи туда, и все будет в порядке.

— Джек, я здесь не останусь...

— Так надо. Я вернусь — оглянуться не успеешь. — И он решительно усадил жену обратно в кресло. Бросил взгляд на дверь, затем на керосинку. — Ее придется потушить тоже. Ведь сказано потушить, верно? — Он прикрутил фитиль и подождал, пока, мигнув, погас голубенький огонек. — Я скоро вернусь!

Она еще раз посмотрела на мужа снизу вверх, из кресла, и, плотнее закутавшись в одеяло, как замороженная уставилась на кухонную дверь. Он осмотрелся в последний раз, почти в полной темноте, и вышел.

Она ждала его, дрожа от страха, целых двадцать минут, потом Бейли вернулся, стряхнул с ботинок налипший снег, защелкнул за собою замок и прислонился к стенке, стараясь отдышаться.

— Ну, и что теперь будет? — спросила Мэри.

— Пришлют дезинфекционную команду. Я дал им адрес. Сказали — придут скоро, не задержатся...

Еще полчаса они просидели в полутьме, поджидая. Внезапно снаружи, из каменного коридорчика, донесся скрип шагов, а затем громкий повелительный стук.

— Кто там? — нервно отозвался Бейли.

— Дезинфекция. Откройте, пожалуйста!

Бейли встал, отодвинул тяжелый засов, снял цепочку и распахнул двери. Мэри вскрикнула.

За дверями высились три огромные фигуры с громоздкими, как у горноспасателей, фонарями в руках. Все трое были одеты в защитные костюмы с капюшонами и прозрачными щитками, прикрывавшими лица. У каждого попереk груди красовалась черная надпись

«БИСТОН — ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ХИМИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ».

У одного был распылитель с баллоном, прикрепленным к спине, второй нес инструменты — лопату, ломик, топор на длинной рукоятке. Третий держал какой-то электронный прибор — на боковой крышке висели моточки проводов со штырьками на концах. Несколько секунд они стояли в дверях неподвижно, и смутные их силуэты в сиянии фонарей напоминали пришельцев из космоса.

Наконец Джек Бейли оправился от изумления:

— Напугали вы нас, черт вас побори...

— Извини, старина, мы этого не хотели, — ответил старший по команде. Голос его за щитком звучал приглушенно.

Они вошли в комнату, осветив ее лучами своих фонарей. Мэри съехала в кресле. Один из пришельцев заметил это и сказал:

— Да не бойтесь, мамаша, мы вас долго не задержим. — И, обернувшись к Джеку, спросил односложно: — Где?..

— Вон там, на кухне, — кивком показал ему Бейли.

Старший, с сержантскими нашивками на рукаве, подал знак рукой, и они втроем принялись распаковывать свое имущество и раскладывать его при свете фонарей на полу.

— Что вы собираетесь делать? — озабоченно спросил Джек.

Сержант смерил его из-под щитка пристальным взглядом.

— Боюсь, придется устроить тут у вас небольшой кавардак.

— То есть?

— Прежде всего давайте посмотрим...

Сержант осторожно приоткрыл кухонную дверь и осветил фонарем во тьму. Вся кухня, казалось, была в движении, ее заполняли вздымающиеся и опадающие тени. В гостиную потек сырой тошнотворный запах.

— Чтоб мне лопнуть, скверное дело! — высказался сержант и снял с плеча сумку. Из сумки он достал три пары огромных бот, и каждый из троих, прежде чем перешагнуть порог, напялил эти боты поверх ботинок. Сумку они захватили с собой и поставили посреди кухни.

Джек вознамерился было последовать за ними, но сержант круто повернулся и бросил:

— Не входить! Теперь вам сюда дороги нет, оставайтесь в комнате...

Джек отошел ворча, а команда умело и решительно взялась за дело. Один ручной пилой отпиливал провисшую раковину, второй сгребал в кучу искореженные миски и банки, а третий, сжав выступающую рукоять распылителя, принялся качать, свободной рукой направляя струю жидкости из длинного тонкого шланга на пораженные участки. Острая химическая вонь тут же проникла в гостиную.

Мэри сидела, испуганно раскрыв глаза, кашляла, задыхаясь от едкого запаха. Объединенными усилиями трое учинили в кухне совершенный погром. Выдергивая и кромсая поделки Джека одну за другой, они подчистую выскребли из комнатухи всю поврежденную, а заодно и нетронутую пластмассу. А Джек, онемев от потрясения, лишь наблюдал из-за порога, как обращаются в прах плоды его многомесячного труда.

Все свои трофеи команда сразу же складывала в сумку. Виниловая пленка была отделена от стен, клеенка снята со стола вместе с верхней доской, плитки пластика безжалостно сорваны с пола.

Наконец они закончили. Распухшую сумку переставили поближе к двери, и, прежде чем вернуться в гостиную, каждый стащил с себя боты. Достав из кармана флакон с аэрозолем и потянув за рычажок сбоку, сержант опустил его на пол. Флакон тут же начал яростно шипеть. Сержант, прикрыв за собой дверь, запечатал ее куском клейкой ленты и повернулся к обескураженным супругам. Мэри беззвучно плакала.

— Будет вам, хозяйка, — сказал сержант. — Получите компенсацию, может, даже на шубу хватит... — Он коротко хохотнул из-под маски, потом посоветовал Джеку: — Лучше оденьтесь потеплее...

— Зачем?

— Вы же не можете оставаться здесь, или как?

— Куда мы пойдем? Да и не хочу я никуда идти. Слушайте, что все это значит?

— Вам надо пройти дезинфекцию, вот что. В общем собирайтесь. До вокзала Черинг-кросс рукой подать. Всего-то десять минут ходьбы. Я дам вам пропуск, чтобы вас никто не задерживал.

— Но почему,— воскликнула Мэри,— почему мы должны куда-то идти? О господи!..

Она залилась горькими слезами.

— Послушайте, дорогая моя,— сержант начал терять терпение,— против вас лично никто ничего не имеет. Вы подверглись инфекции, так? Значит, вас надо дезинфицировать, так? Давайте двигайтесь, у нас еще десять вызовов, мы не можем торчать тут с вами всю ночь...

Пока он утешал ее, двое других ловко складывали свое снаряжение. Верх сумки был накрепко перевязан, команда приготовилась уходить. Сержант, достав из внутреннего кармана карточку, черкнул на ней два слова восковым карандашом и вручил Джеку.

— Вот вам пропуск. Собирайтесь, и чем скорее, тем лучше. Извините, хозяйка,— добавил он, адресуясь к Мэри.— Доброй вам ночи...

Все трое разом повернулись и, тяжело ступая, вышли из квартиры.

Супруги Бейли молча глядели им вслед. Свечка оплыла и едва горела. Почти не отдавая себе в том отчета, Джек обнял Мэри за плечи.

14

Бьюкен опустил телефонную трубку на рычаг.

— Звонили из лаборатории в больнице Святого Томаса,— сказал он.— Они подтверждают наши выводы. Получили микроснимки и сейчас пытаются идентифицировать эти самые бактерии. Ничего не получается: бактерии не похожи ни на один из знакомых науке видов. Меня это не удивляет...

Бетти сунула голову в дверь и объявила:

— Я опросила все больницы.— Она была бледна.— Все, куда сумела дозвониться, кое-где телефоны просто не работают. Их нигде нет, никаких следов. И в списках жертв их имена тоже не значатся. Даже не знаю, что еще можно предпринять...

Тут она подняла глаза и заметила стоящего неподалеку от двери Креймера. Она попыталась сказать что-то еще, но Креймер остановил ее взмахом руки:

— Ладно, Бетти, я слышал — новостей у вас нет.

Он тяжело опустился в кресло. Телефон зазвонил снова, и Бетти ответила:

— Да, да... Да, он здесь. Хорошо, сейчас позову.— Она передала трубку Креймеру.— Вас вызывает НАСА, Нью-Йорк.

— Креймер слушает,— отрывисто бросил он.— Кто? Ах, это вы, Маркер,— как поживаете? И что же вы хотите? Понимаю, ну что ж, вам надо быть в курсе дела. Да, мы уже выяснили. Нет, аминостирен тут ни при чем. Откуда я знаю? У нас есть доказательства. Послушайте, Маркер, материал ни в чем не виноват, причина совершенно иная... нет же, нет!.. разумеется, я могу это доказать. Это бактерия, микроб! Нет, я не шучу, действительно микроб. У нас уже собраны все данные. Считайте что вам будет угодно, а материалы у нас первоклассные. Ну что ж, придется поверить. Когда? Завтра, в десять тридцать? — Он бросил взгляд на часы.— Минус шесть поясных часов, значит, как раз успею, если сейчас же вылететь. Что? Допустим, но если они не поверят вам на слово, я привезу им эти чертовы доказательства сам! Сказал — буду, значит, буду. Хорошо, до свидания...

Он швырнул трубку на аппарат и откинулся в кресле.

— Честно говоря, их трудно винить...

— В чем дело? — поинтересовалась Бетти.

— Завтра в десять тридцать по местному времени в Нью-Йорке состоится заседание закупочной комиссии НАСА. На повестке дня вопрос об аминостирене — безопасен он или нет. В случае отрицательного решения мы потеряем контракт и отчисления на сумму полтора миллиона долларов. Закажите мне билет до аэропорта Кеннеди.

— Но как же... — начала, но тут же осеклась Бетти.— А что будет с Анной? Ведь так и не известно, где она...

Ответ прозвучал подчеркнуто сухо:

— Будьте любезны заказать мне билет на ближайший самолет, следующий в аэропорт Кеннеди. Я пойду уложу вещи.— Он широкими шагами направился к двери и вдруг обернулся к Райту.— Приготовьте мне препараты бактериальных культур, такие же, как те, что мы использовали здесь. Препараты поместите в металлическую коробку,

стерилизуйте ее снаружи и запечатайте в парафин, понятно? Я возьму эту коробку с собой. Да, и еще присовокупите парочку микроснимков из той серии, что вы сделали. Придется пустить в ход все доказательства, какими мы только располагаем...

И он вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Напрягая зрение, Джеррард всматривался в глубину платформы. Пламя костра неожиданно поднялось и разогнало мрак ровно настолько, чтобы он различил вдалеке деревянную будку блокпоста. На секунду ему почудилось, что там, в будке, что-то движется, но тут пламя некстати опало.

Преодолевая боль, он поднялся на ноги и подошел к своей одежде. Она высохла и торчала колом, но, как только он натянул ее, ему стало тепло и уютно.

— Осторожнее, — шепнула Анна.

Он вытащил из костра тлеющую головешку, раздул из угольков огонь и, подняв факел высоко над головой, направился в сторону блокпоста.

В будке было запыленное стеклянное окошечко. Дощатая дверь оказалась приоткрытой и без труда повернулась на петлях; он еще раз дунул на головешку, чтобы огонь разгорелся поярче, и шагнул внутрь.

Большую часть механизмов давным-давно разобрали и увезли, но в полу до сих пор торчали массивные железные рычаги с захватами для проводов, а на дальней кирпичной стене висела выцветшая схема путей. В той же стене была утоплена и другая дверь, крест-накрест забитая досками и запертая на висячий замок. Дверная рама держалась на болтах, прочно вогнанных в кладку.

Джеррард ощутил прилив сил. Это выход!

В одном месте доска слегка отошла. Приблизив лицо к щели, он услышал тонкий пронзительный свист: снаружи била струя свежего холодного воздуха. Джеррард отступил на шаг, приглядываясь к замку. Ну, это будет несложно: сорвать его, и... Сзади раздался какой-то звук, словно кто-то резко вздохнул. Он обернулся, глядя в мглу, но тут у него под черепом разом взорвалась тысяча разноцветных огней.

Пошатнувшись, Джеррард выронил головешку. И сразу же на него обрушился новый удар. Он соскользнул по стене и потерял сознание.

Очнулся он от вкуса крови во рту и тупой боли в затылке. Открыв глаза, он обнаружил, что, в сущности, ничего не видит. Прошло какое-то время, прежде чем он осознал, что над ним озабоченно склонилась Анна.

Он был опять у костра и лежал на брезенте. Попытался было приподнять голову, но боль нестерпимо усилилась. Поднял руку — и нащупал в волосах коросту запекшейся крови.

— Что случилось? — едва шевеля губами, спросил он и, собравшись с силами, повторил более отчетливо: — Что случилось?

— Не знаю, — ответила Анна озадаченно. — Вероятно, вы упали и ударились...

Джеррард покачал головой и поморщился от нового приступа боли.

— Ничего подобного, — сказал он. — Не я ударился, а меня ударили.

— Откуда вы знаете?

— Вы все время были здесь? — медленно выговорил Джеррард. — Вы ничего и никого не видели?

— Ничего, — ответила Анна. — Да разве тут есть кто-нибудь, кроме нас?

Джеррард поднес руку с часами к самому лицу, пытаясь разглядеть стрелки. Было семь — значит, он провел в беспамятстве без малого два часа.

— Думаю, что там можно выбраться, — Джеррард встал, слегка покачнувшись. Анна хотела поддержать его, но он отмахнулся и, повернувшись спиной к костру, показал на дальний конец платформы. — Там есть дверь. Дверь деревянная, она забита, но, по-моему, мы пройдем...

— У нас нет инструмента, — возразил Слейтер. — Я оставил его в том тоннеле...

— Думается, мы сумеем выбраться другим способом, — ответил канадец и снова ткнул пальцем куда-то вдаль. — Там, у самого блокпоста, свалены старые банки с краской. Ее, наверное, можно поджечь...

— А это не опасно? — осведомилась Анна.

— У вас есть какие-нибудь другие предложения? — Джеррард сам не ожидал, что окажется столь нелюбезным. — Голыми руками нам дверь не высадить. Но будка деревянная, она сгорит быстро. А кроме того, — добавил он, — у меня есть свои причины на то, чтобы именно поджечь ее...

Спутники не без любопытства посмотрели на Джеррарда, но мешать не стали, и он принялся сгребать обломки древесины, пинками сгоняя их по платформе к блоку-посту.

Собрав у стен будки изрядную кучу дерева, он не стал больше открывать дверь, а взял старую ржавую жестянку, вышиб каблуком дно и обильно полил всю кучу влажной поблескивающей краской. Наконец, вытащив из костра новую пылающую головню, подошел к будке вплотную.

— А теперь,— сказал он нарочито громко,— теперь я все это подожгу. Полыхнет, как бомба...

Он поднял головню, pokrutil ее в воздухе, чтобы пламя разгорелось как следует, и отступил на шаг.

И тут раздался вопль. Из будки на перрон вывалилась страшная, потерявшая человеческий облик фигура. Первис!

Лицо бывшего бизнесмена почернело от сажи, волосы спутались и покрылись грязью, костюм превратился в лохмотья. В одной руке Первис сжимал увесистую, больше метра длиной палку, в другой — фонарь Джеррарда. Анна сдавленно вскрикнула. Слейтер бросился вперед. Первис дико глянул на них и замахнулся палкой.

— Уходите,— рявкнул он.— Все уходите! Прочь от меня, прочь!..

— Первис! — позвал Слейтер.— Какого черта вы там прятались?

Джеррард схватил его за руку и оттолкнул в сторону.

— Держитесь от него подальше. Он свихнулся...

Первис медленно опустил палку. Он сверкал глазами, словно затравленный зверь, а губы его по-прежнему лепетали:

— Прочь... прочь!.. Уходите, все уходите!.. Не трогайте меня... уходите... убирайтесь вон!..

— Ну-ка, бросьте свою дурацкую палку,— приказал, выступив вперед и протянув руку, Слейтер.— Отдайте ее мне!

— Осторожнее! — предупредил Джеррард.

Не успел он договорить, как Первис кинулся на Слейтера. Одной рукой схватив его за отвороты пальто, он ухитрился поставить Слейтера на колени, а другой — зацепил палку над его головой.

— Берегитесь! — закричала Анна.

Джеррард стремительно поднял факел, который так и не выпускал из рук, и метнул его в кучу пропитанного краской дерева. Досочки шевельнулись от толчка и тут

же вспыхнули яростным пламенем. Первис отшатнулся, потерял равновесие и неуклюже, спиной, грохнулся с перрона на шпалы. Придя в себя, он затряс шевелюрой, как раненое животное, и начал шарить в пыли в поисках обгоревшей палки.

Джеррард поднял фонарь и посветил вниз. Первис дико дернул головой, заслонил рукой глаза от света, а потом повернулся и побрел, прихрамывая, подальше от людей, в тоннель. Несколько секунд — и он исчез в темноте. Все трое еще долго слышали его тяжелые шаги.

Тогда канадец отвел своих спутников от края платформы.

— Пусть идет, куда хочет. Далеко в таком состоянии ему не уйти.

Они обратили свои взоры на пылающую коробку блокпоста. Доски, которыми была заколочена дверь, уже начали коробиться от жары, отваливаясь от рамы.

— Как же мы справимся с огнем? — беспокойно спросила Анна.

— Я видел там несколько старых пожарных ведер, — ответил Джеррард. — Остались, видимо, со времен войны...

И они снова двинулись вдоль перрона. У самого замурованного выхода стояло с полдюжины красных, сильно поржавевших ведер, давно не ведавших воды.

— Откуда же мы возьмем воду? — осведомился Слейтер.

Джеррард показал на смотровой колодец в центре платформы.

— Придется использовать эту дрянь.

Анна скорчила гримасу, но другого выхода не было. Привязав к дужке ведра пояс Слейтера, они опустили ведро с краями в густую пенистую жидкость. Вскоре все ведра были наполнены. Но прошло еще не менее получаса, прежде чем древесина выгорела и они смогли приблизиться к пожарищу. От блокпоста уцелела лишь закопченная черная рама. Она еще была раскалена, зато доски двери прогорели почти насквозь. Сильный сквозняк швырял им в лица снопы искр и пепел.

Джеррард, кое-как подобравшись к заветной цели, ударил в дверь ногой и выбил несколько обугленных досок. Еще два удара — и дыра расширилась настолько, что могла свободно их пропустить. С наружной стороны тянуло ветром, который в сравнении с дымным воздухом станции казался холодным и чистым.

Канадец оглянулся. Слейтер старательно раздирал на полосы брезент, обматывал ими концы полуобгоревших досок и окунал в жестянку с краской, сооружая примитивные факелы.

— Не мог смириться, что все идеи до сих пор были вашими,— подмигнул он Джеррарду.— На какое-то время этого хватит...

— А потом? — спросила Анна.

— Сделаем про запас,— ответил Слейтер.

Джеррард выбрал один из факелов и ткнул им в огонь; факел загорелся, и канадец поднял его высоко над головой. Краска пылала, с треском разбрасывая вокруг огненные капли. Одна из капель обожгла Джеррарду щеку.

И снова он — в который раз — не мог не подивиться неправдоподобности ситуации. Они были замурованы в чреве огромного города, они выпили последнюю воду, съели последнюю пищу, и в довершение всех бед у них за спиной прятался безумец, жаждущий убить их по какой-то своей параноидальной прихоти.

В голове пульсировала тупая боль. В свете факелов на платформу падали резкие тени. На дальней стене виднелись изъеденные временем рекламные плакаты: какие-то консервы, сигареты «Крейвен Эй» — таких он при всем желании не мог и припомнить,— какао «Бурнвиль», два младенца на автоматических весах и под ними подпись «В здоровом теле здоровый дух»...

— Нарисовать бы на стенке парочку антилоп и еще какую-нибудь охотничью сцену,— пошутил Джеррард.

Слейтер ответил кривой усмешкой:

— Если мы не выкарабкаемся отсюда, единственное, что появится на стенке, будет традиционное «Покойтесь с миром»...

— Уж это вряд ли,— улыбнулся Джеррард. Он сделал несколько шагов и обернулся: — Не спускайте с меня глаз. Как-то не хочется снова получить по затылку...

И он переступил через обгорелый дверной остов. За дверью был недлинный кирпичный коридорчик, и вот он оказался на дне круглой вертикальной шахты метров пяти в диаметре. Воздух здесь был просто ледяным. Дно выстилали потрескавшиеся бетонные плиты, сквозь трещины просвечивала вода. Стены были сложены из кирпича, кое-где выступали железные каркасные ребра. Метрах в семи-восьми над головой располагались два выступа, соединен-

ные частоколом железных прутьев,— Джеррарду припомнились старые зарисовки Ньюгейтской тюрьмы.

Подошла Анна и принесла еще один зажженный факел. За ней следовал Слейтер, один факел в руке, остальные в свертке под мышкой.

Свет трех факелов, залив основание шахты, проник до самого верха. Шахта тянулась в высоту, казалось, метров на тридцать, и там, наверху, едва виднелись два круглых отверстия.

— Вот откуда свежий воздух,— сказал Слейтер.— Это выход—если, конечно, сначала забраться наверх...

— Но как? — удивилась Анна.

— Вскрабкаться по стене,— предложил Джеррард.

— В жизни не сумею,— заявила Анна.

— Я тоже,— поддержал ее Слейтер.— Я боюсь высоты.

Джеррард приблизился к стене вплотную и внимательно осмотрел ее. По обеим сторонам вертикальной каркасной балки шли ряды крупных заклепок, сантиметров пяти в диаметре, они выступали над поверхностью сантиметра на три-четыре. Взобраться по ним будет нелегко.

— Попробую. Надеюсь, что влезу,— произнес он.— Достать бы веревку, тогда и вас втяну следом...

Он начал подъем. Мышцы болели и не желали слушаться. В неверных отблесках факелов разнородные железки, за которые он хватался и на которые опирался ногами, сначала, казалось, вырастали в размерах, а потом словно съеживались. Тени вытягивались и сжимались, ему чудилось, что он карабкается в каком-то сюрреалистическом кошмаре, где все лишено надежности и даже самый металл колышется, словно море,— то прилив, то отлив...

И все же Джеррард взбирался все выше и выше, приближаясь к округлым жерлам, темнеющим над головой.

Свет факелов едва доходил сюда, но его все-таки хватило, чтобы разглядеть два круглых отверстия—нижние срезы двух более узких шахт. Они имели метра по полтора в поперечнике.

Как Джеррард и ожидал, узкие жерла оказались изнутри совершенно гладкими, если не считать полоски очень мелких заклепок. Опоры ни для рук, ни для ног здесь не было никакой. Подняться по этому стволу можно было только так, как поднимаются по трещинам в скалах альпинисты: упираясь плечами и подошвами в противопо-

ложные стенки и сантиметр за сантиметром перемещаясь вверх.

Но сначала надо было еще забраться внутрь ствола. Единственный способ сделать это — подняться в рост и, оттолкнувшись от последнего из поперечных ребер, одним движением бросить свое тело в пустоту так, чтобы руки уперлись в дальний от него край узкой шахты. Тогда он окажется распят, подвешен наискось между стенкой основной шахты и краем верхнего ствола. Росту в нем хватит — сто восемьдесят восемь, — но любая ошибка, и он тут же окажется на дне, рядом с Анной и Слейтером.

Потом ему предстоит перенести в узкую шахту ноги — одну, а за ней и вторую, ни на секунду не ослабляя рук, прижатых к противоположной стене, но если даже это удастся, пути назад больше не будет. Останется только дорога вверх. И в случае малейшего промаха — падение с тридцатиметровой высоты.

А что ждет его наверху? Что если ствол приведет к железной решетке, сквозь которую он не сможет пробиться? Он будет тогда висеть на этой решетке, не в силах привлечь внимания прохожих, висеть, пока руки не разожмутся и тело не рухнет вниз...

А если шахту венчает характерная для вентиляционных колодцев коническая крышка? Тогда схватиться будет просто не за что, — тогда выхода вообще не будет, вернее, путь будет только один — вниз...

Лучшее, на что он мог рассчитывать, — где-нибудь выше ему встретится изгиб, и если удастся заползти в горизонтальную часть ствола, то можно попытаться и пробить его. Металл проржавел и был не слишком прочен. Но что это даст? И если уж задумываться о толщине металла: не случится ли так, что вертикальная секция, не выдержав его веса, проломится, когда он вынужден будет давить на нее изо всех сил?

Он посмотрел вниз. К горлу подкатила тошнота.

Анна и Слейтер теперь сидели, привалившись друг к другу, свои факелы они сунули в трещины бетонного дна. Долго им так не продержаться. А если даже и продержатся, то кто и когда их найдет здесь? Нет, выбора у него не было — вверх, только вверх! Джеррард приготовился к самому рискованному броску в своей жизни.

Трижды он напрягался и трижды его охватывала волна слабости и нерешительности. Он понимал, что в таком состоянии его ноги просто не сообщат ему необходимого

толчка. Он скорчился, припав к стене, его била дрожь, он ощущал себя таким бессильным, таким усталым — и вдруг лицо ему опалило чувство стыда, а на смену стыду пришел яростный гнев.

Все, что он помнил, все, о чем мог рассказать потом, — это то, что тело его вдруг словно само по себе напряглось, изготовилось и, будто пружина, распрямилось спиной вперед в пространство. Вытянутые за головой руки уперлись в края ствола, плечи глухо ударились о дальнюю его стенку, и ноги рванулись вверх. Какую-то долю секунды он, казалось, висел в пустоте, но вот его подошвы коснулись противоположной стены, он выпрямил ноги и замер.

Еще мгновение он отдыхал. Снизу до него донесся сдавленный крик, но он не мог себе позволить взглянуть туда. Даже мимолетный взгляд вниз — и он мог бы сорваться. Теперь он уже буквально не мог остановиться, он должен был двигаться непрерывно, расклинивая собой стены ствола и сантиметр за сантиметром продвигаясь вверх, как альпинист в расщелине. Назад пути не было, и он собрал последние силы.

Несколько долгих минут он ничего не видел, не слышал, не воспринимал. Напряжение было таким, что он просто ослеп от пота. В ушах барабанным боем стучала кровь, рот и горло пересохли до окостенения. Как зверь, который отчаянно рвется на волю, к свету, он полз вверх, вверх и вверх, непрерывно шаря руками по стенам в поисках вожделенной опоры.

Наконец он остановился — тело наотрез отказывалось двинуться дальше. Он конвульсивно хватал ртом воздух, непроизвольно коротко всхлипывая. Стены ствола усиливали этот звук. Хоть на секунду расслабиться бы — но тогда, как мешок картошки, он со свистом рухнет на далекое дно. Он осторожно глянул из-под локтя вниз. Все, что он мог различить там, — тусклое мерцающее пятнышко света. Наверху все по-прежнему было черно, словно затканное темным саваном.

Он сжал волю в комок и сделал еще одно усилие. Но едва он пошевелился, как тут же оскользнулся и чуть не упал, притормозив лишь в последнюю долю секунды.

И вдруг, к вящему его ужасу, спина словно потеряла опору; стенка, казалось, утратила свою прочность, он забился в безотчетной панике, вновь едва не потеряв ненадежного равновесия, пока до него не дошло, что это означает изгиб ствола. Тогда он выжал себя еще дальше вверх

и в сторону, за поворот, и в конце концов почувствовал, что лежит на спине, подняв ноги над головой. Теперь он опирался на стену ствола всем своим весом и мог не давить на нее больше ни ногами, ни руками.

Облегчение было несказанным, и он лежал так, не двигаясь, целых пять минут. Воздух здесь, казалось, был еще свежее и чище, чем в шахте. Джеррард осторожно перевернулся на четвереньки и пополз. Потом достал из кармана фонарь. Луч совсем ослабел, но он сумел различить впереди новый поворот под прямым углом и еще одну вертикальную секцию. Как только он дополз до поворота, то понял, что сверху просачивается бледный, голубоватый дневной свет. Он выключил фонарь, медленно перевалился на спину и поднял глаза. Метрах в трех над его головой была решетка, и сквозь нее... сквозь нее виднелось небо!

Самообладание вдруг изменило ему. Несколько минут он просто лежал, глядя на решетку, и по лицу его текли слезы. Одолеть последний участок оказалось относительно несложно; Джеррард вцепился в прутья решетки и прислушался. Где он? Снаружи была полная тишина. Он тряхнул головой, чтобы прочистить уши,— и вновь ни звука. В какой же это район Лондона он попал, если здесь только небо и тишина? Лондон никогда не знает безмолвия. В душу закрался страх: что случилось? почему тишина?

Все, что он мог увидеть из-под решетки, была какая-то глухая стена. Он попытался крикнуть, сглотнув слюну, но из горла вырвалось лишь сухое блеяние. Вцепившиеся в решетку руки ныли от напряжения. Он осмотрел края решетки в надежде установить, как она открывается. Может быть, какая-нибудь щеколда, болт? Ровным счетом ничего. Он кричал, кричал снова и снова, пока не затрясся всем телом в неудержимых рыданиях. Все напрасно, никто не отзывался.

Он прилип к решетке, как обезьяна, непристойно ругаясь, плакал навзрыд, но в ответ — ни звука. Наконец, в припадке бессильной ярости, чувствуя окончательное крушение всех надежд, он с размаху пнул ногой по стенке ствола. И нога... провалилась. В испуге он стиснул прутья мертвой хваткой и закачался на вытянутых руках. Потом снова поднял ногу и опасливо ощупал стену подошвой. Рискуя жизнью, отпустил одну руку и вытащил из кармана фонарь.

Ему удалось выбить кусок обшивки! И там, за обшивкой ствола, проглядывала какая-то полость. Он посветил тусклым лучом в пробойну и различил еще одну стену и ступеньки под ней. С лихорадочной быстротой он спрятал фонарь, поднял обе ноги и, согнув, ударил ими по расшатанной обшивке.

Он раскачивался словно маятник. Один удар, второй, третий — на третий раз обшивка не выдержала. Он забросил ноги в рваную дыру, сделал еще рывок — и мешком рухнул вниз, на ступеньки. Ступеньки вели к деревянной двери. Он исчерпал свои силы до дна. Подняться по этим ступенькам стоило ему громадных трудов. Он одолевал каждую ступеньку, как дряхлый старик.

Когда он вытянул руку и коснулся замочной скважины, дверь поплыла перед его глазами. Окажись она запертой, у него ни за что не хватило бы сил ее выломать. Он повернул ручку. Безуспешно. Повернул опять, потянул к себе. Дверь неожиданно подалась, и резкий порыв ледяного зимнего ветра швырнул ему в лицо облачко морозной пыли.

Джеррард вывалился на волю.

15

Маленький дворик занесло снегом чуть не по щиколотку. За свой долгий подъем Джеррард пропотел настолько, что теперь на ледяном ветру его одежда сразу же одеревенела.

Кругом стояла полная тишина. В крохотный, обнесенный стенами прямоугольник не проникало ни шума уличного движения, ни скрипа шагов по снегу.

В дальней стене виднелась еще одна дверь, он подошел к ней — заперта. Он выругался и тут же улыбнулся. После всего, что он одолел при подъеме, такое препятствие не должно казаться серьезным. Осмотревшись, он заметил у стены лестницу, полузаметенную снегом. Оставалось лишь приставить ее к стене, взобраться и перекинуть тело на другую сторону. Тяжело плюхнувшись на землю, он очутился среди темных вечнозеленых кустов. Какой-то садик, но какой и где?

Продравшись сквозь кусты, он вышел к чугунной ограде, отделяющей садик от улицы. Сначала Джеррард просто не поверил своим глазам. Улица казалась знакомой.

Широкая мостовая, разделенная посередине полоской платных автостоянок с их непременными счетчиками. Чуть дальше она делилась надвое, огибая островки кустарника.

Словно какая-то защелка в памяти стала на место — он неожиданно понял, что это Портленд-плейс. Вон там, немного дальше, здание Би-би-си, а с другой стороны — Риджентс-парк. Но что-то было неладно, очень неладно. Джеррард бросил взгляд на часы — ровно пять.

Пять часов пополудни, семнадцать ноль-ноль, пять вечера. Куда же делся весь транспорт? Да нет, сейчас не может быть пяти. В пять уже совсем темно. Сейчас, должно быть, гораздо меньше, и все же... и все же нигде ни одной машины. Никакого движения, никаких признаков движения, только откуда-то издалека чуть доносится слабый рокот. Ни в конторах, ни в жилых домах не видно огней. И насколько хватает глаз — ни одного прохожего!

Он перелез через ограду и упал. Снег на тротуаре лежал почти совершенно нетронутый — ни следа ног, лишь на мостовой, на всем ее пространстве, две-три колеи, оставленные тяжелыми ребристыми покрышками.

Он пустился по Портленд-плейс к центру, держась между двумя рядами стояночных счетчиков и инстинктивно избегая опустевшей мостовой. Охватив себя руками, чтобы как-то сберечь тепло, он трусил по направлению к Оксфорд-серкс. Вокруг одни незрячие фасады — ни проблеска света. Вся улица вымерла, замкнулась в себе, словно разразилась атомная война. Стылый воздух жалил тело сквозь одежду, и с каждым шагом оно все глубже утопало в безвольной слабости полного изнеможения.

Кое-как, едва передвигая ноги, он доплелся до Аппер-Риджент-стрит; город представлялся покинутым. Жалюзи на окнах были опущены, двери заперты и забраны засовами.

Он прошел мимо музыкального магазина, мимо кинотеатра, рекламирующего фильм под пророческим названием «Паника на улицах», и добрался до ресторанчика. Здесь он задержался, с надеждой заглянув внутрь, но за стеклянными витринами не оказалось никакой еды. Ни обычных здесь пирожных, ни ромовых баб, ни ломтей шоколадных тортов. Полки из нержавеющей стали блистали совершеннейшей пустотой. Над всем висело тяжелое зловоние.

Внезапно краешком измученного разума он уловил какое-то движение за спиной — что-то отразилось в зеркальной витрине. Джеррард обернулся. На противополож-

ной стороне улицы, чуть подальше в сторону центра, была открыта дверь, возле нее молча копошился человек. Джеррард на негнущихся ногах бросился к нему.

Толстый ковер снега скрадывал шаги, и Экермен увидел канадца только тогда, когда тот едва не толкнул его. Тут он обернулся, машинально приняв защитную стойку и сунув руку в карман за пистолетом.

Мензелос и Олфорд вышли из двери за спиной Экермена в тот самый миг, когда подбежал Джеррард.

Канадец задыхался, он совершенно выбился из сил. Чтобы не упасть, он схватил Экермена за руку, не замечая, что его отнюдь не торопятся поддержать; вся троица замерла в странной неподвижности, пристально вглядываясь в лицо нежелательного свидетеля.

— Я... нас завалило... их надо вытащить... они все еще там...

Волна непреодолимого головокружения накрыла Джеррарда, колени у него подогнулись. Олфорд едва успел поймать его и поддержать, чтобы он не упал.

— Он видел, как мы выходили отсюда...

Экермен показал на ювелирный магазин у них за спиной.

— Да он и так почти окочился,— отозвался Олфорд.— Оставим его тут, он загнется—и концы в воду...

— Ну уж нет,—Мензелос быстро принял решение.— Возьмем его ко мне.

— К тебе? Как это?

— Слышали, что я сказал? Он нам пригодится. Взваливайте его на спину и пошли!..

Немного позже Джеррард очнулся в квартире Мензелоса; он сидел ссутулясь в кресле, и в руке у него была большая рюмка бренди. Гангстеры расположились вокруг и с каменными лицами следили за каждым его движением. Потом Мензелос разложил на колене карту и махнул рукой в сторону бутылок, выстроившихся на полках бара в углу.

— Если хотите, налейте себе еще...

Джеррард кивнул и направился к бару. Он отогрелся, но в то же время чувствовал невероятную усталость; спиртное ударило в голову, и, возвращаясь к креслу, он слегка пошатнулся. Мимоходом, почти безотчетно он заметил рукоятку пистолета, торчащую из кармана Экермена. Мензелос перехватил этот взгляд. Канадец поставил рюмку на стол и нетвердо поднялся на ноги.

— Мне надо идти. Надо доставить образцы в больницу Святого Томаса.

Он двинулся к двери и, в сущности, совсем не удивился, когда Олфорд поспешно загородил ему путь, сунув руку в карман.

— Не выйдет, доктор...

— Доктор? Откуда вы знаете, что я доктор?

— Пока вы не оклемались, мы успели немножко пошарить у вас за пазухой.

— Послушайте! Но вы не можете не отпустить меня. Там, внизу, остались люди. Я должен им...

— Доктор Джеррард,— спокойно перебил его Мензелос,— Солли, вот этот, подле меня, полагает, что вас следовало бы убить...

— А я-то думал — вы спасли мне жизнь...

— Не люблю убивать, рискованное это дело, но вам придется нам помочь...

— А если я не захочу?

Экермен подался вперед. Мензелос продолжал:

— Вы хотите доставить свои образцы в больницу, вы хотите помочь своим друзьям. Мы тоже хотим выбраться отсюда, вот и давайте поможем друг другу. Позвольте-ка мне, док, взглянуть на эти ваши образцы.

Он протянул руку. Джеррард нехотя достал из кармана металлическую коробочку. В коробочке лежали флакон и пробки, выловленные под платформой метро.

Мензелос тут же выхватил все это у канадца. Джеррард попытался протестовать.

— Вы получите свои сокровища обратно, док,— Мензелос приподнял крышку коробочки.— А ну-ка, Солли...— Экермен вынул мешочки с бриллиантами.— Они прекраснейшим образом войдут сюда же, только заверни их во что-нибудь еще, чтобы смотрелись по-врачебному...

Экермен принялся втискивать мешочки рядом с добычей Джеррарда, а Мензелос расстелил карту на полу. Потом он поднял взгляд на канадца и начал:

— Ну, так вот...

Вчетвером они быстро вышли пустынными улочками к Пикадилли, пересекли ее и направились к вымершей, нереальной Трафальгар-сквер. Надвигались сумерки. Перейдя через площадь, они остановились на углу улицы Уайтхолл и опасно осмотрелись. Щебетали птицы —

больше нигде ни звука. В дальнем конце улицы, у памятника жертвам первой мировой войны, на снежном фоне резко выделялось протянутое поперек ограждение из колючей проволоки. За ним нелепо приткнулись три автомобиля: большой военный грузовик, броневичок и длинный оливкового цвета фургон. Гангстеры замешкались.

— А ты ручаешься?.. — Экермен не закончил фразы.

— У нас нет выбора, — заявил Мензелос.

Экермен вынул пистолет из кармана и пихнул им Джеррарда в спину. Тот не пошевелился. Мензелос покачал головой, наклонился и отобрал оружие. Затем, вытащив носовой платок, он тщательно обтер пистолет и опустил его в решетку канализации.

— Эй! — воскликнул Олфорд. — Какого черта?..

— Он нам ни к чему, — ответил Мензелос. — Что с него проку, они нас все равно разденут догола. Надо иногда шевелить мозгами...

— А с ним как? — Экермен кивком показал на Джеррарда. — Заложит нас этот сукин сын, как пить дать, заложит, пока мы будем там валандаться...

Мензелос медленно приблизился к канадцу.

— Солли прав. Когда мы доберемся туда, — он махнул рукой вдоль улицы, — вас уже не остановишь. Пересечете кордон и тут же преспокойненько нас заложите. Что вы мне на это скажете, док?

Экермен высунулся из-за плеча своего шефа:

— Попробуй только выкинуть такой номер, гад, я из тебя оmlет сделаю...

— Я не знаю, что у вас в мешочках, — начал Джеррард, — и, повторяю, не хочу знать. Все, что мне надо, — это перейти через реку и попасть в больницу. Даю вам слово...

— Доверьтесь чести джентльмена, — ухмыльнулся Олфорд.

Мензелос устремил на Джеррарда пристальный взгляд, безмолвно изучая его лицо, и вдруг, протянув руку, ловко выхватил коробочку с образцами у него из кармана.

— А теперь передайте мне свои документы, док!

— То есть как?..

— Документы, живо, они у вас в кармане. Не отпирайтесь, мы их видели собственными глазами.

Джеррард нерешительно залез во внутренний карман пиджака и вытащил бумажник. Мензелос тут же взял его.

— Говорю вам, я и знать не знаю, чем вы занимаетесь. Я...

— Напрасно вы полагаете, док,— сказал Мензелос,— что я безмерно доверчив. Слушайте меня внимательно. Ваши образцы у меня, документы тоже. Я доктор Джеррард, а вы — никто. Они там,— он показал пальцем вдоль улицы,— людей не задерживают, выпускают в темпе. Вам надо доставить ее,— он помахал коробочкой,— в больницу, вам надо выручить своих друзей из подземки. Мы в вас больше не нуждаемся, это вы нуждаетесь в нас. Так что давайте-ка выберемся все вчетвером наружу спокойно и без шума, и тогда вы получите свое имущество, а мы — свое. Договорились?

— Откуда я знаю, что вы действительно отдадите ее мне обратно?

— Вы правы. Ниоткуда.

— А почему бы в самом деле не пристукнуть его прямо здесь? — вставил Олфорд.

— Ни к чему,— отмахнулся Мензелос.— Теперь, док, помалкивайте, теперь вы самый заурядный обыватель. Они ведь никого не задерживают. Они заинтересованы, чтобы в зоне не осталось ни души...

— Но должен же я сказать им, что мои друзья в ловушке! — Джеррард почти сорвался на крик.

— А разве для того, чтобы сказать, обязательно нужно быть доктором? — Мензелос повернулся и двинулся через пустую улицу к памятнику, бросив уже на ходу: — Пошевеливайтесь, мы теряем время...

Едва они подошли к проволочному заграждению, перед ними выросли двое солдат с автоматами наизготовку. Солдаты были в защитной форме: на лицах шлемы с прозрачными щитками, резиновые костюмы, толстые перчатки, громоздкие ботинки. Один из часовых повелительно указал на короткую очередь у ступеней, ведущих в оливковый фургон.

Немного потоптавшись на пронизывающем ветру, все четверо поднялись во влажное теплое нутро дезинфекционного фургона. Мензелос предъявил документы Джеррарда и стал втолковывать усталому сержанту медицинской службы, приставленному к душевым кабинкам, что коробку с образцами стерилизовать никоим образом нельзя. Сержант не замедлил засыпать Мензелоса недоверчивыми вопросами и в конце концов вынудил его раскрыть коробочку, но, увидев внутри флаконы, удовлетворенно хмыкнул и, подхватив ее щипцами, распорядился протереть снаружи дезинфицирующим составом.

За следующие полчаса вся четверка совершила все, что предписывалось процедурой: разделась, передала свою одежду солдату, который разложил ее по проволочным сеткам, и вымылась в горячей воде с каким-то сильным запахом. Потом, растершись грубыми желтыми армейскими полотенцами, они получили сетки со своими костюмами из стерилизатора и наконец были выпущены на волю. После изнуряющей, как в турецкой бане, жары наружный воздух показался вдвое холоднее. Вскоре они вышли на Парламент-сквер.

Здесь на тротуарах толпились кучками молчаливые люди. У входа в Палату общин стояли два автобуса телекомпаний. Рабочие возились с юпитерами и камерами. Комментатор бормотал что-то в микрофон, спрятанный в рукаве. На крышах полицейских патрульных машин, развернутых поперек тротуара, беззвучно вращались синие «мигалки», а по Вестминстерскому мосту медленно удалялась карета скорой помощи, и выхлопные газы позади нее казались на морозе струйками пара.

Над головами, с надрывным воем перемалывая винтами воздух, пролетел вертолет. Мензелос обернулся к Джеррарду:

— Вот теперь разделим наши образцы.

Он достал мешочки, обернутые поверх бархата в алюминиевую фольгу, закрыл коробочку и вручил ее канадцу вместе с бумажником.

— Простите за любопытство, — произнес Джеррард, — но все-таки: что вы там прятали?

— Фантики, приятель, — без улыбки ответил Экермен.

Перейти Вестминстерский мост и по набережной дотопиться до больницы Святого Томаса стоило Джеррарду последних остатков сил.

Много часов спустя он очнулся в маленькой госпитальной палате. Постепенно, по мере того как прояснялось сознание, он припомнил всех, кто собрался вокруг, едва он переступил порог больницы, и прежде всего Бьюкена. Потом им овладел панический страх: а сказал ли он, где и как оставил Анну и Слейтера?

Прошла еще минута, он воспринимал окружающее все яснее и, наконец, вспомнил еще одно лицо. Здоровенного полицейского инспектора — ну да, конечно! Полисмен говорил что-то про веревки, спасательное снаряжение, Рид-

жентс-парк,— должно быть, все уже сделано. С огромным трудом он заставил себя оторвать голову от подушки и посмотреть на часы. Соображал он туго, но все-таки вычислил, что проспал не меньше восьми часов. Джеррард уронил голову обратно на подушку и в который раз попытался преодолеть состояние счастливого изнеможения. Наверное, ему тут дали что-нибудь...

Прежде чем сон окончательно сморил его, он вновь подумал об Анне.

16

Огромный беспорядочный комплекс строений и переходов Лондонского аэропорта постепенно впадал в оцепенение. Один за другим пустели залы, и обычные запахи кофе, керосина и дорогих духов сменялись влажной аммиачной вонью мутанта-59.

Наконец из всех вокзалов порта остался в действии только один. В комнате для транзитных пассажиров был организован дезинфекционный пункт, обслуживающий тех, кто имел специальные пропуска на вылет с какой-то из немногих машин, которым разрешалось подняться в воздух.

Только что началась посадка на рейс 1224, следующий в Нью-Йорк. Пассажиры, все еще морщась от едких ароматов дезинфекционного центра, предъявляли свои документы полицейским и иммиграционным чиновникам, сидящим за стеклянной перегородкой. Никто не нарушал молчания — вездесущий смрад мутанта напоминал всем и каждому об оставшемся позади умирающем городе.

Рабочие в защитных костюмах и масках обрызгивали фюзеляж дезинфицирующим раствором, и над гигантским реактивным самолетом висело облачко тумана; вокруг трапа раскатывали армейские патрульные джипы.

В предотъездной спешке Креймер едва не забыл свою инкрустированную золотую авторучку, в последнюю секунду сунув ее в портфель.

Затягивая привязной ремень, он в пол-уха прислушивался к безлично-ласковому голосу бортпроводницы:

— ...и воздержитесь от курения. Через несколько минут мы вылетаем в Нью-Йорк беспосадочным рейсом по маршруту Шеннон — Гандер — Кеннеди. От имени компании «Метро Эрлайнз» командир корабля Говард и весь

экипаж приветствуют вас на борту нашего самолета. Благодарю за внимание...

В пассажирском салоне зазвучала варварская магнитофонная запись. В кабине экипажа командир вместе со вторым и третьим пилотами и бортинженером начал предполетную проверку аппаратуры.

В кухонном отсеке позади пассажирских кресел старший стюард и три стюардессы принялись раскладывать на аккуратные кучки стандартные пакеты с питанием и громоздить друг на друга штампованные пластмассовые подносы: порция сыра в изящной оберточке — в одной ямке, укутанный в целлофан бисквитик — в другой, пока каждый поднос не стал походить на продовольственную лавку в миниатюре.

Креймер устроился поудобнее в кресле, тщательно осмотрел препараты, убедился, что они запечатаны, как полагается, не теряя времени, достал из портфеля приготовленный для НАСА доклад и, вооружившись авторучкой, углубился в чтение.

Никакое обостренное осязание не помогло бы ему почувствовать, чего именно коснулись его пальцы, охватившие металлический корпус ручки. Самый острый глаз не приметил бы мельчайшей высохшей капельки студенистого вещества всего-то в одну десятую миллиметра в поперечнике.

Химический анализ, наверное, обнаружил бы в этой капельке микрограммы белка, воды, некоторых фосфорных и магниевых солей. Более тонкие исследования могли бы показать следы сложных молекул ДНК и привести на мысль о какой-то жизни на микроскопическом уровне. Ведь ДНК и их неизменные спутницы — РНК — являются носителями генетического кода. В их спиралевидных молекулах неизбежно запечатлены чертежи строения целого организма, сверхмикроскопический план его поведения.

ДНК на авторучке Креймера вовсе не была свободным химическим веществом, а входила в состав спор и их оболочек — в состав мутанта-59, угнездившегося в засохшей капельке. Каждый организм занимал в длину едва одну семитысячную долю миллиметра. Каждый был слеп и бесчувствен, но каждый при всей своей хрупкости располагал законченной программой поведения в короткий отрезок времени, определенный ему от рождения до смерти. От разделения родительской клетки на две до разделения этих двух на четыре, четырех на восемь — и так до беско-

нечности с прекрасной, хотя и вечно недооцениваемой нами математической точностью.

Обычно скорость деления бактерий не остается постоянной: законы их собственного микромира диктуют им, что на смену изначальному быстрому размножению должна прийти фаза замедленного развития, которая, в конце концов, ведет к угасанию и смерти.

Если бы определенные факторы не противодействовали математической неотвратимости их размножения в прогрессии 1—2—4—8 и так далее, то, по расчетам, потомство двух бактерий, делящихся раз в секунду, через двадцать два часа покрыло бы всю поверхность земного шара.

Бактерии не замедляют скорости своего роста лишь в двух случаях. Во-первых, если будут регулярно получать все новую и новую пищу, и, во-вторых, если они мутируют, чтобы лучше приспособиться к окружающей среде. Тогда клетки начинают делиться чаще. Насколько чаще — это нередко зависит от адекватности среды и ни в малейшей степени не связано с нормальной скоростью развития. На ранних стадиях деления каждое поколение бактерий живет считанные минуты, а при особо благоприятных условиях — секунды.

Покойный доктор Эйнсли, никем давно не оплакиваемый, мастерски воспользовался этим. Мутант-59 не знал замедлений роста, не знал фазы угасания.

Для бактерий, очутившихся на золотой авторучке Креймера, обстоятельства сложились неблагоприятно. Бактерии почти высохли и, не коснись он их, погибли бы. Но едва он задел умирающие микроорганизмы влажным от пота пальцем, их оболочки впитали малую толику воды. Исчезающе малую — но все же достаточную, чтобы напоить обезвоженный клеточный механизм.

Поток невидимых сигналов пронизал клетки, они расправились, приготовившись вновь выполнять единственную свою задачу: жить, питаться и размножаться.

Креймер потянулся к спинке расположенного впереди кресла и опустил откидной столик; пальцы его задели пластмассовую рамку, поддерживающую прямоугольник из меламина.

Командир корабля Говард тем временем получил от диспетчера разрешение на запуск двигателей. Бортинженер провел последнюю предстартовую проверку, с особым вниманием проконтролировав герметичность дверей. Техник в противошумовом шлеме, оставшийся внизу на дорожке,

убедившись, что их наружные замки стали на место, в знак подтверждения поднял вверх большие пальцы обеих рук.

Бортинженер по очереди включил все четыре системы топливных насосов. Из баков, расположенных в крыльях и фюзеляже, топливо стало поступать к четырем гигантским турбовентиляторным двигателям, подвешенным в гондолах под плоскостями, словно бомбы.

Говард привел в действие стартеры, начиная с двигателя номер четыре правого крыла.

Медленно и неохотно, утробным голосом взывала турбина. Очень скоро вой перешел в надрывный визг. Двигатель номер три добавил к стенаниям исполинской машины свою ноту, за ним затянули свои партии двигатели номер два и номер один, и вот уже весь фюзеляж затрясся в низкочастотной вибрации.

Бортинженер сделал нужные пометки в журнале, а третий пилот проверил рули и закрылки. Наземный тягач отвел самолет задним ходом от посадочной галереи, и двигатели тихо запели в предвкушении полета.

Водитель тягача — тоже в противошумовом шлеме да еще и в куртке с капюшоном — в свою очередь поднял вверх оба больших пальца и, отсоединив от передней стойки шасси буксировочную штангу, укатил восвояси.

Крошечным — пятнадцати сантиметров в поперечнике — штурвальчиком Говард направил неуклюжую громадину самолета по высвеченным темно-синими огоньками дорожкам. Бортинженер, вслух считывая показания приборов, произвел еще одну проверку.

Креймер, на мгновение прервав работу, посмотрел в иллюминатор на проплывающую мимо панораму освещенного аэропорта. «Интересно, — подумал он, — будут ли эти огни еще гореть, когда я вернусь?..»

В буфетной обслуживающий персонал прекратил, наконец, возню с подносами, и стюардессы, усевшись по своим местам, пристегнулись; хотя они уже разучились сознавать опасность своей профессии, их лица под слоем косметики явно побледнели.

Получив разрешение на взлет, воздушный корабль развернулся, и нос его нацелился туда, где на поверхности взлетной дорожки во множестве чернели следы авиационных шин.

Командир Говард послал рычаги управления двигателями от себя, и расслабленное пение турбин вновь сменилось басовым громом. Приборные доски затряслись, задро-

жали, и вся машина слегка подалась вперед — бешеная тяга двигателей боролась с силой тормозов. И как только Говард отпустил тормозную педаль, самолет устремился вдоль осевой линии. Громяхая и подпрыгивая на стыках бетонных плит, он разгбнялся с ускорением куда большим, чем у любого спортивного автомобиля. Он покачивался из стороны в сторону, он вгрызался в морозный воздух.

По мере нарастания скорости рули начали реагировать на упругость воздушных потоков, и на смену наземной неповоротливости пришла плавная стремительность полета. Нос машины приподнялся, она подпрыгнула, опираясь на струи копоти, бьющие из сопел, и одним скачком оторвалась от бугристого бетона полосы.

Бортинженер крикнул невразумительно: «Вторая!..» Это слово тут же снижает частоту пульса у любого летчика гражданской авиации, поскольку означает, что достигнута вторая критическая скорость, достаточная для безопасного взлета с полной загрузкой.

Снова глянув в окно, Креймер увидел, что кромка облаков надвигается все ближе и ближе; он бросил последний взгляд на залитую желтым электрическим светом паутину лондонских улиц и откинулся в кресле — облака закрыли всякую перспективу.

В хвосте самолета стюардессы, расстегнув ремни, вновь принялись за подготовку стандартной трапезы.

Напряженная озабоченность, царившая в кабине экипажа перед взлетом, сразу спала. Командир Говард вызвал первый путевой радиомаяк в Фальмуте для сверки времени и уточнений курса.

Пассажиры в свою очередь отстегнулись от кресел и с наслаждением вдыхали сигаретный дымок. Стюардессы засновали взад-вперед по наклонному полу — самолет продолжал набирать высоту.

Креймер с головой ушел в свой доклад, торопливо набрасывая заметки на листке блокнота. Он не сразу понял, что стюардесса, перегнувшись через незанятое кресло у прохода, обращается именно к нему.

— Чай или кофе, сэр?

— Да? Что? Кофе, пожалуйста...

Девушка вставила пустую пластмассовую чашечку в углубление на подносе.

— Сейчас принесу.

Он опять склонился над блокнотом. Стюардесса, держа поднос с такими же чашечками в одной руке, попробова-

ла, хорошо ли закреплен столик, и перешла к следующему ряду кресел.

Экипаж окончательно успокоился — теперь предстояли шесть часов относительно безопасного полета над Атлантикой. Позади отворилась дверь, и стюардесса спросила:

— Вам что-нибудь нужно, ребята?

— Кофе. Только не того, которым наша компания потчует пассажиров. Настоящего...

— Хочешь, я помогу тебе помыть посуду?..

Реплики были непринужденными, привычно-шутливыми. Девушка улыбнулась и, записав заказы пилотов, вышла.

Креймер по-прежнему яростно писал на откидном столике, даже не подозревая о роковой активности микроскопического пятнышка у самого его края.

По пути назад стюардесса увидела над одним из кресел зажженную лампочку и, наклонившись к разодетой девице, пославшей вызов, между делом позавидовала ее сверхмодному пластиковому плащу.

А тем временем остальные стюардессы уже начали разносить подносы с едой; старший стюард шествовал впереди, толкая перед собой тележку с напитками. По желанию пассажиров он вручал им бокальчики поддельного хрусталя — в действительности они тоже были пластмассовыми — и миниатюрные бутылочки спиртного.

К тому моменту, когда в девяти километрах под крылом самолета проплыл остров Уайт, пассажиры и экипаж словно бы заключили с гигантским реактивным лайнером безмолвное соглашение, и, по условиям сделки, все системы корабля и люди на борту стали единым целым ради решения общей задачи.

Третий пилот вышел к пассажирам и ревностно заметил про себя, наверное, в сотый раз в своей жизни, что уровень шума здесь гораздо ниже, чем в кабине. На полпути через салон первого класса он обратил внимание на пассажира, который, развалясь в кресле, заснул с безвольно открытым ртом; годы излишеств избороздили лицо этого человека прожилками и грубыми складками.

Последние лучи заходящего солнца окрашивали передние кромки крыльев в ярко-оранжевый цвет. Самолет несся над серым холодным морем все дальше и дальше на запад. Мало-помалу солнечный свет стал угасать, уступив место вначале густой лиловой синеве, а затем полной темноте с леденящими точками звезд.

Температура воздуха за бортом была минус сорок три; а здесь, в этом теплом, светлом коконе, никто и не задумывался о беспощадной враждебности стратосферы, простирающейся сразу за панелями внешней обшивки. Воздух в салон нагнетали два компрессора, расположенных в носовом отсеке, он тут же пропитывался привычными запахами сигарет и виски. Пассажиры оживленно переговаривались между собой и лишь мельком поглядывали на забортную темень, защищенные от ярости наружных штормов герметическими пластмассовыми прокладками иллюминаторов.

Экипаж в кабине спокойно расправился с кофе и в ожидании, пока кто-нибудь явится за чашками, сложил их на полочку.

Креймер на секунду прервал работу, чтобы лучше закрепить свой столик — самолет слегка накренился. При этом он вновь коснулся рукой злополучного края. Потом он встал и направился вперед по проходу в туалет.

В кухонном отсеке стюардесса разбирала свободные пластмассовые чашки. Сняв одну из них с подноса, она обратила внимание, что та покрыта чем-то неприятным и липким. Девушка посмотрела на свои пальцы — на них был тонкий серо-белый налет. Понюхав его, она скорчила гримаску и поставила чашку обратно на стол.

В кабине на глазах у бортинженера стрелка главного вольтметра внезапно качнулась вниз. И хотя она тут же выпрямилась, он протянул руку вверх, открутил два винта и выдвинул ящичек с наклейкой «Дроссели стабилизатора напряжения». Из другого ящичка, на котором значилось «Контрольные клеммы», он достал две проволоочки и подсоединил их к первому ящичку, о чем, разумеется, сделал соответствующую пометку у себя в журнале.

Говард запустил бортовой метеолокатор, включил разветрку и всматривался в оранжевый экран, по которому металась полоска света, отмечая впереди по курсу скопления наэлектризованных воздушных масс. Затем командир отвернулся, вызвал радиомаяк в Шенноне и подождал, пока в громкоговорителе над головой не пропела морзянка — их опознали. Покончив с этим, он вытянулся в кресле и заложил руки за шею.

Второй пилот взялся за штурвал и скорректировал курс по указаниям из Шеннона, после чего передал управление автоматике. Отняв руки от штурвальной колонки,

он на мгновение замер, глядя на них в безмолвном недоумении.

На одной из ладоней осталось черное клейкое пятно. А на штурвале, там, где лежала его рука, черная пластмассовая поверхность казалась влажной и блестящей. Явственно были видны вмятины от пальцев.

— Что за черт!..

Командир пока ничего не заметил.

— Что за черт!..

— Вон на колонке, погляди сам.

— Какой-то растяпа пролил растворитель. Оберни ее бумагой или чем-нибудь еще...

— Растворитель, как же, посмотри хорошенько!..

Второй пилот сунул руку прямо под нос командиру; тот поморщился, но понюхал.

— Пахнет обыкновенным дерьмом. Бенни, не забудь отметить это в своем журнале.

Бортинженер ухмыльнулся:

— Что прикажете отметить — что мы пилотируем ассенизационную бочку?

— Тут еще и другой запах. Какой же? Ну конечно! Аммиак...

Второй пилот продолжал приниматься.

— Хватит,— бросил командир повелительно.— Обмотай чем-нибудь колонку и вымой руки.

Креймер кончил писать, спрятал доклад в портфель, а авторучку в карман и расслабился, намереваясь поспать.

За окнами среди облаков мелькали голубоватые вспышки — где-то внизу бушевала гроза.

Стюардесса в кухонном отсеке стерла с пальцев липкий налет и случайно еще раз взглянула на стол. Глаза у нее округлились, она не могла им поверить.

Чашка постепенно меняла форму. Она прогнулась с одного края и оплывала каплями на стол. Затем, словно находясь в пылающей печи, обмякла и превратилась в вязкую лужицу. Несколько долгих секунд девушка смотрела на эту лужицу, потом выскочила в салон и кивком подзвала старшего стюарда, который все еще возил по проходу свою тележку с напитками. Тот поднял глаза и, уловив на лице девушки испуг, быстро вышел в буфетную.

— Она... она расплавилась! — взволнованно сказала девушка.— Прямо у меня на глазах, я ничего с ней не сделала. Можете убедиться...

Старший стюард на миг задумался, всматриваясь в ослизлое озерцо на столе.

— А ты, часом, лак с ногтей ацетоном не снимала?

— Да нет, говорю вам, это случилось только что. Расплавилась, и все...

Старший стюард дотронулся до озерца пальцем.

— А другие чашки целы?

— По-моему, да...

— Ладно, не расстраивайся. Не стоит того...

Бортинженер поставил стабилизатор напряжения на место и сделал в журнале запись о его неисправности. Мутант-59 нашел себе в этом устройстве подходящую пищу.

Пожилая женщина, вернувшись из туалета, потянулась за сумочкой, оставленной под креслом. Нашупала ручку, попыталась поднять ее — но ручка вдруг растянулась, точно дряблая эластичная лента, и оборвалась. Женщина чертыхнулась, вытащила сумочку за верх и вызвала стюарда. Тот незамедлительно явился.

— Что прикажете, мадам?

— У вас там под креслом что, радиатор?

Женщина продемонстрировала ему оторванную ручку.

— Простите, мадам?

— Смотрите сами! — Она всучила ручку стюарду. — Я поставила сумочку под кресло, и вот, полюбуйтесь, она сгорела.

— Извините, мадам, у нас в салоне нет радиаторов. Должно быть, сумочка была старая. Пластик, к сожалению, не так долговечен, как кожа.

— Никакая она не старая, дочка подарила мне ее две недели назад!

— Я постараюсь договориться с компанией, мадам, чтобы вам преподнесли одну из наших фирменных сумок. Вы получите ее сразу после приземления...

Он подкрепил свои слова профессиональной улыбкой. Женщина, смягчившись, откинулась в кресле.

— С вашего разрешения, мадам, я выброшу эту ручку, — сказал стюард и с задумчивым видом направился в свой отсек.

Бортинженер в очередной раз глянул на приборы-близнецы, под шкалами которых протянулась надпись:

«РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДВОДИМОЙ МОЩНОСТИ».

Сняв показания, он сел посвободнее и вынул зачитанный детектив. А над его головой, в лабиринте разноцветных проводов стабилизатора, питался, набирал силу, делался мутант...

Изоляция расплзлась, обнажилась жила, сверкнуло короткое замыкание, и добрая сотня ампер обрушилась на проволочки, рассчитанные от силы на два ампера. Последовал мгновенный взрыв, в кабину вплыло облачко едкого дыма. Бортинженер подскочил как ужаленный и с маху ткнулся в спину второго пилота, склонившегося над колонкой управления.

В ту же секунду самолет начал входить в пике, и пассажиры пережили тошнотворное ощущение, что пол проваливается у них под ногами.

Быстро оправившись, второй пилот потянул колонку на себя — нос самолета задрался вверх, а пассажиров вдавило в кресла. Командир приоткрыл ящичек на панели и достал специальные противодымные очки. Дыма из поврежденного узла сочилось столько, что вытяжную вентиляцию пришлось включить на полную мощность, чтобы избавиться от удушья.

Говард наклонил к себе микрофон внутреннего оповещения и произнес по возможности спокойно и бодро:

— Говорит командир корабля Говард. Мы летим на высоте девять тысяч пятьсот метров при встречном ветре, который задержит наше прибытие в порт назначения примерно на тридцать пять минут. Вскоре мы войдем в зону турбулентных потоков, поэтому прошу вас пристегнуть ремни и не вставать со своих мест. Благодарю за внимание...

Как только он умолк, в салонах вновь загорелись красные предупредительные табло.

Креймер, разбуженный внезапным нырком самолета, заворочался в кресле, стараясь устроиться поудобнее, и его колени уперлись в столик, который свисал со спинки расположенного впереди сиденья. Он решил убрать этот столик, выпрямился и тут, наконец, увидел, что краешек стола уже совсем размягчился и вязкой струйкой стекает ему на брюки — под коленом образовалось серое, с молочным отливом пятно. Бросив исподтишка взгляд в сторону соседа и убедившись, что тот ни на что не обращает внимания, Креймер наклонился пониже и принялся. Потом медленно, осторожно отодвинулся и поднял было правую руку к кнопке вызова — но передумал, отдернул

руку и положил ее на подлокотник кресла ладонью вверх. Пешарив вокруг глазами, он левой рукой поднял карандаш, тыльным его концом надавил на кнопку и принялся ждать, больше не шевелясь.

Подошедший стюард обратил внимание на напряженную позу Креймера:

— Вы звали, сэр? Принести вам что-нибудь?

— Я хотел бы поговорить с командиром корабля.

— Вы не могли бы сообщить мне, о чем, сэр?

— Пока не могу. Тут случи...— Креймер снова удостоверился, что его сосед по креслу спит глубоким сном, но тем не менее понизил голос: — Случилось непредвиденное, самолету угрожает опасность. Я хочу поговорить с командиром. Пожалуйста, позовите его, и без лишних слов!

Стюард, исподволь вглядываясь в лицо Креймера, подумал: наверное, сумасшедший или пьяный.

— Прошу вас пройти вперед, в салон первого класса, сэр. Я вызову кого-нибудь из членов экипажа.

— Слушайте меня внимательно. Быть может, вам трудно в это поверить, но я не вправе встать с этого кресла. Я должен оставаться на том самом месте, где нахожусь сейчас!

«О боже,— подумал стюард,— не хватало нам только психа. А если у него еще и бомба за пазухой?..»

Слух он сказал умиротворяюще:

— Хорошо, сэр, я понял вас, оставайтесь здесь, а я пройду в кабину и поговорю с командиром.

Он удалился. Креймер, уловивший в тоне стюарда некую снисходительность, свирепо глядел ему вслед. За переборкой, разделявшей два салона, стюарду пришлось протиснуться сквозь небольшую толпу — пассажиры ждали очереди в туалет.

Стюард докладывал, не теряя хладнокровия:

— Выглядит он странно, сидит съежившись, словно боится к чему-нибудь прикоснуться...

— И что он, по-вашему, намерен сделать? — спросил Говард.

— Трудно сказать. Угроз никаких не было, по крайней мере пока...

— Ладно, пойду взгляну на него.

Креймер ждал в нетерпении. Командир бросил сдержанно:

— Добрый вечер, сэр. Стюард сообщил мне, что у вас что-то случилось...

Креймер показал на своего спящего соседа:

— Уберите его...— он запнулся и взял себя в руки.— Хорошо. Прежде всего я не сумасшедший и не собираюсь похищать самолет, хотя то, что я собираюсь вам сказать, вероятно, покажется в высшей степени неправдоподобным...

— А именно?

— Моя фамилия Креймер, доктор Креймер. Я ученый.— Командир и стюард безмолвно слушали.— Каким-то не совсем понятным мне самому образом я пронес с собой на борт самолета микроорганизмы, и это опасно.

— Микроорганизмы? Нельзя ли яснее?

— Командир, вы несомненно знаете о событиях в центре Лондона...

— Знаю.

— Я являюсь членом правительственной комиссии, расследующей причины этих событий. В настоящий момент я направляюсь в Нью-Йорк, в НАСА, для срочного доклада о природе происходящего.

— Вы можете удостоверить это, сэр?

— Что? Да, конечно, могу.— Креймер потянулся за портфелем, но, остановившись на полпути, сказал: — Командир, я достану свои документы и предъявлю их вам, но вынужден просить вас не брать их у меня из рук, а прочесть, не прикасаясь...

Стюард и командир обменялись взглядами, а Креймер вынул из портфеля доклад, предназначенный для НАСА, и личные документы и раскрыл их, не выпуская из рук. Спящий пассажир заворочался и перевернулся на другой бок. Командир и стюард пробежали документы глазами и кивнули Креймеру, чтобы он продолжал.

— Командир, у нас есть серьезные доказательства, что катастрофа в Лондоне вызвана единственным в своем роде микроорганизмом. Проще говоря, микробом...

Говард припоминал, чему его в свое время учили; он старался восстановить в памяти лекцию психиатра о ранних симптомах параноидной шизофрении, о том, как распознавать, кто из пассажиров потенциально опасен.

— Простите, мистер Креймер,— произнес он,— что, вы сказали, делает этот микроб?

Креймер пристально посмотрел на них и ответил уныло:

— Он пожирает пластмассу.

— Мистер Креймер, — выговорил Говард суровее, чем прежде, — я, безусловно, обязан принимать близко к сердцу все, что касается безопасности полета, но, по-моему, вы злоупотребляете моим временем. Прошу вас больше никого не беспокоить, иначе...

— А что вы скажете об этом? — Креймер ткнул пальцем в край столика и в пятно у себя на колене. Командир наклонился и присмотрелся внимательнее. — Не трогайте руками! Понюхайте — вы ощущаете запах?

— Мистер Креймер, подобный эффект может быть вызван десятком разных причин. Вы могли плеснуть сюда растворителем, могли прижечь зажигалкой...

— Он не обуглен. Да вы что, не верите своим глазам?

— Командир, — нервно вмешался стюард, — могу я попросить вас на два слова? Я хотел бы вам кое-что показать.

Он поманил Говарда знаками в кухонный отсек. Вязкое озерцо на том месте, где раньше стояла чашка, теперь вспенилось, и над ним колыхалась круглая шапочка из пузырей.

— А потом еще сумочка у той женщины. Взгляните на ручку, я выбросил ее вот сюда...

Стюард нагнулся к баку для отходов. Но едва он откинул крышку, они оба оцепенели от неожиданности. Из квадратной горловины вывалился грязноватый ком клейкой пены, переполз через край и беззвучно распластался по полу. И там, где пена касалась синей блестящей виниловой поверхности, она почти мгновенно впитывалась в пластмассу, подобно тому как масло впитывается в поржавевший металл.

— Так! — заявил Говард решительным тоном. — Соседа этого, как его зовут? Креймера... Пересадите-ка соседа на другое место.

Вернувшись к себе в кабину, Говард первым делом понюхал перебинтованную штурвальную колонку. Затем обратился к бортинженеру:

— Сделал ты что-нибудь с этим стабилизатором на-пряжения?

— Я его отключил. обойдемся и без него.

— Но ты хоть вскрывал его, чтобы найти неисправность?

— Ни к чему. Все равно в полете мне его не починить. Доберемся до Кеннеди, его просто заменят.

— Бенни, я прошу тебя вскрыть его.

— Стабилизатор-то? Да мы спокойно и без него проживем. Согласен, есть какой-то риск, что генератор вдруг даст пиковый импульс, но...

— Вскрой его, Бенни.

Видя озабоченность командира, бортинженер молча встал и отвинтил панель стабилизатора. Выдвинул его на себя — и вытаращил глаза.

— Боже праведный, что же это такое?..

С шасси прибора свисал многокрасочный шевелящийся волдырь. Пока они сидели, словно громом пораженные, волдырь вытянулся, оторвался и шлепнулся на пол. Инженер двинул было рукой, норовя потрогать клейкую массу.

— Не прикасаться! — крикнул Говард.

— Почему? В чем дело?

— Поставь стабилизатор на место и ничего больше не трогай!..

В дверь просунулась голова стюарда.

— Все в порядке, я его пересадил.

— Хорошо. А теперь попросите доктора Креймера сюда в кабину.

— Слушаюсь, сэр.

— Потом возвращайтесь к себе в отсек. Девочкам расскажите только то, что совершенно необходимо, и не уходите оттуда, поняли?

— Слушаюсь, сэр.

Оба пилота и бортинженер заговорили разом:

— Послушайте, шкипер, что это значит?

— Что, собственно, случилось?..

— Кто такой Креймер?..

Говард пристально посмотрел на каждого из них, прежде чем ответить:

— Я хочу, чтобы вы услышали все собственными ушами.

Вошел Креймер.

— Садитесь, пожалуйста. — Говард показал на пустое кресло, предназначенное для стажеров. — Будьте любезны повторить моим ребятам то, что вы рассказывали мне там...

Он махнул рукой в сторону пассажирских салонов. Креймер неловко сел, все еще стараясь ни к чему не прикасаться. Пятно у него на брюках рассосалось, оставив на ткани темный след.

— Как я уже сказал командиру, — поспешно начал он, — я состою в следственной комиссии, созданной Бри-

танским правительством для выявления причин катастрофы в центре Лондона...

Сжато, в немногих словах он поведал им всю историю.

Оборудование пассажирских салонов реактивного лайнера конструируется исходя из трех основных требований. Во-первых, оно должно быть легким, во-вторых, не должно требовать сложного ухода и, в-третьих, не должно быстро изнашиваться, а равно подвергаться коррозии. Практически это привело к тому, что салон едва ли не на 80 процентов состоит из пластмасс. Потолки, стены и отделка сидений выполнены из виниловой пленки. Багажные полки штампуются из полистирола. Панели с кнопками над каждым креслом отформованы в вакууме из полипропилена, а иллюминаторы заделаны в специальные высокопрочные пластмассовые ободки. В общем тут хватило бы пищи на миллион поколений мутанта-59.

Тем временем постепенно, зачастую почти невидимо, мутант становился в самолете полноправным хозяином. Табличка «Для использованных полотенец», висевшая в туалете, вдруг начала выгибаться, и буквы неузнаваемо вытянулись в высоту. Пассажир, вернувшийся из туалета, сел к окну — и герметический ободок стал растягиваться и коробиться. А пластмассовая подметка на ботинке пассажира вдруг расплющилась под его весом...

Креймер в пилотской кабине закончил свое повествование. Экипаж хранил молчание; что касается второго пилота, он, казалось, не интересовался ничем — он вел самолет, не отрывая взгляда от приборной доски.

Наконец Говард, постукивая ногтем большого пальца по зубам, промолвил:

— Если я задержу всех на своих местах, если никто не шелохнется — тогда мы, может, и сумеем сесть в Кеннеди...

— Только не в Кеннеди, — нахмурился Креймер. — На это мы не имеем права. Разве вы не понимаете: мы сейчас вроде прокаженных...

— И нас будут изолировать? — спросил третий пилот.

— Разумеется. Нам придется пройти полный круг дезинфекционных процедур...

— Пожалуй, — вмешался Говард, — можно использовать Тейор Крик.

— А что это такое?

— Аварийная полоса примерно километрах в шестидесяти к югу от Бостона, на атлантическом побережье.

— Нам понадобится полная обработка. Каждый пассажир должен будет раздеться, вымыться под душем, отдать одежду на стерилизацию,— по мере перечисления Креймер загибал пальцы.— Самолет придется оцепить...

— Но кто, к дьяволу, возьмется за это? — вслух подумал Говард.— Медицинская служба аэропорта и снаряжения-то такого не имеет...

— Свяжитесь с Дагуэем.

— А это что такое?

— Испытательный полигон для микробиологического оружия. Они вполне могут перебросить в Тейор Крик несколько человек вертолетом — защитные костюмы и все, что полагается.— Креймер мрачно усмехнулся.— Хотя однажды поставьте перед ними позитивную задачу!..

Герметическая прокладка иллюминатора, ближайшего к женщине с сумочкой, капля за каплей вытекла на боковую отделочную панель — все происходило беззвучно.

Иллюминаторы в реактивной машине,— в сущности, уступка пассажирам со стороны конструкторов; конструкторы охотно обошлись бы вовсе без окон, поскольку те увеличивают стоимость и снижают прочность фюзеляжа. Каждый иллюминатор состоит из трех-четырех слоев прозрачной пластмассы, и каждый слой в отдельности герметически закреплен в соответствующем слое корпуса. В пространство между внутренними слоями воздух нагнетается бортовыми компрессорами, расположенными под пилотской кабиной. Делается это во избежание конденсации водяных паров; воздушная прослойка за внутренней обшивкой поддерживается при том же давлении, что и воздух в салоне. Зато между внешними слоями корпуса давление и температура воздуха те же, что и за бортом.

В безмозглой своей решимости микроскопическая капелька мутанта-59 перебросилась через двухсантиметровый зазор между слоями внутренней гермопрокладки. Клетки выделяли ферменты, и те разрушали хитросплетения созданных человеком молекул.

Молодая особа в пластиковом плаще спала, пока какой-то пассажир, шествуя по проходу, не задел ее за плечо. Это разбудило девицу, она попыталась пошевелиться, но, словно в дурном кошмаре, никак не могла оторвать голову от спинки кресла. Наконец, ей удалось чуть приподнять голову, высвободив ее, как мокрый леденец из обертки: между щекой, воротником и сиденьем образовалось хлюпающее полужидкое месиво. Достаточно было

пошевелинуться — и месиво тянулось длинными сырыми язычками. Девушка в панике повернулась и увидела, что ее новомодный плащ расползся на плече, как ветхое рубище. Она сидела, словно парализованная, с застывшим лицом, потом вскрикнула. На крик прибежала стюардесса.

В салоне первого класса дородный багровощекий пассажир по-прежнему сладко похрапывал — он так и не просыпался с самого начала полета. Безразличный ко всему на свете, благоухающий парами бренди, он, разумеется, не мог заметить, как меняется форма его очков. Сначала размягчилась рыжая пластмассовая дужка на переносице, и очки под весом линз карикатурно съехали к скулам. Затем одно стекло выскочило из перекошенной оправы и скатилось хозяину на колени. По изборожденному складками лицу прямо к раскрытому рту потекла шоколадная струйка. По мере ее движения лицо непроизвольно подергивалось, но пассажир не просыпался.

Девушка в пластиковом плаще немного успокоилась; стюардесса беседовала с ней, прилагая все усилия, чтобы она не поднялась с места и не пошла умываться.

Из динамиков донесся голос командира:

— Говорит командир экипажа Говард. Вследствие небольшой неисправности в электропроводке мы немного не долетим до нью-йоркского аэропорта Кеннеди. Посадка будет произведена на одном из аэродромов южнее Бостона. Вследствие... вследствие неисправности должен просить вас оставаться на своих местах и не расстегивать ремней. Прошу извинить за небольшое неудобство. Обслуживающий персонал постарается создать вам максимально возможный комфорт, но попрошу нас воздержаться от курения...

Говард отключил микрофон.

— Но ведь перед посадкой придется сказать им правду, — заметил Креймер.

— Безусловно, но если я скажу ее сразу, поднимется паника. Лучше уж по частям... — Говард обернулся ко второму пилоту: — Есть успехи?

— Да, они уже вызывают Тейор.

— Хорошо. — И снова к Креймеру: — А теперь доктор...

Дверь позади них внезапно открылась и тут же хлопнулась. Послышалась какая-то возня. Когда дверь распахнулась снова, в ней показался пассажир из салона

первого класса с лицом, измазанным рыжими полосами. Глаза его метали молнии.

— Где командир? — заорал он. — Что происходит на вашей чертовой посудине?..

Он ринулся вперед. Но Бенни, бортинженер, стремительно повернулся в кресле и схватил незваного гостя в охапку прежде, чем он успел коснуться Говарда.

— А ну, давайте назад, на место!

— Послушайте, я владелец акций вашей паршивой компании. Я знаю ваших директоров. И даю вам гарантию, что я...

Бортинженер, вскочив на ноги, навис над пришельцем, с грохотом прижав его к двери. Все тревоги Бенни нашли выход в этом акте насилия.

— Молчи и слушай! — крикнул Бенни. — Самолет в опасности, а ты, явившись сюда, увеличиваешь эту опасность. Ты слышал приказ командира? Возвращайся в салон, сядь, привяжись и молчи! И если ты еще раз попадешься мне на глаза, я вобью тебе голову в живот, понял?..

Пассажир сверкал глазами, но молчал, и на лице его отражалась борьба между гневом и страхом.

— А ну, выметайся отсюда!

Гнева как не бывало: теперь акционера била дрожь. Наконец, он в полном изнеможении прислонился к двери, и у него от ужаса отвисла челюсть.

— Что вы делаете? — Он вытирал лицо, размазывая рыжие пятна по щекам. — Что... что происходит? Я хочу знать — мы... мы разобьемся?

Бортинженер, не отвечая, вытянул руку и отворил дверь у него за спиной. Потом отвел своего недавнего противника на место и собственноручно застегнул ему ремень.

Теперь во власти бактерий был уже почти весь самолет. В сотнях различных точек отделочные пластиковые пленки, багажные полки, материал под ногами беззвучно преображались — вспучивались, приобретали влажный блеск и в конце концов покрывались пузырьками зловонной пены. Вентиляционная панель над головой одного из пассажиров медленно прогнулась и провисла до его затылка, словно протянула к нему послушную конечность.

Голос командира, звучащий по системе внутренней связи, был теперь неузнаваем. Привычная учтивость и доверительная озабоченность уступили место суровой беспрекословности приказа:

— Происходящее сейчас на борту непосредственной опасности для жизни не представляет. Разрушению подвергаются лишь пластмассовые детали самолета. Как я уже сообщил, мы приземлимся на одном из аэродромов близ Бостона, и вплоть до посадки вставать со своих мест категорически запрещается. Вы не должны ходить по самолету — это особенно важно: иначе вы будете переносить инфекцию на все новые и новые детали и предметы и поставите под угрозу благополучное завершение полета.

Старший стюард попытался задержать человека, потерявшего голову от страха и выскочившего в проход. Поскользнувшись, они вместе рухнули на мокрый блестящий пол, разукрасив свою одежду цветными кляксами.

Женщина с сумочкой сидела, обьятая ужасом: клоко-чущая шапка черной пены выростала у нее из-под ног.

Стюардессы стайкой пятились прочь из кухонного отсека, не отрывая глаз от происходящих там жутких перемен. Груды подносов оплывали, чашки лежали в лужах пенящейся слизи, а аккуратные пакетики с ножами и вилками срастались вместе, принимая безумные, сверхъестественные очертания.

Смрадная пена с десятков пораженных участков ручейками сбегала в главный проход. Некогда расфранченная девица еле ворочалась в пухлом облаке, которое еще недавно было ее плащом.

Большинство пассажиров хранили гробовое молчание, кто-то молился, кто-то плакал. Стюарду поминутно приходилось усаживать обратно тех, кто порывался встать. Воздух становился все тяжелее — возрастала концентрация газа...

В пилотской кабине также никто не произносил ни слова. Креймер сгорбился в своем кресле. Говард вел самолет, а оба других пилота вместе с бортинженером сосредоточенно наблюдали за приборами.

Конец наступил быстро. Над головами, за потолочной панелью, соприкоснулись два обнаженных проводника, и газовая смесь, порожденная мутантом-59, воспламенилась и взорвалась.

Далеко внизу, во льдах восточнее острова Нантукит, капитан маленькой рыболовной шхуны услышал где-то над собой гул и слабый грохот взрыва. Взглянув вверх, он увидел лишь вереницу огненных точек, перечеркнутую ночное небо.

И вызвал по радио береговую охрану.

Анна пришла в себя в отдельной палате больницы Святого Томаса. Около изголовья терпеливо сидел Бьюкен — несмотря на все уговоры врачей и сестер, он упорно отказывался сдвинуться с места.

Только что стало известно о гибели Креймера, и Бьюкен хотел сообщить ей печальную новость сам и раньше, чем она услышит об этом по радио. Джеррард все еще спал в другом крыле больницы и, конечно, ни о чем не догадывался.

Увидев Бьюкена, Анна протянула ему руку. В этом худом шотландце с его застегнутым на все пуговицы твидовым костюмом и копной седых волос на голове было что-то солидное и надежное.

Мало-помалу она узнала о событиях последних часов. Команда солдат взрезала решетку, спустилась в старую шахту на Портленд-плейс со спасательным снаряжением и вызволила ее и Слейтера. Вся операция при содействии специалистов-транспортников заняла не более получаса. Начальника станции тоже вытащили и отправили в больницу. А Первиса нашли в заброшенном тоннеле мертвым.

Она осведомилась об обстоятельствах катастрофы, и Бьюкен сообщил ей последние сведения. Тогда она забеспокоилась о Креймере. Она все-таки ожидала, что он окажется рядом. Почему его нет?

Бьюкен помедлил, прежде чем ответить:

— Случилось несчастье...

— Несчастье?

— В воздухе, — уточнил Бьюкен. — Он вчера вылетел в Штаты, и самолет пропал без вести. Искренне вам сочувствую...

Анна села в постели.

— Ничего не понимаю...

Бьюкен, помедлив, стал объяснять. Сказал ей, что Креймер решил выступить перед комиссией НАСА лично. Анна немного изменилась в лице и отвела глаза, сиюсь совладать с собой.

— Он что, разве не знал, что я?..

Она не закончила фразы.

— Он думал, что ничем не может вам помочь, — ответил Бьюкен. — Надеялся вернуться к тому времени, когда вас спасут.

— Но откуда он знал, что меня спасут? Откуда он знал, что я не погибла где-нибудь в тоннеле?..

Она была разъярена. Бьюкен попытался взять ее за руку, но Анна гневно отдернула руку. Шотландец помолчал. Анна на минуту задумалась.

— Разве так уж важно было явиться туда лично?

— Он полагал, что да. Вы же его знаете, уж если он что-то решил...

— Но ведь он знал, что я в беде!..

— Он поехал не просто защищать свое агентство, — сказал Бьюкен. — Он искренне считал, что если эти микробы когда-нибудь попадут в космос, скажем, на другую планету, тогда они могут стать — как бы это поточнее выразиться? — бомбой замедленного действия, нацеленной в будущих астронавтов.

Анна откинулась на спинку кровати. Слезы подступили к глазам. Внезапно ошеломляющий факт его смерти дошел до ее сознания. Она забилась в рыданиях.

Выплакавшись, она обессилела. Слишком много противоречивых чувств обрушилось на нее, сейчас она хотела только одного — покоя, убежища от всего и от всех. Она повернулась к Бьюкену и протянула ему обе руки.

— Дружище, — произнесла она, — я очень вам благодарна. Спасибо вам!

— За что, девочка? Я не сделал ничего особенного.

— А теперь я хочу домой.

— Не уверен, что вам следует спешить с выпиской.

— Я здорова. Правда, мне очень нужно домой.

— Я позову сестру, — сказал Бьюкен с сомнением в голосе. — Если они действительно разрешат вам выписаться, тогда я отвезу вас.

— Не стоит, — ответила Анна. — Пожалуйста, не надо, вы и так столько для меня сделали. Вас, наверное, ждут в лаборатории. Оставьте меня, — правда, так будет гораздо лучше. И еще раз спасибо...

Бьюкен вышел. И только когда она кончила одеваться и приготовилась к встрече с сестрой — только тогда она вспомнила про письмо.

Повлияло ли письмо на решение Креймера? На восьмом году замужества Анна знала его не больше, чем в самом начале. Предсказать его поступки было трудно. Быть может, он прочел письмо и тогда уехал?

Она отвергла эту мысль. Разумеется, все было не так. Откуда он мог знать, что самолет разобьется? Такое уж

никак не в его характере. А вот умыть руки, выкинуть кого-то из памяти — это очень на него похоже. Анна ощутила мгновенный озноб, припомнив, что письмо не оставляло места примирению. Креймеру оно наверняка показалось бесповоротным, и вовсе не удивительно, что он оставил столь холодную и бесчувственную жену на произвол судьбы.

Имеет ли она право порицать его? В ее распоряжении было множество способов справиться с возникшей перед ней задачей. А что если — обожгла ее нечаянная догадка — она вообще все придумала?

Что если поездка в Кембридж никак не была связана с той женщиной? Что если она возвела всю постройку на песке?

Ну нет, письмо Шарон служило доказательством их близости. Но что из того? Может, это было чисто плотское увлечение? Может, женщина вкладывала в эту интрижку много больше чувства, чем Креймер? Ведь Анне не доводилось видеть ни одного письма Креймера к Шарон. И на таких-то, с позволения сказать, основаниях она сломала собственную жизнь и, похоже, послала мужа на смерть?..

Врач долго не соглашался выписать Анну домой и взял с нее подписку, что она отказывается от лечения по доброй воле. Честно говоря, в больнице были рады-радешеньки получить лишнюю койку для более тяжелых пациентов. Ей посоветовали хорошенько отдохнуть и на следующий день обязательно показаться своему постоянному доктору, потом вызвали такси и отпустили.

У себя в квартире Анна без сил рухнула в одно из испанских кресел. Знакомая обстановка, знакомые запахи успокоили ее. В сущности, здесь сейчас все в большей степени соответствовало ее привычкам, чем привычкам Креймера. Это было ее убежище, едва ли не ее монашеская келья. О муже, по правде сказать, ничто и не напоминало.

Ей вдруг пришло на ум, что квартира и раньше никогда не носила на себе отпечатка его личности. Словно бы он пользовался ею, как комнатой в отеле, — проездом. Неизменно проездом: мимолетный поцелуй — извини, дорогая, вечером мне надо быть в Женеве... извини, дорогая, поужинать с тобой сегодня не смогу... извини, дорогая... извини... извини... извини...

Слова эхом отразились от стен — Анна слегка вздремнула в кресле, затем неторопливо открыла глаза. Ей так не хватало дружеской поддержки и заботы! Родители дав-

но умерли, и, невзирая на уйму деловых знакомств, друзей оказалось совсем немного. Она обвела комнату взглядом — что-то привлекло ее внимание. Вскочила на ноги.

Нет, ей не померещилось — вот оно, письмо, на камине. Анна подбежала, взяла конверт в руки. Его никто не вскрывал.

Небольшая — десять метров от форштевня до юта — океанская яхта Мензелос лежала на якоре в гавани Чичестера, качаясь на легкой волне; ее бело-золотые обтекаемые контуры отчетливо отражались в темной воде.

Сам Мензелос возился в машинном отделении, готовя мощный двухрядный двигатель к долгому рейсу в Бордо. Экермен мрачно следил за боссом с бутылкой виски в руках, а Кэрл Мензелос набивала шкафчики камбуза жестянками с провизией, доставая их по одной из сумки.

До побережья они добрались без осложнений. Олфорд отстал, поскольку принял решение отсидеться с друзьями в черте города, а таможенники с должным пониманием отнеслись к намерению владельцев яхты отдохнуть два-три дня во Франции: ведь в Лондоне им пришлось несладко. По правде говоря, Мензелос хотел отправиться в путь вдвоем с женой, но Экермен в припадке подозрительности настоял на том, чтобы отплыть вместе с ними.

Сейчас он вдруг решил проверить, не исчезли ли драгоценности. Они висели на нейлоновом шнурке в полиэтиленовых мешочках, опущенных в главный топливный бак. Самый ревностный таможенный чиновник никогда не нашел бы их здесь: крюк, к которому цеплялся шнурок, был впаиван внутри бака, подальше от наливного отверстия.

Навинтив крышку горловины на место, Экермен ни с того, ни с сего решил испытать прочность медных соединительных муфт, взялся за пластмассовый бензопровод от бака к двигателю и слегка потянул его на себя.

Мутант-59 получил новую пищу.

Девять часов спустя по левому борту показался мыс Рошель. Гладкий фибергласовый корпус рассекал крепнущую бискайскую волну. Все трое то и дело подремывали под гипнотический рокот мотора.

Бензопровод, подводящий топливо к правому ряду цилиндров, стал прогибаться.

Экермен сидел в каюте, злился и пил. Кэрл Мензелос пыталась читать роман в бумажной обложке, а сам Мензе-

лос поднялся в рубку, сиюсь разглядеть хоть что-нибудь впереди, за волной.

Скорость деления мутанта-59 все возрастала, пока он не проел бензопровод насквозь. В конце концов тот лопнул, и поток высокооктанового бензина хлынул прямо на пол запертого машинного отделения. Уровни поплавков в обоих карбюраторах вмиг упали, двигатель кашлянул и смолк.

Мензелос посмотрел на приборы перед собой и раздраженно нажал на красную кнопку стартера.

Протестующе взвыл электромотор, воюя с мертвым весом обескровленного двигателя, с обмоток якоря слетело облачко искр.

Бензиновые пары, скопившиеся в машинном отделении, мгновенно воспламенились. Главный топливный бак со страшным грохотом раскололся, и гигантский огненный шар поглотил Мензелосу, рубку, трап и ворвался в каюту.

Удар взрывной волны пробил днище, вода фонтаном хлынула внутрь и смыла обугленные останки Гарри Мензелосу в океан.

Экремен с опаленным, искаженным болью лицом попытался прорваться сквозь потоки ледяной воды к дверям каюты. Но в этот момент яхта резко накренилась и начала тонуть.

Вода стремительно поднималась, прижимая его к потолку каюты, и последнее, что он успел еще сделать в жизни,— тщетно потянуться к одному из мешочков с бриллиантами, который пронесся мимо, прежде чем кануть в пучине.

В бактериологических лабораториях день и ночь шла неистовая работа.

Лаборанты высевали культуру мутанта-59 в плоские чашки, дно которых покрывал тонкий слой застывшего питательного бульона. Работать им было крайне неудобно — попробуйте повозиться с чашками и препаратами в резиновых перчатках, намертво впаянных в стенки герметического шкафа. Изнутри шкафы заливал резкий свет ультрафиолетовых ламп. Чашки с высеянной культурой складывали стопками. Раз в несколько минут приходил еще один лаборант, открывал сбоку шкафа особую дверцу, вынимал очередную стопку и перемещал ее в термостат, после чего неизменно делал пометку в блокноте, подвешенном подле термостата.

Усталые и небритые ученые сосредоточенно таращились в бинокулярные микроскопы. Осмотр очередного стеклышка, запись в блокноте, и стеклышко отправлялось в ведро с дезинфицирующим раствором.

Тут же проводились опыты на чувствительность бактерий к антибиотикам. Чашки, используемые для этой цели, отличались тем, что поверх ровного слоя желе с выращенными в термостате бактериями накладывались кружочки из фильтровальной бумаги. На каждый кружочек наносилась капля какого-то определенного антибиотика, так что любое замедление роста бактерий, вызванное антибиотиком, выглядело бы как прозрачное колечко вокруг накладки.

В иммунологическом отделении три женщины в белых халатах сидели у вытяжных шкафов, за самодельными экранными фильтрами и разносили по сотням стеклянных пробирочек, установленных на штативы, капельки чистой сыворотки. Как только штативы наполнялись, их забирали в расположенную по соседству водяную баню, где они медленно подогревались до температуры человеческого тела.

Надо всей этой кипучей деятельностью висел несвежий суповой запах питательных сред. Воздух был пропитан сыростью — в соседней комнате располагались паровые стерилизационные печи. По запотевшим окнам струйками сбегала влага.

В углу главной лаборатории стеклянными стенами был отгорожен отсек. Здесь было сухо и прохладно, сюда не проникало тропическое лабораторное зловоние. За столом сидел профессор Кенделл. Он был худ и похож на птицу, голову его покрывали мягкие седые волосики. Пока он присматривался к остальным, предоставляя им возможность оживленно спорить.

Райт присел на краешке стола. Джеррард тяжело опустился в кресло. Потом вошел и Скэнлон — он оседлал жесткий стул рядом с Кенделлом.

— Если быть совершенно честным, — произнес профессор, дотошно выговаривая каждый звук, — то мы потерпели почти полное фиаско. Учтите — мы уже перепробовали все известные антибиотики. Из всех из них бактерии скольконибудь чувствительны лишь к одному — к неомизину «Д».

— Так почему же мы его не используем? — вмешался Райт.

— Потому что, дорогой мой доктор Райт, в целом мире неомизина хватит лишь на то, чтобы стерилизовать не-

сколько квадратных метров. Боюсь, от нас потребуется куда бóльшая изобретательность. Нет, нет, здесь мы потерпели неудачу и, увы, должны это признать.

— Уверен, что развитие мутанта связано с полимером, который был использован для самораспадающихся бутылок,— сказал Джеррард.— На заброшенной станции метро мы убедились в этом своими глазами: вокруг каждого кусочка бутылки наблюдалась повышенная активность микробов. Я доставил вам образцы, вы их видели.

— Ну, и что из того? — ответил Райт.— Если мутанту нравятся наши бутылки, это еще не значит, что в них есть причина всех зол...

— Я этого и не утверждал,— парировал Джеррард.— Я сказал лишь, что тут есть какая-то связь.

— Что вы предлагаете? — мягко спросил Кенделл.

— Мне еще самому неясно,— ответил Джеррард рассеянно.— Есть какая-то смутная догадка, что-то такое бродит в голове, но что? — Он задумался.— Почему, собственно, не помогают обычные дезинфицирующие препараты?

— До известной степени помогают,— ответил Кенделл.— Дезинфекционные команды в настоящее время ничем другим и не пользуются. Беда в том, что все эти препараты оказывают лишь поверхностное воздействие. А нам нужно что-то более радикальное. Нужен метод, добирающийся до корней проблемы. Чтобы добиться успеха с помощью лишь дезинфицирующих препаратов, пришлось бы буквально залить центр Лондона лизолем или чем-то в этом роде. Нет, надо найти специфический метод, который исходил бы из свойств самого мутанта...

— Предположим, что я прав,— продолжал Джеррард.— Предположим, что в пластмассе, использованной при изготовлении бутылок, действительно есть что-то особенное.— Он повернулся к Райту: — Когда вы впервые задумались над строением молекулы дегрона, каковы были ваши посылки? Каким путем вы пришли к окончательному решению?

— Главное требование,— ответил Райт,— заключалось в том, чтобы создать длинную полимерную цепь с нестабильными связями. Использовать светочувствительность отдельных звеньев таким образом, чтобы воздействие света размыкало прежние связи и связывало оставшиеся валентности с кислородом...

— Извините, я что-то не совсем понимаю,— вставил Кенделл.

Джеррард пояснил:

— Длинные молекулярные цепи дегрона под воздействием света и кислорода распадаются.

— Весьма изобретательно, — пробормотал профессор.

— А вы могли бы нарисовать нам эту молекулу? — обратился Джеррард к Райту.

— Разумеется. — Райт взял фломастер и начал быстро водить им по листу бумаги. — Основная цепь выглядит вот так. Здесь расположены аминокислотные остатки, — на листе росла сеть линий, точек и символов, — здесь оксифенил, а здесь хинонное кольцо. Вот эти связи, как видите, нестабильны, и если часть цепи разрывается, это сразу же приводит к образованию чрезвычайно активных радикалов. Достаточно буквально нескольких квантов света...

— И что тогда? — спросил Джеррард.

Райт не сдержал удивления:

— Ну, неужели вы не понимаете? Тогда молекула распадается на четыре составляющие. Вот, вот, вот и вот. — Он указал на рисунок. — Затем эти составляющие становятся добычей обыкновенных бактерий.

— Но почему? — упорствовал Джеррард.

Райт начал терять терпение.

— Послушайте, мы с вами обсуждали это добрую сотню раз...

— Прекрасно! И все-таки, пожалуйста, объясните еще раз. Где-то тут и таится то самое, в чем я пытаюсь разобраться. Расскажите мне снова, какие свойства молекул делают их добычей обыкновенных бактерий.

— Но это отнюдь не обыкновенные бактерии! — прервал его Кенделл. — На всей планете нет больше ничего подобного. Это совершенно новый вид...

— Ну хорошо, — согласился Райт. — Получив молекулу, которая под воздействием света распадается на более мелкие части, мы постарались придать этим частям возможно большее сходство с полипептидами...

— С полипептидами? Извините, я опять не... — начал Кенделл.

Джеррарду пришлось вмешаться снова:

— Полипептиды — молекулы среднего размера, которые составляют основу белков.

— Ясно! — отозвался профессор. — Вы хотели, чтобы остаток пластмассы был похож на белок.

— Совершенно верно, — согласился Райт. — Нашей целью было создать пластмассу, половинчатую по своей

структуре: вначале вполне надежный материал для отливки сосудов, но как только отрывной полоски не стало и на пластмассу попал свет, она превращается в вещество, разлагающееся самым естественным образом, в нечто такое, что можно бросить в кучу удобрений...

— Действительно, остроумная идея, — заявил Кенделл. — Но вы не приняли во внимание мутанта, так, что ли?

— А как мы могли принять его во внимание? Его же никогда не существовало! Согласно всем учебникам, этого треклятого мутанта не было и нет...

— Откуда нам знать, быть может, именно наши бутылки и помогли ему развиваться? — заметил Джеррард.

— Какие у вас доказательства? — воскликнул Райт.

— Но ведь такая возможность не исключается.

— Ради бога! — взмолился Райт. — Не исключается и возможность, что мутант свалился с Луны!.. — Он бросил на Джеррарда насмешливый взгляд. — Давайте лучше придерживаться твердо установленных фактов.

— Уверен, что между мутантом и нашей пластмассой существует прямая связь, — настаивал Джеррард. — Я же говорил вам: вокруг каждого обнаруженного огрызка бутылки бактерии росли прямо-таки с удвоенной скоростью!

— Это ровным счетом ничего не доказывает!..

Райт уже не скрывал своей враждебности. Джеррард окинул его пристальным взглядом.

— Вы попросту не ходите вовлекать агентство в эту историю, только и всего. Хотите во что бы то ни стало реабилитировать вашу бутылку, и чтобы нас никто ни в чем не обвинил...

— Даже если в ваших утверждениях есть капля здравого смысла, в чем я лично очень сомневаюсь, мы все равно никакой ответственности не несем. Корень вопроса в мутанте, отнюдь не в свойствах пластмассы!

— Ничего подобного! Если ответственность за все это бедствие хоть отчасти на нашей совести, мы обязаны признать свою вину...

Райт неприязненно расхохотался.

— Совершенно не понимаю вашей логики. Допустим, мы выпускаем горючее. Потом мы его продаем, и кто-то на нем подрывается и сгорает заживо. Что же, по-вашему, мы в ответе за эту смерть лишь потому, что выпускаем горючее?

— Тут огромная разница,— возразил Джеррард.— Прежде всего мы знали, что выпускаем вещество, распадающееся под действием бактерий, что тем самым передразниваем естественный процесс. Мы знали также, что...

— Ради бога!..— воскликнул Райт.— Ничего мы об этом мутанте не знали и знать не могли. Что же, по-вашему, мы должны были сказать себе: нет, мы не станем пускать бутылки в обращение, потому что вдруг появится новый штамм, а потом, быть может, возникнут мутации... И ведь вся идея ваша чисто умозрительна, у вас нет абсолютно никаких доказательств, и тем не менее вы требуете от нас, чтобы мы смиренно вышли на улицу и воскликнули: *mea culpa*¹! Знаете, мне кажется, вы просто жаждете признать себя виновным. Вы жертва, ищущая повода, чтобы быть обезглавленной...

Кенделл, встревоженный ссорой, вставил:

— Джентльмены, по-моему, мы могли бы...

Джеррард жестом попросил его помолчать.

— Согласен, меня захлестывает чувство вины, ну, и что из того? Вы же пальцем не хотите пошевелить...

— Докажите мне необходимость каких-то действий, и я буду действовать,— опять парировал Райт.

— Хорошо. Во-первых, мы имеем микроорганизм, пожирающий пластмассу. Во-вторых, мы имеем пластмассу, которая под влиянием света и кислорода разлагается на белковоподобные вещества. Оставим на время вопрос, откуда взялись эти бактерии, но мы знаем, что они взаимодействуют...

— Ничего мы не знаем. Вы гадаете, не имея никаких доказательств.

— Пусть даже так. Но если они взаимодействуют, почему бы не воспользоваться этим?

— Не понимаю,— снова начал Кенделл.

Джеррард выступал с каждым словом все увереннее.

— Да, вот именно, почему бы и нет? — Он опять обратился к Райту: — Можно ли видоизменить молекулярную структуру дегрона?

— Зависит от того, что именно вы хотите с ней сделать,— ответил химик осмотрительно.

— Ничего сверхъестественного. Сложно ли, скажем, заместить в ней один из аминокислотных остатков?

— Легче легкого. Подвергните вещество гидролизу, и...

¹ Моя вина (лат.).

— Методика неважна, — возбужденно перебил Джеррард. — Важно, быстро ли это произойдет.

— Да. Я сказал бы, да, — Райт снова начал раздражаться. — Но я не вижу...

— Можно ли ввести в состав цепи дегрона азидную или цианидную группу?

— Разумеется, можно. Я пробовал это в одном из ранних экспериментов. Ничего не вышло — пластмасса стала дьявольски ядовитой.

— Вот именно! — воскликнул Джеррард.

Кенделл так и подпрыгнул.

— Понял! Изменить строение пластмассы с тем расчетом, чтобы она...

— ...стала ядовитой, — закончил Джеррард, дрожа от возбуждения. — И подкинуть ее бактериям, как крысину отраву. Они поглотят ее и погибнут...

— Боже праведный! — взорвался Кенделл. — Блистательная идея! Положительно, она мне нравится. Хотя что выйдет дальше?..

— Да ничего не выйдет. Пустая трата времени, — заявил Райт.

Джеррард игнорировал его заявление.

— Опытная установка у вас в лаборатории? Она не демонтирована? — Райт опять попытался что-то возразить. — Да или нет?!

Канадец двинулся на Райта едва ли не с кулаками. Химик поднял глаза — Джеррард возвышался над ним как башня.

— Да, она в лаборатории и в общем-то на ходу. Еще на прошлой неделе на ней работал Скэнлон. Он хотел...

— Вы можете запустить ее?

— Могу, только это, повторяю, потеря времени. Кроме того...

— Вы запустите установку?

Джеррард почти кричал. Райт уставился на него с откровенной неприязнью. Потом он вдруг отвел взгляд в сторону.

— Ладно, — произнес он безжизненно. — Я это сделаю.

Морозный зимний воздух над опустевшими улицами был пропитан стойким смрадом бацилл Эйнсли. Густо падал снег, и тишину нарушали лишь дезинфекционные команды — солдаты в своем защитном обмундировании

шагали по вымершим улицам, как космонавты, исследующие незнакомую планету. Тяжелые их ботинки с хрустом давили снег.

Вокруг зоны оцепления, у выходов и дезинфекционных станций, сгрудились фургоны передвижных телепередатчиков. Пылали дуговые лампы, репортеры приставали к ошалевшим людям, которые вываливались из зоны, одетые в какие-то немыслимые халаты, в платье с чужого плеча.

Озабоченные родственники топтались у выходов в надежде узнать что-то о своих близких.

По пустынной Трафальгар-сквер юзом скользнула карета скорой помощи и, мигая синим фонарем на крыше, умчалась вверх по Черинг-кросс-роуд. Нетронутый снег вздымался из-под колес нарядными белыми облачками.

Невысоко над крышами прошел вертолет. Кинооператор с риском для жизни свесился из раскрытой двери, запечатлевая на пленку уникальные кадры.

Мутант-59, созданный Эйнсли, в поисках пищи осваивал все новые и новые районы. Одни колонии погибали на металлических и каменных плоскостях, другие находили возможности продолжения рода в пластмассовых кабелях и проводах под землей. Медленно и неуклонно бактерии выедали у города его сердце.

С лицом, посеревшим от усталости, Джеррард стоял у доски, исписанной многоэтажными формулами, и проверял их на настольной счетной машине, которая, жужжа, выстукивала свои ответы по мере того, как заглатывала перфорированную ленту с заданием. Было три часа утра. Райт, Скэнлон и Бьюкен склонились над громоздким аппаратом, который состоял из переплетения стеклянных трубок, опирающихся на ненадежные металлические подпорки. По трубкам и сочленениям переливались цветные струйки, и в конце концов получалась тягучая бурая жидкость, медленно капавшая в коническую колбу. Райт завернул стеклянную втулку, взял колбу, перенес ее на стол к Джеррарду и изнуренно опустился на стул. Потом сказал вяло и небрежно:

— Должно быть, это он. Полиаминостирен с ядовитыми клыками...

Джеррард оторвался от счетной машины:

— Вы совершенно уверены?

— Конечно, уверен. Впрочем, мы проведем проверку на

хроматографе. Должно было произойти замещение нитрозаминной группы в четвертой цепочке радикалом циана.

— А будет он действовать? Вы случайно не сгладили его свойства?

— Химия у нас на высоте, не беспокойтесь, — раздраженно ответил Райт. — А уж проводить испытания — ваша забота...

Джеррард устремил на противника долгий, пристальный взгляд, затем ответил:

— Когда мы пришли сюда, в лабораторию, я поместил культуры мутанта в термостат. Вероятно, они уже чуть не ключом кипят. Сейчас я их достану...

Подойдя к термостату, он вынул оттуда три больших открытых стакана. На дно каждого из стаканов была опущена плоская чашечка Петри. Канадец бережно перенес их в главную лабораторию; Райт следовал за ним, не выпуская из рук коническую колбу с отравленной пластмассой. Джеррард взял квадратное фарфоровое блюдо, вытер его досуха, положил на стол и налил с краю немного тягучей бурой жидкости из колбы. Слегка покачал блюдо, пока жидкость не растеклась тонким слоем и не заняла половину его поверхности. Затем извлек из одного стакана чашку Петри и осторожно поднес ее к свету, ни на йоту не отклоняя от горизонтали.

На свету было ясно видно, что чашка заполнена густой пузырящейся кашицей. Сняв с чашки крышечку, Джеррард не спеша вылил пенистое ее содержимое на другой конец блюда, подальше от пластмассы, сдобренной цианидом, вслед за тем он вновь пошевелил блюдо, чтобы край бактериальной культуры лишь чуть-чуть не дошел до края расплеснутой пластмассы. Трое остальных без особого восторга ощутили сырой аммиачный запах. Наконец Джеррард накрыл блюдо стеклом, пустил секундомер, придвинул вплотную настольную лампу и стал ждать.

Минуты шли за минутами. Все четверо сидели без движения и ели глазами линию пузырьков, которая очень медленно приближалась к границе бурой жидкости. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем они соприкоснулись. Джеррард так и подался вперед, напрягшись всем телом. Но ничего не случилось: мутант по-прежнему рос, пузыри продолжали распространяться по пластмассе, не выказывая никаких признаков недомогания.

Райт бросил мимолетный взгляд на канадца, и в уголках его тонкого рта мелькнула тень улыбки. Скэнлон мол-

чал, сосредоточенно поджав губы. Бьюкен с неизменно непроницаемым видом посасывал свою трубочку.

Пена захватывала все новые участки, скорость ее движения словно бы даже нарастала. Джеррард чуть слышно выругался. Каждый из них отдавал себе отчет в том, что под стеклом перед ними решается судьба города, быть может, всего цивилизованного мира. Стекло над блюдом отбрасывало на их лица блики света, вокруг было темно, и это делало их похожими на средневековых алхимиков.

И вдруг Джеррард воскликнул:

— Замедляется! Да, да, я уверен, замедляется!..

Остальные вслед за ним стали приглядываться еще пристальнее. Пузырьки на переднем крае наступления бактерий стали мельче, само наступление затормозилось. И, наконец, к их восхищению, прямо на их глазах оно прекратилось совсем. Пузырьки лопались — а новых на том же месте не возникало.

Мутант-59, попав на блюдо, объелся до смерти. В слепом своем движении, в безмозглых поисках новой пищи он поглощал молекулы полиаминостирена, всасывал их каждой клеткой. Но результат был иным, чем прежде. Как только молекулы проникали во внутреннюю структуру клетки, за дело принимался цианид и нарушал ее жизненные функции одну за другой. Биохимическое совершенство — мутант, заботливо выведенный Эйнсли, — потерпело крах.

— Но у нас всего десять граммов, — сказал Райт. — А там целый город. Понадобятся тонны и тонны... Джеррард был вне себя от радости.

— Это понятно. Засадим «Политад» за массовое производство. У них есть все необходимое оборудование. А потом разбрасываем такую пластмассу по всему району. В тоннелях, в коллекторах — точно крысиный яд...

Он упал на стул, чувствуя, как полное изнеможение овладевает каждой мышцей его тела. Скэнлон озабоченно посмотрел на него.

— Надо еще провести полевые испытания. Поехать туда, где только что произошла вспышка...

— Ну что ж, — согласился Джеррард, — согласен. Сколько вы сможете сделать такой же отравы, скажем, за шесть часов? — осведомился он у Райта.

Тот подумал минуту-другую и ответил:

— На этой аппаратуре примерно граммов триста.

— Трехсот граммов ни на что серьезное не хватит, — объявил Скэнлон.

— Ну, положим, если развести их растворителем, а потом распылить... — возразил Джеррард. — Растворитель улетучится, а остаток — мутанту. Свяжитесь с «Политадом», — отдал он распоряжение Скэнлону, — предупредите, чтобы готовились запустить оборудование на предельную мощность. — И к Райту: — Нам понадобится все, что вы сделаете, до последнего грамма. Пожалуй, можно сообщить в центр, что мы этого мутанта прихлопнули. Только стоило бы проверить, хватит ли у нас растворителя — толуола, например, — чтобы суспензия лучше распылялась.

Он на мгновение замолк и снова заглянул в блюдо, будто хотел удостовериться, что успех ему не померещился. Пузырьки исчезли с поверхности.

— Черт возьми! А ведь и вправду получилось!..

Бьюкен заговорил впервые за всю ночь:

— Ну, и что прикажете по этому случаю? Дать вам Нобелевскую премию?..

18

Воздух в подземном контрольном центре был теперь гнилым и спертым. Три из четырех гигантских вентиляторов, обслуживающих весь комплекс тоннелей и бетонных спален, пришлось отключить, поскольку их заборные устройства располагались в зоне поражения и вполне могли разнести инфекцию во взвешенном состоянии по всей системе. Четвертый вентилятор, в зарешеченной башенке за пределами опасной зоны, крутился изо всех сил, но свежего воздуха, который он нагнетал, хватало лишь на то, чтобы кое-как дышать, но вовсе не на то, чтобы рассеять зловоние мутанта-59, уже проникшее сюда. Запах — аммиак с сероводородом — вызывал у всех такие приступы тошноты, что консервированная пища в столовых оставалась почти нетронутой. Кроме того, этот запах намертво пропитывал одежду и мягкую мебель.

Наверху, на улицах, зловоние висело в морозном безветрии, как похоронный звон.

Слейтер расположился за одним из столов, заляпанных пролитым кофе, делая вид, что заинтересованно слушает человека, который сидел напротив. Тот разглагольствовал о системе водоснабжения в районе — как она спланирована и как управляется. Слейтера это не занимало, мысли его

были далеко отсюда, в тоннелях метро. Внезапно он уловил по тону собеседника, что тот закончил свое выступление, и понял, что вообще ничего не понял.

Пришлось идти на риск.

— Действительно, кто бы мог подумать! — сказал он, надеясь, что не попал впросак.

К большому его облегчению, на лице собеседника не возникло недоуменной усмешки.

— Да, представьте себе, — подхватил тот, — и ведь до сих пор не составлено даже полной подземной карты района. Это, право же...

Слейтер вздрогнул и поднял глаза — в комнату ворвался Бьюкен.

— Доктор Бьюкен! Вот уж не ждал! Как вы сюда попали?

— Не имеет значения. Я должен с вами поговорить. — Высокий худой шотландец был просто не в состоянии сдержаться. — Поздравьте меня, я нашел его!..

— Кого, что?

— Связующее звено, общий фактор, корень зла!

— Успокойтесь! — Слейтер показал на стул рядом. — Садитесь. Между прочим, это мистер Паркин, из исследовательской группы при управлении водоснабжением. Мистер Паркин, позвольте представить вам доктора Бьюкена из агентства Креймера... Мужчины обменялись короткими кивками. — А теперь рассказывайте, в чем дело.

— Так вот, — сказал Бьюкен, — помните ли вы, что в компьютере, который управлял вашей дорожной сетью, обнаружился неисправный узел? Помните ли вы о неисправности датчика топливного насоса и о катастрофе в Хитроу?

— Да, конечно.

— Экспертиза показала разрушение изоляции, не так ли?

— Да, я прекрасно все это помню. Мы, собственно, пошли еще дальше и установили, что катастрофа в Хитроу произошла по аналогичной причине, а командование флота считает, что нечто подобное, вероятно, случилось и на затонувшем «Тритоне».

— Совершенно верно. Три происшествия, а причина — одна!

— Вовсе нет, — покачал головой Слейтер. — Это еще ничего не доказывает. Допускаю, что разрушение изоляции — действительно общий фактор, однако...

— Согласен, согласен,— перебил его Бьюкен,— но что вы скажете, если выяснится, что разрушение однотипное?

— Что вы имеете в виду?

— Если выяснится, что разрушилась изоляция у одной и той же детали?

— Да, пожалуй, на меня это произведет впечатление.

— Так вот, последние три дня я, без преувеличения, жил у телефона. Я провел собственное расследование, и, представьте себе...

— Продолжайте.

— Представьте себе,— Бьюкен даже руками всплеснул,— это действительно одна и та же деталь! Одна и та же! В датчике топливного насоса самолета была такая маленькая электронная штучка — логическая ячейка. В вашем компьютере та же самая штучка составляла жизненно важную часть адаптивной схемы, и, представьте,— я созвонился с военно-морским исследовательским институтом в Портсмуте — эта же ячейка была и в компьютерах дальности запуска на подлодке ее величества «Тритон»...

— Прекрасно, значит, вы нашли общую деталь, но это опять-таки ничего не доказывает. С равным успехом вы могли бы заявить, что болты и гайки оказались выпущенными одной фирмой. Ну, и что из того?

— Согласен. *Post hoc*¹, примитивная логика, и все такое прочее,— Бьюкен сегодня был явно в ударе,— но ведь дело на том не кончается! Несчастье с «Кондором-6» — вы читали о нем?

— Читал.

— Та же самая деталь была в командном модуле! Я проверял через НАСА.

— Доктор Бьюкен, извините меня за упрямство, но это же и впрямь несущественно: сколько бы раз вы ни встретились с этой деталью, вы все равно...

— Но вы готовы признать это веским косвенным доказательством?

— Не слишком веским, но совпадение странное, не спорю.

Бьюкен расстегнул свой портфель.

— Ну, а теперь перейдем к прямым доказательствам.— Он извлек из портфеля стальную коробочку, а из

¹ После этого (лат.). Часть поговорки *Post hoc ergo propter hoc* — «После этого — значит вследствие этого», высмеивающей псевдопоследовательное мышление.— *Примеч. перев.*

коробочки — запечатанный полиэтиленовый конверт, в котором лежал крошечный пластмассовый кубик с десятью выступающими наружу проволочками, и положил все это на стол. — Вот она, логическая ячейка М-13. То есть так она выглядит, пока ее не использовали, прямо со склада.

— Как это понимать — пока ее не использовали?

Бьюкен коснулся крошечного электрического кубика.

— Когда мне стало известно, что эта штучка принимала участие во всех трех катастрофах, я позвонил изготовителям и попросил прислать мне несколько экземпляров для исследования. Одну из них я тут же разобрал и отправил Барону...

— Барону?

— Моему знакомому из Института здравоохранения в Колиндейле.

— При чем тут здравоохранение?

— Барон проверил этот кубик на микроорганизмы. — Слейтер изумленно поднял брови. — И что вы думаете? В пластмассе оказались споры.

Слейтер медленно откинулся назад, теперь он, не мигая, смотрел на Бьюкена.

— Вот это да!..

— Вы угадали. Споры принадлежали бактериям, пожирающим пластмассу.

— И все-таки вы еще ничего не доказали! — воскликнул Слейтер. — Все, что вы до сих пор сообщили мне, сводится к тому, что один электронный прибор применили в трех вышедших из строя схемах и что в отдельных экземплярах этого прибора вы обнаружили споры бактерий, разрушающих пластмассу, — ну, и что дальше? Споры подобны семенам — они должны еще прорасти. Как вы опровергнете такое возражение?

Бьюкен только усмехнулся — попытки Слейтера сбросить его с седла доставляли шотландцу удовольствие.

— Что нужно микробам для жизни?

— Ну, — начал Слейтер, — я не бактериолог, но дайте сообразить: пища, тепло и...

— Отлично! — почти выкрикнул Бьюкен. — Тепло! Что происходит с большинством цепей и приборов после того, как их включили?

— Мой бог! — Слейтер выпрямился, чуть не подпрыгнув. — Мой бог, конечно!..

— Вы уже поняли, — торжествовал Бьюкен. — Как только прибор включили, будь это в компьютере или в лю-

бой иной системе, но как только его включили, он стал нагреваться, споры вернулись к жизни и принялись пожираться...

— ...окружающую их пластмассу,— закончил Слейтер.

— Да, но это еще не все. Я консультировался с Бароном и с фирмой-изготовителем. Барон утверждает, что развивающимся спорам нужна, и притом немедленно, вода. Тут я не испытываю стопроцентной уверенности, но мы полагаем, что как только прибор включили и он стал нагреваться, на этой кадмиевой пластинке,— он показал где,— конденсировались капельки воды. Совсем немного — и все-таки достаточно, чтобы бактерии пробудились и начали делиться. А раз они пробудились и начали делиться, то рано или поздно доберутся и до изоляции на этих проволочках,— он показал на проволочки, выступающие наружу,— а отсюда уже куда угодно, от провода к проводу, лишь бы они были связаны между собой...

Слейтер сидел на шевелясь.

— Значит, едва эта штучка заработала, микробам открыт путь к любому устройству, с которым она связана...

— Совершенно верно,— Бьюкен удовлетворенно откинулся на спинку стула.

— И вы можете это доказать?

Не говоря ни слова, шотландец достал из портфеля другую коробочку, такую же, как и первая, и бережно опустил ее на стол. Из коробочки он вынул замкнутый стеклянный сосуд и осторожно поставил его рядом.

— Вот вам тот же прибор,— пояснил он.— Только этот экземпляр работал пять часов без перерыва...

Он подтолкнул сосуд к Слейтеру. Внутри был такой же крошечный кубик, но перекошенный и оплывший. Изоляция на одной из выступающих проволочек пожелтела и отвалилась прямо на глазах, обнажая блестящую медную жилку.

— Биологическая бомба замедленного действия,— тихо сказал Слейтер.— Достаточно включить ее, и она начнет заражать все вокруг...

— Одно меня беспокоит,— продолжал Бьюкен,— ведь никто из тех, кто расследовал катастрофы до нас, не обнаруживал следов размягчения, одни обнаженные провода. Барон, с которым я обсудил это противоречие, считает, что наш микроб, откуда бы он ни взялся, поначалу точит

пластмассу очень-очень медленно и лишь с течением поколений учится пожирать ее все быстрее и быстрее...

— Вот почему первые его проявления были относительно слабыми,— откликнулся Слейтер.

— Именно так. Но постепенно он приспособливался, становясь все более всеядным. А сегодня весь центр Лондона на смертном одре.

— Одна малюсенькая деталька,— задумчиво произнес Слейтер.— Уму непостижимо...

— Нам уже удалось сделать многое. Фирма-изготовитель карликовая, она расположена неподалеку, возле Кингз-кросс. Так вот, фирма сумела установить адреса большей части своих покупателей. Через два-три дня эта работа будет доведена до конца, но пока что все сходится. Самыми крупными покупателями оказались самолетостроители, фабриканты компьютеров и НАСА. Есть, правда, один экземпляр прибора, с которым уже просто ничего не поделаешь...

— Это почему?

— Потому что этот прибор отправлен в адрес «Калифорния ракет корпорейшн». Той самой, которая взялась за постройку «Аргоншта-1», автоматического разведчика Марса.

— Не понимаю. Почему же ничего не поделаешь?

— Потому что он стартовал шесть недель назад,— флегматично ответил Бьюкен.

В бистоновском защитном костюме Джеррарду было очень неловко и неудобно. Тело еще болело после акробатического подъема из метро.

За прозрачным щитком, прикрывающим лицо, чувствовался назойливый запах резины и дезинфекции. Он неуклюже шагал по улице следом за тремя своими спутниками, складки грубой ткани безжалостно терли под мышками и в коленях. Даже дыхание в этой тесной индивидуальной парилке казалось преувеличенно резким.

Подошвы сухо поскрипывали по снегу. Рядом с Джеррардом плелся солдат с портативным распылителем в руках — в распылителе была отравленная пластмасса. Двое других, тоже в форме, сверялись с картой; на плече у одного из них поблескивали лейтенантские звездочки. Он-то и обратился к канадцу:

— Ну вот, мы уже почти пришли...

Оторвавшись от карты, офицер повернулся на каблуках и направился к магазину на углу — вывеска крупными пурпурными буквами возвещала:

«НОВИНКИ СЕЗОНА».

В витрине попеременно с рекламой были выставлены рубашки, раскрашенные во все цвета радуги, и куртки искусственной кожи. Позади рубашек прямо к оконной раме были пришпилены наимоднейшие плащи и сапоги из пластика — не поймешь, для какого пола, все это в окружении этикеток и зазывных плакатиков. Поверх шли в два ряда рамки-экранчики. В одной из них вдруг отдернулась занавеска, появилось чье-то лицо, бросило беглый взгляд на приближающиеся фигуры и исчезло. Лейтенант решительно подошел к стеклянной двери и резко постучал в нее кулаком.

Ожидая, пока им откроют, он с неодобрением окинул суровыми карими глазами кричащую витрину. Затем послышалось звяканье отодвигаемых засовов. Дверь распахнулась. Выражение неудовольствия на лице лейтенанта стало еще явственнее, когда он увидел в дверях человека лет тридцати пяти с копной тщательно подвитых седоватых волос. На хозяине был розовый свитер из тонкой шерсти, белые вельветовые брюки с бубенчиками и такого же цвета штiblеты. У него было довольно миловидное гладкое округлое лицо, а говорил он не как-нибудь, а ритмическим речитативом:

— О господи, благодарение небу, вы пришли! У нас здесь совершенное светопреставление, вы даже представить себе не можете... Весь мой запас, все-все разорено. И я не знаю, право, не знаю... Может быть...

Лейтенант бесцеремонно перебил его:

— Где очаг поражения?

— У меня за спиной, — хозяин глупо усмехнулся. — Но я уверен, вы совладаете с бедствием...

Лейтенант отстранил хозяина и прошел в магазин, остальные последовали за ним — и замерли у порога, не веря собственным глазам.

Ряды сапог, словно в танце без музыки, неспешно кружились в волнах пены. Многоцветные панели из пластика бесстыдно обвисли со стен, пуская яркие сочные пузыри, окрашенные в соответствии с замыслом декоратора. Пластиковые плащи сползли с плечиков, оголив хромированную вешалку. Впрочем, один плащ еще держался на месте,

но совершенно утонул в пене и корчился, будто надетый на невидимку. Весь магазин извивался в медленном кошмарном танце. Воздух был насквозь пропитан смрадом — спутником бацилл Эйнсли.

Хозяин ныл, заламывая руки:

— Нет, это поистине ужасно. Мои чудесные интерьеры — теперь я никогда не сумею восстановить их...

Лейтенант круто обернулся к нему.

— Сделай милость, старый хрыч, помолчи!

Хозяин надулся, а лейтенант нервно махнул солдату с распылителем:

— Пускай!..

Солдат нерешительно шагнул в торговый зал и принялся качать рукоятку распылителя, разбрызгивая ядовитую пластмассу бурым туманом. Туман оседал на поверхности пены, и лейтенант с нескрываемым удовольствием наблюдал за выражением душевной муки, которое появилось на лице хозяина. К зловонию прибавился бензиновый запах толуола, который быстро испарялся, а поверх пузырящейся бурлящей массы ложился еще один тонкий, вязкий коричневый слой.

Сделав свое дело, они уселись и стали ждать. Джеррард, отвернув перчатку, засек время. Первые две минуты не происходило ничего нового, в магазине продолжало шипеть и всхлипывать — мутант питался. Но вот мало-помалу движение на полу стало замедляться; пузыри опадали, пена шипела тише и тише. Примерно семь минут спустя она смолкла совсем. Правда, нет-нет да и возникали еще в каком-нибудь закутке, куда не достал распылитель, маленькие очажки активности, но главное было ясно: пластмасса с введенной в ее состав цианидной группой сделала свое дело. Мутант-59, бацилла Эйнсли, был приговорен к гибели.

Лейтенант, устремив на Джеррарда суровый взгляд, неожиданно улыбнулся:

— Для начала неплохо...

Хозяин магазина приплясывал вокруг, изображая безмерную благодарность.

— О, как быстро и как чудесно, как ужасно остроумно, что же это вы применяете? Вы все должны, право, должны подняться ко мне и выпить...

Солдаты начали складывать свою амуницию. Лейтенант повернулся, чтобы уйти, но не удержался и бросил через плечо хозяину:

— Обойдемся без твоих ласк, милашка...

За несколько недель фирма «Политад» поставила производство аминостирена с введенными в него циан-группами на поток. По мере выпуска вереница грузовиков доставляла новое вещество к границам оцепленной зоны.

Затем за дело брались воинские команды с распылителями и, прослышав про очередную вспышку инфекции, заливали заболевшую пластмассу бурым вязким настоем отравленного аминостирена. Постепенно число таких вспышек уменьшилось; бактерии Эйнсли прекращали борьбу за свое господство, и обескровленное сердце Лондона вновь возродилось к жизни.

В течение всех этих дней Джеррард был занят почти непрерывно. К собственному удивлению, он обнаружил, что такая спешная, неослабная работа ему очень по вкусу. Бой врукопашную с уже известным врагом нравился ему куда больше, чем длительные и зачастую безрезультатные лабораторные поиски оригинальных идей.

Неоднократно он предпринимал попытки связаться с Анной, но каждый раз выяснялось, что либо она только что вышла, либо передавала ему неубедительную просьбу перезвонить в такое-то время туда-то. А когда он выполнял эту просьбу, Анны там, разумеется, не оказывалось. В конце концов он все-таки ухитрился поймать ее, но она была подчеркнута холодна и нарочито ограничила разговор темами, связанными с мутантом.

Как только обстановка в центре Лондона улучшилась, Джеррард решил, что его миссия здесь окончена.

Он уехал в Истборн и, погуляв там по меловым холмам и побережью, постепенно расслабился. На это ушло три дня. На третий вечер он сидел апатично в холле отеля, размышляя, не пора ли возвратиться в Лондон. Но агентство Креймера по-прежнему не давало о себе знать. Очевидно, он был в немилости.

Подошел официант и сообщил, что Джеррарда просят к телефону. С первых же слов не без удовольствия он узнал сочный южношотландский говор Бьюкена. Агентство, сказал ему Бьюкен, в опасности. Нависла угроза банкротства, предъявлено несколько серьезных исков, предстоит неизбежная и длительная юридическая война. Анна Креймер, ставшая теперь главным акционером, вернулась к делам и призывает их продолжить работу.

— Только без меня, — ответил канадец. — Я выступаю в амплуа подлого предателя. Уж меня-то не возмут ни за какие деньги. Да я и сам, признаться, не уверен, хочу ли я, чтобы меня взяли.

На другом конце провода долго молчали.

— Вот уж не думал, что вы станете упиваться жалостью к себе,— сказал Бьюкен после паузы.— Но если это искренне, тогда я умываю руки.

Джеррард почувствовал себя уязвленным и принялся яростно защищаться, критикуя принятый Креймером курс. Он громил и громил перестройку агентства с бывшей ответственности за свои начинания на чистую погоню за прибылями. Проповедь получилась длинной и, пожалуй, слишком наставительной; Бьюкен на другом конце провода хладнокровно разрешил ей развиваться сколько влезет, пока Джеррард не остановился, чтобы перевести дух. Тогда шотландец спросил:

— Ну что, высказались?

— Да, черт возьми! И делайте с этим что хотите!..

— Если бы вы позволили мне вставить хоть словечко, я давно сообщил бы вам, что многое из сказанного вами отнюдь не лишено смысла. Только, наверное, я не стал бы выражаться столь эмоционально...

Теперь молчание воцарилось на другом конце провода — на том, где был Джеррард.

— Ничего не понимаю. Вы со мной согласны?

— Некоторым образом,— заявил Бьюкен.— Потому-то я и хотел бы, чтобы вы все-таки приехали на совещание.

— Какое еще совещание? Вы ничего не говорили ни о каком совещании.

— Неужели? Ну что ж. Совещание назначено на завтра, именно поэтому, я, собственно, и звоню. Меня просили вам позвонить.

— Они что, в самом деле просили меня приехать?

— Ну, не сказал бы, что с большим энтузиазмом — ковровых дорожек перед вами не расстелят, но вы, между прочим, штатный сотрудник агентства,— ответил Бьюкен.

— До поры до времени.

— Поживем — увидим. В общем, приезжайте. Отель «Ройял Йоркшир», зал Коннот, завтра в два сорок пять. Рад буду с вами встретиться...

И прежде чем Джеррард нашелся, что ответить, Бьюкен повесил трубку.

Тогда канадец отправился в ресторан и, словно возмещая себе за все заботы и сомнения, методично уничтожил одно за другим несколько самых дорогих блюд, какие нашлись в меню. Затем, дымя огромной сигарой, он еще посидел в одиночестве над великолепным коньяком.

Раздумья его касались тех, с кем он прежде работал. Райт и Скэнлон почти наверняка объединятся, чтобы выкинуть его вон. Они не так-то легко забудут, что именно Джеррард первым выдвинул обвинение против дегрона, что именно он объявил дегрон принципиальной предпосылкой лондонской катастрофы. Интересно, каким путем пойдет агентство дальше. Когда он поступал сюда, то рассчитывал, что под руководством Креймера они станут утверждать идею возрастающей ответственности науки перед обществом. Многие их замыслы были тогда четко направлены на охрану окружающей среды, исходили из интересов грядущих поколений. Был, например, заключен контракт с одной из текстильных фирм на севере Англии на разработку более совершенной системы фильтров, которые освободили бы сточные воды от примеси ядовитых красителей.

Однако в дальнейшем Креймер направил всю свою энергию на упрочение финансового положения агентства и получение прибылей, и все общественно значимые начинания оказались заброшенными. Воля Креймера, и только она, сосредоточила усилия всех сотрудников на выполнении относительно несложных заказов, обещающих скорые и высокие барыши.

Он вернулся в номер и лег, но, несмотря на все выпитое, мысли продолжали обгонять друг друга. Какой у него, собственно, выбор? Перейти в министерство? Сделать это нетрудно, было бы желание. Но что потом — давать второсортные советы третьестепенным политикам, помирать со скуки ради того, чтобы снабжать дополнительным капиталом людей, в представлении которых интеллектуальная честность нужна лишь для возведения более правдоподобной лжи? Пожертвовать наукой во имя лицемерия?

Назад в Канаду? Ну нет, только не это. Он припомнил факультетский клуб с его тщательно отмеренным радушием и пустотой. Интеллигентные улыбки и иссушенные лица. И пять месяцев зимы — невыносимая перспектива.

Заботы и сомнения множились с каждой минутой, и в конце концов он понял, что все его раздумья приводят лишь к одному — к сердцебиению. Напоследок он начал даже, посмеиваясь над собой, беспокоиться о том, найдется ли у него на завтра чистая рубашка.

Как только он заснул, ему вновь привиделось лицо Анны. Одна половина его существа страстно желала бы, чтобы она была сейчас рядом, другая отвергала ее за расщепленность и подчеркнутую холодность.

На следующее утро он выехал в город спозаранку. Зашел домой, побрился, принял ванну, переоделся, но о еде не хотелось и думать, и он сразу же спустился обратно к машине и направился в отель, где было назначено совещание.

В пути он пытался представить себе, к чему оно приведет. Зачем в отеле, почему не в лаборатории? Уверенности в себе он уже не ощущал. Бьюкен — странный, непростой человек. Может, он играет свою игру? Хочет подбить Джеррарда на выступление и тем самым уязвить Райта?

А если он промолчит, что тогда? Он дорого бы дал, чтобы по-прежнему работать в агентстве. По крайней мере ради того, чтобы встречаться с Анной. Но был ли у него хоть единственный шанс наладить отношения с Райтом? В душе опять вскипел гнев. Он будет выступать, будет, и наплевать на последствия!

Как только он добрался до отеля, настроение его вновь круто переменилось. Он ожидал, что совещание задумано конфиденциальным, что они рассядутся по креслам в каком-нибудь уютном холле. А оказалось, что заказан небольшой конференц-зал. В правлении агентства, вероятно, насчитывалось больше членов, чем он предполагал.

К своему неудовольствию, он обнаружил, что приехал слишком рано: начало совещания перенесли на три часа. Пришлось слоняться вокруг стола, пока не соберутся остальные. Бетти придала столу официальный вид, поставив стаканы с водой и разложив блокноты и карандаши.

Но вот один за другим появились все, кроме Анны. Она позвонила, сообщила, что задерживается, и просила начинать без нее.

В отсутствие Анны председательское место занял Райт. По правую руку от него расположился финансовый опекун агентства сэр Гарви Филлипс. Налево от председательского было собственное место Райта, сейчас пустовавшее, затем сидели Скэнлон и главный бухгалтер агентства Саймон Макс, темноволосый, моложавый человек; Джеррард поневоле обратил внимание на его жесткие глаза.

Бьюкен сидел рядом с Филлипсом, потом было место Джеррарда. В дальнем конце стола пристроился юрисконсульт, — кажется, он являлся также и пайщиком агентства, — Алистер Макдональд. Это был худой и хитрый шотландец с севера, отличавшийся нарочитой учтивостью. Попутно Макдональд представлял еще и коммерческий банк, субсидировавший агентство в начале его деятельности.

Совещание открылось формальной речью, в которой Райт выразил сожаление по случаю безвременной смерти Креймера. Едва он кончил, за его спиной отворилась дверь, и вошла Анна. Все встали.

Джеррард следил за выражением ее лица, но она обвела взглядом всех, кто сидел вокруг стола, и оно осталось бесстрастным. Единственное, что она сделала, — коротко кивнула Райту в знак благодарности и села на его место, оставив химика председательствовать.

Она все так же смущала Джеррарда. Он приехал сюда разъяренным, горя желанием выступить, а сейчас, в ее присутствии, почувствовал, что вряд ли сумеет произнести хотя бы слово, не заикаясь.

Совещание шло своим чередом: Анне Креймер были выражены соболезнования, настало время для обзора и анализа событий последних месяцев. Был момент, когда Джеррард мог взять слово. Бьюкен даже слегка подтолкнул его локтем, но канадец притворился, что не заметил этого. Благоприятный момент миновал, и старший коллега Джеррарда откинулся в кресле недовольно и разочарованно. Совещание перешло к другим вопросам. Макдональд, юрисконсульт, поделился некоторыми соображениями насчет того, как им выпутаться из затруднительного положения, связанного с тем, что продукция агентства оказалась причастной к трагедии.

После Макдональда заговорил Макс — он сделал скучный, но вполне квалифицированный доклад о финансовом положении агентства, который не оставлял сомнений в том, что оно выживет.

Настала очередь Райта. Джеррард слушал его скептически. Ни слова раскаяния, ни тени упрека в свой адрес, — а ведь Райт, пусть косвенно, оказался виновником гибели тысяч людей! Он словно и не отдавал себе отчета в том, насколько близка была всеобщая катастрофа.

Излагая свою версию событий, Райт представлял дело так, будто самым ужасным их последствием стали задержка в работе агентства и недоверие к его продукции. Потом канадец понял, что Райт кружным путем подбирается к нему, Джеррарду. Им-де пришлось столкнуться с действиями, которые ставят под угрозу самое их будущее.

Неожиданно для себя Джеррард обнаружил, что стоит на ногах, и осмотрелся. Анна, очевидно, не заметила его порыва — она сосредоточенно глядела в блокнот, выводя там какие-то каракули. Бьюкен со скупающей миной

изучал свою трубку. Скэнлон ухмылялся просто от того, что шотландцу не по себе.

В сердце Джеррарда вновь поднялся гнев, но теперь холодный и суровый. И он внятно произнес:

— Прошу слова.

— Но, кажется, я еще не кончил.— Райт смерил его ледяным взглядом.

— Вы сказали более чем достаточно.

Райт вспыхнул:

— Наше совещание придерживается...

— Какое совещание, побойтесь бога! Нас здесь всего-навсего восемь человек, и собрались мы в связи со смертью основателя агентства и в связи с тем, что чуть не погиб целый город. Теперь буду говорить я.

Райт попытался сказать еще что-то, но Анна положила ему на руку свою ладонь.

— Пусть говорит.

Райт колебался еще мгновение, потом капитулировал:

— Прошу вас, доктор Джеррард.

Канадец прочистил горло, обвел взглядом аудиторию.

— Ну что ж, я тут человек новый, и не похоже, что задержусь здесь надолго, поэтому я начну прямо с заявления, что такого собрания самодовольных и своекорыстных лицемеров я не видел никогда во всей своей жизни. Я не собираюсь подробно разбирать ни тошнотворную цепочку полуправд, с которыми здесь выступил доктор Райт, ни его поведение за последнее время в целом, поведение, несовместимое, на мой взгляд, с лежащей на нас ответственностью...

Райт, побледнев, вскочил:

— Я протестую...

— Будьте любезны выслушать меня,— перебил Джеррард.— Я ждал от вас хоть одного слова сожаления или раскаяния. Хоть одного слова, которое свидетельствовало бы, что эта история не прошла для вас даром. Что вы хотя бы частично признаете себя ответственным перед обществом за свои действия.

Когда Креймер задумывал свое предприятие, перспективы казались большими и вдохновляющими. У него были плодотворные идеи, и он был заинтересован в их воплощении. Его заботили подчас печальные последствия технического прогресса.

Назовите меня романтиком, согласен, но когда я впервые встретился с Креймером, он передал мне свое понима-

ние роли науки. Он показал мне, что можно и нужно направить усилия ученых на пользу людям. И вырвать нас всех из отравленной клоаки, в которую превратился мир. Затем его позиция, как вам известно, изменилась. Его — но не моя.

Мы можем объединить в своем агентстве ученых множества различных специальностей и знаний. Используя эти знания, творчески осмысливая их, мы могли бы уже сейчас вести исследования и разрабатывать конструкции, действительно необходимые людям. Не только получать прибыль — сейчас мы, очевидно, почти разорены, — а направить все свои способности на пользу обществу.

Никто никогда не вычислит в точности, какова наша доля ответственности за происшедшее. Мы создали дегрон, мы придумали бутылку. Не в наших силах было предвидеть, какие именно бактерии расплодятся на этой основе, но наша продукция — плод нашей мысли, нашей изобретательности — сыграла в их развитии существенную роль. Ни один из нас не заботился ни о чем, кроме технического остроумия своих предложений. Мы преуспели — Лондон едва не погиб. И этого, безусловно, более чем достаточно, чтобы впредь решительно изменить направление нашей деятельности. В следующий раз погибнуть может весь мир. Если агентство уцелеет — на что я очень надеюсь, — оно обязано незамедлительно и твердо решить, что ему делать и зачем. Разумеется, мы акционерное предприятие, и каждый хочет иметь доходы на вложенный капитал. Но и при этих условиях мы можем и должны найти пути, чтобы наша работа строилась творчески и в интересах общества. — Он запнулся на мгновение и закончил: — Вот... вот, пожалуй, и все, что я хотел сказать...

Он сел на место. Воцарилась мертвая тишина. Джеррард вновь обвел взглядом всех сидевших за столом. Единственным, кто встретился с ним глазами, оказался Бьюкен, но в насмешливом взоре шотландца никто не смог бы прочитать ничего — ни одобрения речи Джеррарда, ни упрека за излишнюю пылкость.

Анна, что называется, опустила очи долу. Райт, как и Джеррард, внимательно всматривался в лица присутствующих, и было очевидно, что изучение этих лиц принесло ему облегчение и удовлетворение. По всем внешним признакам, выступление Джеррарда достигло той самой цели, к которой вел дело сам Райт, — восстановило против канадца всех участников совещания.

— Благодарю вас, доктор Джеррард,— сказал химик, привстав.— Уверен, что выражу общее мнение: мы весьма заинтригованы вашими идеями и предложениями. Испытывает кто-либо желание прокомментировать... гм... проповедь доктора Джеррарда?

Джеррард смотрел на противника не мигая. Если когда-нибудь он ненавидел кого-то лютой ненавистью, то это был именно Райт.

— Я полагал, что ответить мне должны вы,— сказал канадец.— Метил я в вас.

— Что-что, а это я понял,— криво усмехнулся Райт.— Быть может, в один прекрасный день мы проведем на этот счет дискуссию, скажем, на Тауэр-хилл или в Гайд-парке. Но сейчас, прошу меня извинить, мы вернемся к повестке дня данного совещания.

Никто не возразил ему. Скэнлон ухмылялся, Бьюкен набивал свою трубочку. Юрисконсульт Макдональд разглядывал потолок. Анна писала что-то у себя в блокноте.

— Благодарю вас,— повторил Райт.— Теперь переходим к неотложному вопросу о выборах нового председателя правления агентства. Прошу называть кандидатуры.

Наступила пауза, затем слово взял Скэнлон.

— Я вижу единственного достойного кандидата — старшего из сотрудников агентства, который внес в нашу работу наиболее крупный вклад. Вас, доктор Райт.

Сэр Гарви кивнул с достоинством:

— Я поддерживаю эту кандидатуру.

— Благодарю вас, джентльмены. Есть другие предложения?

Райт был польщен, но старался не показать этого. Бьюкен положил свою трубку на стол.

— Да, есть. Я выдвигаю кандидатуру доктора Джеррарда.

— Доктора Джеррарда? — На лице Райта читалось совершенное изумление.— Прикажете понимать нас всерьез?

— Я никогда еще не был так серьезен. То, что он сказал здесь сегодня, в высшей степени справедливо. Я лично очень хотел бы, чтобы агентство пошло именно таким путем. Выдвигаю доктора Джеррарда.

Райт вспыхнул от ярости:

— Извините, но я не могу принять эту кандидатуру и расцениваю ваше предложение как поразительное легкомыслие. Доктор Джеррард работает у нас без году неделя.

Он абсолютно не осведомлен ни о становлении, ни о структуре агентства, ни об объеме его работы. И если откровенно, то эмоциональный взрыв, свидетелями которого мы были сегодня, на мой взгляд, полностью исключает возможность дальнейшего его сотрудничества в агентстве, не говоря уже о полномочиях директора...

Бьюкен глубоко затаился и сказал:

— Вы ведете себя так, словно вас уже поставили во главе всего предприятия. Да у вас, если угодно, нет даже права председательствовать, пока обсуждается ваше назначение...

Райт вопросительно взглянул на Анну, и та откликнулась:

— Вероятно, будет действительно лучше, если я займу теперь председательское место, доктор Райт.

Они поменялись местами. Анна посмотрела на юрисконсульта, сидящего в дальнем конце стола.

— Просим вашего совета, мистер Макдональд. Играет ли в данном случае какую-то роль время пребывания доктора Джеррарда в штате агентства?

Макдональд решительно покачал головой.

— С моей точки зрения, ни малейшей.

— Тогда продолжим обсуждение. — Райт порывался что-то сказать, но Скэнлон удержал его. — Кто еще выступает за кандидатуру доктора Джеррарда?

Анна обвела взглядом одного за другим всех присутствующих. Наконец Макдональд решился:

— Да, я тоже хотел бы выступить за эту кандидатуру.

Райт недоуменно уставился на него, но юрисконсульт уже уткнулся в свои бумаги.

— Кто еще? — спросила Анна. Ответом ей было долгое молчание. — Хорошо, приступим к голосованию. Думаю, вполне достаточно будет поднятия рук. Кто за назначение доктора Райта?

Руки подняли Скэнлон и сэр Гарви.

— Двое. Кто за кандидатуру доктора Джеррарда?

Бьюкен и Макдональд.

Джеррард никак не мог привести мысли в порядок, не мог понять причин внезапного поворота фортуны. Что все это значит, какими мотивами руководствовались эти двое? Анна обратилась к главному бухгалтеру:

— А вы, мистер Макс?

— Я присутствую здесь в качестве консультанта, у меня нет права голоса.

Макс явно радовался тому, что ему не надо ввязываться в сложную ситуацию. Остальные замерли в напряжении.

— Два голоса за каждого из кандидатов, — сказала Анна. — Выходит, я должна использовать свой решающий голос.

Райт посмотрел на нее с благодарностью. Он был не слишком прозорливым человеком и полагал, что совещание утвердит его назначение автоматически; неожиданное сопротивление выбило его из колеи.

Анна не спеша сняла темные очки и сложила их. «Черт бы тебя взял, — подумал Джеррард, — смакуешь свой крошечный триумф? Ну, и подавись им!..»

— После всего, что мы сегодня слышали, — сказала Анна, — я полагаю, что должна поддержать кандидатуру доктора Джеррарда.

В наступившей тишине Райт чуть заметно покрутил головой, словно не веря своим ушам. Джеррард сидел совершенно ошеломленный. Наконец химик обрел дар речи и поднялся на ноги.

— Не могу поверить... Не понимаю...

Анна не выдержала его изумленного взгляда и отвернулась. Все самообладание Райта исчезло бесследно, он едва не плакал.

— Но почему? Почему?.. — повторял он.

— Потому что мои представления о дальнейшей судьбе агентства в корне отличаются от ваших, — произнесла она.

— Но как это может быть? Я просто не понимаю! — выкрикивал Райт.

— Мой покойный муж правил агентством как самодержец. Его это устраивало. Он был... он был Арнольд Креймер. Он основал агентство. Но в результате мы понесли серьезный урон, и, по-моему, доктор Джеррард очень хорошо обрисовал стоящую перед нами проблему. Мы попросту не делаем того, что намеревались делать. И наши идеалы...

— Идеалы?

— Да, идеалы. Некогда они у нас были.

— Я не могу согласиться с вами. Тем более я не могу работать с этим... — Райт ткнул трясущимся пальцем в сторону Джеррарда, — с этим человеком. Предупреждаю вас, миссис Креймер, вы вынуждаете меня подать в отставку, и да будет вам известно — патенты на аминостирен и дегрон уйдут вместе со мной!..

Теперь Анна взглянула ему прямо в глаза.

— Ну и что? — спокойно спросила она.

Райт запнулся.

— Вы готовы к тому, что я заберу их?

— Я хочу, чтобы вы их забрали. Они повинны в смерти моего мужа, они едва не убили доктора Джеррарда и меня, они не принесли нам ничего, кроме позора. Я хотела бы расторгнуть все старые обязательства и начать все сначала.

— Хорошо сказано!

Бьюкен в свою очередь уставился на Райта с вызовом.

— Но на эти патенты приходится львиная доля всех финансовых поступлений, — ввернул Скэнлон, озабоченно подавшись вперед.

— Не совсем так, — отозвался Бьюкен. — И к тому же, Райт, дегрон запатентован на имя агентства, а отнюдь не на ваше...

Райт резко оттолкнул кресло.

— Интересно узнать, что скажет обо всем этом сэр Гарви?

Финансист пожал плечами.

— У миссис Креймер — контрольный пакет акций, значит, ей и решать. Моя основная забота в данном случае — чтобы мне гарантировали прежние проценты на капитал...

— В таком случае мне придется уйти. — Райт встал и бросил взгляд на Скэнлона. Однако тот увернулся от этого взгляда — он смотрел исключительно на сэра Гарви. — Если в дальнейшем у вас возникнут ко мне вопросы, вам придется обратиться к моему адвокату.

Райт медленно повернулся, собрав все свое достоинство, выпрямив спину и высоко подняв голову, и вышел из конференц-зала. В эту секунду Джеррарду было почти жаль его. Невзирая на горделивую позу или, может, именно благодаря ей химик внезапно состарился прямо на глазах. Конченный человек.

— Доктор Джеррард, — произнесла Анна, — вас избрали на пост председателя правления. Принимаете ли вы этот пост?

Возникла пауза, и Джеррард вдруг ощутил себя в центре внимания.

— Ну что ж... Пожалуй, да...

Это прозвучало совсем неубедительно, даже для него самого, и он заметил, что по лицу Анны скользнула тень разочарования. Только тут до него, наконец, дошло, что он теперь новый босс, преемник Креймера. Что от него ждут

указаний. Уход Райта явился для всех потрясением. Он обязан приободрить их, дать им определенную линию, которой они могли бы придерживаться. Анна поднялась с кресла.

— Теперь, когда у нас есть новый председатель, я чувствую себя здесь не совсем на месте. Пожалуйста, продолжайте совещание, доктор Джеррард.

Канадец кивнул и, постаравшись изобразить на лице уверенность, которой отнюдь не испытывал, сел во главе стола. Огляделся.

— Миссис Креймер, джентльмены, нам с вами выпало сегодня участвовать в драматических событиях. Я не вижу особого смысла продолжать совещание с места в карьер и предлагаю отложить нашу встречу до следующего месяца. — Он сверился с календариком на наручных часах. — Могу назначить точную дату, двадцатое. К этому времени я постараюсь разработать и предложить вашему вниманию план дальнейшей деятельности агентства. А теперь, если у вас нет других срочных вопросов, — он еще раз взглянул на часы, — позволю себе закрыть заседание. На том и закончим.

Как только совещание закрылось, Скэнлон и сэр Гарви удалились, взволнованно переговариваясь. «С ними я еще хлебну горя», — подумал Джеррард. Подошел Бьюкен, поздравил с избранием.

— Но всякую самостоятельную работу придется свернуть, это вы понимаете?

— Мне, признаться, жаль Райта.

Бьюкен посмотрел на него с насмешкой.

— А мне нет. Небольшое хирургическое вмешательство подчас бывает весьма полезно. — И добавил, глядя вслед Скэнлону, который в дверях почтительно пропустил сэра Гарви вперед: — Я, в сущности, не уверен, что нож уже отсекал все, что необходимо. Впрочем, — улыбнулся он, — вспомните евангелие от Матфея: «Довольно для каждого дня своей заботы». Я намерен разрешить себе скромный торжественный ужин в «Принце Уэльском». Не желаете присоединиться?

Джеррард украдкой взглянул на Анну — она стояла по другую сторону стола и беседовала с Максом и Макдональдом.

— Спасибо, нет.

Бьюкен перехватил его взгляд.

— А, понимаю. Ну что ж, желаю удачи. Сдается мне, что удача вам отнюдь не помешает...

Шотландец ретировался. К Джеррарду подошел Макс, а затем и Макдональд; оба поздравили его и заверили в своей поддержке. Бетти, собрав со стола бумаги, тоже подошла:

— Я могу быть свободна, сэр?

Не без некоторого внутреннего ликования он отметил, что тон у нее явно переменился.

— Разумеется. До понедельника.

Ушла и Бетти, и он наконец остался с Анной наедине. Он принял решение. Он столько выиграл за какие-то несколько часов! Хороший игрок обязательно воспользовался бы тем, что счастье улыбнулось ему.

— Анна!..

Она повернулась, оторвавшись от кредитных и завещательных документов, которые передал ей Макдональд.

— Да?..

Она все еще была по другую сторону стола. Он перенулся через стол.

— Я очень вам благодарен. Больше, чем могу выразить...

Она холодно подняла на него глаза.

— Не за что. Я защищаю собственные интересы. Из вас двоих я выбрала того, кто лучше справится с работой. Только и всего.

— Я не уверен, что справлюсь с ней самостоятельно.

— Зато я уверена, что вам помогут. Приспособятся к новому положению вещей и помогут.

— Я вовсе не это имел в виду.— Он обошел стол и приблизился к ней.— Я прошу именно вашей помощи.

— Конечно, я сделаю все, что смогу.

И она опять отвернулась, став спиной к столу.

— Вы знаете, о чем я прошу.— Она замерла. Теперь он был с ней рядом. Она молчала.— Работы до черта. Слишком много для меня одного. Я не справлюсь без вас. Вы нужны мне как полноправный партнер.

— Партнер? А мне-то казалось, что я и так...

Он схватил ее за руки и повернул к себе лицом.

— Не водите меня за нос. Быть может, сегодня еще слишком рано. Но я хочу вас. Я просто не смогу работать, если вас не будет со мной.

Ответом было молчание. Она по-прежнему смотрела в сторону.

— Пожалуйста, выслушайте меня до конца. Я хочу работать здесь, очень хочу! Но вы для меня неизмеримо важнее. Если на это нет никаких шансов, тогда не помните лихом. Тогда я здесь не останусь.

Она по-прежнему не отвечала. Он медленно выпустил ее руки из своих и пошел прочь. Он уже открывал дверь, когда она окликнула:

— Люк!.. — Он обернулся. — Дайте мне время...

Он присмотрелся к ней издали.

— Сколько вам только понадобится. А пока что, — он взглянул на часы, — ровно пять минут. Я повезу вас поужинать...

Она вплотную подошла к нему и подняла лицо. Поцелуй был долгим и нежным. Джеррарду стоило немалых усилий удержать свой голос от предательской дрожи:

— А теперь пойдем, хорошо?..

Когда они вышли из жарко натопленного вестибюля на зимнюю улицу, уже совсем стемнело. Небо было морозное, ясное, в ярких звездах. И оба они, не сговариваясь, посмотрели вверх, в эту словно ледком подернутую высь.

В небе был отчетливо виден Марс, бледно-красная точка света. Ни Джеррард, ни Анна никогда и не слышали о равнине Конрада.

Равнина эта лежит в трехстах километрах к северу от марсианского экватора. Ее знали до сих пор по фотоснимкам, переданным с пролетевшего вблизи планеты космического аппарата, и именно ее, лишенную заметного рельефа, выбрали как идеальное место для мягкой посадки первого автомата-разведчика.

Двадцатичетырехчасовой марсианский день близился к концу. Маленький кровавый солнечный диск прятался за крутые холмы у кратера на горизонте, и фиолетовые тени бежали по песку и скалам будто исполинские пальцы.

Единственным звуком здесь было слабое посвистывание студеного ветерка, там и сям вздымающего кратковременные песчаные смерчи. Холмы венчали сероватые шапки инея, а в глубине расщелин у основания кратера виднелись лоскутки лишайников со странными очертаниями.

По темно-лиловой чаше неба плыли редкие тонкие облачка, и ничто более не нарушало мертвого покоя ландшафта. Ландшафта, который оставался неизменным год за годом, столетие за столетием.

Ничьи глаза не замечали игры красок, ничьи уши не прислушивались к ветерку, ничьи руки не посягали на высоту скал. Одни лишайники цеплялись за жизнь во влажных расщелинах.

И некому было различить слабый грохот, пришедший из глубин неба. Затем лучи заходящего солнца осветили крохотную искорку, летящую среди звезд.

Мало-помалу отдаленный грохот превратился в надсадный рев ракетного двигателя — на поверхность планеты, опираясь на хвост буйного пламени, спускался «Аргонавт-1».

Он приближался — ввысь кипящей тучей взметнулся невесомый песок, над равниной закрутились обломки скал, поднятые со своих мест выхлопами ракеты. И вот неуклюжий паукообразный силуэт оперся на свои гидравлические ноги. Спружинив от удара, они неторопливо выпрямились. Двигатель смолк. Тучу пыли постепенно развеяло ветром.

Раскаленное сопло, потрескивая, быстро остыло в разреженной атмосфере.

Где-то в верхней части насекомоподобного корпуса взвыл сервомотор, раскрылся маленький люк, из него выснулась и, щелкнув, развернула свою паутину сложная радиоантенна.

Автоматически включились электронные цепи, оживляя лабиринт хитроумных приборов на борту. Созданное человеком существо приступило к работе. В основании корпуса приоткрылась дверца, оттуда вылезла членистая рука с лопаткой, зачерпнула мягкий марсианский песок и утащила свою добычу внутрь. Измерительные устройства установили температуру, скорость ветра, уровень радиации, содержание кислорода в воздухе.

Мощные передатчики, получив результаты измерений, превратили их в радиоимпульсы и метнули туда, где торжествовали победу, — на Землю, в командный центр на мысе Кеннеди.

В течение всей морозной марсианской ночи «Аргонавт-1» настойчиво добавлял все новые и новые радиострихи к картине древней планеты. И по мере того как он выполнял свою задачу, свитые в плотный клубок провода и схемы неизбежно разогревались.

Тепло постепенно добралось и до ячейки М-13.

Наутро, через два часа после восхода солнца, «Аргонавт-1» внезапно прекратил свое существование. В клетках его глянцевого тела начала размягчаться пластмасса.

ХИЩНЫЕ ТРИФФИДЫ ПОДСТЕРЕГАЮТ НАС ЗА ОГРАДОЙ

Два романа, объединенные в этом томе, отстоят друг от друга всего на два десятилетия — «День триффидов» одного из крупнейших фантастов Англии Джона Уиндема увидел свет в 1951 году, а «Мутант-59», написанный врачом Китом Педлером и журналистом Джерри Дэвисом, — в 1972-м, но принадлежат они к разным эпохам не только в английской, но и в мировой фантастике.

«Триффиды» уходят корнями в старую, уэллсовскую почву, которая многое позаимствовала у человеческой классики XIX столетия; от нее идет добротная проработка обстоятельств места и времени, «ненужные» пейзажи, неторопливый, отнюдь не телеграфный диалог и — самое главное — психологически достоверные характеристики персонажей. В книгах старых мастеров фантастическая посылка по большей части служила лишь предлогом, поводом, дающим автору возможность высказать свои воззрения на окружающий мир. Не ради демонстрации фантастических мод, в данном случае экзотических трехногих растений, писался этот роман. Тем более не о зеленом кометном фейерверке, ослепившем всех, кто имел глупость на него полюбоваться.

И метеоритный ливень и охотящиеся на людей триффиды понадобились автору для того, чтобы показать, как под ударами стихий рухнула, рассыпалась казавшаяся такой устойчивой нынешняя цивилизация, по крайней мере в ее английском, между нами говоря, не самом худшем варианте.

Хотя о появлении триффидов на Земле говорится довольно кратко, рассказчик, а вернее, автор, успевает сообщить о них немало существенного. Эти безжалостные убийцы свалились на головы людям вовсе не из каких-нибудь космических бездн, они скорее всего возникли «в результате серии биологических экспериментов и, по всей вероятности, совершенно случайно». Заметим: точь-в-точь так и разрушительный штамм микроорганизмов, с которым мы столкнемся во втором романе. Это первый удар Дж. Уиндема по современной цивилизации, которая азартно копает ямы на своем собственном пути, не отдавая

себе отчета в том, что творит. Но писатель идет дальше — триффиды создавались вовсе не ради вкусного масла, оно всего лишь побочный результат опытов по созданию еще одного образца биологического оружия. А затем, как это часто бывает не только в фантастических романах, — трагическая случайность, гибель самолета, облачко мельчайших семян вырывается на волю, и триффиды начинают незапланированное наступление на сушу...

В настоящей фантастике исходная гипотеза никогда не бывает самоцелью, она задумывается как модель, которая при самой отчаянной невероятности собирается из деталей реальной жизни. Так произошло и в романе Уиндема. Триффиды — это символ смертельной опасности, подстерегающей людей за ближайшим поворотом. В таком контексте «дни триффидов» начинают читаться как «дни гнева», «судные дни»...

О том, что триффиды опасны, люди прекрасно знали и до катастрофы, умные ученые вроде Уолтерса забеспокоились с самого начала, но их не желали слушать. По сравнению с выгодой, которую приносила эта странная сельскохозяйственная культура, ее ядовитые жала представлялись чем-то малосущественным, люди были высокомерно уверены, что уж контроль-то над какими-то лопухами они всегда сумеют сохранить. И когда триффиды в буквальном смысле слова сорвались с цепи, люди расплатились дорогой ценой за собственную близорукость. Но разве не в том же направлении с упорством, достойным лучшего применения, движется подчас современное человечество? Ладно еще — если бы мы не знали, не подозревали об опасностях, которые могут проявиться в любой момент, а то ведь во многих случаях знаем, отлично знаем, но продолжаем гнаться за сиюминутной выгодой.

Дж. Уиндем четко следует заветам своего великого учителя Г. Д. Уэллса, который говорил так: «Всякий может выдумать людей наизнанку, или антигравитацию, или миры, напоминающие гантели. Эти выдумки могут быть интересны только тогда, когда их сопоставляют с повседневным опытом и изгоняют из рассказа все прочие чудеса... Когда писателю-фантасту удастся магическое начало, у него остается одна забота: все остальное должно быть человеческим и реальным». «Все остальное» в романе Уиндема развивается не по фантастическим, а по реалистическим законам, по законам человеческой психологии и логики. Это только кажется, что писатель, особенно автор фантастических произведений, волен строить сюжет как Бог на душу положит.

В действительности же наперед заданные условия сами начинают тащить автора за руку. Порядочный человек, очутившийся в центре Лондона, заполненного обезумевшей ослепшей толпой, может вести себя только так, а не иначе. Можно заранее предсказать, как в тех

же условиях поведет себя непорядочный человек. Слепой среди слепых. Впавшая в панику толпа. Официальные власти... Стоп!

А вот официальных властей в романе нет. Вовсе нет. Даже если предположить, что премьер-министры, просто министры, парламентарии, генералы, высшие полицейские чины поголовно ослепли, все равно они должны же были как-то попытаться овладеть ситуацией, мобилизовать зрячих, обратиться к населению с манифестом... Но ничего такого не происходит, люди брошены на произвол судьбы, а следовательно, в их среде начинают выявляться неформальные, как бы мы сейчас сказали, лидеры. Разумеется, самого разного толка — от таких, как профсоюзный деятель Коукер, искренне пытающийся помочь населению, до фашиствующих молодчиков типа Торренса, признающих единственный аргумент — пистолет или палку. Любопытно, что о правительстве никто в сущности и не вспоминает, иные, правда, надеются на американцев; к этим надеждам рассказчик (и опять же автор) относится с нескрываемой иронией.

Невозможно считать это случайным упущением. Попробуем найти ему объяснение. Рухнувший мир, о котором ностальгически, но не слишком часто вспоминает Билл Мэйсен, несмотря на внешнее благополучие, был порочен и греховен, он выращивал внутри себя семена собственной гибели. Пространство над Землей бороздили спутники, начиненные всевозможными смертями — ядерной, химической, бактериологической, радиоактивной... Да и триффиды, вспомним, тоже достались в подарок от него. Так что, может, и следует согласиться со словами одного из ораторов, заявившего, что уж лучше случившаяся катастрофа, нежели всеобщая атомная война. И тогда зеленые огни уже не выглядят непредсказуемой случайностью, а начинают восприниматься как некое предзнаменование, предупреждение о том, что общество необходимо переделать в корне.

Может быть, в этом умолчании сказалось и внутреннее неуважение автора к государственным институтам, присущее каждому утописту, даже англичанину, воспитанному сизмалства в почтении к законам. Кто из них, из утопистов, не мечтал построить общество, на руках которого не бряцали бы никакие административные цепи, и потому, как это думалось социальным проектировщикам, оно стало бы более счастливым. Как говорится, не было бы счастья, так несчастье помогло, англичане такой шанс в романе Уиндема получили.

Маленькие сельскохозяйственные коммуны, которые начали организовываться повсюду после распада многоклеточного общественного организма — ни дать ни взять воплощенная идиллия в духе Генри Торо — уединенная хижина и одинокий человек, который трудится на Земле исключительно для собственного пропитания. Ну, пусть не маленькая хижина, а большая ферма, и человек не один, а десять, двадцать, сто, разница непринципиальная. Как порой ни трудно им прихо-

дится, можно утверждать, что в общинах живут удовлетворенные люди, нашедшие здесь и личное счастье, и смысл существования. И не нужны вроде бы им никакие бюрократические или политические надстройки. Свобода. На первый взгляд кажется, что неприятности им грозят только извне. Неизвестно, правда, кто для них страшнее — триффиды или новоявленные радители «закона и порядка», возглавляемые тем же Торренсом, который замыслил создать некий Чрезвычайный комитет для Юго-Восточной Англии. Планы у него далеко идущие — не только загнать побольше подданных под ярмо, но соорудить из них же армию для «умиротворения и должного наставления племен, вернувшихся к первобытному беззаконию». Страна лежит в развалинах, а эти негодяи вновь мечтают о мировом господстве. Поистине имперские замашки никогда не умирают, а история, как видно, напрасно старается, многожды доказывая их несостоятельность.

Но от Торренса и его штурмовиков можно убежать, от триффидов оборониться с помощью оград и огнеметов. А как быть с тем, что колонии живут исключительно на проценты с предшествующей цивилизации? Что они будут делать, когда сожгут последний литр бензина и когда проржавеет последняя лопата? Бурить скважины? Плавить руду? А в состоянии ли отдельная колония создать биохимическую лабораторию для поисков антриффидного гербицида? Множество подобных вопросов задают себе участники действия, но вразумительного ответа мы не услышим. Хочешь — не хочешь, а перед подобным объединением людей обязательно возникнут такие скучные и такие нелюбимые романистами категории, как товар, торговля, поиски всеобщего эквивалента, необходимого для обмена наработанной продукции, другими словами, денег... Только в фантастических романах можно дать героям возможность жить припеваючи, не ведая о существовании законов политэкономии. Впрочем, нет, не только в романах. В жизни тоже были попытки отменить законы, так сказать, авторской волей. К несчастью, результаты этих экспериментов пришлось испытать на себе не вымышленным персонажам, а живым людям, миллионам живых людей. Последствия экономического романтизма были ужасны, в чем, если хотите, виновата и мировая фантастическая утопия, уж больно заманчивыми она рисовала солнечные города сплошь из стекла и алюминия. Она же, правда, предупреждала и об угрозе всеобщего одичания в бетонных джунглях, но на ее страницах несостоятельность и хрупкость цивилизации обнаруживались чаще всего под ударами внешних сил — это мог быть прилет агрессивных марсиан, чудовищное землетрясение, ядерная катастрофа, ослепляющий огонь... Авторы предпочитают общаться со стихиями — больше приключений, больше занимательности. А как только дело доходит до саморазвития, тут роман и заканчивается. Хотя дальше-то и должно начинаться что-то не менее интересное и, бесспорно, более важное.

В былые времена эту недоговоренность советские комментаторы западных фантастов склонны были объяснять зияющими пробелами в их мировоззрениях. По непонятным для нас причинам интеллигентные люди дружно отказывались овладевать научным подходом к окружающей действительности, не желали вникать в постулаты исторического материализма, который один только и способен дать художнику надежный телескоп для разглядывания будущего. Мы же воображали, что обладаем сверхзнанием и потому позволяли себе с интонацией превосходства исправлять в сопроводительных статьях просчеты и недоработки Брэдбери, Шекли, Азимова... И Уиндема тоже, в частности. Сейчас оснований для поучений у нас поубавилось, хотя это вовсе не означает, что западные фантасты, даже все в целом, сумели нарисовать приемлемую или хотя бы отчетливую картину будущего. Может быть, они просто поступали честнее некоторых наших пророков, основывая пафос своих произведений не на непостижимом сегодня общественном устройстве, а на общечеловеческих добродетелях, прославляя мужество, верность, любовь, обличая низость, предательство, самодовольную тупость. И оказалось, что непреходящие, вечные ценности одинаково годятся как для изображения настоящего, так и будущего, одинаково доходят до сердца как зарубежного читателя, так и советского. Нам близки и симпатичны герои этих книг — энергичные честные парни и отважные, решительные, всегда красивые девушки.

В отличие от «Дня триффидов» роман К. Педлера и Дж. Дэвиса имеет иные точки художественного отсчета — он идет не столько от литературы прошлого, сколько от прозы XX века — с ее тяготением к документальности, хроникальности, откровенной публицистичности. Сюжет строится жестче, рациональнее, лирические отступления — по боку, перед нами, в сущности, журналистский репортаж с места событий. Тут не скажешь, что придуманная эпидемия пластмассовой чумы лишь повод, фон, а роман о чем-то другом, нет, это именно повествование о технологической катастрофе и ничего больше.

В целеустремленности, напористости — сильная сторона подобной литературы. При всем уважении к «старикам» Уиндему мы, конечно, ни на секунду, даже в самом темном, самом предрасположенном к чудесам уголке нашей души не поверим в появление ходящих цветиков. Да автор к этому и не стремится.

А в чем, собственно, неправдоподобие «Мутанта-59»? Только в том, пожалуй, что рассказанные события на самом деле в Лондоне не случились. Еще не случились. Но вполне могли бы произойти. В самом деле, кто станет отрицать, что во множестве лабораторий на доннышке чашки Петри ежедневно вскипает коричневая пена все новых, все более разнообразных штаммов? Разумеется, они выращиваются «для блага людей». И саморазрушающиеся пластики уже, кажется,

запущены в производство, что тоже подается как очередная победа науки. Но, может быть, это действительно победа, ведь голодные микробы пока еще не перебрасывались с них на другие пластмассы? Только разве нечто подобное уже не происходит на нашей планете? А медленно, но неостановимо разливающаяся волна СПИДа, неизвестно откуда взявшегося? Чем, собственно, история появления и распространения этой напасти отличается от самой угрюмой фантастической антиутопии? А такие уже совершенно бесспорно выкованные самим человечеством дамокловы мечи, как парниковый эффект или озоновая дыра над Антарктидой?

Темпы этих процессов не столь стремительны, как у тех, что описаны в романе, поэтому человечество еще позволяет себе благоденствовать. Однако то, что происходит, куда страшнее размягчения пластмасс. Представим на секунду, что фантазия К. Педлера и Дж. Дэвиса сбылась. Конечно, бедствия были бы намного грандиознее описанных в романе прежде всего потому, что они не ограничились бы центральным районом Лондона. Авторам попросту не хватило пороку развернуть катастрофу до всемирных масштабов. И все же человечество бы выжило, обходилось же оно тысячи лет без пластмасс. А вот без озонового слоя, защищающего биосферу от губительного ультрафиолетового излучения, попробуй выживи...

Однако легко видеть и слабости произведений, подобных «Мутанту-59», художественные прежде всего. Через день-другой, а то и сразу после окончания чтения попытайтесь вспомнить действующих в романе лиц, их переживания, перенесенные страдания. В лучшем случае вы вспомните их функции или служебные обязанности. Бьюкен ничем не отличается от Джеррарда, Скэнлон от Райта и т. д. Разве что Креймер, в котором делячество выжгло остатки человечности, обладает какими-то зачатками характера.

В принципе, конечно, настоящая фантастика должна соединять два начала: глубокая мысль, броская фантастическая идея должны быть воплощены в совершенной художественной форме. Именно таковы ее вершины. Но не будем слишком строги к зарубежным авторам. Отечественная (хотя, конечно, не только отечественная) фантастика заваливает читателей множеством сочинений, в которых вообще нет ничего — ни мысли, ни фантазии, ни литературы. В лучшем случае идеи и сюжеты заимствованы из других книг, а воображения сочинителей хватает только на то, чтобы переименовать звезду, к которой устремляются космонавты, из Альфы Центавра в Тау Кита. На этом фоне роман, который не может не пробудить в каждом читателе острого чувства тревоги — что же такое мы, друзья, делаем, не пора ли остановиться и задуматься, — имеет право и на существование и на переиздание.

Хотелось бы, конечно, чтобы воздействие всех этих взволнованных предупреждений было более заметным.

Фантастическая литература пользуется огромной популярностью, любые тиражи расходятся мгновенно, и можно думать, что покупают ее не только для того, чтобы украсить полку красивыми обложками. Трудно представить себе, что читатели выуживают из этих книг лишь занимательные приключения и не слышат, каким истошным криком они уже давно предупреждают об опасности, грозящей всему живому на Земле и в первую очередь самим людям из-за их беспечности, недальновидности, расточительности. Книжки пишутся, книжки читаются (не одни фантастические, понятно), а их читатели продолжают разрабатывать безумные проекты вроде поворотов рек или звездных войн... Будем все же надеяться, что в крепнущем с каждым годом голосе общественного протеста фантастика, которая многими принимается исключительно за детское развлекательное чтение, займет не последнее место.

В. РЕВИЧ

СОДЕРЖАНИЕ

Дж. Уиндем. ДЕНЬ ТРИФФИДОВ. Роман	
Перевод С. Бережкова	5
К. Педлер, Дж. Дэвис. МУТАНТ-59. Роман	
Перевод О. Битова	229
В. Ревич. Хищные триффида подстерегают нас за оградой . .	456

Уиндем Дж.; Педлер К.. Девис Дж.

У 37 День триффидов. Мутант-59. Романы: Пер. с англ. С. Бережкова, О. Битова / Послесл. В. Ревича; Ил. В. Роганова.— М.: Правда, 1991.— 464 с., ил.

ISBN 5—253—00189—1

Произведения Дж. Уиндема «День триффидов», К. Педлера и Дж. Дэвиса «Мутант-59» относятся к жанру научной фантастики. Соединение в одном издании этих романов-предостережений усиливает звучание их общей темы — темы ответственности ученых перед человечеством.

У 4703000000—2275 2275 — 91
080(02) — 91

84.4 Вл

Литературно-художественное издание

УИНДЕМ Джон

ДЕНЬ ТРИФФИДОВ

ПЕДЛЕР Кит

ДЭВИС Джерри

МУТАНТ-59

Редактор Е. А. Кондратьева

Оформление художника Г. А. Раковского

Художественный редактор Р. А. Ключков

Технический редактор Л. А. Данкова

ИБ 2275

Сдано в набор 27.05.90. Подписано к печати 18.11.90.
Формат 84×108¹/₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 24,78. Уч.-изд. л. 26,27.
Тираж 900 000 экз. (3-й завод: 200 001—300 000 экз.).
Заказ № 02030021. Цена 4 руб.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865. ГСП, А-137, Москва, улица «Правды», 24.

Отпечатано на комбинате печати издательства
«Радянська Україна», г. Киев-47, проспект Победы, 50.

6351. 101

15 —

4 руб.

Джон уиндЕМ

Кит ПЕДЛЕР

Джерри ДЭВИС

День триффидов

Мутант-59

MF